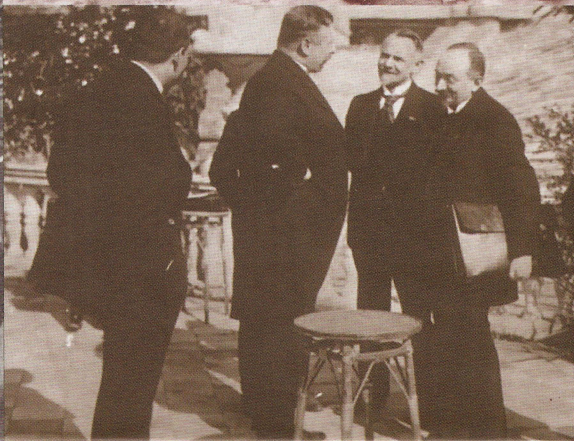
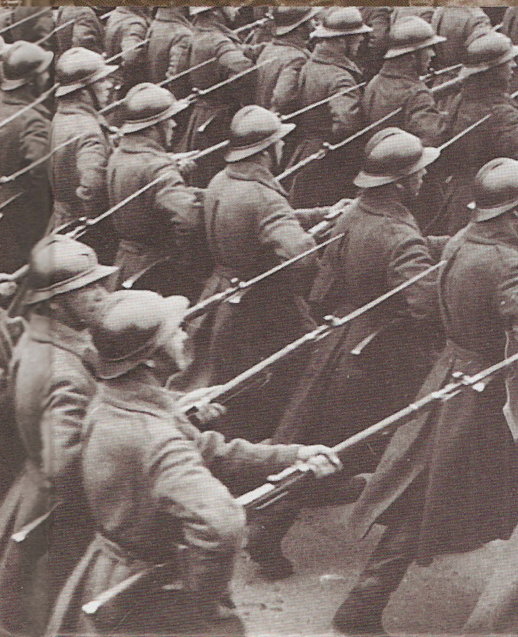


В. А. Зубачевский

ПОЛИТИКА РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

(ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВЕКА):
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ



ПОЛИТИКА РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

**(ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВЕКА):
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В. А. Зубачевский

**ПОЛИТИКА РОССИИ
В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЕ** (ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВЕКА):
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ



РОССПЭН
Москва
2019

УДК 94(481)081
ББК 63.3(2)+66.4
3-91

*К 100-летию окончания Первой мировой войны
и становления Версальской системы*

*Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ОмГПУ»*

Научные рецензенты:

доктор ист. наук, профессор истфака Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова А. Ю. Ватлин
доктор ист. наук, зав. Отделом современной истории стран ЦЮВЕ
Института славяноведения РАН Э. Г. Задорожнюк

Зубачевский В. А.

3-91 Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть
XX века): геополитический аспект / В. А. Зубачевский. – М.: Полити-
ческая энциклопедия, 2019. – 278 с.

ISBN 978-5-8243-2315-3

100-летие спустя после окончания Первой мировой войны и начала ста-
новления Версальской системы предыстория и история этих событий требуют
дальнейшего исследования. Тема книги актуальна и в связи с территориаль-
ными изменениями в Центрально-Восточной Европе (ЦВЕ) в конце XX века.
Многие сегодняшние проблемы берут начало в геополитической трансформа-
ции региона в ходе Первой мировой войны и после ее окончания.

Концептуальной новизной работы является попытка проследить возвра-
щение имперской составляющей во внешнюю политику России. В своем ис-
следовании автор опирался на обширную источниковую базу. Привлечение
новых источников и использование геополитического подхода при анализе
событий придают данной работе новизну и оригинальность. Труд носит преи-
мущественно историко-документальный характер. В книге представлен новый
подход Советской России (СССР) к внешней политике; автор анализирует
также и традиционную для Российского государства преемственность в обе-
спечении национальной безопасности на ее западных рубежах.

Книга адресована историкам и любителям истории.

УДК 94(481)081
ББК 63.3(2)+66.4

ISBN 978-5-8243-2315-3

© Зубачевский В. А., 2019
© Политическая энциклопедия, 2019



ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава I. Политика России в ЦВЕ: историография, методология, источники	15
1.1. Степень изученности проблемы	15
1.2. Методология исследования	42
1.3. Источниковая база	44
Глава II. Политика России в ЦВЕ в преддверии и годы Первой мировой войны	56
2.1. Западные рубежи в системе геополитических координат Российской империи	56
2.2. Военно-политические цели России в ЦВЕ в 1914–1917 гг.	62
Глава III. Проблема западных рубежей бывшей Российской империи в годы гражданской войны в России (1917–1920 гг.)	84
3.1. Геополитическая ситуация в ЦВЕ в период Парижской мирной конференции	84
3.2. Западные российские рубежи в политике Советской России	94
3.3. Планы Белого движения в ЦВЕ (1918–1920 гг.)	108
Глава IV. Советско-польская война и геополитическая трансформация ЦВЕ	120
4.1. Отношения России, Польши, Германии, Литвы, Чехословакии в 1920 г.	120
4.2. Советско-польская граница как «санитарный кордон»: геополитические замыслы его создателей и противников (осень 1920 – весна 1921 г.)	140
Глава V. Формирование «конфликтной модели» политики РСФСР (СССР) в ЦВЕ	153
5.1. Советская Россия и страны ЦВЕ в 1921–1922 гг.	153
5.2. Завершение геополитической трансформации ЦВЕ в 1923 г. на фоне рецидива революционной стратегии большевиков	173
Глава VI. Политика России и Германии в ЦВЕ в 1924–1929 гг.	199
6.1. Геополитическая ситуация в ЦВЕ в 1924–1925 гг.	199
6.2. Военно-политическое сотрудничество СССР и Германии	224

Глава VII. Политика России, Германии и Польши в ЦВЕ (1929–1934 гг.)	232
7.1. Обострение германо-польских отношений в 1929–1933 гг.	232
7.2. Начало германо-польского сотрудничества и крах «Восточного Локарно»	247
Заключение	251
Источники и литература	255
Список сокращений	274
Указатель имен	275



ВВЕДЕНИЕ

Тема Первой мировой войны (Великой войны, как ее называли в России в 1916 году), заслоненная революциями 1917 года и гражданской войной, до сих пор не получила должного отражения в российской исторической науке и общественном сознании. Однако не случайно эту войну назвали «прологом XX века»: ее итоги определили, в частности, такую геополитическую конфигурацию Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ), которая способствовала обострению международных отношений на европейском континенте и началу Второй мировой войны.

По мнению британского историка Э. Хобсбаума, «историю “короткого двадцатого века” нельзя понять без русской революции, ее прямых и косвенных последствий»¹. Революцию же породила мировая война. Некоторые историки утверждают, что, не будь войны, Россия превратилась бы в процветающее либерально-капиталистическое индустриальное государство. Однако царский режим, едва оправившись от революции 1905–1907 годов, оказался к 1914 году перед лицом новой волны недовольства. Массовый энтузиазм и патриотизм в начале войны несколько разрядили политическую ситуацию, но уже в 1916 году проблемы оказались непреодолимыми, поэтому Февральская революция не стала неожиданностью для широких слоев общества.

Советские историки рассматривали Первую мировую войну лишь в качестве катализатора революции, однако в наши дни ученые обратились к изучению вопроса о том, насколько война изменила облик общества, поведенческие стереотипы населения, характер социальных институтов и государственных структур. С этим связана внешнеполитическая проблематика мировой войны начиная с ее дипломатических истоков и создания Версальской системы. Но уже в 1920-е годы эта система серьезно трансформировалась, а в 1930-е годы началась ее основательная ревизия.

¹ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004. С. 66.

Отдельные авторы бросают вызов стереотипам прошлого, дававшим все преимущества нарративу. Так, американский историк Дж. Морроу в изданной в 2003 году книге «Великая война с позиции имперской истории» реабилитирует теорию империализма. В историографии дискутируется тезис и о том, что победа Германии в Первой мировой войне была бы не столь губительна для человечества, нежели ее поражение, вызвавшее к жизни гитлеровский реваншизм¹. Тезис дает повод к размышлениям об альтернативных решениях русского и польского вопросов, о проблеме преемственности российской внешней политики, стремившейся прежде всего к созданию «зоны безопасности» вдоль западных рубежей державы. Сегодня российские ученые доказывают, что внешняя политика Российской империи и Советского Союза была лишена серьезной националистической составляющей, которой западная пропаганда отводила роль главного источника «русской агрессивности».

Геополитическая преемственность в ЦВЕ была характерна и для политики Германии, поэтому Первая мировая война предстает как начало «заката Европы», что констатировал в 1918 году О. Шпенглер. Характерно, что философ датировал возникновение замысла написания книги 1911-м годом, временем марокканского кризиса между Германией и Францией и захвата Италией Триполи. После этих событий взору ученого мировая война предстала как неизбежность, а с ее началом Шпенглер пришел к выводу, что война – симптом начинающейся агонии западной культуры. Русский перевод названия книги Шпенглера звучит как «Закат Запада» («Der Untergang des Abendlandes»), что близко к тавтологии, а «Закат Европы» отвечает нормам русского языка. Отметим также, что «абендланд» (das Abendland) – «вечерние земли» – означает Западную Европу в противоположность «моргенланд» (das Morgenland) – «утренние земли»: Восточная Европа и Ближний Восток². Однако причину начавшегося «падения» Европы Шпенглер усмотрел не в мировой войне, а в том, что западная культура вступила в стадию империализма и диктатур.

Исторически название Центрально-Восточная Европа распространялось в средние века на Польско-литовское государство, Чехию и Венгрию³. На наш взгляд, Литва, в отличие от Латвии и Эстонии,

¹ См.: Мальков В.Л. О новых подходах в изучении истории Первой мировой войны // Последняя война Российской империи. М., 2006. С. 20–24.

² Шпенглер О. Закат Европы. 1. Гештальт и действительность. М., 1993. Вступительная статья. С. 41. Примечания. С. 634–635.

³ Яжборовская И.С. К вопросу о смене терминологии в регионалистике // «STUDIA SLAVICA-POLONIKA» (к 90-летию И.И. Костюшко): Сб. статей. М., 2009. С. 414.

геополитически входит в ЦВЕ, что подтверждает история европейских международных отношений. В ходе третьего раздела Речи Посполитой (*Rzeczpospolita*) к России отошли литовские земли, кроме присоединенного к Пруссии Занеманья (левобережья), вошедшего в состав России в 1815 году¹. Позднее ЦВЕ включила и поделенные согласно решениям Венского конгресса между Россией, Австрией и Пруссией территории, населенные поляками, словаками, украинцами, белорусами, литовцами.

Этноконфессиональная чересполосица ЦВЕ и сложность возникновения стабильных национальных государств определили ее промежуточное положение. До 1918 года регион входил в состав Австро-Венгрии, Германии и России, являясь буфером между западом Центральной Европы и Восточной Европой. «Приливно-отливными землями» назвал регион французский геополитик *Ж. Готтман*². Это определение отражает геополитическую особенность ЦВЕ как «региона пограничья», признаком которого на рубеже XIX–XX веков явилась «сдавленность» между Россией и центральными державами³. Регион являлся единым экономическим пространством континентальных империй, чьи территориальные параметры во многом определяли их международное влияние и обуславливали многополярное равновесие сил в Европе. Вместе с тем государственные границы отражали систему пространственно-силовых отношений между империями и закрепляли сложившийся между ними баланс сил.

Революции 1917 года и Брестский мир способствовали подъему национально-освободительных движений на территории бывшей Российской империи. Осенью 1918 года в условиях развала Австро-Венгрии и революции в Германии в ЦВЕ возникли суверенные государства: Австрия, Венгрия, Польша, Чехословакия (ЧСР), Литва. Решения Парижской мирной конференции превратили эти страны в разъединившую Германию и Россию буферную зону и «санитарный кордон».

Сегодня видение современной конфигурации Центрально-Восточной Европы остается предметом дискуссии как в российской, так и в зарубежной историографии. Так, ученый-славист Э.Г. За-

¹ Сб. документов, касающихся административного устройства Северо-Западного края при императрице Екатерине II (1792–1796). Вильна, 1903. № 15. С. 23–24; № 17. С. 36–37. См. также: Жюжда Ю.И. Историческое значение присоединения Литвы к России в конце XVIII – начале XIX в. // Исторические записки. Т. 46. М., 1954. С. 209–211. Занеманье – будущая Сувалкская губерния.

² См.: Поздняков Э.А. Геополитика. М., 1995. С. 83.

³ Миллер А.И. Об истории концепции Центральной Европы // Центральная Европа как исторический регион. М., 1996. С. 19, 21.

дорожник понимает под «Восточной Европой» бывшие республики СССР, а под «Центральной Европой» – «пояс государств между Балтикой и Адриатикой, стран бывшего социалистического содружества»¹. Петербургский историк В.В. Носков считает термин «Центрально-Восточная Европа» идеологической конструкцией, оставшейся в наследство современной историографии от времен «холодной войны», и попыткой возродить миф о величии Речи Посполитой². Автор настоящего труда использует концепт ЦВЕ как аббревиатуру в утилитарных целях (для сокращения объема книги), хотя в предшествующих работах применял словосочетание «восточная часть Центральной Европы». Бурные дебаты о геополитическом пространстве региона продолжают в Польше³, а сегодня идут также на Украине и в странах Балтии. Ментальные карты ЦВЕ остаются предметом дискуссии.

Возникшая в конце XX – начале XXI века система европейских геополитических координат напоминает Версальскую (или, по мнению ряда ученых, Вестфальскую) систему, что объясняет особый интерес к ней Российской Федерации. Исторический опыт политики Российской империи по защите ее западных рубежей в начале XX века актуален для современной России. Но при всей важности изучения политики России в ЦВЕ комплексного геополитического освещения в отечественной исторической литературе она не получила и нуждается в дальнейшем исследовании. По целому ряду аспектов рассматриваемые автором конфликты России с Германией и Австро-Венгрией (в частности, по польскому вопросу), а с 1918 года – и с Польшей остаются объектом научной дискуссии как между российскими и зарубежными учеными, так и внутри сообщества отечественных историков.

Сложность, ответственность, деликатность конфликтов первой трети XX века и более позднего времени заключаются в том, что восприятие наиболее болезненных эпизодов политики России и Германии идеологизируется до сих пор не только историками и политиками «дальнего» и «ближнего» Запада, но и российскими учеными и политиками. Отметим, что и сейчас, и в будущем представление

¹ Задорожник Э.Г. Новые региональные идентичности в Европе: становление и перспективы // Страны Восточной Европы в поисках новой идентичности: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 15.

² Носков В.В. Изобретая Центрально-Восточную Европу (к выходу в свет коллективного труда польских и французских историков «История Центрально-Восточной Европы») // Диалог со временем. Вып. 32. М., 2010. С. 323, 342.

³ Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности. М., 2000. С. 10–11, 80–81.

о потенциальных вариантах исторического процесса позволяет – в известной степени – его прогнозировать, помогая избежать многих ошибок.

Отсюда следует практическая важность осмысления опыта истории отечественной внешней политики, в частности изучение роли географических факторов. На заре советской историографии 1918–1923 годы называли «первым туром войн и революций». Второго тура не последовало, но основные военные и политические конфликты в межвоенный период пришлось не случайно на ЦВЕ. Важнейшей для государств региона стала проблема границ, вызвавшая противоречия как между ними, так и великими державами. Главными участниками конфликтов являлись Советские республики (СССР), Веймарская республика и Польша, но проблема границ касалась также Чехословакии и Литвы. Свой интерес имели украинские и белорусские националистические партии и организации.

В эпицентре конфликтов оказалась Польша, ибо Веймарская Германия и Советская Россия видели в ней «сезонное (буферное) государство», форпост Запада в борьбе с русской революцией и часть «санитарного кордона» против СССР. Однако и Польша обостряла отношения с СССР и Германией, Чехословакией и Литвой.

Спорными территориями Польши стали Восточная Галиция и Виленский (Вильнюсский) край*, Данциг и Польский (Данцигский) коридор, Верхняя Силезия. В составе ЧСР оказались Прикарпатская Русь и бóльшая часть Тешинской Силезии**, на которую претендовала Польша. Выделенная из Восточной Пруссии под управление Лиги наций Мемельская (Клайпедская) область, отошла затем к Литве. В то же время проблема транзита по реке Неман стала объектом споров России, Польши, Литвы, Германии и держав Антанты.

Наличие в составе Польши крупных национальных меньшинств, этнически и культурно близких населению Советской Украины и Советской Белоруссии, антипольские ревизионистские устремления Германии и Литвы открывали возможность вовлечения Советского государства в потенциальный военный конфликт. К проблемам Данцига, Польского коридора (в 1919–1939 гг. наименование **польской** территории, отделившей германский эксклав Восточная Пруссия от основной территории Германии. – *Ред.*) и Верхней Силезии СССР прямого отношения не имел, но в слу-

*Восточная Галиция (Червоная Русь), ныне часть Западной Украины, и Виленский край были оккупированы Польшей в 1919 году.

** Прикарпатская (Подкарпатская, Угорская) Русь (ныне Закарпатская Украина) и Тешинская Силезия официально вошли в состав ЧСР в 1920 году.

чае обострения германо-польских противоречий не смог бы остаться в стороне, что объясняло внимание Кремля и к этим спорным территориям.

По мнению автора, существовала геополитическая преемственность в политике России в ЦВЕ как до, так и после 1917 года, хотя и с серьезными коррективами – в силу смены строя, режима правления, господствующей идеологии. Вероятно, с конца 1920-х годов столкновение «между видением будущего и диктатом настоящего породило квазиконцепцию внешней политики СССР на основе общих установок *Realpolitik*» и поддержания баланса сил в формулировке наркома иностранных дел Г.В. Чичерина – «поддержать слабейшего»¹. Впрочем, подобные черты в советской политике проявились уже в начале 1920-х годов.

В целом теория и практика ряда дипломатов НКВД при Г.В. Чичерине перекликаются с концепцией реализма, изложенной в 1948 г. в книге американского политолога Х.И. Моргентау «Politics Among Nations». Постулаты теории реализма гласят: 1. Национальные государства как основной субъект международных отношений выражают свои интересы в категориях силы. 2. Внутренней пружиной международных отношений является борьба государств за максимальную степень своего влияния во внешней среде. 3. Оптимальным состоянием внешней среды является региональное равновесие сил, которое достигается политикой баланса сил, предупреждая образование национальной или коалиционной мощи, превосходящей мощь существующих государств или их коалиций.

Международные отношения в целом и внешняя политика отдельных стран в частности представляют собой относительно устойчивые и объективные связи государств, определяемые и географическими факторами, роль которых нередко возрастает в процессе формирования и осуществления внешней политики государства. Географическое положение страны может задать направленность, включая региональную, ее внешней политики, играть роль в выборе союзников, в определении территориальных сфер влияния и сфер интересов.

Постепенное изменение системы геополитических координат может нарушить межгосударственный баланс сил и привести к структурному кризису международных отношений, следствием которого будут военные конфликты, вплоть до мировых войн. Итогом мировой войны неизбежно станет новая пространственная конфигурация

¹ См.: Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.). Ч. 1. СПб., 2000. С. 69, 72.

на континенте в рамках нового баланса сил; на региональном уровне следствием войны может быть обострение территориальных противоречий между государствами этого уровня и вовлечение великих держав в возникшие между соседями конфликты. Сложившийся новый системный баланс сил подтачивается конфликтами в подсистемном (региональном) соотношении сил, что постепенно ведет к нарушению стабильности системы в целом. Нередко региональные конфликты обуславливают сложную дипломатическую игру между государствами, которая, будучи порождением конфликтов, приобретает в ходе своего развития определенную независимость от них, сама начинает оказывать воздействие на конфликт и на развитие отношений между государствами, не имеющими прямого отношения к данному конфликту.

Некоторые российские историки считают, что знание геополитических факторов способствует в известной степени прогнозированию исторического процесса, поскольку геополитический императив влияет, в частности, на долговременность и стабильность, интенсивность и направленность, непрерывность и преемственность внешней политики любого государства, способствует выбору государством союзников и формированию региональной политики, значимость которой возрастает в наши дни¹.

Предмет нашего исследования – политика России в ЦВЕ в контексте международных отношений первой трети XX века. Цель работы – анализ политики России по защите ее государственных интересов на западных рубежах, преломление политики и идеологии России в связи с конфликтами в ЦВЕ, которые воздействовали на обстановку в регионе и Европе в целом.

Для достижения поставленной цели автор выделил следующие научные задачи. Во-первых, выявить роль структур Российской империи и Временного правительства по руководству внешней политикой России. Во-вторых, раскрыть политику Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и механизмы реализации его решений на примере стран ЦВЕ. В-третьих, исследовать действия Наркомата иностранных дел (НКВД) в регионе в связи с проблемами Виленского края, Восточной Галиции, Мемельской области, транзита по р. Неман. В-четвертых, проанализировать практику осуществления внешнеполитических задач Советского государства структурами Коммунистического

¹ Ржешевский О.А. Стенограмма заседания Комитета по вопросам геополитики ГД ФС РФ. 30.9.1998. «Геополитические итоги Мюнхенской конференции глав европейских держав 1938 г.». С. 12.

Интернационала и силовых ведомств¹ на примере стран ЦВЕ. В-пятых, определить политику СССР в ЦВЕ в системе локарнских отношений. В-шестых, выявить последствия Первой мировой войны для общественно-политического дискурса начала XXI века в Российской Федерации, странах ближнего и дальнего зарубежья.

Хронологически рамками работы явились начало подготовки великих держав к мировой войне, политика Российской империи в годы войны и территориальные изменения в ЦВЕ после крушения континентальных империй, завершившиеся геополитической трансформацией региона в 1923 году и констатацией этого факта Локарнской конференцией.

Провал в 1920 и 1923 году революционных замыслов большевиков на западном направлении политики России не помешал в дальнейшем, по мере усиления в их действиях элементов реальной политики, укрепить свое влияние на «ближнем Западе». Определенные внешнеполитические успехи после 1923 года усиливали в ЦК РКП(б) – ВКП(б) позиции прагматичного И.В. Сталина и его окружения. По мере захвата власти сталинским руководством идея мировой революции приобретала все более декларативный характер: ее место занимал традиционный для имперской России авторитарно-государственный геополитический подход к внешней политике. Завершается научное издание 1933–1934 годами: германо-польским пактом о ненападении и крушением плана «Восточное Локарно», ставшими прологом к Мюнхенской конференции и началу Второй мировой войны.

¹ Силовые ведомства, «соседи»: разведывательное управление (Разведупр) Красной армии, регистрационное управление Реввоенсовета Республики (Региструп РВСР), иностранный отдел (ИНО) ВЧК – ОГПУ.



Глава I ПОЛИТИКА РОССИИ В ЦВЕ: ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОЧНИКИ

1.1. Степень изученности проблемы

Историографический обзор построен по проблемно-хронологическому принципу: политика Российской империи и Советской России (СССР) в ЦВЕ. В силу обширности темы автор характеризует историографию России, Германии и Польши как государств, наиболее заинтересованных в проблемах региона в исследуемый период, и отдельные работы англоязычных историков. При оценке историографии использовались следующие критерии: изменения в проблематике, методологических подходах, источниковой базе.

Советская (марксистская) и современная российская историография. Отечественная наука уделяет много внимания изучению внешней политики России и международных отношений первой трети XX века, но автор анализирует наиболее важные публикации, поскольку необходимо рассмотреть как политику России, так и политику Австро-Венгрии, Германии и стран, образовавшихся в ЦВЕ после крушения названных империй. Изучаемая проблема находится на стыке отечественной и зарубежной истории, что определило ее многозначность. Книги и статьи, как правило, посвящены двусторонним или международным отношениям, отдельным историческим событиям или территориальным сюжетам.

Советские публикации 1920-х годов о политике Российской империи в ЦВЕ носили спорный характер. Наиболее интересны книги А.М. Зайончковского. Военный историк пришел к выводу, что Россия шла в кильватере внешней политики Англии и Франции, а в вопросах защиты западных рубежей российская политика носила «отпечаток авантюры»¹. Однако направленность исторических

¹ Зайончковский А.М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Л., 1926. URL: <http://elib.shpl.ru/.../5069-zayonchkovskiy-a-m-podgotovka-rossii-k-mirovoy-voyne-v-me...> (дата обращения: 24.07.2017).

работ в 1920-е годы определяла школа М.Н. Покровского, отстаивавшего идею кардинального разрыва истории Советского Союза и Российской империи и объявившего главным виновником начала мировой войны царизм¹. Взгляды Покровского подверг критике Е.В. Тарле, однако он обелял политику держав Антанты, включая Россию, в вопросе развязывании войны².

В 1930–1940-е годы ученые ориентировались на указания И.В. Сталина. 16 мая 1934 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили постановление о преподавании гражданской истории в советских школах. Идея разрыва традиций царской России и СССР заменялась идеей преемственности, которую отстаивал Е.В. Тарле. Поворот в политике Сталина обеспечил возврат историков к изучению царской внешней политики. Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) в письме членам Политбюро от 19 июля 1934 г., напечатанном в журнале «Большевик» в мае 1941 г., предложил запретить публикацию статьи Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма»³ (Энгельс писал о ее реакционности). С 1936 г. начался разгром «антимарксистской школы Покровского» и формирование имперской идеологии. Однако предвоенную внешнюю политику Российской империи в «Истории дипломатии» специально не выделили⁴.

В 1950-е годы вопрос о политике России в регионе рассматривался в контексте международных отношений, обусловленных стереотипами «холодной войны». Однако с конца 1950-х годов в СССР и за рубежом стали публиковать неизвестные архивные материалы, пополнившие документальную базу исторических исследований. Это позволило историкам в 1960–1980-е годы более объективно анализировать международные отношения начала XX века. Объем второго издания II тома «Истории дипломатии» по сравнению с изданием 1945 г. вырос почти вдвое. В.М. Хвостов осветил характер внешней политики России, дал широкие обобщения. В III томе «Истории дипломатии» академик написал главу о дипломатической борьбе в ходе мировой войны⁵.

¹ Покровский М.Н. Империалистическая война: Сб. статей (1915–1930). М., 1931. С. 154–155.

² Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма. 1871–1919 гг. // Сочинения в 12 т. Т. 5. М., 1959. URL: http://royallib.com/book/tarle_evgeniy/evropa_v_epohu_imperializma_1871_1919_gg.html (дата обращения: 24.07.2017).

³ Сталин И. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. 1941. № 9.

⁴ История дипломатии. Т. II / автор В.М. Хвостов. М., 1945.

⁵ История дипломатии. Т. II / автор В.М. Хвостов. М., 1963; История дипломатии. Т. III / авторы С.Ю. Выгодский и др. М., 1965.

Но в работах 1960–1980-х годов внешняя политика империи по-прежнему увязывалась с классовой борьбой в России; мировая война теряла значение самостоятельного явления, превращаясь в «служанку революции»¹.

Сегодня геополитика в России значима и популярна, но в СССР в ней видели реакционную теорию для обоснования политики империалистических держав². В результате советские лидеры нередко ошибались при анализе международных отношений и осуществляли внешнеполитические акции без учета геополитики и реакции Запада. Мышление руководителей западных держав базировалось на геополитических постулатах, что приводило их, в свою очередь, к ошибочным оценкам советской политики.

Существенное значение для научного труда представили выпущенные Институтом славяноведения и балканистики АН СССР коллективные труды и сборники статей. Преемственность политики кайзеровской и Веймарской Германии в ЦВЕ раскрыли В.К. Волков, Т.Ю. Григорьянц, А.Я. Манусевич, Г.Ф. Матвеев, И.И. Поп³. В 1970-е годы о политике России в регионе в период Первой мировой войны кратко писали в коллективных работах и монографиях военные историки⁴. Мировая война закончилась для России Брест-Литовским мирным договором, и А.О. Чубарьян отметил, что Россия не потерпела военного поражения, а вышла из войны, сберегая солдатские жизни⁵.

На внешнюю политику Российской империи влияли военные реформы и деятельность Военного министерства в XIX – начале XX века. Масштабные исследования реформ провел П.А. Зайончковский. Последняя статья ученого была задумана как глава книги о русской армии кануна 1917 г., к сожалению, не увидевшей свет. Зайончковский отмечал: на смену поместному дворянству пришло в основном слу-

¹ Первая мировая война: Пролог XX века / отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998. С. 11.

² Гейден Г. Критика немецкой геополитики / пер. с нем. М., 1960. 307 с.

³ Славяно-германские исследования / отв. ред. В.Д. Королюк. М., 1963; Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе / под ред. В.Д. Королюка. М., 1965; Германская восточная политика в новое и новейшее время. Проблемы истории и историографии: Сб. статей / В.К. Волков (отв. ред.) и др. М., 1974; «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871–1918 гг. / В.К. Волков (отв. ред.) и др. М., 1977.

⁴ История Первой мировой войны. 1914–1918: В 2 т. / под ред. И.И. Ростунова. М., 1975; Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976; Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1974; Аветян А.С. Русско-германские дипломатические отношения накануне Первой мировой войны, 1910–1914 / отв. ред. А.Л. Нарочницкий М., 1985. 287 с.

⁵ Чубарьян А.О. Брестский мир. М., 1964. С. 190.

жилое, но среди обер-офицеров выросло число лиц из бывших податных сословий, омолодилось высшее офицерское звено, улучшилась боевая подготовка командных кадров¹.

Новые условия для изучения Первой мировой войны возникли после окончания «холодной войны» и изменения геополитической ситуации в Европе. Особенностью российских публикаций 1990-х – начала 2000-х годов стали: отказ от идеологических стереотипов; охват более широкого диапазона факторов, влиявших на формирование внешней политики России; анализ действий российской дипломатии в контексте европейской политики; расширение методологических рамок исследований. Отчасти это объясняется открытием ранее секретных архивных материалов, отчасти потребностью изучения опыта прошлого в свете нерешенных задач настоящего. На основе сравнительно-исторического анализа источников и критического осмысления научной литературы предпринимаются попытки представить возможные варианты развития российского общества.

Сегодня историки все чаще обращаются к роли геополитических факторов в истории России. Для понимания политики России в ЦВЕ интересна монография П.В. Стегния о разделах Польши. Ученый отметил, что польский вопрос во многом определил сущность имперской составляющей внешней политики России. Разделы Польши обусловил комплекс внутренних и внешних факторов, значительную роль среди которых сыграл сложный процесс формирования геополитических структур в регионе после Вестфальского мира 1648 г. Геополитическая подоплека разделов, по мнению автора, укладывается в методологию «реалистической школы» Х.И. Моргентау. По словам Стегния, Польша стала заложником и «частным случаем» крупномасштабной геополитической игры. Основной задачей России являлось обеспечение защитимого и контролируемого западного фланга, где в качестве ее вероятных противников выступали Пруссия и Австрия, а не Польша. Стегний отметил, что Екатерина II понимала важность сохранения урезанной Польши в качестве буфера между Россией, Австрией и Пруссией. Но под давлением германских государств императрица пошла на ее окончательный раздел². Фатальный шаг в приобретении этнически польских земель совершил Александр I.

Б.Н. Миронов считает, что территориальную экспансию России во второй половине XVII – XIX веке стимулировали геополитиче-

¹ Зайончковский П.А. Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной // ВИ. 1981. № 4.

² Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772. 1793. 1795. М., 2002. С. 8, 65, 413.

ские соображения: прочные границы, стремление обрести незамерзающие порты, помешать захвату соперниками пограничных территорий или включить их в сферу своего влияния. Автор ссылается, в частности, на мнение американского ученого Р. Меллора: «Россия приобретала лишь то, на что другие государства не претендовали, или то, что они не могли захватить»¹.

Общие и частные вопросы политики Российской империи на ее западных рубежах накануне и в период Первой мировой войны анализирует авторский коллектив V тома «Истории внешней политики России». Ученые характеризуют факторы, определявшие российскую внешнюю политику, раскрывают механизм ее формирования. Показаны усилия правящих кругов по поддержанию великодержавного статуса России, вскрываются противоречия между ее национальными и имперскими интересами. Историки рассматривают Россию как особый тип империи, для которой завоевание не являлось главным средством территориального расширения, а политическая зависимость и национальное неравноправие преобладали над колониальной эксплуатацией, поскольку русскому народу не было свойственно сознание национальной исключительности. Достоинством тома являются специальные главы о механизме принятия внешнеполитических решений в России. Рассматриваемый период был временем растущего внимания к внешней политике со стороны российского общества, которое усилилось накануне мировой войны, а после ее начала выступило на первый план. В соответствующем разделе прослежена эволюция внешнеполитических взглядов основных политических партий России. Новацией является характеристика внешнеполитического курса, принятого российским правительством после поражения в войне с Японией («политика соглашений и балансирования»). Этот курс был рассчитан на обеспечение сравнительно длительной мирной передышки, необходимой для модернизации страны и восстановления ее военной мощи. Но в результате назревания конфликта великих держав Россия вступила в мировую войну, не завершив ни модернизации, ни запланированных военных приготовлений. По-новому трактуется внешняя политика Временного правительства: снят чрезмерный акцент на классовую борьбу; показано, что главным для всех его кабинетов являлось продолжение войны в составе Антанты².

¹ Цит. по: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 2. СПб., 2000. С. 26, 51.

² История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции) / ред. колл. В.А. Емец, А.В. Игнатьев, С.В. Тютюкин и др. 2-е изд. М., 1999.

Своеобразие внешней политики Российской империи в предвоенный период изучает А.В. Игнатьев, анализируя механизм принятия в России внешнеполитических решений (роль царя, министров, послов, лидеров политических партий). Отмечая, что партии и печать имели относительно слабое влияние на внешнюю политику, он характеризует особенности геополитического положения России¹. Взгляды государственных и военных деятелей на геополитическое положение империи рассматривают изданные ИРИ РАН очерки². Роль геополитических факторов в политике России раскрывает сборник статей, подготовленный в ИРИ РАН к 100-летию со дня рождения академика А.Л. Нарочницкого. Обращает на себя внимание статья А.В. Игнатьева («В плену геополитической схемы. О книге Дж. П. Ле Дона «Российская империя и мир, 1700–1917. Геополитика экспансионизма и сдерживания»): в ней автор доказывает несостоятельность аргументов об извечном экспансионизме и агрессивности России. Представляет интерес статья И.С. Рыбаченок «Коренные интересы России в представлениях её государственных деятелей, дипломатов, и военных»³.

В своей новой монографии И.С. Рыбаченок во многом обобщает прежние исследования внешней политики России на рубеже XIX–XX веков. На архивном материале он показывает, как формировался внешнеполитический курс самодержавия под воздействием изменений в международных отношениях, межведомственных и внутриведомственных разногласий, взглядов и влияний отдельных лиц в высшем государственном управлении. Последовательно прослежены методы, которыми российская дипломатия стремилась отстоять собственные цели и задачи в регионах мира, в частности в Европе⁴.

В ряде книг трактуется геополитическая роль во внешней политике России прилегающих к ее западным рубежам земель Германии и Австро-Венгрии накануне и в годы мировой войны⁵.

¹ Игнатьев А.В. Своеобразие российской внешней политики на рубеже XIX–XX веков // ВИ. 1998. № 8; Игнатьев А.В. Внешняя политика России. 1907–1914. М., 2000.

² Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX в. Очерки / Рыбаченок И.С. (отв. ред.) и др. М., 2003.

³ Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI – начало XX века: к столетию академика А.Л. Нарочницкого / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2007.

⁴ Рыбаченок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв. Цели, задачи и методы. М., 2012.

⁵ Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004; Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003.

В последнем труде К.Ф. Шаццлло исследуются цели и результаты реализации русских военных программ в период между русско-японской и мировой войнами. Причину относительного кризиса вооружения в России перед войной историк видит в социально-экономической отсталости страны. Ученый раскрывает природу ведомственных конфликтов в военно-политической элите России и подоплеку личных амбиций, оказавших в совокупности негативное влияние на ход военных реформ. По мнению Шаццлло, участие России в гонке вооружений снижало порог национальной безопасности, способствуя втягиванию империи в мировую войну, усилению политической нестабильности в обществе¹.

В 1990-е годы к юбилеям начала и окончания Первой мировой войны вышли в свет сборники материалов конференций по ее проблемам. Статьи первого сборника неравноценны по содержанию и глубине анализа, иногда фрагментарны². Во втором сборнике представлена квинтэссенция того, что дали российские и зарубежные историки по проблемам войны. В.П. Булдаков, В.А. Емец, А.В. Игнатъев, Т.М. Исламов, Л.Г. Истягин, В.Л. Мальков, С.В. Тютюкин приводят свежие факты, ставят новые вопросы, раскрывают современные подходы к истории войны³. Авторы отказались от определения характера войны только как империалистической; подчеркнули роль национальных проблем и психологического фактора; «вывели» Россию из блока инициаторов конфликта, но при этом отказались считать её младшим партнёром в Антанте.

Историографию причин Первой мировой войны и внешнюю политику России анализируют И.С. Рыбаченок, Б.Д. Козенко, Б.М. Туполев⁴. Можно констатировать, что нет оснований для преувеличения достижений западных авторов в освещении истории Первой мировой войны. Западная историография не свободна от односторонности и тенденциозных оценок.

¹ Шаццлло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000.

² Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории / отв. ред. Ю.А. Писарев, В.Л. Мальков. М., 1994.

³ Первая мировая война: Пролог XX века / отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998.

⁴ Рыбаченок И.С. Современная отечественная историография внешней политики России и международных отношений в конце XIX – начале XX в. // Современная отечественная историография внешней политики России и международных отношений в конце XIX – начале XX в. Россия на рубеже XIX–XX веков: Материалы научных чтений памяти В.И. Бовыкина. М., 1999; Козенко Б.Д. Отечественная историография первой мировой войны // ННИ. 2001. № 3; Туполев Б.М. Происхождение первой мировой войны // ННИ. 2002. № 4.

В связи с подготовкой к 100-летию начала Великой войны под эгидой Российской Ассоциации историков Первой мировой войны изданы коллективные работы. В историческом очерке мировой войны рассмотрены ее генезис, влияние войны на развитие цивилизации, итоги и последствия. В труде освещены боевые действия, политика и дипломатия, революционное движение; цивилизационные, социокультурные и национально-психологические аспекты войны¹. В центре внимания авторов книги о Первой мировой войне и обществе анализируются социально-экономические, идейно-политические, этнические, конфессиональные изменения и революционные потрясения в странах – участницах войны². Одна из центральных тем – общественные перемены в России, кардинально изменившие ее внешнюю политику.

В последние годы прошли международные конференции как о Первой мировой войне, так и ее последствиях – на примере Версальско-Вашингтонской системы. В основу изданных сборников статей российских и зарубежных историков легли тексты выступлений на конференциях³. Санкт-Петербургский госуниверситет раз в два года проводит (уже пятую в 2017 г.) международные конференции «Первая мировая война, Версальская система и современность», посвященные актуальным проблемам истории и международных отношений⁴.

Среди проблем, мало привлекавших внимание исследователей, назовем роль и деятельность секретных служб⁵; психология масс и человек на войне. А ведь «человеческий фактор» часто определял ход военных действий, успех или неудача которых влияли на внешнюю политику. В этом контексте представляют интерес тематические ежегодники по военно-исторической антропологии, выделившейся

¹ Первая мировая война. Исторический очерк / науч. рук. В.Л. Мальков; отв. ред. Г.Д. Шкундин. 2-е изд. М., 2005.

² Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. Кн. 1 / науч. рук. В.А. Золотарев; отв. ред. С.В. Листиков. М., 2008.

³ Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов / [отв. ред. В.П. Козлов]. М., 2006; Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг.: Сб. статей / отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М., 2011.

⁴ См., напр.: Первая мировая война, Версальская система и современность. СПб.: Издательство РХГА, 2012; Первая мировая война, Версальская система и современность: Сб. статей / отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов, А.А. Малыгина. СПб.: СПбГУ, 2014; Первая мировая война, Версальская система и современность: Сборник материалов конференции / отв. ред. А.Ю. Павлов, А.В. Бодров, А.А. Малыгина. СПб.: Издательство РХГА, 2016.

⁵ Сергеев Е.Ю., Улуния А.А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах, 1900–1914. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003.

как научное направление лишь относительно недавно. Предмет военно-исторической антропологии, по мнению Е.С. Сенявской¹, соотносится с социально-культурной проблемой «человек и война». Все больше внимания историки уделяют роли генералитета и офицеров. Так, Е.Ю. Сергеев характеризует офицеров Генерального штаба, анализируя «военный склад ума» с выделением представлений о внешнем мире. Историк прослеживает эволюцию образно-представленческой системы элитного офицерства в проекции на западные страны².

Историки по-новому пишут и о воздействии революционных процессов, прежде всего в 1917 году, на армию. Проблемы социально-психологической адаптации офицерства в годы мировой войны, процесс быстрой демократизации армии после Февральской революции изучает В.Л. Кожевин. Историк характеризует реакцию офицеров на изменение социального и культурного облика русской армии, показывает попытки разрешения кризиса во взаимоотношениях офицерства и солдатских масс³. Анализ трансформации армии и изменения ценностных установок в годы мировой войны проводит О.С. Поршнева⁴. Весомым вкладом в осмысление проблемы «война и российское общество» стали результаты новых изысканий С.В. Тютюкина⁵, исследовавшего роль национально-патриотического фактора на различных этапах Первой мировой войны, причины активизации революционного процесса и вызревания политического кризиса, приведшего к краху самодержавия. Бесспорно, февральский революционный взрыв определил и политику Временного правительства в ЦВЕ.

Однако следует отметить, что целостной концепции истории Первой мировой войны и общепризнанной оценки участия в ней России еще не существует; остались нерешённые вопросы. Например, утверждение о неизбежности войны и концепция «многовариантности» истории. Вероятно, историческое сообщество переходит к новому этапу изучения Первой мировой войны.

¹ Сенявская Е.С. «Человек и война» как область исторических и междисциплинарных исследований (теоретические и прикладные проблемы) // Человек и война. XX век: проблемы изучения и преподавания в курсах отечественной истории. Омск, 2002. С. 5.

² Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России. 1900–1914 гг. М., 2001.

³ Кожевин В.Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск, 2011.

⁴ Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.

⁵ Тютюкин С.В. Десять лет в журнале «Отечественная история». М., 2005.

Так, фундаментальный коллективный шеститомный труд «Первая мировая война 1914–1918 годов» посвящен анализу вопросов военного, экономического, внутривластного, международного положения России и государств Центральной и Западной Европы накануне и в годы войны¹. Коллектив авторов МГУ им. М.В. Ломоносова представил солидное дискуссионное издание «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации»², а коллектив историков Санкт-Петербурга и Москвы – двухтомник «Россия в стратегии Первой мировой войны»³.

Первые марксистские оценки **политики Советской России (СССР)** в ЦВЕ дали деятели международного рабочего движения Ю.Ю. Мархлевский, М.П. Прайс и К.Б. Радек в 1919–1920 гг.⁴ Эти работы, как и последующие советские публикации 1920–1930-х годов о политике СССР в отношении западных соседей, носили полемический характер, особенно в связи с проблемой Восточной Галиции⁵. Впрочем, встречались и сравнительно объективные оценки политики СССР в отношении Литвы и проблемы Виленского края⁶. Советские историки доказывали, что польско-литовский конфликт является частью европейских международных отношений, а борьба Литвы за возвращение Виленщины – это борьба за сохранение суверенитета.

В 1950-е годы вопрос о политике СССР в отношении стран «ближнего» Запада рассматривался по-прежнему с классовых позиций. В III томе «Истории Польши» историки характеризовали борьбу поляков западных земель за воссоединение с Польшей как справедливую, а стремление начальника Польского государ-

¹ См., напр.: Зубачевский В.А., Филипповых Д.Н. Дипломатия и внешняя политика Российской империи в первые годы войны // Первая мировая война 1914–1918 годов: В 6 т. / под общ. ред. Героя России генерала армии С.К. Шойгу. Т. 2. Начало и развертывание войны (1914–1915 годы). М., 2015. С. 557–595.

² Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л.С. Белосова, А.С. Манькина. М., 2014. 816 с.

³ Россия в стратегии Первой мировой войны: В 2-х кн. / рук. проекта И.Н. Новикова. СПб.: Издательство РХГА, 2014.

⁴ Мархлевский Ю.Ю. Польша и мировая революция. М., 1920; Прайс М.П. Германо-польский вопрос в Западной Пруссии и мирные условия союзников // Коммунистический Интернационал. 1919. № 5; Радек К.Б. Развитие мировой революции и тактика коммунистической партии в борьбе за диктатуру пролетариата. М., 1920.

⁵ Боровский В. Внешняя политика Польши // Мировое хозяйство и мировая политика. 1929. № 8–9; Гессен С.Я. Окраинные государства. Польша, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва. Л., 1925; Шварц И.Г. Колония польского фашизма. М., 1942.

⁶ Александров Б. Виленский вопрос // МЖ. 1926. № 11; Шубин И. (Самарин) Париж – Варшава – Вильно (Виленщина на перекрестке имперских путей Франции). М., 1923.

ства Ю. Пилсудского подчинить белорусские, литовские, украинские земли как аннексию. Ф.Г. Зуев и его коллеги считали организаторами советско-польской войны 1920 года западные державы, а действия Польши и Белого движения изучали в рамках «третьего похода Антанты», обращая, однако, внимание на противоречия между Англией, Францией и Польшей по вопросу о ее границах¹. Историки позитивно оценивали советизацию Польши в случае победы Советских республик, рассматривали цели восточной политики Пилсудского в русле антисоветских планов Антанты и интересов польского помещичьего землевладения в бывших восточных землях Речи Посполитой.

В 1960-е годы были введены в научный оборот новые источники по истории советско-польской войны. П.Н. Ольшанский, отдав дань оценкам 1950 годов, привел ранее неизвестные материалы о военных действиях и политической стороне советско-польских отношений 1918–1921 гг., а также о позиции держав Антанты, учитывавших при решении проблемы Восточной Галиции экономико-географические факторы².

Советские историки писали в 1970–1980-е годы и о советско-германских отношениях. Первые внешнеполитические шаги Веймарской республики представил Я.С. Драбкин. Автор описывал борьбу германских правящих кругов и немецких националистических организаций за сохранение в составе Германии части польских земель и как названные силы использовали угрозу большевизма в качестве средства давления на западные державы³. Монография А.А. Ахтамзяна посвящена новому этапу в советско-германских отношениях. Книга насыщена фактическим материалом, но ощущается недостаток архивных документов (что объяснимо) и в результате скупо обозначены территориальные проблемы⁴.

Многие ученые рассматривали межвоенные отношения России, Германии и Польши на общем фоне европейских отношений. Одни – А.О. Чубарьян и А.А. Язькова – главное условие предотвращения германо-польского конфликта видели в организации системы кол-

¹ История Польши. Т. III / под ред. Ф.Г. Зуева и др. М., 1958; Зуев Ф.Г. Международный империализм – организатор нападения панской Польши на Советскую Россию (1919–1920 гг.). М., 1954.

² Ольшанский П.Н. Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 – март 1921 г.). М., 1969. С. 28–29.

³ Драбкин Я.С. Становление Веймарской республики. М., 1978.

⁴ Ахтамзян А.А. Рапальская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 годах. М., 1974.

лективной безопасности¹. Другие – З.С. Белоусова и С.В. Никонова – считали, что создание этой системы для европейских государств того времени было нереально. Однако Никонова выявила особенности германской внешней политики, показала близость позиций Германии и России по ряду территориальных вопросов. Историк раскрыла антипольскую направленность германских требований по ревизии территориальных постановлений Версальского договора².

Влияние решений Локарнской конференции на ситуацию в ЦВЕ показал Д.С. Климовский. Историк подчеркнул, что Локарно дало Германии юридическую возможность для постановки вопроса о «мирной» ревизии германо-польской границы. Автор исследовал германо-польские противоречия в период действия Локарнской системы и сделал вывод об их отрицательном влиянии на создание европейской системы коллективной безопасности. Однако он не всегда строг в отборе фактического материала, анализ которого временами недостаточно увязан с политикой СССР, внутренним развитием Германии и Польши³.

Историки Литовской ССР (и не только) рассматривали территориальные проблемы северо-восточной части Центральной Европы, доказывали принадлежность Литве Виленского края и Мемельской области, уделяли внимание вопросу о транзите по Неману. Р.С. Жепкайте в большей степени исследовала проблему Виленщины, а Р.Ю. Жюгжда – Мемеля⁴. Ученые отметили важную роль Советского Союза в защите государственных интересов Литвы. Изданные на рубеже XX–XXI веков ИВИ РАН сборники статей российских и литовских историков по-новому рассматривают политику СССР в отношении польско-литовского конфликта и Литвы⁵.

Оценка кандидатской диссертации В.А. Зубачевского, посвященная политике Германии в отношении Польши, приводит, как отме-

¹ Чубарьян А.О. Мирное сосуществование: теория и практика. М., 1976; Язькова А.А. Малая Антанта в европейской политике. 1918–1925. М., 1974.

² Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность, 1929–1939. М., 1976; Никонова С.В. Очерк европейской политики Германии в 1924–1929 гг.: От плана Дауэса к плану Юнга. М., 1977.

³ Климовский Д.С. Германия и Польша в Локарнской системе международных отношений. Из истории зарождения второй мировой войны. Минск, 1975.

⁴ Жепкайте Р. Литовско-польские отношения в 1919–1939 гг. и их место в политической констелляции Северо-Восточной Европы. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Вильнюс, 1983; Жюгжда Р.Ю. Буржуазная Литва в планах империалистических государств (1919–1940). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Вильнюс, 1980; Навицкас К. Литва и Антанта (1918–1920 гг.). Вильнюс, 1970; Рубцов А.Ф. Литва в политике французского империализма. 1918–1924 гг. Томск, 1988.

⁵ Россия и Балтия. Народы и страны. Вт. пол. XIX – 30-гг. XX века: Сб. статей. М., 2000; Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924): Сб. статей. М., 2002.

чается на соответствующем сайте Интернета, исследователя к интересным выводам. По словам рецензентов, Зубачевский полагает, что польские политики, в том числе и выступавшие против сближения с Германией, недооценивали потенциальную угрозу с ее стороны и считали вплоть до 1925 года проблему германо-польских отношений второстепенной для польской внешней политики¹.

В 1990-х – начале 2000-х годов в связи с открытием доступа к массиву архивных документов о внешней политики Советской России (СССР) с новых рубежей развернулась дискуссия о советско-польской войне.

Так, И.В. Михутина объясняет конфликт между Советскими республиками, Польшей и Литвой существовавшим в польском общественном сознании убеждением, что Польша может обрести бывшее могущество и противостоять Германии и России при условии включения в ее состав значительных территорий на востоке. Историк обращает внимание на планы Пилсудского образовать из национальных окраин бывшей Российской империи федерацию под польским началом. По мнению автора, провал планов по созданию польско-литовской федерации, поражение Белого движения, согласие главы Украинской народной республики (УНР) С. Петлюры заключить с поляками военно-политический союз против РСФСР способствовали в апреле 1920 г. началу польского наступления на Украине. Михутина считает, что в начале 1920 г. лидеры большевиков шли на максимальные территориальные уступки Польше в обмен на мирный договор, но в апреле тактика уступок себя исчерпала. В пользу мирного разрешения польско-советского конфликта выступали и британские правящие круги, опасавшиеся возможной дестабилизации устанавливавшегося Версальского порядка. О советизации Польши большевики задумались в июле 1920 г., когда Красная армия достигла успехов на фронте, а британская дипломатия предложила благоприятные для Москвы условия мира².

Иной подход к проблеме советско-польской войны наблюдаем у И.С. Яжборовской и В.С. Парсадановой. Исследователи раскрывают преимущество политики России в отношении Польши, деталь-

¹ Зубачевский В.А. Политика Германии в отношении Польши в связи с проблемой Данцига (Гданьска) и «Польского коридора». Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1986. URL: [http://vipdisser.com/general_history_\(corresponding_to_period\)/work_43407.html](http://vipdisser.com/general_history_(corresponding_to_period)/work_43407.html) (дата обращения: 24.07.2017).

² Михутина И.В. Польско-советская война. 1919–1920 гг. М., 1994. По нашему мнению, в 1919 г. скорее имели место вооруженные столкновения Польши и Советской России на спорных территориях бывшей Российской империи. Ряд важных признаков понятия «война» отсутствовал. См., напр.: Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 51–53.

но исследуют польский вопрос в годы Первой мировой войны, позиции различных политических сил России относительно будущей Польши, трудное воссоздание Польского государства и определение его границ с учетом геополитического фактора. В центре книги – конфронтация политических и военно-стратегических планов России, Польши, Украины, Белоруссии в 1919 г. и советско-польская война 1920 г. Авторы уделяют внимание также антипольской направленности сотрудничества Германии и Советской России. Несомненно, анализ «синдрома 1920 г.» является осью работы, поскольку исследуются сложные и спорные проблемы. Историки изучают генезис войны, ее историографию и долговременные последствия – антагонизмы и мифологемы вражды¹.

Своеобразно итоги советско-польской войны оценил С.Н. Полторак, подразумевая под формулой «победоносное поражение», с одной стороны, поражение идей Великой Польши, с другой – поражение идеи мировой революции². С историко-геополитических и этнолингвистических позиций политику Советской России в отношении возникших после войны 1920 г. пограничных проблем раскрывает В.Н. Савченко³.

По-разному трактуют хронологию советско-польской войны и её последствия не только российские (И.В. Михутина считает её хронологическими рамками 1919–1920-е годы⁴) и польские историки, но и англо-американские, хотя автор данной монографии не ставил перед собой цель обзора англоязычной историографии.

Английский историк Н. Дэвис считал, что советские и многие западные учёные игнорировали начало войны в 1919 г. По его мнению, ни большевики, ни поляки не были виновниками войны, поскольку эвакуация германской армии создала вакуум между двигавшимися спонтанно советскими и польскими войсками. Победа Белого движения над большевиками, по словам Дэвиса, была невыгодна Польше, но и Рижский мирный договор 1921 г. оказался тупиком, не решив проблему. Исследователь обратил внимание на негативное отноше-

¹ Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005. См. подробнее: Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Указ. соч. Глава 10. Обзор историографии проблематики войны 1920 г.; Полторак С.Н. Забытая историография советско-польской войны 1920 г. URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9864/04.pdf> (дата обращения: 24.07.2017).

² Полторак С. Победоносное поражение. Размышления о советско-польской войне 1920 года в канун ее 75-летия. СПб., 1994. С. 216–218.

³ Савченко В.Н. Восточнославянско-польское пограничье. 1918–1921. М., 1995.

⁴ Михутина И.В. Польско-советская война. 1919–1920 гг. М., 1994. С. 59, 242–244.

ние британского премьер-министра Д. Ллойд Джорджа к территориальным требованиям Польши на востоке¹.

В отличие от Дэвиса его коллеги Р. Карр и А. Тейлор датируют начало советско-польской войны апрелем 1920 г., а предшествовавший конфликт рассматривают как пограничные стычки. Тейлор в предисловии к книге Дэвиса констатировал: «Эта война (...) определила направление развития русской истории на следующие 20 лет (...) советские лидеры отошли от курса на мировую революцию. Социализм в одной стране, подкреплённый диктатурой Сталина, был прямым следствием советско-польской войны (...). Результат был роковым для Польши. Расположенная между Германией и Советской Россией, эта страна должна была выбрать дружбу с одной из них. Победа над Советской Россией привела польских лидеров к убеждению, что они не могут предпочесть ни одну из этих держав»².

Американский историк польского происхождения П. Вандич писал: «Захват Вильно не был началом войны (...), но уже это движение было важно само по себе в запутанной игре Москвы и Варшавы за границы». Но Польша, по мнению этого автора, не была заинтересована «в организации антибольшевистского крестового похода», поскольку, помогая белым, подвергала опасности собственную восточную программу, а отношение Антанты показало, что «русские интересы получают приоритет над польскими требованиями». Вандич полагает, что Варшава маневрировала между генералом А.И. Деникиным и большевиками, а Рижский мир был шагом, «негативные последствия которого были очевидны для Польши больше, чем для России»³.

Парадигма данной работы основана также на одном из ведущих направлений исторического исследования – «новой биографической истории», переключившейся на неординарного индивида, способного принимать в сложных обстоятельствах нестандартные решения. В каждой исторической ситуации имеется спектр возможных вариантов поведения. Из возможных альтернатив человек делает выбор – действие или бездействие⁴.

Примером такого подхода являются работы историка-слависта Г.Ф. Матвеева о Ю. Пилсудском, имя которого много лет было

¹ Davies N. White eagle, red star. The Polish – Soviet War, 1919–1920. London, 1972. P. 23–27, 65, 168–170, 263.

² Davies N. Op. cit. P. IX.

³ Wandycz Piotr S. Soviet – Polish Relations, 1917–1921. Cambridge, 1969. P. 117, 135, 284.

⁴ См.: Репина Л.П. «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 1999. М., 1999. Вып. 2. С. 77–78, 97.

окружено молчанием как в СССР, так в Польше. Этому есть объяснение: Пилсудский, борющийся за независимость своей страны, был непримиримым врагом как царской, так и советской России. В самой Польше он установил диктатуру, жестоко подавлял оппозицию, поощрял возникновение культа своей личности. Тем не менее, несмотря на это, Пилсудский остается виднейшим польским политиком первой половины XX века, восстановителем польского государства, ярким и неординарным человеком, личность которого наложила отпечаток на все последующее развитие страны. Рассуждая о советско-польской войне 1919–1921 гг., Матвеев настаивает, что стороны конфликта были в равной степени виноваты в его развязывании. Он отвергает господствующий в современной польской историографии термин «польско-большевистская война», предпочитая определение «польско-советская» или «советско-польская война». По мнению историка, акцент на «большевизме» искажает сущность конфликта, в основе которого лежала не идеологическая борьба, а территориальная¹.

Иначе трактуют ученые сегодня и характер советско-германских отношений, позицию обеих стран в отношении Версальской системы, порожденных ею территориальных проблем. Военно-политическим отношениям между СССР и Германией посвятил свою книгу С.А. Горлов. Представленные им документы раскрывают начало контактов и подготовку военного сотрудничества. Материалы ЦК РКП(б) показывают, как принимались политические решения, военные документы – как решения реализовывались. Военно-политические отношения, по мнению Горлова, развивались сложно и противоречиво, имелись лишь элементы союзных отношений: это был «брак по расчету», до правового оформления альянса дела не дошло². Общими для СССР и Германии являлись такие задачи, как необходимость выхода из дипломатической изоляции и возвращение в мировую политику.

Вместе с тем приводимые в некоторых современных работах ссылки на «подлинные» мотивы отхода Ленина от концепции мировой революции представляются спорными: так, Ю.Г. Фельштинский, по мнению Я.С. Драбкина, явил на свет наукообразную версию, будто Ленин сначала «продал Россию» германскому генштабу, а затем

¹ Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М.: Молодая гвардия, 2008; Матвеев Г.Ф. Можно ли было избежать войны России и Польши в 1919–1920 годах? // «STUDIA SLAVICA-POLONICA» (к 90-летию И.И. Костюшко): Сб. статей. М., 2009. С. 105–114.

² Горлов С.А. Совершенно секретно: альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. М., 2001.

он же саботировал германскую революцию и тем «предал» мировую революцию¹.

Линии Рапалло продолжал уделять внимание А.А. Ахтамзян. Ученый писал о выгодных для Германии и СССР обоюдных военных связях, но считал их не сутью рапальского курса, а побочным результатом. Ахтамзян обратил внимание на то, что советско-германское сотрудничество способствовало выходу обеих стран из кризисного состояния на основе взаимного учета национальных интересов². Воздействие Рапальского договора на германо-польские отношения рассматривает Г.М. Садовая³. Отдельные историки полагали, что договор имел секретное приложение и стал якобы прологом к секретному протоколу советско-германского пакта о ненападении 1939 года. Однако В.В. Соколов и И.В. Фетисов на основе дипломатической переписки доказали, что секретного приложения к Рапальскому договору не существовало⁴.

Изменились прежние оценки руководителей внешнеполитического ведомства Веймарской Германии, сыгравших важную роль в отношениях с СССР и Польшей. Так, Н.В. Фарбман обратил внимание на сочетании «линии Рапалло» и «линии Локарно» в политике Г. Штреземана, который отстаивал мирную ревизию Версальского договора, включая пересмотр германо-польской границы⁵. С.З. Случ показал мотивы, которыми руководствовались лидеры СССР и Германии в своих действиях, комплексно рассматривая аспекты советско-германских отношений, которые в отечественной истории не фигурировали или трактовались в ложном свете: Брестский мир, Рапальский договор⁶. Работы В.Л. Чёрноперова⁷, написан-

¹ Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М., 1992. С. 10–11, 22–24; Дабкин Я. Идея мировой революции и ее трансформации // Научно-информационный бюллетень РХЦДНИ. № 5. М., 1995. С. 38.

² Ахтамзян А.А. Профили рапальской дипломатии (Очерки). М., 2009. См. также: Ахтамзян А.А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1933 гг. // НИИ. 1990. № 5.

³ Садовая Г.М. К истории зимних переговоров (1922 г.) РСФСР и Германии по новым документам // История и историография зарубежного мира в лицах: Межвуз. сб. науч. статей. Самара, 2003. Вып. VI.

⁴ Соколов В.В., Фетисов И.В. Рапалло и довоенная Польша // МЖ. 1993. № 3.

⁵ Фарбман Н.В. Густав Штреземан: человек и государственный деятель // НИИ. 1995. № 5.

⁶ Случ С.З. Германия и СССР в 1918–1939 годах: мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). М., 1995.

⁷ Чёрноперов В.Л. Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии в 1918–1921 гг. Иваново, 2006.

ные на основе новых документов, посвящены советскому дипломату В.Л. Коппу, сыгравшему немалую роль в развитии советско-германских отношений.

Геополитическую преемственность политики Советской России в отношении соседних западных государств и сравнительно малое влияние на нее идеологии подчеркивают сегодня многие историки. В сборнике полемических статей отечественные и зарубежные ученые исследуют соотношение во внешней политике СССР концепции мировой революции и реальной политики¹. В частности, Л.Н. Нежинский прослеживает эволюцию доктринально-концептуальных и конкретно-практических основ внешней политики Советского государства, ее соответствие или несоответствие общественно-государственным интересам, действия по линии дипломатии и Коминтерна². В.А. Шишкин анализирует связи Советской России с другими государствами в 1920-е годы. По его мнению, главным для послереволюционной России было стремление обеспечить национальные и геополитические интересы страны и ее безопасность. В итоге историк показывает преемственность национальной и геополитической традиции в политике России, но не учитывает намерения лидеров РКП(б) и Коминтерна осуществить в большей мере на практике концепцию мировой революции³.

Проблема отношений Коминтерна и РКП(б) – ВКП(б) оказалась на стыке отечественной и зарубежной истории, что предопределило сложность ее изучения. Поэтому важную роль при анализе советской внешней политики в 1920-х гг. играют книги, статьи и публикации документов А.Ю. Ватлина, подробно раскрывающие определяющее влияние партии большевиков на действия Коминтерна⁴. В 1990-е годы возродился интерес к изучению рецидива революционной стратегии большевиков в 1923 г. в связи с кризисом в Центральной Европе. Выявлению исторической истины способствует написанная на основе ранее неизвестных архивных материалов статья Л.Г. Бабиченко: осенью 1923 года при помощи Коминтерна и РКП(б) Компартия Германии стремилась к захвату

¹ Советская внешняя политика в ретроспективе. 1917–1991. М., 1993.

² Нежинский Л.Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. М., 2004.

³ Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму». СПб., 2002.

⁴ См. список публикаций А.Ю. Ватлина в: Ватлин А.Ю. ВКП(б) и Коминтерн в 20-е годы: проблемы взаимоотношений. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1998. С. 52–54.

власти, но при отсутствии революционной ситуации это была попытка переворота бланкистского типа¹.

Германская историография. Преемственность политики в ЦВЕ была характерна и для Германии. Националистически настроенные немецкие историки и публицисты в 1920–1930-е годы доказывали правильность политики Германии в регионе в годы мировой войны. В 1920-е годы среди немецких историков преобладало стремление интерпретировать неудачу предпринятых Германией усилий стать мировой державой как «субъективное упущение объективно достижимой цели», но с начала 1930-х годов в центре их внимания оказались агрессивные цели Антанты. В 1933 г. Г. Онкен в книге «Германская империя и предыстория мировой войны» писал, что державы Антанты вызвали мировую войну, чтобы подавить немецкую нацию. Только царская Россия, по мнению этого исследователя, не имела исторически обоснованных военных целей в отношении Германии. Ее враждебность относилась скорее к монархии Габсбургов. Именно поэтому, полагает Онкен, во время июльского кризиса 1914 г. Россия, объявив всеобщую мобилизацию, своей активностью и спровоцировала войну².

К 1960-м годам историки перевели проблему причин Первой мировой войны в русло конструктивных дискуссий. Барьер «патриотического» подхода преодолел либеральный историк Ф. Фишер, изложивший объективную трактовку генезиса Первой мировой войны в книге «Рывок к мировому господству». Работы Фишера и его учеников, в частности И. Хайсса, являются моделью современной историографии, свободной от националистической узости. В 1970–1980-е годы Фишер распространил свой подход к Первой мировой войне на генезис Второй мировой войны, обратив внимание на сохранение доктрины «срединного положения Германии в Европе»³. Хайсс в книге «Польская пограничная полоса в 1914–1918 гг.», конкретизируя концепцию Фишера, критиковал правящие круги Германии за аннексионистские планы в отношении Польши⁴.

Консервативная историография отвергла метод «политико-социальной истории» Фишера, противопоставив его принципам геополитический подход (Фишер не отрицал его значимость). Историки-

¹ Бабиченко Л.Г. Политбюро ЦК РКП(б), Коминтерн и события в Германии в 1923 г. Новые архивные материалы // ННИ. 1994. № 2.

² См.: Туполев Б.М. Указ. соч. С. 29.

³ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/1918. Düsseldorf, 1962; Fischer F. Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911–1914. Düsseldorf, 1987.

⁴ Geiss I. Tzw. polski pas graniczny 1914–1918. W., 1964.

консерваторы обуславливали политику Германии в XX веке «ее срединным положением в Европе» и «бедностью занимаемого ею пространства».

Германская историография о политике Советской России (СССР) и Веймарской республики в ЦВЕ. Попытку показать трагические для Германии и немцев последствия решений Парижской мирной конференции предприняли видные консервативные историки М. Бем и К. Лозш, под чьей редакцией вышел трехтомник «10 лет Версаля». Опубликованные в III томе этого издания статьи посвящены возникшим в результате подписания Версальского договора пограничным проблемам между Германией и ее соседями¹. Авторы этого труда попытались проследить также мотивы политики западных держав в этом вопросе, рассматривая Францию в качестве главного адвоката польских интересов и отмечая сдерживающую роль Англии. Однако, по мнению В. Рекке, Франция добилась успехов в вопросе отторжения в пользу Польши немецких земель лишь благодаря поддержке президента США В. Вильсона, желавшего обеспечить себе голоса американских поляков на предстоящих президентских выборах².

Историография ФРГ касается проблемы новых границ Центральной Европы с несколько иных позиций. Работы историков консервативного направления позволили углубить оценку позиций германских и польских правящих кругов вокруг территориальных постановлений 1919–1923 гг. Исследованием советско-германских и германо-польских отношений этого периода занимались М. Брошат, Г. Роос, Х. Яблоновски, пытаясь свести спорные проблемы к борьбе национальностей и сожалея по поводу утраты «исконно германских земель на Востоке». Ученые обращали внимание на разногласия между западными державами относительно конфигурации ЦВЕ. По их мнению, во многом определяющую роль при решении спорных проблем играли США. Так, Яблоновски считал, что США пошли на компромисс с Англией в противовес Франции, поскольку якобы не имели конкретных интересов в Польше³.

К. Швабе в своей объемной монографии раскрыл противоречия в самой американской делегации по территориальным проблемам между «инкуайри» (экспертами), с одной стороны, госдепартаментом и военными – с другой. На позицию последних по ряду внутри-

¹ Zehn Jahre Versailles. Bd. III: Die Grenze- und volkspolitischen Folgen des Friedensschlusses / hrsg. K.C. Loesch u. M.H. Boehm. B., 1930.

² Recke W. Die polnische Frage als Problem der europäischen Politik. B., 1927.

³ Broszat M. 200 Jahre deutsche Polenpolitik. München, 1963; Roos H. Polen zwischen dem Weltkriegen // Osteuropa – Handbuch. Köln; Graz, 1959; Jablonowski H. Russland, Polen und Deutschland. Köln, Wien; 1972.

и внешнеполитических причин перешел в марте 1919 г. В. Вильсон¹. Историки указали на единство основных германских партий по вопросу сохранения Германии в прежних границах, обращая внимание на паллиативный план создания «восточного государства», которое объединило бы на федеративной основе часть немецких и польских земель. Х. Шульце полагал, что «революционная импотенция» чиновников сделала этот проект эпизодом².

Умеренно-консервативный историк Г. Вагнер писал о политике Германии в период советско-польской войны. Автор анализировал позицию рейхсвера, правительства, рейхстага, немецких партий, прессы в отношении Советской России и Польши; показал советско-германские военно-политические и экономические связи, контакты представителей Кёнигсберга и Москвы на границе с Восточной Пруссией, однако отрицал наличие союзных отношений с Кремлем³. Обильную информацию содержит книга либерального историка Х. Хельтге о внешней политике Веймарской республики в ЦВЕ, позиции Польши и Советской России по территориальным проблемам⁴. Однако тезисы Хельтге – стремление Германии к миру и одновременно необходимость ревизии ее восточных границ – не согласуются. «Пересмотреть» свои границы на востоке Веймарская республика могла только за счет Польши, а это непременно вело (и привело) к войне.

Важное место в историографии ФРГ 1950–1970-х годов заняло изучение Брестского и Рапальского договоров. Консервативный историк Л. Циммерман писал, что после подписания Брестского мира и крушения надежд на мировую революцию В.И. Ленин «развил двухколейную внешнюю политику, приметы которой до сих пор сохраняются в советской дипломатии». Вместе с тем, по мнению ученого, Ленин «попытался вывести Советскую Россию из изоляции»⁵. На это указывал и либеральный историк В. Баумгарт, характеризуя роль Ленина, а также Г.В. Чичерина, А.А. Иоффе и других дипломатов в создании новой дипломатической службы и защите государственных интересов России⁶. По мнению консервативного истори-

¹ Schwabe K. Deutsche Revolution und Wilson-Frieden: Die amerikanische und deutsche Friedensstrategie zwischen Ideologie und Machtpolitik 1918/1919. Düsseldorf, 1971.

² Schulze H. Oststaatplan 1919 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1970. Hf. 2.

³ Wagner G. Deutschland und der polnisch-sowjetische Krieg 1920. Wiesbaden, 1979.

⁴ Höltje Ch. Die Weimarer Republik und das Ostlokarne-Problem 1919–1934. Würzburg, 1958.

⁵ Zimmermann L. Deutsche Aussenpolitik in der Äre der Weimarer Republik. Göttingen, 1958. S. 16.

⁶ Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918. Wien; München, 1966. S. 39, 41.

ка Г. Рауха, Чичерин вел антибританскую политику, поскольку она помогала борьбе большевиков за руководящую роль в антиколониальном движении, революционному союзу с которым нарком придавал большое значение. Чичерин уделял внимание сотрудничеству с Германией, но не строил в этом отношении иллюзий¹.

Значителен диапазон мнений при оценке Рапалльского договора. Как консервативные (К. Бухгейм), так и либеральные (Г. Эйлер) историки видели в нем волевой акт реалистически мыслящих министров, дипломатов и военных, указывая на заинтересованность Германии в улучшении отношений с Советской Россией, чтобы предупредить давление на нее западных держав². Однако Бухгейм полагал, что договор ухудшил отношения Германии с Западом³, в то время как, по мнению Г. Рауха, Рапалльский договор отразил самостоятельную роль Германии, вывел ее из внешнеполитической изоляции. Раух считал, что избрание Сталина генеральным секретарем ЦК РКП(б) в апреле 1922 г. способствовало подписанию договора, который усилил, в свою очередь, позиции лидера партии большевиков внутри страны⁴. По мнению Чичерина, писал консервативный историк Т. Шидер, Рапалльский договор укрепил независимость Германии от западных держав и обеспечил реальное советско-германское сотрудничество⁵. С другой стороны, ряд консервативных историков отвели договору роль военного союза, направленного против Польши. На деле многие германские военные и политики желали использовать сотрудничество с Россией для пересмотра Версальского договора, но военное соглашение не было подписано. Советскую и Веймарскую республики многое разделяло, но их сотрудничеству способствовало обоюдное недовольство политикой Польши в ЦВЕ.

Современная историография ФРГ по-разному оценивает послевоенную ситуацию в ЦВЕ⁶. Историк О. Ференбах называет Версальский мирный договор недалновидным: чтобы уничтожить

¹ Rauch G. Geschichte des bolschevistischen Russland. Wiesbaden, 1955. S. 139, 113–114.

² Buchheim K. Die Weimarer Republik. München, 1961. S. 83; Euler H. Die Aussenpolitik der Weimarer Republik 1918–1923. Aschaffenburg, 1957. S. 336.

³ Buchheim K. Op. cit. S. 81.

⁴ Rauch G. Op. cit. S. 178–179.

⁵ См.: Schieder T. Die Probleme des Rapallo-Vertrags. Eine Studie über die deutsch-russischen Beziehungen 1922–1926. Köln, 1956. S. 49.

⁶ Merz K.-U. Das Schreckbild. Deutschland und der Bolschewismus 1917 bis 1921. Berlin, 1995; Loth W. Die Sowjetunion und die deutsche Frage: Studien zur sowjetischen Deutschlandpolitik. Göttingen, 2007.

Германию, договор был слишком мягок; чтобы просто наказать ее, слишком унижен¹. Историк О. Данн пишет, что поражение Германии создало для нее в регионе даже более «выгодные предпосылки»: в результате распада Австро-Венгрии и Российской империи у Германии стало меньше конкурентов, а благодаря территориальным уступкам рейх избавился от проблемных в национально-политическом отношении земель с этническими меньшинствами². Эту точку зрения разделяет Э. Кольб, подчеркивая, что Россию вытеснили из ЦВЕ и она была долгое время занята внутривнутриполитическими проблемами³.

Представляет интерес коллективная работа «Между традицией и революцией: детерминанты и структуры советской внешней политики 1917–1941 годов», особенно написанная В. Кноллем глава, посвященная деятельности НКВД в 1920-е годы⁴. Современные немецкие историки отрицают наличие союзных советско-германских отношений, считая основным мотивом прагматической «рапалльской линии» враждебность Германии к Польше. Так, возможность совместных действий с Россией была для командующего рейхсвером генерала Г. Секта козырем, сохранявшим силу, пока он не был разыгран.

Политике Российской империи и Германии уделяла внимание **польская историография**. Интерес представляет книга Р. Дмовского (лидер крупнейшей польской буржуазно-помещичьей партии «Национальная демократия» – эндеки, член Государственной думы Российской империи) «Германия, Россия и польский вопрос». Галицию и Царство Польское Дмовский характеризовал как «географическое уродство»⁵. Важную и довольно полную информацию содержит III том «Истории польской дипломатии»⁶. Из последних работ польских историков выделим труд А. Ахматовича о политике России по польскому вопросу в период Первой мировой войны⁷. Современные взгляды польских (и российских) ученых на польский вопрос в годы мировой войны раскрывает сборник статей, в основу

¹ Ференбах О. Крах и возрождение Германии. Взгляд на европейскую историю XX века. М., 2001. С. 69–70.

² Данн О. Нации и национализм в Германии. 1770–1990. СПб., 2003. С. 249.

³ Kolb E. Der Frieden von Versailles. München, 2005. S. 104.

⁴ Zwischen Tradition und Revolution: Determinanten und Strukturen sowjetischer Aussenpolitik 1917–1941 / hrsg. v. L. Thomas u. V. Knoll. Stuttgart, 2000. S. 113–114.

⁵ Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. СПб., 1909. С. 35–36.

⁶ Historia dyplomacji polskiej. T. III. 1795–1918 / pod red. G. Labudy. W., 1982.

⁷ Achmatowicz A. Polityka Rosji w kwestii polskiej w pierwszym roku Wielkiej Wojny 1914–1915. W., 2003.

которого легли тексты выступлений на международной научной конференции, прошедшей в ноябре 2007 г.¹

Польская историография политики Советской России (СССР) и Германии в ЦВЕ в 1920–1930-е годы имела в основном публицистический характер. Не ставя вопрос об обоснованности вхождения в состав Польского государства украинских, белорусских, литовских земель, историки и политики писали, что западные державы заплатили Польше при решении проблемы ее границ недостаточно высокую цену. Наиболее четко эта позиция отражена в работе Дмовского «Политика Польши и восстановление государства»². Однако М. Бобжинский в книге «Воскрешение Польского государства» подверг программу Дмовского критике, поскольку концепция эндеков следовала во многом этническому принципу, что обусловило потерю для Польши части земель на востоке, входивших в Речь Посполитую до ее разделов в XVIII веке³. Историк защищал программу «начальника государства» (1918–1922 г.) Пилсудского.

В период до государственного переворота 1926 г., осуществленного Пилсудским, в работах польских историков конкурировали как концепция инкорпорации эндеков, выступавших за независимую Польшу в границах ее второго раздела (относительно этнические границы), так и взгляды пилсудчиков по созданию «федеративной», по сути великодержавной, Польши. После утверждения режима «санации» возоблдала легенда о «подлинных» освободителях Польши – польских легионах во главе с Пилсудским, воевавших на стороне Германии и Австро-Венгрии. Так, в 1930-е годы издавали работы видного ученого В. Конопчиньского по истории Польши XVII–XVIII веков, но не по истории XX века – из-за его политических взглядов. Книга Конопчиньского «Политическая история Польши в 1914–1939 гг.» вышла в свет только в 1995 г., хотя рукопись была готова еще в 1947-м. Историк, в частности, критиковал восточную политику Пилсудского, его стремление сделать столицей «ягеллонской Речи Посполитой» Вильно, который стал бы «центром центрально-восточной Европы»⁴.

¹ Революционная Россия 1917 г. и польский вопрос: Новые источники, новые взгляды / отв. ред. М. Волос, А. Орехов. М.: ИСл РАН, 2009.

² Dmowski R. *Polityka polska i odbudowanie państwa*. Wyd. 2. W., 1926.

³ Bobrzyński M. *Wskazanie Państwa Polskiego*. T. II: 1918–1923. Kraków, 1925.

⁴ Konopczyński W. *Historia polityczna Polski. 1914–1939*. W., 1995. В 1922–1927 гг. Конопчиньский был депутатом Сейма от эндеков, а в 1948 г. новые власти сняли историка с должности профессора Ягеллонского университета (Краков) из-за его антикоммунистических взглядов.

В годы Второй мировой и «холодной» войн находившиеся в эмиграции польские историки по-прежнему пытались обосновать экспансионистскую политику Польши на востоке, видели причину неудач при решении проблемы границ Польши в англо-французских противоречиях, обеляли внешнюю политику Варшавы, используя теорию о «двух врагах» в лице Москвы и Берлина¹. В современной Польше опубликованы практически все их работы. Второе и третье поколение историков осталось в странах проживания, издавая свои исследования и на родине.

Существенное значение для нашей монографии имели труды историков ПНР 1960–1980-х годов, поскольку они содержат неизвестный ранее материал и довольно взвешенные трактовки исследуемой проблемы. Отношение западных держав, Германии и Польши к проблеме установления польских границ накануне и в период работы Парижской мирной конференции получило освещение в полемических статьях сборника «Польско-германские проблемы в Версальском мирном договоре», а также в монографиях. Р. Бежанек, З. Вроняк, Г. Зелиньский, М. Лечик, К. Ляптер, Я. Собчак, П. Хаузер подвергли критике различные аспекты Версальского договора. Они подчеркивали, что страны Антанты и США навязали Польше такие границы, которые не удовлетворяли ни ее, ни соседей Польши. Действуя подобным образом, союзники, прежде всего Англия и США, стремились, во-первых, увековечить германо-польский и советско-польский конфликты; во-вторых, усилить зависимость Германии и Польши от Запада². Вместе с тем, указывали польские ученые, в ходе работы мирной конференции союзные державы делали уступки Германии за счет Польши, рассчитывая в первую очередь именно Германию использовать для сокрушения советской власти.

Историки В. Гостыньская, А. Деруга, Е. Куманецкий, П. Лосовский и В. Матерский писали о характере советско-польских отношений после воссоздания Польского государства; о наследии войны 1920 г.; возникших по вине Польши территориальных проблемах. Они отмечали торгашеский подход к внешней политике правящих

¹ Mackiewicz S. (Cat) Historia Polski od 11 listopada 1918 r. do 17 września 1939 r. Londyn, 1941; Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski. 1914–1939. Londyn, 1967.

² Problem polsko-niemiecki w traktacie Wersalskim / pod red. J. Pajewskiego. Poznań, 1963; Bierzanek R. Państwo Polskie w politycznych koncepcjach mocarstw zachodnich. 1917–1919. W., 1964; Hauser P. Niemcy wobec sprawy polskiej. Październik 1918 – czerwiec 1919. Poznań, 1984; Leczyk M. Komitet Narodowy Polski a Ententa i Stany Zjednoczone. 1917–1919. W., 1966; Sobczak J. Propaganda zagraniczna Niemiec Weimarskich wobec Polski. Poznań, 1973; Wroniak Zd. Sprawa polskiej granicy zachodniej w latach 1918–1919. Poznań, 1963.

кругов Польши, стремившихся к захватам на востоке и занимавших в большинстве случаев оборонительную позицию в вопросе о возвращении западных польских земель. Однако против возможной советизации страны в 1920 г. и революционных планов СССР в 1923-м официальная историография ПНР не выступала¹.

В работах того времени раскрывалась теория о «двух врагах» Польского государства, критиковались апологетика польской эмигрантской историографией и встречавшиеся у историков ПНР субъективистские оценки внешнеполитического курса Пилсудского. Е. Красуский пришел к выводу, что наличие «двух врагов» у Польши проистекало не только из-за антипольской политики Германии и антисоветизма польских правящих кругов, но и вследствие давления на каждое из государств существовавших территориальных проблем². Некоторые авторы изображали в качестве агрессора Литву, внешняя политика которой зависела от Москвы и Берлина³.

Историки-марксисты в любых действиях Пилсудского и его окружения искали прогерманский и антисоветский подтекст. Внешняя политика СССР идеализировалась, а политика Англии и Франции критиковались. С 1956 г. началась переоценка методологических и мировоззренческих принципов польской исторической науки, которая позволила более объективно подойти к политике великих держав. С конца 1960-х годов на изучение вопроса оказывало влияние ревизионистское направление в историографии ПНР, возникшее под воздействием социально-политического кризиса в Польше. Во время событий 1980–1981 гг. был реанимирован миф о Пилсудском как «крупнейшей политической фигуре XX века».

Новые условия для исследования проблемы появились после окончания «холодной войны» и изменения геополитической ситуации в Европе, но на смену преодоленным фальсификациям пришли мифы довоенных лет. Наглядным подтверждением этому стали материалы конференции в Варшаве (1990 г.), посвященной советско-польской войне 1920 года. Так, В. Бальцерак оправдывал политику Польши в отношении Белоруссии, Литвы и Украины, обвиняя Советскую Россию в экспансионизме на востоке Центральной Европы. П. Мадайчик преувеличивал негативную роль Германии и Литвы

¹ Gostyńska W. Stosunki polsko-radzieckie. 1918–1919. W., 1981; Deruga A. Polityka Wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918–1919). W., 1969; Kumaniecki J. Po traktacie Ryskim. Stosunki polsko-radzieckie. 1921–1923. W., 1971; Łossowski P. Stosunki polsko-litewskie w latach 1918–1920. W., 1966; Materski W. Polska a ZSSR. 1923–1924. Wr., 1981.

² Krasuski J. Stosunki polsko-niemieckie 1919–1932. Poznań, 1975.

³ См., напр.: Ochmański J. Historia Litwy. Wr., 1967.

для Польши во время советско-польской войны¹. М.К. Каминский² и С.М. Новиновский³ аналогично оценили позицию Чехословакии в 1920 г. Вскоре польские историки ввели в оборот сугубо идеологический термин «польско-большевистская война», с помощью которого оправдывают политику включения Белоруссии и Литвы в состав Польши, объясняя планы Пилсудского историко-геополитическими и культурно-цивилизационными факторами. Так, Г. Лукомский⁴ пишет о самообороне поляков Белоруссии и Литвы против агрессии большевиков, сотрудничавших с Германией. Однако, по мнению видных российских историков, советско-польская война «ни в коем случае не польско-большевистская, как это сейчас принято» считать в Польше⁵.

Ряд польских историков анализируют внешнюю политику Польши с позиций относительного историзма. А. Чубинский критикует восточную политику Пилсудского 1918–1922 гг., рассматривая становление границ Польши⁶. Важную и довольно полную информацию содержит IV том «Истории польской дипломатии»⁷. Правда, редактор этого тома П. Лоссовский в своей новой монографии скорректировал свои взгляды на проблему польско-литовских отношений, критически оценивает политику Литвы⁸, но в целом – по сравнению с новым поколением польских историков – занимает относительно сдержанную позицию.

Сегодня мы наблюдаем «вторую волну» ревизии российской военно-политической истории. В частности, польские и отдельные российские историки односторонне пишут о региональных военных конфликтах в ЦВЕ в 1918–1939 гг. В 2011 г. вышли очерки Ю.З. Кантор и М. Волоса. Автор первой главы «Польско-большевистская война как фактор германо-российского сближения» Кантор отмечает: «Польская кампания как некий фон “латентного” зарождения нового союза (...) послереволюционной России и “постверсальской”

¹ Wojna polsko-sowiecka 1920 roku: Przebieg walk i tło międzynarodowe. W., 1991. S. 23–25, 172–181.

² Ibid. S. 186–195.

³ Nowinowski S.M. Polsko-czechosłowackie stosunki dyplomatyczne podczas wojny 1920 roku // Szkice z dziejów Europy Środkowej i Wschodniej w XX wieku. Łódź, 1998.

⁴ Łukomski G. Walka Rzeczypospolitej o kresy północno-wschodnie 1918–1920. Poznań, 1994. S. 12, 17, 21, 58.

⁵ Матвеев Г.Ф. Можно ли было избежать войны России и Польши в 1919–1920 годах? С. 110.

⁶ Problem granic i obszaru odrodzonego państwa polskiego (1918–1990) / pod red. A. Czubińskiego. Poznań, 1992.

⁷ Historia dyplomacji polskiej. T. IV. 1918–1939 / pod red. P. Łossowskiego. W., 1995.

⁸ Łossowski P. Stosunki polsko-litewskie, 1921–1939. W., 1997.

Германии – сюжет, практически не изученный»¹. Однако за последние 20 лет российские и польские историки издали немало посвященных войне 1920 г. монографий и статей, в которых пишут и о советско-германских отношениях в 1920 г., но об этих публикациях в очерке – ни слова². В отличие от соавтора, польский ученый Волос ссылается на предшественников, включая российских историков, использует обширный научный аппарат для доказательства важных, хотя иногда спорных выводов.

Заслуживают внимания книги, выходящие за рамки исследования двусторонних отношений европейских держав. Место Российского государства в мировом и европейском геополитическом пространстве представила в своем полемическом труде Н.А. Нарочницкая. Она обращает внимание на то, что по геополитическим и военно-стратегическим соображениям Англия была заинтересована в такой европейской войне, где Германия и Россия были бы противниками, «взаимно избивая» друг друга³. В нашей работе использованы работы Э.А. Позднякова и К.В. Плешакова по геополитике, поскольку эти авторы используют геополитические дефиниции в историческом контексте. Б.А. Шмелев⁴ считает, что для определения политики РФ в ЦВЕ необходимо изучать политику России в начале XX века.

В целом из историографического обзора следует, что существует потребность в дальнейшем изучении политики Российской империи, Советского Союза, Германии, Польши, Чехословакии и Литвы в ЦВЕ.

1.2. Методология исследования

Методологические основы данного исследования определялись принципом учета всех факторов политики России на ее западном направлении с позиций диалектики и историзма в контексте исследования геополитического императива и общей иерархии приоритетов внешней политики России, а также динамики развития междуна-

¹ Кантор Ю., Волос М. Треугольник Москва – Варшава – Берлин. Очерки истории советско-польско-германских отношений в 1918–1939 гг. СПб., 2011. С. 13.

² В первой главе у Кантора есть лишь ссылка на книгу: Вышчельский Л. Варшава 1920 / пер. с польского П.С. Романова. М., 2004.

³ Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2003. С. 173–174, 228–235.

⁴ Поздняков Э.А. Геополитика. М., 1995; Плешаков К. Геополитика в свете глобальных перемен // МЖ. 1994. № 10; Плешаков К. Геоидеологическая парадигма // МЖ. 1995. № 4–5; Россия и Центральная Европа в новых геополитических реалиях: Сб. статей. М., 1995. С. 333–334.

ных отношений в ЦВЕ, обусловленной соперничеством великих держав за сферы влияния.

Научный труд построен на основе проблемно-хронологического принципа, что позволило сочетать синхронный и хронологический методы. Вместе с тем для сравнительного анализа применялся историко-ситуационный метод и системный подход, предполагающие рассмотрение темы в рамках эволюции международных отношений в Европе, с показом логики и движущих сил истории. Это дает возможность выявить истоки проблемы и учесть последующее развитие породившей ее тенденции. В частности, изучению преемственности политики Российского государства помогло применение принципа «короткого и длительного периодов», расширяющего временные рамки исследования. «Длительный период» позволил обратиться к растянутому во времени историческому процессу, установить связи с предшествующей и последующей эпохой. В рамках «короткого периода» изучались отдельные исторические события, деятельность политиков, военных, дипломатов.

Непоследовательность и зигзаги военно-политической линии советского руководства, в том числе колебания Ленина и жесткий волюнтаризм Сталина, имели свои объективные причины. Как известно, цели, интересы и стремления формулируют отдельные факторы исторического процесса, но на это влияет вся ситуация и позиции социальных и политических институтов. Их установки подчиняются социальному конструированию: они пропускаются сквозь фильтры коллективной идентичности, групповых связей, через чувство принадлежности или лояльности. В типичных для того времени неопределенных ситуациях военные планы настоятельно требовали легитимизации – при посредстве коллективно вырабатываемых для того или иного момента когнитивных (познавательных) и нормативных категорий.

В Советском Союзе геополитику не признавали наукой, поэтому говорить о ее методологической роли нет возможности. Вместе с тем в 1920–1930-е годы развивалась политическая география, использовавшая геополитический понятийный аппарат в советской интерпретации. Стали общепризнанными термины граница, рубеж, буферная зона, Центральная Европа, приграничье. После окончания «холодной войны» ситуация изменилась: в отечественной литературе по теории международных отношений геополитическое направление стало наиболее влиятельным.

Однако российская геополитика сравнительно молода, поэтому автору ближе устоявшиеся западные концепции. В книге использована методика «реалистической школы», довольно адекватно отражающая мотивы поведения государств с XVII в. и до начала «холодной

войны». Впрочем, «реалисты» и «холодную войну» рассматривали как геостратегическое стремление СССР к мировому господству. В западных странах почти все аспекты международных отношений исследуются с позиции теории «реализма», видным представителем которой являлся американский ученый Х.И. Моргентау. Постулаты теории «реализма» гласят: 1. Национальные государства как субъект международных отношений выражают свои интересы в категориях силы. 2. Внутренней пружиной международных отношений является борьба государств за максимальную степень своего влияния во внешней среде. 3. Оптимальным состоянием внешней среды является равновесие сил, которое достигается политикой баланса сил, предупреждая образование коалиционной мощи, превосходящей мощь коалиций существующих государств¹. Важную роль в борьбе государств за выгодный баланс сил Моргентау и его последователи отводят геополитической составляющей. Национальные устремления народов ЦВЕ автор рассматривает через призму методологии ментальных карт.

1.3. Источниковая база

Источниковая база научного труда определяется многоплановостью темы. В качестве важной задачи автор видел изложение на архивно-документальной основе предыстории и истории спорных территориальных вопросов региона, роль в их решении российской внешней политики и дипломатии. Масштаб охвата и видовое разнообразие источников позволяет обеспечить репрезентативность источниковой базы монографии. Источники по степени значимости, происхождению и содержанию разделены на следующие группы: 1) делопроизводственные материалы; 2) источники личного происхождения; 3) периодическая печать.

К первому по важности виду источников отнесены **делопроизводственные материалы** Наркомата иностранных дел РСФСР (СССР), извлеченные автором из фондов Архива внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Прежде всего это фонды Секретариата Г.В. Чичерина, секретариата Н.Н. Крестинского, референтура по Германии, Польше, Литве, Чехословакии. Обширный материал содержит фонд Отдела дипломатической информации (ОДИ) НКВД в Берлине. Часть делопроизводственных материалов извле-

¹ Morgenthau H.J. Macht und Frieden. Grundlegung einer Theorie der internationalen Politik. Gütersloh, 1963. S. 34–42.

чена автором из фондов Коминтерна, секретариата В.И. Ленина, ЦК КПСС, Польского бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б), хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Принципиальное значение для анализа взаимоотношений РКП(б), НКВД, силовых ведомств и Коминтерна имеют протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП(б), включая «особые папки», куда заносились решения по самым секретным вопросам.

Фонды МИД Польши (Ministerstwo Spraw Zagranicznych) и посольства Польши в Берлине (Ambasada RP w Berlinie), хранящиеся в Архиве современной документации в Варшаве (Archiwum Akt Nowych w Warszawie), позволили точнее осветить международный фон советско-польской войны 1920 г. Автор благодарен коллективу III Европейского департамента Министерства иностранных дел Российской Федерации, сотрудникам российских посольств в Праге и Вене за помощь в организации работы в Архиве МИД Чешской Республики (Archiv Ministerstva zahraničnich věcí České Republiky) и в Государственном архиве Австрии (Österreichische Staatsarchiv).

Признавая необходимость введения в научный оборот архивных документов и материалов, хотелось бы обратить внимание на результативность обращения к опубликованным ранее источникам, их анализа с позиций современных знаний и подходов. Поэтому важную роль в диссертации сыграли многочисленные документальные публикации, включающие делопроизводственные материалы.

Как известно, после окончания Первой мировой войны началась новая «война» – в тиши научных кабинетов и архивных хранилищ. Она получила в историографии название «войны при помощи дипломатических документов». Публикации появились как в стане держав Четверного союза, так и Тройственного согласия.

В 1920-е годы с присущим тому времени классовым подходом вышли специальные сборники царских, иностранных и советских дипломатических документов. Так, в сборнике о русско-польских отношениях в период мировой войны воззвание Верховного главнокомандующего русской армией к полякам от 14 августа 1914 г. набрано петитом и помещено в приложениях. НКВД СССР издал и международные договоры¹. Большим подспорьем при работе над монографией стали публикации Комиссии по изданию документов эпохи империализма, к сожалению осуществившей свой замысел лишь частично. Наиболее полно представлены документы в 10 томах с января 1914 по март 1916 г.; позже были изданы еще три

¹ Русско-польские отношения в период мировой войны. М.; Л., 1926; Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. М., 1926; Версальский мирный договор. М., 1925; Сен-Жерменский мирный договор. М., 1925.

тома, включающие материалы за 1911–1913 годы¹. Комиссию возглавлял М.Н. Покровский, что придавало некоторую односторонность публикациям, обусловленную позицией главного редактора. Однако публикация «Международные отношения эпохи империализма» (МОЭИ) при всех её недостатках основательна и добросовестна.

Внешнюю политику царского правительства в годы мировой войны уточнили изданные на основе заметок бывшего помощника управляющего делами Совета Министров А.Н. Яхонтова материалы российского правительства. Черновые записи заседаний правительства помощника управляющего делами отражают мнения министров по вопросам ведения войны и государственной жизни².

Для раскрытия темы основополагающее значение имели публикуемые с 1957 г. «Документы внешней политики СССР». Первые 17 томов издания содержат немало советских и иностранных документов за 1917–1934 гг.³ Публикацию существенно дополнили изданные ИСБ АН СССР в содружестве с историками ПНР и ЧССР сборники документов и материалов, а также подготовленные МИД СССР и МИД ГДР сборники документов⁴. Для понимания советской внешней политики в годы гражданской войны важную роль сыграли документальные публикации 1960–1970-х годов⁵. Документы и материалы, по-новому раскрывающие многие сюжеты советско-польской войны, содержит сборник, подготовленный под руководством И.И. Костюшко, и документы, изданные в Польше⁶.

Немалым подспорьем в работе стали стенографические отчеты съездов РКП(б), опубликованные решения Политбюро ЦК РКП(б) с комментариями⁷, материалы конгрессов Коммунистического

¹ МОЭИ. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917 гг. Сер. III. 1914–1917. Т. VI–X. М.; Л., 1935–1938; Сер. II. 1900–1913. Т. XVIII–XX. М., 1938–1940.

² Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны / Отв. ред. Р.Ш. Гапелин. СПб., 1999.

³ ДВП СССР. Т. I–XVII. М., 1957–1971.

⁴ ДМИСПО. Т. I–IV. М., 1963–1966; ДМИСЧО. Т. I–III. М., 1973, 1977; Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т. 1–2. М., 1968, 1971; Советско-германские отношения 1922–1925 гг. Ч. 1–2. М., 1977.

⁵ Из истории гражданской войны в СССР: Документы и материалы: В 3 т. Т. 2, 3. М., 1961; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). Т. II. М., 1972; Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920): Сб. док-тов. М., 1969.

⁶ Польско-советская война. ПСВ. 1919–1920. (Ранее не опубликованные документы и материалы). Ч. I–II. М., 1994; См. также: Jonca K. Wojna polsko-sowiecka 1920 roku w dokumentach niemieckiej dyplomacji. Wg., 2002.

⁷ См., напр.: Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 г.: Стеногр. отчет. М., 1962; Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г.: Стеногр. отчет. М., 1963; Двенадцатый

Интернационала и его Исполкома с приложениями¹. Важным для диссертации явился сборник документов «Коминтерн и идея мировой революции», более полно позволивший исследовать деятельность Коминтерна и добавивший материалы к изучению событий 1923 г. Аналогичным образом можно охарактеризовать сборник документов «Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн». Не все коминтерновские дела проходили официальным путем через Политбюро, поскольку рассматривались и в других руководящих органах РКП(б), в переписке между членами Политбюро, в их письмах другим инстанциям и деятелям Коминтерна. Поэтому в сборники включены и подобного рода материалы². Публикация документов «Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции», хотя и не имеет прямого отношения к изучаемому региону, позволяет уточнить деятельность Коминтерна и силовых ведомств³. Изданный на немецком языке сборник документов из архива Коминтерна, составителями которого были преимущественно российские историки, реконструирует ход подготовки в 1923 г. в Москве и Берлине «Германского Октября» и его последующее крушение⁴. Но вышли в свет по ряду причин не все запланированные к изданию документы: действия спецслужб и подготовка военных операций в сборнике не затронуты.

Большую помощь в исследовании оказали зарубежные документальные публикации. Международные отношения после окончания мировой войны позволил уточнить польский трехтомник о Парижской конференции⁵. Фундаментальным источником явились изданные в ФРГ «Акты германской внешней политики 1918–1945 гг.», содержащие документы МИД Германии, а также личную

съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1968; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2, 3. М., 1983, 1984; Материалы «особой папки» ПБ ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1944 гг. М., 1997. XVII съезд ВКП(б). 26 января – 10 февраля 1934 г.: Стенографический отчет URL: www.hrono.ru > ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ (дата обращения: 27.01.2013).

¹ См., напр.: Второй конгресс Коммунистического Интернационала: Стеногр. отчет. Пг., 1921; Третий Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала: Стеногр. отчет. Пг., 1922; IV Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Избр. доклады, речи и резолюции. М.; Пг., 1923.

² Коминтерн и идея мировой революции: Документы. М., 1998; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. М., 2004.

³ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В док. центр. рос. арх. нач. – середины 1920-х гг. Ч. 1, 2. М., 2000, 2003.

⁴ Deutscher Oktober 1923. Ein Revolutionsplan und sein Scheitern / hrsg. v. Bernhardt H. Bautelein, Leonid G. Babičenko, Fridrich I. Firsov und Aleksandr Ju. Vatlin. В., 2003.

⁵ Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r. Т. I–III. W., 1965–1968.

переписку и дневниковые записи немецких дипломатов о беседах с иностранными, в том числе советскими дипломатами¹. В нашей работе использованы протоколы заседаний созданного в Германии после Ноябрьской революции 1918 г. временного правительства (Совет народных уполномоченных – СНУ)² и кабинетов Веймарской республики³. Для публикаций ФРГ характерен высокий уровень археографической обработки документов.

Второй по важности вид источников – это **источники личного происхождения**. Среди этих субъективных свидетельств выделяют: 1. Воспоминания и мемуары очевидцев или участников исторических событий. На воспоминаниях лежит отпечаток общественно-политической атмосферы эпохи и времени, когда они писались. Мемуары более глубоко и систематизированно освещают описываемые явления. Некоторые мемуары написаны по памяти, другие – по записям, сделанным во время изучаемых событий, что придает им сравнительно достоверный характер; третьи – подвергнуты литературной обработке и наиболее субъективны. 2. Дневники – регулярные записи впечатлений, наблюдений и мыслей по поводу наиболее значимых событий своей и общественной жизни. 3. Эпистолярное наследие (частная и официальная переписка) – обмен впечатлениями и мыслями о значимых событиях своей и общественной жизни. Условием использования источников личного происхождения является основной прием научной критики – проверка с помощью других источников.

Отдельные мемуары изданы в СССР, но в основном это переизданные в РФ воспоминания эмигрировавших представителей военно-политической элиты. Воспоминания бывшего царского министра иностранных дел Сазонова показывают борьбу в правящих кругах Российской империи вокруг проблемы новых западных рубежей России и, в частности, польского вопроса. Сазонов довольно объективно оценивал политику Антанты в отношении России (в годы мировой войны) и Белого движения⁴. Г.Н. Михайловский, бывший в 1919 г. связным между находившимся в Париже Сазоновым и Деникиным, подтвердил оценки Сазонова периода мировой (кн. 1) и гражданской (кн. 2) войн. Но, в отличие от последнего, дипломат считал необходимым пойти (на словах) на территориальные уступки

¹ ADAP. Ser. A: 1918–1925. Bd. 1–X. Göttingen, 1982–1993.

² Die Regierung der Volksbeauftragten 1918/1919 / hrsg. v. E. Matthias. Bd. 1–2. Düsseldorf, 1969.

³ Das Kabinett Scheidemann. Boppard / Rhein, 1971; Das Kabinett Bauer. Boppard / Rhein, 1980; Das Kabinett Fehrenbach. Boppard / Rhein, 1972; Das Kabinett Müller I. Boppard / Rhein, 1971.

⁴ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991.

Польше¹. Воспоминания Михайловского ценны и потому, что сделаны непосредственно во время событий. Объективно оценили помощь союзников бывшие послы России в США и Франции Б.А. Бахметев и В.А. Маклаков: они полагали, что полноценной поддержке Антантой Белого движения мешало противоречие между двумя целями: борьба с большевизмом и воссоздание единой России². Критически относились к политике Польши Деникин и генерал А.А. фон Лампе, доказывавшие, что Добровольческую армию Красная армия победила благодаря фактической помощи Пилсудского³. Записки П.Н. Врангеля свидетельствуют, что он пытался установить военное сотрудничество с Пилсудским, но безуспешно, поскольку барону были присущи неприемлемые для Пилсудского великодержавные взгляды на будущую Россию⁴. Конфликты между Польшей, Белым движением и УНР раскрыты в воспоминаниях бывшего генерала армии УНР Ю.О. Тютюника⁵.

Об изменении границ в пользу Чехословакии пишет Т.Г. Масарик⁶. В своей мемуарно-публицистической книге У. Черчилль доказывает, что Англия преследовала корыстные интересы в ЦВЕ и не была заинтересована ни в возрождении великодержавной Польши, ни в восстановлении единой России⁷. Итальянский посланник в Варшаве Ф. Томмазини выдвигает версию о возможном изменении границ Польши в период советско-польской войны 1920 г. в пользу Германии⁸. Польский генерал и дипломат Т. Махальский критикует в своих мемуарах политику Пилсудского, которая, по его мнению, привела к трагедии Польши в 1939 г.⁹

Геополитический аспект советско-польской войны отчасти раскрылся в ходе разгоревшейся в 1920-е годы дискуссии между советскими военачальниками о причинах поражения Красной армии

¹ Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг. Кн. 1–2. М., 1993.

² «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. Т. 1. 1919–1921. М., 2001.

³ Деникин А.И. Поход на Москву («Очерки русской смуты»). М., 1989; Деникин А.И., Лампе А.А. Трагедия белой армии. М., 1991.

⁴ Врангель П.Н. Записки. Ч. II // Белое дело: Избр. произведения: В 16 кн. Последний главок. М.: Голос, 1995.

⁵ Тютюник Ю. З поляками проти України. Харків, 1924 [репринт, 1990 г.].

⁶ Масарик Т.Г. Мировая революция. Воспоминания. Т. 1. Прага, 1926. Масарик – президент Чехословакии в 1918–1935 годах. См. также: Фирсов Е.Ф. Т.Г. Масарик в России и борьба за независимость чехов и словаков. М., 2012.

⁷ Черчилль У. Мировой кризис. 1918–1925: Воспоминания. М., 1932.

⁸ Tommasini F. Odrodzenie Polski. W., 1928.

⁹ Machalski T. Pod prąd: Światła i cienie kampanii wrześniowej 1939 r. Londyn, 1961.

под Варшавой. Интерес советских командиров война с Польшей вызвала и потому, что она была, как они полагали, первой «внешней» войной Советской России. Остроте споров способствовала книга Пилсудского с критикой М.Н. Тухачевского, писавшего поверхностно и тенденциозно¹. Наиболее объективно ход и характер советско-польской войны осветили А.И. Егоров, Е.Н. Сергеев и Б.М. Шапошников². Шапошникову особенно присущи компетентность, взвешенность суждений, широта мышления, глубина проникновения в суть проблемы, а также такт, с которым автор пишет о своих оппонентах. Но на волне хрущевской «оттепели» советские историки сочли брошюру Тухачевского едва ли не основополагающей работой по данной теме, что в 1970–1980-е годы способствовало деформации представлений о советско-польской войне. Шапошников не критиковал Тухачевского, а дополнил его работу данными, которые ускользнули от внимания бывшего командующего Западным фронтом или не были ему известны. Тухачевский считал, что причиной поражения Красной армии стала стратегия, а не политика. Шапошников же писал: с подходом к Бугу стратегия не могла гарантировать политике немедленный успех, а политика не могла рассчитывать на него³. Особняком в мемуарной литературе стоит книга бежавшего на Запад дипломата Г.З. Беседовского, из которой, при критическом подходе, можно почерпнуть немало фактов о внешней политике СССР в 1920-е годы⁴.

Источники личного происхождения частично извлечены автором также из фондов «Особый политический отдел» и «Секретный архив министра» Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) с перепиской и статьями информатора МИД, журналиста В.П. Сватковского. Переписка А.В. Колчака, А.И. Деникина, С.Д. Сазонова и А.А. Нератова, содержащаяся в фондах «МИД Российского правительства в Омске» и «Представительство МИД Российского правительства в Париже» Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) привлекла внимание в связи с дискуссией о будущих границах России.

¹ Пилсудский Ю. 1920 год // Пилсудский против Тухачевского: (Два взгляда на советско-польскую войну 1920 г.). М.: Воениздат, 1991; Тухачевский М.Н. Поход за Вислу // Там же.

² Егоров А. Львов – Варшава. 1920 год. Взаимодействие фронтов. М.; Л., 1929; Сергеев Е.Н. От Двины к Висле. Очерк операций 4-й армии западного фронта в июле и 1-й половине августа 1920 г. Смоленск, 1923; Шапошников Б. На Висле. К истории кампании 1920 года. М., 1924.

³ Шапошников Б. Указ. соч. С. 7, 200, 202.

⁴ Беседовский Г.З. На путях к термидору. М., 1997.

В фонде секретариатов Чичерина и Крестинского особый интерес представляет личная переписка наркома и замнаркомов с полпредами, дневниковые записи сотрудников советских дипломатических миссий. В РГАСПИ важными для работы явились фонды М.М. Литвинова, К.Б. Радека, Л.Д. Троцкого.

С помощью документов Российского государственного военного архива (РГВА) автор уточнил роль пропаганды в обеспечении внешнеполитических планов Белого движения и Польши в период Гражданской войны.

В архиве МИД Чехии (Archiv Ministerstva zahraničnich věci České Republiky) главным источником стал фонд главы чехословацкой миссии в Москве Й. Гирсы, в котором хранятся письма представителей белой эмиграции министру иностранных дел ЧСР Э. Бенешу по проблеме Восточной Галиции.

К источникам личного происхождения относятся статьи, труды и переписка государственных, политических, военных и общественных деятелей первой трети XX века. Они уделяли большое внимание роли международного фактора в мировой, Гражданской и советско-польской войнах, исход которых во многом определил конфигурацию западных рубежей России. Своего рода геополитическим прогнозом итогов будущей мировой войны стала записка (февраль 1914 г.) члена Государственного совета П.Н. Дурново Николаю II (издана в 1920-х годах)¹. Изучение переписки Н.И. Астрова, А.С. Лукомского, Б.В. Савинкова позволило выявить разногласия в самом Белом движении².

Наглядно интерес к роли международного фактора демонстрируют статьи, речи и письма В.И. Ленина, включая дотоле не опубликованные. Особое значение для монографии имеет полная стенограмма прошедшей в сентябре 1920 г. IX конференции РКП(б), раскрывающая причины принятого во второй половине июля 1920 г. решения лидеров большевиков о советизации Польши (и не только ее) и обосновывающая начало перехода в сентябре к реальной политике³. В исследовании проблемы помогли также статьи и переписка Сталина⁴, других видных деятелей РКП(б)⁵. Военный историк и военачальник Н.Е. Какурин характеризовал политику Пилсудского в 1919 г.

¹ Дурново П.Н. Записка П.Н. Дурново. Париж, 192...

² Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995.

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35, 36, 37, 40, 41, 42, 44, 51; Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999.

⁴ Сталин И.В. Сочинения. Т. 4, 5, 13. М., 1947, 1953.

⁵ Большеви́стское руководство. Переписка. 1912–1927. М., 1996.

как повлиявшую на поражение войск Деникина в боях с Красной армией¹. Отметим и посвященную конфликту с Польшей публицистику, принадлежащую как перу лидеров большевиков, так и представителей белой эмиграции².

Письма, интервью, речи Ю. Пилсудского и И. Падеревского, их дипломатическая и личная переписка, отражающая перипетии борьбы в 1919–1920 гг. между Польшей, Германией, западными державами и внутривосточную борьбу в Польском государстве вокруг территориальных проблем³. Дневники Г. Кесслера также свидетельствуют о внутривосточной борьбе в Польше по вопросу о ее будущих границах⁴. Правонационалистические политики выдвигали обвинения в адрес правительства Веймарской республики, не оказавшего серьезной поддержки акции националистов Восточной Германии, пытавшихся вести борьбу с Польшей, выдвигая собственный план создания «восточного государства». Характерна в этом отношении мемуарно-публицистическая книга «Утрата “Остмарк”» пера Г. Клейнова – одного из руководителей немецких националистов в Восточной Германии⁵. Советник посольства Берлина в Москве Г. Хильгер писал о существовании советско-германских «конкретных целей», но не союза⁶.

Третий по важности вид источников – **периодическая печать** исследуемого периода. Это издания, публиковавшие информационно-аналитические материалы о государственной и общественной жизни и выражавшие интересы и позиции разных групп правящих классов. При ее анализе учитывались особенности прессы в освещении рассматриваемой проблемы: многообразие жанров (передовица, отчет, заметка, корреспонденция) и подчиненная роль фактов, которые подбирались авторами для подтверждения или иллюстрации своих мыслей и выводов. Поэтому периодическая печать интересна именно скрытой информацией – мотивами и целью публикаций, концепцией автора и газеты.

¹ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 2. М., 1990.

² См., напр.: Каменев Л.Б. Ллойд Джордж, Врангель и Пилсудский. М., 1920; Бережанский Ник. Польско-советский мир в Риге // Историк и современник. Берлин. 1922. Т. 2–3.

³ Piłsudski J. Pisma zbiorowe. Т. 5. W., 1937; Archiwum polityczne Ignacego Paderewskiego. Т. II. Wg., 1974. (Игнацы Падеревский, пианист и композитор, представлял Польшу на Парижской мирной конференции, а в январе 1919 г. занял пост премьер-министра Польши. – *Ред.*)

⁴ Kessler H. Aus den Tagebüchern. 1918–1937. München, 1965. Кесслер – германский посол в Варшаве в конце 1918 года.

⁵ Cleinow G. Der Verlust der Ostmark. В., 1934.

⁶ Хильгер Г., Мейер А. Россия и Германия. Союзники или враги. М., 2008. С. 243–244.

Среди советских газет наиболее полно использованы «Известия» и «Правда»; среди германских – уделявшие значительное внимание международным отношениям «Berliner Tageblatt» («Берлинский ежедневник») и «Vossische Zeitung» («Фоссише цайтунг» по имени издателя Фосса); среди польских – близкие к эндекам «Dziennik Powszechny» и «Gazeta Warszawska», а также печатный орган Польской социалистической партии (ППС) «Robotnik». Интерес представляют газеты Данцига (Гданьска) и Поморского воеводства, журнал польских националистических кругов «Strażnica Zachodnia», комплекты которых хранятся в научной библиотеке Вильнюсского университета. Серьезным дополнением к хранящимся в библиотеках газетам стало находящееся в Научном архиве Института российской истории РАН досье вырезок из советской и зарубежной прессы. Там же хранятся копии архивных документов МИД Австрии за 1922–1938 гг. Важным источником послужили публикации архивных материалов в журналах «Коммунистический Интернационал», «Красный Архив», «Международная жизнь» за 1920-е годы; архивных документов в современном российском журнале «Источник» и польских журналах «Dzieje Najnowsze» и «Kwartalnik Historyczny».

Дополнительным источником – в силу специфики нашего исследования – явились работы классиков геополитики. Оценивая их с позиций историзма, заметим, что при всех различиях и классики, и их эпигоны принадлежат к школе географического детерминизма. Основоположителем континентального направления геополитики был немецкий географ Ф. Ратцель, итогом научной деятельности которого стал труд «Политическая география». По мнению этого автора, пространство и его границы фатально детерминируют внешнеполитическое развитие государств. Центральное географическое положение Германии в Европе ученый оценил и как проблему (зажатость), и как перспективу выхода из континентальной узости. Ратцель считал необходимой перекройку европейских границ для восстановления нарушенной другими державами справедливости в отношении к Германии. Одновременно ученый признал геополитический императив России в регионе¹. Шведский социолог Р. Челлен (автор термина «геополитика») популяризировал взгляды Ратцеля с прогерманских позиций, но при этом утверждал: «Уже физическая масса великой империи обладает притягательной силой для малых (...) подобный феномен представляют масштабы России (...) в отношении (...) славянских малых народов в Европе»².

¹ Ratzel F. Politische Geographie. München u. B., 1923. S. 587, 588.

² Kjellen R. Der Staat als Lebensform. B.-Grünewald, 1924. S. 76; См. также: Озелиус Г., Чуканов М.Ю. Отец геополитики о России как великой державе // ВИ. 1996. № 1.

Воззрения Ратцеля и Челлена способствовали формированию новых представлений об историческом предназначении Германии, к ним обращались для обоснования внешнеполитических проектов. Именно срединным положением Германии, окруженной недругами, многие немецкие историки и политики объясняли ее шаги в военно-политической сфере накануне и в годы мировой войны. Депутат рейхстага Ф. Науманн выдвинул концепцию *Mittleuropa* (Срединная Европа), предусматривавшую создание германской сверхдержавы от Балтийского до Черного моря¹. За претворение в жизнь ставшей популярной концепции *Mittleuropa* выступали как немецкие политики, так и историки². В своем новом прочтении *Mittleuropa* – в отличие от пангерманских проектов – была уже не национальным, а геополитическим понятием, в котором основное внимание уделялось не этническому единству, а общности географической судьбы соответствующих народов.

Важную роль в мировом балансе сил отводил России британский географ Х.Дж. Маккиндер³. Изучая историю европейских войн, геополитик обратил внимание на позволявший контролировать ЦВЕ перешеек между Балтийским и Черным морями. После окончания мировой войны Маккиндер предложил превратить возникшие в ЦВЕ государства в буферную зону между Германией и Россией⁴, выступив и как практический геополитик в качестве британского Верховного комиссара на юге России.

Необходимость сближения Германии и России обосновал в труде «Границы в их географическом и политическом значении» (впервые издан в 1927 г.) немецкий геополитик К. Хаусхофер. По словам автора, «неясные внешние границы в Центральной Европе означают регресс». Регион между Балтийским и Черным морями ученый назвал «центрально-европейской зоной напряжения» и выделил Польшу в качестве «переходной страны (...) с исключительно сложными, искусственными границами», заявив о необходимости поиска «германо-польской культурной границы, как и русско-польской». По мне-

¹ Науманн Ф. Срединная Европа (*Mittleuropa*). Пг., 1918.

² Туполев Б.М. «Срединная Европа» в экспансионистских планах германского империализма накануне и во время Первой мировой войны // Первая мировая война: Пролог XX века... С. 106–121.

³ Маккиндер Х.Дж. «Географическая ось истории» // Полис. 1995. № 4. С. 169. С докладом под этим названием Маккиндер выступил в 1904 году.

⁴ Mackinder H.J. *Democratic ideals and reality: A study in the politics of reconstruction*. Washington, 1996. P. 78, 80, 83, 106, 111–114. См. также: Parker W.H. *Mackinder. Geography as an Aid to Statecraft*. Oxford, 1982.

нию Хаусхофера, «период геополитического землеустройства (...) не закончился с мировой войной, а начался»¹.

После окончания Второй мировой войны на роль ЦВЕ обратил внимание французский геополитик Ж. Готтман. На Польшу он смотрел как на «владение» Германии, занимающей «осевую позицию» в Европе. Трагедия Польши, по словам Готтмана, заключалась в том, что она являлась «тампонным (буферным) государством» между Германией и Россией. Именно это обстоятельство, по мнению геополитика, использовал на Парижской мирной конференции при определении границ на востоке Европы министр иностранных дел Великобритании Дж. Керзон, опираясь на свой опыт создания «буферных государств» в Азии².

Таким образом, в силу недостаточного исследования темы в научной литературе главную роль в решении поставленных цели и задач нашего исследования сыграла его источниковая база. Во многом монография основана на архивных материалах, часть которых впервые введена в научный оборот. Цитаты из архивных документов приведены согласно современным правилам орфографии и пунктуации, но сохранены своеобразие написания географических названий, выделение слов, стилистика. Археографическую обработку документов автор осуществлял в соответствии с существующими в России правилами публикации архивных материалов. Широкое использование архивных материалов определило цитирование переписки, дневниковых записей дипломатов и политиков, что, по мнению автора, нагляднее отражает характер исследуемой эпохи. Документы и события датируются по новому стилю. Следует заметить, что архивные материалы, как и другие источники, имеют различную степень достоверности и нуждаются в критическом анализе при комплексном их рассмотрении. Источниковая база диссертации, по нашему мнению, обеспечивает репрезентативность эмпирических данных. Автор провел первичный археографический анализ ряда источников и ему удалось интерпретировать полученную информацию на основе валидных методик, обеспечить источниковедческий синтез в целях доказательств новых концептуальных выводов.

¹ Haushofer K. Grenzen in ihrer geographischen und politischen Bedeutung. Heidelberg-B.; Magdeburg, 1939. S. 30, 100, 118, 230. См. также: Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М., 2001. С. 40, 121–122, 235.

² Gottmann J. La politique des États et leur géographie. Paris, 1953. P. 103–105, 139.



Глава II ПОЛИТИКА РОССИИ В ЦВЕ В ПРЕДДВЕРИИ И ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

2.1. Западные рубежи в системе геополитических координат Российской империи

Развернутое обоснование интересов России в ЦВЕ дали российские общественные и государственные деятели еще в XIX – начале XX века. Идеолог панславизма Н.Я. Данилевский считал, что после Отечественной войны 1812 г. России следовало сохранить раздел Польши между Австрией и Пруссией, а себе потребовать Восточную Галицию¹. Подобного мнения придерживался начальник Главного штаба российских вооруженных сил генерал Н.Н. Обручев, писавший в служебной записке 1885 г.: «Западная граница наша значительно спрямилась бы и, упершись в Карпаты, приобрела бы такую силу, что могла бы устоять против всей Европы». Генерал напомнил, что Наполеон предлагал Александру I устье Немана, но последний отказался от этой частицы литовской земли. На Венском конгрессе русские дипломаты «увлеклись сохранением территории Царства Польского (...), а Россию лишили на Северо-Западе естественной ее границы. Ради этой же идеи была уступлена и Австрийцам часть Юго-Восточной Галиции... доставшаяся нам в 1809 году»².

С.Д. Сазонов (министр иностранных дел в 1910–1916 гг.) в своих мемуарах так оценил установленные Венским конгрессом российские рубежи: «Россия (...) получила уродливую границу, которая глубоко врезалась в германские земли и защита которой представляла неодолимые трудности. Непримиимо враждебная России Польша (...) ослабляла ее политически, сыграв роль нароста или грыжи

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 35.

² Первая наша забота – стоять твердо в Европе. Так считал крупный военный ученый, профессор Академии Генерального штаба Н.Н. Обручев // Источник. 1994. № 6. С. 8, 9, 10. Термин «Царство Польское» официально не употреблялся после восстания 1830–1831 гг., но им обозначали польские губернии Российской империи.

в нормальном до этого времени организме Русского Государства»¹. Лидер польской партии Национальная демократия и член российской Государственной думы Р. Дмовский охарактеризовал как «географическое уродство» Галицию и Царство Польское, утверждая, что для прочного обладания ими необходимы «дальнейшие территориальные приобретения – для Австрии в направлении нижнего течения Вислы и для России в направлении устьев Немана и Вислы или Карпатских гор, с целью на них опереться»².

Международная ситуация начала XX века превратила предложения генерала Обручева в не более чем пожелания, теперь государственные деятели России возлагали надежды на укрепление западных рубежей империи путем сотрудничества с другими континентальными державами. Но франко-германский антагонизм и русско-германские противоречия преодолеть не удалось. Военный министр А.Н. Куропаткин в докладе Николаю II за 1900 г. уже не говорил о необходимости блока континентальных держав, он лишь советовал примириться с усилением военной мощи Германии. «Своих естественных границ», по словам генерала, Россия достигла: Восточная Пруссия и Галиция в случае их присоединения к империи явились бы «восточноевропейской Эльзас-Лотарингией». К началу XX века правящая бюрократия России пришла к мнению о том, что национальным интересам страны отвечают сложившиеся границы и пространство империи, поэтому задача состоит в «сохранении уже достигнутых Россией пределов, без расширения таковых». Вместе с тем геостратегическое положение России имело как положительные (соседство на востоке с полукOLONиальными и зависимыми странами), так и отрицательные черты: непосредственное соприкосновение с потенциальными противниками – Германией и Австро-Венгрией – и отсутствие на западе серьезных естественных преград при наличии протяженной сухопутной границы³. В итоге, несмотря на определенные зигзаги внешней политики, Российская империя проявляла стратегический интерес к сопредельным территориям Германии и Австро-Венгрии, как, впрочем, и центральные державы – к сопредельным территориям России.

В отношении Восточной Галиции российские власти и общественность мотивировали свою заинтересованность не только стрем-

¹ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 371–372.

² Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. СПб., 1909. С. 35–36. Национальная демократия (эндеки) – настроенная пророссийски крупнейшая буржуазно-помещичья партия Царства Польского.

³ См.: История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века... С. 53, 54; Игнатьев А.В. Внешняя политика России. 1907–1914. М., 2000. С. 15–16.

лением «опереться на Карпаты», но и тем, что часть галицких русин отождествляла себя с русскими и выступала за единство восточных славян¹. Российский посол в Вене М.Н. Гирс напомнил в письме от 8 февраля 1912 г. Саонову, что после присоединения к Австрии Восточная Галиция «в официальных бумагах называлась *Rot Russland* (Червоная Русь), а население – *russisch* (...). Ныне австрийское правительство отрицает (...) существование русского племени в Галиции». По мнению посла, предоставление Галиции в 1861 г. автономии привело к тому, что фактически землей управляют местные поляки, которые провоцируют антироссийские настроения в среде русин². В России (и не только) возобладало мнение, что понятие «украинец» ввели власти Австро-Венгрии для обозначения противников России, поскольку составлявшие единый этнос русины отличались конфессиональной принадлежностью и национально-политической ориентацией: православные карпаторусы и униаты-москвофилы – за Россию, а униаты-украинцы – за Австрию. Не случайно отечественные историки, писавшие как в дореволюционной традиции³, так и с современных позиций, считают, что политика австрийских властей способствовала превращению Восточной Галиции в «украинский Пьемонт»⁴. Впрочем, национальное размежевание в Восточной Галиции было возможно, хотя представляло немалые трудности в связи с этнической чересполосицей, особенно на границе с Западной Галицией – в районе реки Сан, Перемышля и Ярослава (ныне в составе Польши. – В.З.), – а также на западе Прикарпатской Руси. Львов же образовал «на русской территории польский остров»⁵.

¹ Русины – коренное население Восточной Галиции и Прикарпатской Руси. См.: Михутина И.В. Украинский вопрос... С. 32–53; Поп И.И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001; Поп И.И. Историография истории русин и Подкарпатской Руси // Славяноведение. 2003. № 1.

² МОЭИ. Серия II. Т. XIX. Ч. 2. М., 1938. № 437. С. 94–95. См. также: Из записки коллежского ассессора И. Олфертьева 20 августа 1909 г. управляющему МИД // АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 43. Л. 7.

³ Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. С. 203, 240.

⁴ Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 187; Михутина И.В. Украинский вопрос... С. 50; Савченко В.Н. Восточная Галиция в 1914–1915 годах (национально-политическая ситуация и политика российской администрации) // ОИ. 2002. № 5. С. 76, 82. Идеолог украинского национализма М.С. Грушевский даже озаглавил свою статью, написанную в 1906 г., «Украинский Пьемонт».

⁵ Записка коллежского ассессора М. Казанского «О русском влиянии в Галиции» от 11 августа 1913 г. товарищу (заместителю) министра иностранных дел А.А. Нератову // АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 155. Л. 11–12. См. также: Из обзора источников и материалов МИД для проведения границ русской народности в Галиции, Угорской Руси и Буковине (без даты) // Там же. Д. 200. Л. 6.

Видение проблем ЦВЕ российскими политическими партиями, как либеральными, так и правоцентристскими, отличалось в предвоенный период, по сравнению с взглядами МИД, большей радикальностью и определенным единодушием. «Исправление» существовавших границ России допускали кадеты и октябристы. Националисты требовали разрешения галицийского вопроса и естественных границ на Балтике – устья Немана¹. Славянофильские взгляды популяризировал в 1910 г. публицист И.И. Дусинский: он полагал национальной задачей России достижение «более удобных естественных границ» путем присоединения к империи Восточной Галиции и Угорской Руси, выступал против автономии Польши². Крайне правые круги считали, что территориальное расширение империи за счет Австро-Венгрии и Германии усилит в России центробежные силы. Член Государственного совета П.Н. Дурново в феврале 1914 г. писал Николаю II: « (...) что может дать нам победа над Германией? Познань, Восточную Пруссию? Но зачем нам эти области, густо населенные поляками, когда и с русскими поляками не так легко управляться? (...) Совершенно то же и в отношении Галиции»³.

МИД России получал информацию, что в случае войны к возможной оккупации центральными державами Царства Польского и потенциальному «четвертому разделу Польши поляки стали относиться более спокойно, видя в этом начало объединения Польши»⁴. Подобные настроения позднее отразил «инцидент в Львове» (19 мая 1912 г.), когда местные поляки в связи с намерением российских властей выделить земли Холмщины из состава Царства Польского устроили антирусскую демонстрацию, а затем напали на российское консульство. Эта, по словам Гирса, «подлая демонстрация» произвела «самое тягостное впечатление в России» и показала, что Галиция является «опасным местом в наших отношениях с Австро-Венгрией». Переписку Сазонова и Гирса обнародовала 25 мая 1912 г. газета «Новое время», что, по словам министра, было единственным средством успокоить депутатов Государственной думы и уменьшить общее возбуждение. К «бессилию» Вены перед властями Галиции Сазонов отнесся скептически⁵.

¹ История внешней политики России... С. 377–379, 388–389, 392–393; Игнатьев А.В. Указ. соч. С. 49–54.

² Дусинский И.И. Геополитика России. М., 2003. С. 123, 89–91, 95–103, 203–204.

³ Дурново П.Н. Записка П.Н. Дурново. Париж, 192... С. 17.

⁴ Из записки коллежского асессора И. Олфертьева 20 августа 1909 г. управляющему МИД // АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 43. Л. 9.

⁵ МОЭИ. Сер. II. Т. XX. Ч. 1. М., 1939. № 31. С. 25; № 45. С. 37–38; № 58, 59. С. 51–53; № 107. С. 94–95; № 111. С. 97–98; № 124. С. 109–110; № 262. С. 253. По

Накануне 50-летия восстания 1863 г. антироссийские настроения в среде поляков усилились. Газета «Rzeczpospolita» отмечала в декабре 1912 г.: «Австрия с Царством Польским как государство австро-венгро-польское было бы великолепно»¹. Корреспондент «Нового времени» В.П. Сватковский, являвшийся информатором МИД, писал из Вены в январе 1913 г.: по мнению поляков, они «в случае войны между Австрией (и Германией) с Россией (...) должны встать на сторону Австрии, поддерживая ее стремление завладеть Царством Польским»². В январе 1914 г. в докладной записке Николаю II Сазонов советовал: «(...) австрийцы не скупилась в обещаниях полякам, которых убеждали, что будущая война приведет к раскрепощению и объединению этой народности»; удовлетворение желаний поляков в культурно-религиозной сфере послужит «великодержавным задачам России, которые не могут получить должного осуществления в пределах узкого и близорукого национализма»³.

Впрочем, решающую роль в развитии событий в ЦВЕ в конце XIX – начале XX века играла не монархия Габсбургов, а империя Гогенцоллернов. Непрерывность (die Kontinuität) внешней политики Пруссии и Германии в немалой степени определял «натиск на Восток». Германский генштаб разрабатывал планы превентивной войны против России, хотя рейхсканцлер О. Бисмарк относился к ним скептически, поскольку Россия – «неразрушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими пространствами». Он учитывал и отрицательные для Германии последствия войны в связи с польским вопросом, так как превращенное в буферное государство (под германским протекторатом) Царство Польское потребует включения в свой состав населенные поляками земли центральных держав⁴. Накануне своей вынужденной отставки Бисмарк писал: «... я старался никогда не разрушать окончательно мост между нами и Россией»⁵. Экс-канцлер считал, что польское государство «было бы колом, вбитым в тело Австрии»: русское соседство неудобно, но не так, как польское⁶. Правда, Вильгельм II тоже гарантировал

закону 1912 г. из части Седлецкой и Люблинской губерний была создана Холмская губерния (Холмщина), выделенная из состава Царства Польского (ныне Хелмское воеводство в Польше).

¹ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 745. Л. 15.

² Там же. Ф. 133. Оп. 40. Д. 14. Л. 9.

³ МОИ. Сер. III. Т. I. М., 1931. № 52. С. 61–64.

⁴ Цит. по: История дипломатии. Т. II. М., 1963. С. 268. См. также: «Дранг нах Остен»... С. 96, 97.

⁵ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. III. М., 1941. С. 76, 132.

⁶ См.: Хлебовчик Ю. Роль польско-германских отношений в истории германского «Дранга нах Остен» 1795–1918 годов // Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе. М., 1965. С. 158 (сн.).

Николаю II безопасность западных рубежей России, обещая блюсти «интересы, общие континентальным нациям»¹. Но в отношениях Германии и России польский вопрос оставался лишь временным «узлом общности»².

В преддверии мировой войны положение России в системе европейских геополитических координат стало меняться: земли центральных держав, примыкавшие к западу Российской империи, постепенно трансформировались в геополитические поля, к которым проявляла интерес Россия. Перекрестными полями Австро-Венгрии были Восточная Галиция и Прикарпатская Русь, а Мемельская область обладала признаками пограничного поля³. Гораздо быстрее аналогичные процессы шли на Балканах: не случайно именно там и произошел приведший к началу мировой войны «взрыв». Заметим, что провоцирующую роль в спорах континентальных монархий вокруг «пространства пограничья» играли населяющие его народы, заинтересованные в конфликте великих держав. Дмовский считал неизбежным, в силу географического положения Царства Польского, стремление к его захвату Германией. Лидер Чешской народной партии («реалистов») Т.Г. Масарик писал: «Для нас будет выгодно, если война затянется, ибо мы сможем развить революционную пропаганду»⁴.

В XX век Россия вступила в сравнительно благоприятной обстановке: после 20 лет мира; на гребне успехов промышленного развития; в момент, когда стал отчетливо проявляться антагонизм между Германией и Англией. Но после русско-японской войны и революции Россия стала проводить политику соглашений и балансирования, выработка которой связана с именем министра иностранных дел А.П. Извольского, а продолжил ее П.А. Столыпин. Однако полученная Россией передышка оказалась значительно короче, чем ожидали творцы этой политики. Столыпину были необходимы 20 лет внутреннего и внешнего покоя. Извольский рассчитывал лет на 10–15. Таким образом, Россия вступила в мировую войну недостаточно подготовленной в военном отношении, не завершив модернизации и не добившись внутренней консолидации общества. Это предпопре-

¹ См.: История внешней политики России... С. 98–99.

² Дмовский Р. Указ. соч. С. 167.

³ Пограничное поле – недостаточно освоенная титульной нацией для слияния с центром государства территория. На перекрестное поле претендуют несколько государств, предъявляя на него исторические права, имея общий этнический или религиозный состав. См.: Плешаков К. Геополитика в свете глобальных перемен // МЖ. 1994. № 10. С. 32–33.

⁴ Дмовский Р. Указ. соч. С. 282; Масарик Т.Г. Указ. соч. С. 29.

делило неудачу внешнеполитических замыслов ее правящих кругов. Серьезным пороком являлось несовершенство внешнеполитического руководства, связанное с общей неэффективностью государственного механизма самодержавия и в конечном счете с отсталостью страны. Особенно плохо обстояло дело с прогнозированием, выработкой курса, последовательностью проведения намеченной линии¹.

2.2. Военно-политические цели России в ЦВЕ в 1914–1917 гг.

В преддверии мировой войны изменение политической структуры России вследствие революции 1905–1907 гг. отразилось на развитии ее вооруженных сил. На 1910–1914 гг. пришлось промышленный подъем и хороший урожай, совпавший с ростом цен на сельскохозяйственные товары на мировом рынке. В итоге расходы на армию и флот увеличились на четверть, изменился характер ассигнований².

С конца 1907 г. Генштаб начал работу над изменением планов стратегического развертывания. Расписание № 18 предусматривало – «несколько рискованно», по мнению А.М. Зайончковского, – развертывание русских армий в т. н. польском мешке – выдающейся далеко на Запад территории Царства Польского³. Цель изменения планов, по словам начальника Генштаба Ф.Ф. Палицына, заключалась в том, чтобы между наступающей германской армией и сосредоточивающейся русской «поставить пространство». Эти положения легли в основу мобилизационного расписания № 19, утвержденного Николаем II 26 июня 1910 г.⁴ Военный министр В.А. Сухомлинов назвал еще одну причину изменения дислокации армии: « (...) одновременным наступлением неприятеля из Восточной Пруссии и Галиции в тыл нашей оборонительной линии на Висле всем вооруженным силам нашим на этом выдающемся плацдарме грозит неминуемая катастрофа»⁵. После того как русские войска ушли из стратегического мешка, Германия полностью склонилась к осуществлению

¹ Игнатьев А.В. Своеобразие российской внешней политики на рубеже XIX–XX веков // ВИ. 1998. № 8. С. 32–43.

² Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000. С. 185–186.

³ Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и оперативных планов. М.; Л., 1926. С. 225.

⁴ Шацилло К.Ф. Указ. соч. С. 189–191.

⁵ Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. URL: http://dugward.ru/library/hxvek/suhomlinov_vospom.html (дата обращения: 24.07.2017).

«плана Шлиффена», предполагавшего нанесение главного удара по Франции. Реформа Сухомлинова позволяла приблизиться к территориальной системе комплектования войск, что значительно облегчало мобилизацию.

Война, которую в России в 1914 г. назвали Вторая Отечественная, а в 1916 г. – Великая, после 1941 г. получила название Первой мировой. В научной литературе и публицистике сложился широкий диапазон мнений о причинах, характере, итогах и значении Первой мировой войны. Но одно бесспорно: эта война остаётся Первой и Великой благодаря своим историческим последствиям.

Действительно, Великая война кардинально изменила геополитический ландшафт Европы, уничтожив могущественные империи и дав жизнь новым национальным государствам. Война детерминировала многие тенденции мировой политики XX века, определив, по сути, дальнейший ход развития человеческой цивилизации; война сыграла огромную роль в судьбе Российского государства, став одновременно и подвигом русского оружия, и национальной катастрофой. Война привела к сильнейшей поляризации сил, предопределила революции 1917 г. и раскол страны.

Россия принадлежала к державам, заинтересованным в сохранении раздела мира, а не в его переделе. Николай II писал 14 (27) июля 1914 г. министру иностранных дел С.Д. Сазонову: «Не попытаться ли нам, сговорившись с Францией и Англией, а затем с Германией и Италией, предложить Австрии передать на рассмотрение Гаагского трибунала спор её с Сербией... Во мне надежда на мир пока не угасла»¹. Сазонов, выступая 19 июля на заседании Совета Министров Российской империи, отметил: «Цель войны с Австрией – не панрусизм, а освобождение народов к их обособленному бытию, на национальных основах»². Но 19 июля (1 августа) Германия объявила войну России.

В ходе дискуссии о мировой войне ученые РАН обратили внимание на способствовавшие вступлению России в войну факторы, о которых умалчивала советская историография. В.П. Булдаков отметил: личные «прегрешения» Франца Иосифа, Вильгельма, Николая «против европейского мира оказались в значительной степени объективно спровоцированными. Не последнюю роль при этом играли малые страны и народы Европы, преимущественно по инициативе которых неотъемлемым в перечне новых правил межимпериалистической борьбы стал лозунг “защиты прав угнетенных наций”». Т.М. Исламов

¹ Цит. по: Игнатъев А.В. Внешняя политика России. 1907–1914... С. 217–219.

² Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 29.

утверждал: «Россия оказалась втянутой в войну, которая отнюдь не диктовалась правильно понятыми национальными интересами Российской империи. И не геополитические интересы России требовали разрушения Австро-Венгрии, а интересы создания “Великой Сербии” того требовали». По мнению Л.Г. Истягина, некоторые узлы империалистических противоречий «не выдерживают достаточно строгой современной проверки. Взять хотя бы русско-германские противоречия... Возможность договоренности имелась самая реальная, и, вероятно, не случись войны, С. Витте, если бы, как ожидалось, ему было поручено вести переговоры, добился бы на них вполне удовлетворительного результата. А кроме экономических, какие еще у России с Германией (не Австро-Венгрией) были такие уж острые разногласия, чтобы из-за них хвататься за оружие? По существу, никаких»¹.

Россия не вела идейно-психологической подготовки народа к войне. Генерал А.А. Брусилов в воспоминаниях отмечал: «Нравственную подготовку народа к неизбежной европейской войне правительство не только упустило, но и не допустило. Если бы в войсках какой-нибудь начальник вздумал объяснить своим подчиненным, что наш враг – немец, что он собирается напасть на нас и что мы всеми силами должны готовиться отразить его, то тот господин был бы немедленно выгнан со службы, если бы не был предан суду. Еще в меньшей степени школьный учитель мог это проповедовать, он был бы сочтён опасным панславистом, ярким революционером»². Подобные признания звучат в мемуарах и других военачальников.

Разработка идейного обоснования участия России в мировой войне началась после ее вступления в конфликт и велась с позиций защиты Отечества, интересов народа от посягательств других держав. Николай II в высочайших манифестах от 20 и 26 июля 1914 г. об объявлении войны Германии и Австро-Венгрии обозначил причины и характер участия России в европейском конфликте: защита территории страны, ее чести, достоинства, положения среди великих держав, а также «единокровных и единоверных братьев-славян». Тот факт, что Германия первой объявила войну России, способствовал формированию в массовом сознании установок ее восприятия как войны справедливой и направленной на отражение германской агрессии.

¹ Булдаков В.П. Первая мировая война и имперство // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 22; Исламов Т.М. Восточноевропейский фактор в исторической перспективе // Там же. С. 47; Истягин Л.Г. Диалектика факторов с исторической дистанции // Там же. С. 55–56.

² Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1963. С. 70.

сии. Народные настроения отражали получившие широкое хождение фразы: «Ежели немец прет, то как же не защищаться?» и «Нам чужого не надо, но и своего мы не отдадим»¹.

С началом войны царский режим получил некоторый дополнительный заряд прочности. Мы не можем определить сегодня, каким был баланс всех «за» и «против» сохранения в России старой системы власти, но отрицать сам факт ее временной стабилизации после начала войны невозможно. Другое дело, что шанс этот властью был бездарно упущен, а полученный правительством очередной кредит народного доверия быстро и безвозвратно утерян. В советской историографии не писали о патриотическом подъеме 1914–1915 гг. как о стабилизирующем факторе для самодержавия. С.В. Тютюкин охарактеризовал патриотизм масс в годы войны как «пульсирующее народное чувство, острота и формы которого менялись под влиянием многих социальных и политических факторов»². Вероятно, россияне любили родную землю, культуру, язык больше, чем государственно-правовые институты, а истинный патриотизм просыпался у них в экстремальных ситуациях, когда Родине грозила потеря национальной независимости³.

В результате патриотический подъем в первые дни войны охватил практически все слои населения: проходили манифестации, шествия, молебны о даровании победы над врагом. Представления о справедливой защите Россией земли, жизни, чести, материальных и культурных ценностей от посягательств внешнего врага стали определяющим компонентом образа войны. Патриотический и религиозный подъем начала войны был неразрывно связан с расширением монархических настроений. Николай II стал символом консолидации защиты Родины, формула «За Веру, Царя и Отечество» на уровне массового сознания выражала базовые ценности. Для первого года войны были характерны стабилизация социальной ситуации и религиозный подъем в деревне, корректировка системы приоритетов и ценностей в сознании рабочих, самоотверженное выполнение воинского долга солдатами русской армии на фронте⁴.

¹ Тютюкин С.В. Первая мировая война и революционный процесс в России (роль национально-патриотического фактора) // Тютюкин С.В. Десять лет в журнале «Отечественная история». М., 2005. С. 182–183, 184.

² См.: Первая мировая война и ее воздействие на историю XX в. «Круглый стол» // ННИ. 1994. № 4–5. С. 116–117.

³ Тютюкин С.В. Последний шанс императорской России // Десять лет в журнале «Отечественная история»... С. 170.

⁴ Поршнева О.С. Эволюция образа войны в сознании массовых слоев российского общества в 1914 – начале 1917 г. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. М., 2006. С. 82.

Несмотря на отсутствие в России идейно-психологической подготовки к войне, охвативший в июле 1914 г. русский народ патриотический подъём далеко превзошёл своими размерами 1877 г. Запасные прибыли в свои части в количестве, превышающем на 15 % норму, предусмотренную Главным управлением Генштаба; явилось много добровольцев. В честь успешной мобилизации учредили медаль «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года» (последняя медаль Российской империи)¹.

Однако современники указывают на общую неподготовленность России к масштабам мировой войны. Протекция, соблюдение принципа старшинства при определении должностей и званий привели к тому, что младшие и средние офицеры оказались лучше подготовлены к современной войне, чем старший офицерский состав и генералитет русской армии. Как писал советский историк, «русская армия вышла на войну с хорошими полками, посредственными дивизиями и плохими армиями»², хотя были и приятные исключения. К.Ф. Шацилло, соглашаясь с тезисом о кризисе вооружения России перед войной, видит, однако, причину проблемы не в недостатке видов вооружений (по его мнению, незначительном), а «во всей социально-экономической отсталости имперской России»³.

Война потребовала от России перестройки всех звеньев государственного и военного управления. В Российской империи в июле 1914 г. была учреждена Ставка Верховного главнокомандующего, обладавшая широкими полномочиями, в том числе и в международных делах. Изменения произошли и в структуре внешнеполитического ведомства. В годы войны его задачи и функции значительно расширились и усложнились, изменились направления и характер деятельности. На первый план выдвинулись вопросы выработки внешнеполитической программы действий, обосновывавшей не только характер, но и цели войны. На более высокий уровень вышли проблемы межсоюзнических отношений стран Антанты в военной, военно-технической и военно-экономической областях. Первое после начала войны выступление С.Д. Сазонова в Государственной думе 26 июля 1914 г. было проникнуто подлинным патриотизмом и выражало настроения подавляющей части российского общества. Бурными овациями встретили депутаты от разных партий его заявление, что, «когда наступит время для истории произнести свой беспристрастный суд, ее решение – я твердо в это верю – не будет иным, как то, которым

¹ Майоров В.В. Первая мировая // ВИЖ. 2005. № 2. С. 63.

² Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 г. М., 1974. С. 34.

³ Шацилло К.Ф. Указ. соч. С. 339.

мы руководствовались. Россия не могла уклониться от дерзкого вызова своих врагов, она не могла отказаться от лучших заветов своей истории, она не могла перестать быть Великой Россией»¹.

Уже 7 августа 1914 г. при Ставке Верховного главнокомандующего была образована Дипломатическая канцелярия. Она находилась в непосредственном подчинении у начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта Н.Н. Янушкевича и служила связующим звеном между ним и Российским МИД. В задачу канцелярии входило осведомление Штаба Верховного главнокомандующего «по всем вопросам круга ведения Министерства иностранных дел, имеющим касательство к ведению войны», а также передача руководству российского МИД «всех сведений, имеющихся в штабе, по вопросам, соприкасающимся с кругом ведения означенного министерства». Кроме того, Дипломатическая канцелярия – по указанию начальника штаба – вела переписку «по вопросам международного права, по вопросам, касающимся иностранных государств и подданных, и вообще по вопросам международного характера, возникающим на театре войны или связанным с деятельностью, задачами или нуждами армии, сносясь для этого с Министерством иностранных дел, а также иными гражданскими и военными учреждениями», в том числе с главами союзных армий и правительств².

С началом войны Министерство иностранных дел Российской империи стало также ключевым звеном, объединявшим усилия различных российских министерств в области разведки. Известно, что еще до начала войны разведывательной деятельностью за границей в Российской империи занимались специальные структуры не только самого МИД, но и Министерства внутренних дел. Министерство финансов, а также Министерство торговли и промышленности имели собственную агентуру из числа представителей банков, финансовых и торговых агентов, состоявших при представительствах России за рубежом и занимавшихся сбором разведывательной информации, в основном экономического характера. От духовных миссий Русской православной церкви получал интересующую его информацию и Святейший синод. Однако «все ведомства, ведущие зарубежную разведку, волей-неволей вынуждены были иметь постоянный односторонний контакт с Министерством иностранных дел по поводу отправки того или иного сотрудника за границу для поддержания с ним

¹ Цит. по: Зубачевский В.А., Филипповых Д.Н. Дипломатия и внешняя политика Российской империи в первые годы войны // Первая мировая война 1914–1918 годов: В 6 т. / под общей редакцией Героя России генерала армии С.К. Шойгу. Т. 2. Начало и разрывание войны (1914–1915 годы). М.: Кучково поле, 2015. С. 557.

² Цит. по: Там же. С. 558.

связи и т. д. Ввиду того что сотрудники всех остальных ведомств за границей официально в порядке общей службы подчинялись послу, они вынуждены были показывать или даже давать копии своих донесений и докладов последнему»¹.

В 1914 г. в российском внешнеполитическом ведомстве была также реорганизована шифровальная служба. Под названием Цифрного отделения она числилась при Первом политическом отделе и канцелярии. Основными задачами отделения были составление новых шифров и снабжение ими центральных подразделений МИДа и российских представительств за рубежом. При отделении состояли также три чиновника, занимавшихся перлюстрацией корреспонденции².

С началом мировой войны стратегическое значение ЦВЕ для Российской империи возросло, так как основные битвы, решившие исход войны, происходили именно на «приливно-отливных» землях. Восточный фронт в 1914 г. охватил Восточную Пруссию, Царство Польское и Галицию.

После начала войны континентальные монархии отказались от поддержки статус-кво в регионе и выступили за кардинальную его перекройку, но империи не предполагали предоставления независимости населявшим регион народам. В правящих кругах воюющих государств начались дискуссии о послевоенных геополитических координатах востока Центральной Европы. К тому же ряд российских военных, дипломатов и политиков считали возможным укрепить после войны западные рубежи России путем достижения компромисса с народами буферных земель.

Особую важность приобрел польский вопрос. Это обуславливалось не только тем, что польские этнические территории стали театром военных действий, но еще и тем фактом, что сами поляки находились в составе армий противоборствующих сторон. Так, на стороне Тройственного союза воевали почти 8 млн поляков, а в российской армии под ружьем находились 2 млн представителей польской нации³.

31 июля 1914 г. военный министр России генерал-адъютант В.А. Сухомлинов представил Николаю II проект воззвания к полякам, выработанный им совместно с министром иностранных дел и начальником Штаба Верховного главнокомандующего. 1 августа 1914 г. Верховный главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич обратился с воззванием к польскому

¹ Цит. по: Зубачевский В.А., Филипповых Д.Н. Дипломатия и внешняя политика Российской империи в первые годы войны. С. 559.

² Там же. С. 559.

³ Там же. С. 560.

народу: «Поляки! Пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться. Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения его с Великой Россией. Русские войска несут вам благую весть этого примирения. Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении. Одного ждет от вас Россия – такого же уважения к правам тех народностей, с которыми связала вас история. С открытым сердцем, с братски протянутой рукой идет вам навстречу Великая Россия. Она верит, что не заржавел меч, разивший врага при Гринвальде. От берегов Тихого океана до северных морей движутся русские рати. Заря новой жизни занимается для вас. Да воссияет в этой заре знамение Креста – символ страдания и воскресения народов»¹.

Однако воззвание неоднозначно оценили в правительстве и обществе: впоследствии его могли дезавуировать, поскольку оно не было государственным актом. Так, министр внутренних дел Н.А. Маклаков категорично заявлял, что «полякам будет отрадно, если они получат самоуправление, но наша цель – не то, чтобы поляки были довольны, а чтобы далеко не отходили от России»². Председатель Совета Министров И.Л. Горемыкин на заседании 14 августа заявил: «(...) великий князь может говорить, что хочет»³.

В то же время в российском внешнеполитическом ведомстве считали воззвание великого князя Николая Николаевича о будущем устройстве Польши примером успешной координации усилий МИДа и Ставки Верховного главнокомандующего. Нельзя было не видеть позитивной для России роли призыва Верховного главнокомандующего русской армией к возрождению Польши, свободной в своей вере, языке и самоуправлении. Документ, вышедший из-под пера военных властей не без подсказки российского МИДа, позволял позиционировать польский вопрос как внутреннее дело России, исключая международный аспект проблемы. Именно поэтому уже через год, 1 августа 1915 г., И.Л. Горемыкин, выступая в Государственной думе, подтвердил обещание, данное полякам в воззвании великого

¹ Цит. по: Там же. С. 560–561. См., подробнее: Бахтурина А.Ю. Воззвание к полякам 1 августа 1914 г. и его авторы // ВИ. 1998. № 8.

² Цит. по: Зубачевский В.А., Филипповых Д.Н. Дипломатия и внешняя политика Российской империи в первые годы войны... С. 561.

³ Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 29.

князя: предоставить им автономию. Но только после победоносного для России окончания войны¹.

Отрицательно к воззванию великого князя к полякам отнеслись и союзники. Так, президент Франции Р. Пуанкаре охарактеризовал его как «заявление о замаскированной аннексии, относительно которой между Россией и нами не было заключено какого-либо соглашения...»². Тем не менее министр иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонов надеялся на дальнейшую успешную реализацию союзнической политики. 14 сентября 1914 г. он приватно изложил британскому послу Дж. Бьюкенену и французскому послу М. Палеологу российское видение трансформации ЦВЕ. Фактически речь шла о неофициальных предложениях России о разделе между союзниками сфер влияния после сокрушения Германии и Австро-Венгрии, а также ликвидации угроз германской гегемонии на Европейском континенте и австрийского доминирования на Балканах. Сазонов представил послам западных держав «неофициальные предложения» о вхождении после войны в состав России «нижнего течения Немана» и Восточной Галиции³.

Свои соображения С.Д. Сазонов изложил и на заседании Совета министров 29 сентября: «Будущий Польский край будет состоять из нынешних привислинских губерний и польских земель, кои в случае победоносной войны отойдут к России от Германии и от Австрии в Западной Галиции». В ноябре 1914 г. Николай II во время аудиенции, данной послу Франции М. Палеологу, также высказался за «исправление границ» в Восточной Пруссии и присоединение Галиции для достижения Россией «естественных пределов»⁴.

Совет министров определял как этнические «будущие границы Польского края». Одновременно правое меньшинство правительства зафиксировало «особое мнение», провозгласив главной задачей империи на востоке Центральной Европы воссоединение с Россией «Восточной Галиции... и Угорской Руси... выпрямление русской... границы со стороны Пруссии». Восстановление Польши, по мнению министров, ухудшило бы географически «и без того трудную в стратегическом отношении ломаную линию, которую представляют наши границы с Германией и Австрией». Министры сделали вывод,

¹ Зубачевский В.А., Филипповых Д.Н. Дипломатия и внешняя политика Российской империи в первые годы войны... С. 561.

² Цит. по: Готтлиб В.В. Тайная дипломатия во время первой мировой войны. М., 1960. С. 93.

³ Зубачевский В.А., Филипповых Д.Н. Дипломатия и внешняя политика Российской империи в первые годы войны... С. 561.

⁴ Цит. по: Там же. С. 562.

что при решении польского вопроса союзники не будут учитывать русские интересы и следует «задачу объединения Польши считать... *второстепенной* для России»¹. Внешнеполитические программы либеральных и правоцентристских партий находились в диапазоне между «соображениями» министра иностранных дел и «особым мнением» правого меньшинства кабинета министров.

В декабре 1914 г. председатель Киевского клуба русских националистов, депутат Государственной думы Н.Н. Чихачёв изложил министру иностранных дел С.Д. Сазонову «Некоторые соображения о программе правительственной деятельности в Восточной Галиции и Буковине». Он, в частности, отмечал: «...необходимо прежде всего отделить в административном отношении Восточную Галицию от Западной, чисто польской по своему характеру. Граница между Западной и Восточной Галицией должна быть проведена весьма обдуманно»².

Аргументация сторон относительно будущего территориального устройства ЦВЕ определялась во многом ситуацией на фронте. После успешного наступления против Австро-Венгрии Россия контролировала в сентябре 1914 – мае 1915 г. Восточную Галицию (и часть Западной). Генерал Н.Н. Янушкевич рекомендовал Горемыкину в сентябре 1914 г. осуществить административное размежевание Галиции по этническому признаку³. Генерал-квартирмейстер Ставки Ю.Н. Данилов предлагал в феврале 1915 г. включить в состав Галиции не только северные, но и южные скаты Карпат, что позволяло бы обеспечить ее прочную оборону. Сазонов в ответ заметил, что проект противоречит обязательствам России по отношению к Румынии⁴.

Начиная с 1915 г., несмотря на героизм российских воинов, последовали военные неудачи. Исключением был Брусиловский прорыв. Однако и этот успех, по мнению самого генерала А.А. Брусилова, так и не был развит: «Никаких стратегических результатов эта операция не дала, да и дать не могла, ибо решение военного совета 1 апреля ни в какой мере выполнено не было. Западный фронт главного удара так и не нанес, а Северный фронт имел своим девизом знакомое нам

¹ Русско-польские отношения... № 4. С. 17. № 5. «Мемория» совета министров 20, 30 октября; 5, 12, 15 ноября 1914 года. С. 19–23. См. также: История внешней политики России... С. 482–484.

² Цит. по: Зубачевский В.А., Филипповых Д.Н. Дипломатия и внешняя политика Российской империи в первые годы войны... С. 562.

³ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 159. Л. 38.

⁴ МОЭИ. Сер. III. Т. VII. М.; Л., 1935. № 210. С. 280 (приложение), 279–280 (сноска 1).

с японской войны “терпение, терпение и терпение”. Ставка, по моему убеждению, ни в какой мере не выполнила своего назначения управлять всей русской вооруженной силой. Грандиозная победоносная операция, которая могла осуществиться при надлежащем образе действий нашего Верховного главнокомандования в 1916 г., была непротестительно упущена»¹.

Разгром румынской армии австро-германскими войсками осенью 1916 г. на 500 км удлинил восточный фронт, что не могло не сказаться на дальнейшем ходе боевых действий. К тому же неблагоприятная для России ситуация объяснялась и тем, что она вступила в мировую войну недостаточно подготовленной в военном отношении, так и не завершив модернизацию своих армии и флота. Это предопределило неудачу и ее внешнеполитических замыслов. В частности, отсутствовали планы, предполагавшие уступки народам, населявшим «приливно-отливные» земли.

Война приняла затяжной характер, поэтому великие державы уже не могли игнорировать набирающие силу идеи национального самоопределения и для привлечения союзников на сторону того или иного военно-политического блока провозгласили лозунг «свободы малых наций». Под его прикрытием державы Антанты надеялись осуществить после войны пересмотр границ многонациональных Австро-Венгерской и Османской империй, а также Германии; центральные державы – разрушить Британскую и Французскую колониальные империи, отторгнуть от России этнически неоднородные земли (Польшу, Прибалтику).

Особым вниманием воюющих коалиций пользовались поляки. На стороне «Тройственного согласия» выступили эндеки и менее значительные правоцентристские партии: данная группировка имела влияние как в Царстве Польском, так и на входивших в состав Германии западных польских землях. Оккупация Германией Царства Польского в 1915 г. привела к переносу внешнеполитической работы сторонниками Антанты на Запад. На центральные державы ориентировалось большинство партий Галиции, левоцентристские партии Царства Польского, а также группировка Ю. Пилсудского, организовавшего с помощью Австро-Венгрии и Германии польские легионы. Польские политические партии не выдвигали идеи независимого государства, ограничивая свои цели надеждой на более или менее широкую автономию, которую им предоставит блок победителей. Но по мере того как Четверное согласие и Четверной союз² все более

¹ Брусилов А.А. Воспоминания. М., 1983. С. 214–215.

² Четверное согласие – блок стран Антанты после присоединения к ней Италии. Четверной союз – блок Германии и Австро-Венгрии после присоединения к ним Турции и Болгарии.

нуждались в военно-политической поддержке поляков, требования последних возрастали.

Австро-Венгрия и Германия, заинтересованные в дополнительном источнике живой силы, первыми изменили политику в польском вопросе, выступив после начала мировой войны за образование «Срединной Европы» под руководством Германии. Правда, германские правящие круги, провозглашая необходимость, по словам депутата рейхстага Ф. Науманна, образования под руководством рейха «Срединной Европы между Россией и Западными державами»¹, с решением судьбы ее восточных земель определились не сразу. В результате дискуссии возобладало мнение о создании на восточных рубежах региона буферных государств (впрочем, эта идея выдвигалась еще в XIX веке)². 4 ноября 1916 г. император Австро-Венгрии Франц-Иосиф I опубликовал рескрипт о создании Польского королевства и самостоятельном управлении Галиции, 5 ноября генерал-губернаторы германской и австрийской зон оккупации Царства Польского издали «Воззвание двух императоров» (Германии и Австро-Венгрии). В нем говорилось о создании «самостоятельного польского государства» из земель Царства Польского с определением его границ после войны, но данный акт не имел законодательного характера. 15 ноября царское правительство выступило с протестом против создания центральными державами буферного польского государства, обещая, что Россия намерена после войны образовать «целокупную Польшу» с предоставлением ей автономии³. Центральные державы не помышляли о подлинной польской независимости и автономии украинцев Галиции, но на фоне заявлений царского правительства о необходимости решить польскую и галицийскую проблемы после окончания войны их позиция представлялась более предпочтительной. В то же время власти Германии планировали выселить поляков из западной части Царства Польского, а на их место направить немцев из России и Польши⁴. Претворение проекта в жизнь гарантировало сохранение

¹ Науманн Ф. Срединная Европа (Mitteleuropa). Пг., 1918. С. 33.

² Поп И.И. Развязывание Первой мировой войны // «Дранг нах Остен»... С. 200–205; Туполев Б.М. «Срединная Европа» в экспансионистских планах германского империализма накануне и во время Первой мировой войны // Первая мировая война: Пролог XX века... С. 106–121.

³ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. М., 1926. № 39. С. 51–52; № 40. С. 52; № 41. С. 53.

⁴ Григорьянц Т.Ю. К вопросу о преемственности империалистической германизаторской политики и планов колонизации западных польских земель в период между первой и второй мировых войн // Германская восточная политика... С. 153–154; Манусевич А.Я. Германская политика в польском вопросе в годы Первой мировой войны // «Дранг нах Остен»... С. 225–226.

польских земель в составе Пруссии, предвосхищая, по словам историка И. Хайса (ученика Ф. Фишера), «фантастические мечты Гиммлера об империи СС на германизированном Востоке» и нацистскую концепцию «жизненного пространства»¹. Разрабатываемая германскими правящими кругами геополитическая модель предполагала подчинение России Германии в случае победы рейха в войне, что превращало Германскую империю в неуязвимую мировую державу², чего так опасался Маккиндер.

Как же на фоне австро-германских инициатив в ЦВЕ эволюционировала политика России? После отступления русской армии из Галиции и Царства Польского ориентировавшиеся на Антанту польские силы активизировались. Из женеvских бесед Сватковского и Дмовского в декабре 1915 г. явствовало, что лидер эндеков считал ошибкой разработку проектов устройства Польши без учета мнения поляков. Дмовский говорил: «...с международной точки зрения его [польский вопрос] надо рассматривать даже не как национальный вопрос, а просто как фактор европейского соотношения сил. Посмотрите на Германию: она ставит вопрос о создании хозяйственного союза не на национальную, а на *географическую* почву». По мнению же Сватковского, польское «тампонное или буферное государство» между Россией и Германией неприемлемо для Франции и Англии, поскольку у них нет «уверенности, что Россия, перестав быть непосредственной соседкой Германии, будет надежной союзницей Запада в следующей войне». Когда «беседа коснулась германской политики, натравливающей поляков на белорусские и... литовские земли с тем, чтобы поссорить поляков с Россией», Дмовский отметил, что «считал бы вредным для поляков (...) тратить время и силы для борьбы за сохранение исторических позиций, от которых (...) все равно придется отказаться»³.

В январе 1916 г. царь заменил Горемыкина на Б.В. Штюрмера, который откладывал рассмотрение польского вопроса на послевоенный период, хотя большинство политических партий высказалось за его скорейшее разрешение⁴. Посол в Париже А.П. Извольский в январском письме Сазонову причислял проблему Польши к «наиболее важным

¹ Geiss I. Tzw. polski pas graniczny 1914–1918. W., 1964. S. 234, 235.

² Волков В.К. Внешнеполитические концепции германского империализма и их проявление в отношениях со странами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы // Германская восточная... С. 15.

³ Записки корреспондента Русского Телеграфного Агентства Сватковского. 17–30 декабря 1915 г. // АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 79. Л. 14, 19–20.

⁴ История внешней политики России... С. 500–514.

для нас вопросам»¹. Вице-директор канцелярии МИД Н.А. Базили предлагал в феврале высказаться о будущем устройстве Польши в связи с планируемым ее включением в средне-европейский союз и созданием «из польских областей России, Германии и Австрии особого государства»². 22 февраля, выступая в Государственной думе, Сазонов обратил внимание депутатов на расчленение центральными державами Царства Польского и заявил, что «польский вопрос приобретает международный характер»³. Объявленный германским рейхсканцлером Т. Бетман-Гольвегом поиск новых путей решения польского вопроса стал поводом для апрельской записки Сазонова, в которой он высказался за «самобытное существование Царства в единении с Россией», указав, что иначе Германия сделает Варшаву «центром политической интриги» против нас. Сазонова поддержали Нератов, Извольский, начальник штаба верховного главнокомандующего М.В. Алексеев, главком Юго-Западного фронта А.А. Брусилов⁴.

Николай II во время аудиенции 6 июля 1916 г. графу С. Вёлепольскому благосклонно принял план польской автономии, но предложил представить «проект императрице... добавив, что она умная женщина и он советуется с ней по всем вопросам». Александра Федоровна враждебно отнеслась к предполагаемой автономии Польши, что использовал Штюрмер, и в июле же большинство кабинета министров, к тому времени реакционное, отвергло проект⁵. Данный шаг стал формальным поводом для отставки Сазонова. Главой МИД назначили премьера Штюрмера. Сазонов писал позже: «...наша польская политика обуславливалась... берлинскими влияниями, которые проявлялись под видом бескорыстных родственных советов» царской семье, и узким кругозором большинства военных, смотревших на вопрос с позиции «обороны нашей западной границы»⁶.

В августе 1916 г. Николай II разрешил образовать в составе МИД Особый политический отдел, которому поручили изучение вопросов, касающихся славянских народностей, но отдел не подготовил ни одного обобщающего документа. В итоге правительство и МИД не имели целостной программы послевоенного устройства западных

¹ МОЭИ. Сер. III. Т. X. № 100. С. 113–114.

² Записка камергера Н.А. Базили. Февраль 1916 г. // АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 43. Л. 27–28.

³ МОЭИ. Сер. III. Т. X. № 361. Сн. 2. С. 398, 400.

⁴ Русско-польские отношения... № 15. С. 87, 88; № 16. 94–97; № 20. С. 108–112; № 21. С. 113; № 22. С. 114.

⁵ Там же. № 17. С. 99–100; № 23. 116; № 26. 127–128.

⁶ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 374–376.

рубежей России. В ноябре Николай II уволил Штюрмера с обоих постов, назначив министром иностранных дел Н.Н. Покровского. МИД к тому времени полагал, что приоритетной для России в будущем станет оборона «новых русских областей Галиции», а граница с Германией станет «оплотом мира»¹. В январе 1917 г. Николай II согласился на создание Особого совещания для разработки государственного устройства Польши и отношения ее к Империи². В феврале в записке по польскому вопросу для внесения в Особое совещание Покровский изложил свое мнение относительно польских границ: без Познани и Кракова Польша «думает о русских западных губерниях (...), присоединение к ней (...) польских земель Пруссии и Австрии» есть средство «обороны нашего западного края». Предполагалось, что в объединенную Польшу войдут губернии Царства, за исключением Холмской, которая «по своим этнографическим и религиозным условиям тесно примыкает к Восточной Галиции»³. Ранее, в ноябре 1916 г., поверенный в делах в Берне Н. Бибииков отметил, что существует опасность прецедента: в случае захвата Волыни Германией, оккупационные власти могут объединить восточную часть Холмщины с Западной Волынью и создать «украинский Пьемонт для агитации в Малороссии»⁴. В целом позиция Совета министров эволюционировала в благоприятном для поляков направлении, но Царство Польское было уже оккупировано Германией.

Немаловажную роль в ходе войны играли антантофильские круги Чехии. Первоначально в их среде преобладала прорусская ориентация, представленная партией младочехов, поддержавших, по словам Сватковского, образование «из чешских и словацких земель королевства... под державой государя-императора с полной внутренней автономией, но при единстве армии, дипломатии и таможенной территории»⁵. Русские военные и дипломаты считали необходимым использовать благоприятные для России настроения чешского народа⁶. Но после отступления русской армии из Галиции усилились позиции либералов во главе с Масариком, ориенти-

¹ История внешней политики России... С. 308, 310–312, 540–541.

² АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 43. Л. 31–32.

³ Там же. Д. 103. Л. 2–3.

⁴ Там же. Д. 85. Л. 68.

⁵ Чехословацкий вопрос и царская дипломатия в 1914–1917 гг. // Красный архив. 1929. Т. 2 (33). С. 12; см. подробнее: Задорожнюк Э.Г. Штрихи к портрету Томаша Гаррига Масарика // ННИ. 2012. № 3.

⁶ МОЭИ. Сер. III. Т. VI. Ч. 2. № 571. Записка начальника штаба ЮЗФ генерала М.В. Алексеева. 29 ноября 1914 г. С. 136–137; № 667. Посланник в Берне – министру иностранных дел. 18 декабря 1914 г. С. 235; № 696. Посол в Риме – товарищу министра иностранных дел. 26 декабря 1914 г. С. 268–269.

ровавшихся на западные державы и выступавших за полную независимость «будущего чешского государства от России (с присоединением к Чехии словаков и западной половины Угорской земли)». В феврале 1916 г. Нератов даже запретил приезд Масарика в Россию¹. Масарик позднее писал: « (...) одним из лучших моих политических... решений было то, что я не поставил наше народное дело лишь на одну русскую карту (...), стремился обеспечить нам симпатии всех союзников»².

Внимание воюющих коалиций привлек и северо-восток Центральной Европы. После оккупации Германией Варшавы, отметил Сватковский в сентябре 1915 г., тема «Государство-буфер» в немецких газетах «расширилась весьма неприятным для поляков образом. Стали говорить не об одном польском государстве-буфере, а о целой цепи таких буферов, имеющих отделить Германию и Австрию от России. Литва и Малороссия... выдвигаются в первую очередь»³. В свою очередь, левоцентристские партии Царства Польского и Галиции обратились в октябре 1915 г. к Бетман-Гольвегу с меморандумом: «Присоединение Гродненской, Виленской и Минской губ[ерний] к Польше (...) содействовало бы естественному распространению польской нации на восток, а это задушило [бы] русофильские течения в Польше, ибо русские не могли бы отказаться от Белой России в пользу поляков»⁴. В январе 1916 г. Сватковский писал: в литовских землях с польским меньшинством «германцы усиленно выдвигают на первый план литовцев, занимая позицию явно антипольскую (...). В белорусских областях (...) политика (...) полонофильская»⁵. Эндеки же стремились отвлечь внимание России на литовские земли в составе Восточной Пруссии. Дмовский говорил в декабре 1915 г. Сватковскому, что, если «устье Немана перейдет в русские руки, торговля всего неманского бассейна направится на Мемель; Кёнигсберг потеряет всякое значение, и его немецкое население быстро пойдет на убыль»⁶.

Пангерманисты требовали «присоединить для блага Кёнигсберга весь средненеманский бассейн к Восточной Пруссии», хотя часть района была населена литовцами⁷. После оккупации Литвы Германия вынашивала разные планы в ее отношении: от присоеди-

¹ Чехословацкий вопрос... Т. 2 (33). С. 84; Т. 3 (34). С. 17, 18.

² Масарик Т.Г. Указ. соч. С. 19.

³ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 746. Л. 15 об.

⁴ Там же. Л. 44.

⁵ Там же. Л. 42.

⁶ Там же. Ф. 135. Оп. 474. Д. 79. Л. 25.

⁷ Там же. Л. 24.

нения к рейху до превращения в марионеточное государство¹. В августе 1916 г. Сватковский информировал МИД о проекте создания польско-литовской унии под протекторатом Германии для «польско-литовской ссоры и обострения польско-русских отношений»². В ноябре Бибииков писал Нератову о плане автономной Литвы в составе Германии, а «за Познань и Галицию полякам будут сулить вознаграждения в сторону Белоруссии»³. В январе 1917 г. статс-секретарь германского МИД А. Циммерман признал: «Германия (...) не хочет ручаться литовцам за Вильну и Гродно»⁴. Покровский же писал в феврале: освобождение литовцев не в наших интересах, поскольку тогда они будут искать нашей поддержки против Польши⁵.

Германия использовала Февральскую революцию для укрепления своих позиций на северо-востоке Центральной Европы, хотя в отношении Литвы планы корректировались. В марте 1917 г. совещание «делегатов властей Литвы» под председательством Бетман-Гольвега (в присутствии императора) решило создать «независимое литовское государство-буфер». В апреле Циммерман обещал: «Литва будет состоять из губерний Виленской, Ковенской (...), частей Гродненской и Минской (...), получит доступ к морю»⁶. На совещании 23 апреля между рейхсканцлером и Верховным главнокомандованием констатировали: «Литва до обозначенной Верховным главнокомандованием линии» отойдет к Германии. Потеря «Литвы может быть возмещена России в Восточной Галиции»⁷. В августе германское Верховное главнокомандование заявило: Литва должна быть тесно присоединена к Германии, но форма присоединения остается неопределенной. По военно-политическим соображениям Германия не удовлетворится линией Немана и не уступит Вильну Польше; с Австрией необходимо договориться о возможности «предложить украинцам украинскую Восточную Галицию... Если Австрия не пойдет на объединение губернаторств (польских. – В.З.), то следует отложить дальнейшее государственное преобразование Польши... Если поляки откажут-

¹ Записка Сватковского «Литовский вопрос и Германия». Женева. 7–20 января 1916 г. // АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 137. Л. 3–4; См. также: Советско-германские отношения от переговоров... Т. 1. Приложения. № 4. Телеграмма Бетман-Гольвега послу в Австро-Венгрии Веделю. 23 ноября 1916 г. С. 713, 715.

² АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 85. Л. 18.

³ Там же. Л. 68.

⁴ Там же. Ф. 138. Оп. 467. Д. 747. Л. 372–373.

⁵ Там же. Ф. 135. Оп. 474. Д. 103. Л. 9–10.

⁶ Сватковский. «Независимость Литвы». 16–29 апреля 1917 г. // АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 747. Л. 384; там же. Ф. 135. Оп. 474. Д. 137. Л. 34.

⁷ Советско-германские отношения от переговоров... Т. 1. Приложения. № 6. С. 719.

ся, то пусть дело идет к четвертому разделу Польши»¹. В сентябре 1917 г. германские оккупационные власти организовали литовский Государственный совет (Тарибу).

После свержения династии Романовых Временное правительство в целом восприняло геополитические установки царизма. Один из организаторов и лидер партии конституционных демократов, член Государственной думы П.Н. Милюков занял пост министра иностранных дел во вновь созданном правительстве. Историк по образованию и талантливый публицист, он обладал широким кругозором, хорошо знал историю международных отношений и внешней политики, был лично знаком с многими отечественными и зарубежными государственными, общественно-политическими деятелями, дипломатами, учеными и литераторами.

В отличие от других институтов государственной власти Российской империи события февраля 1917 г. практически не повлияли на работу Министерства иностранных дел. Краткий четырехдневный перерыв в работе внешнеполитического ведомства России в связи с революционными событиями в Петрограде, начавшийся 28 февраля (13 марта), завершился уже 3 (16) марта 1917 г. Российский МИД заработал в прежнем режиме. 4 (17) марта П.Н. Милюков вступил в управление министерством.

Однако сложившееся в России после Февральской революции двоевластие породило создание параллельной с МИДом еще одной внешнеполитической структуры под руководством Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (позднее ЦИК Советов). 22 марта (4 апреля) Петроградский совет утвердил предложение своего исполкома об организации Отдела международных сношений, который должен был заниматься реализацией на практике провозглашенного советом тезиса борьбы за демократический мир. Большинство в отделе было представлено социал-демократами-меньшевиками. Отдел международных сношений Петросовета не располагал какими-либо полномочиями и уж тем более средствами осуществлять контроль над деятельностью МИДа России и внешней политикой, проводимой Временным правительством. Его компетенция была весьма ограниченной. Весной 1917 г. Отдел занимался преимущественно информационно-осведомительской деятельностью. Так, по соглашению с Временным правительством им была налажена отправка через Петроградское телеграфное агентство

¹ Там же. Приложения. № 8. Из результатов совещания между рейхсканцлером и Верховным главнокомандованием в Кройцнахе. 9 августа 1917 г. С. 723–724.

в средства массовой информации союзных и нейтральных государств телеграмм, освещавших деятельность Советов¹.

Британский посол в Петербурге Дж. Бьюкенен писал министру иностранных дел А. Бальфуру: П.Н. Милоков «считает, что Польша должна быть автономна и иметь территориальные войска, которые явятся составной частью русской армии»². Но под давлением Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в воззвании 29 марта кабинет Г.Е. Львова согласился на «создание независимого польского государства, образованного из всех земель, населенных в большинстве польским народом»³. По мнению главы российского МИДа, «министры Временного правительства правильно понимали государственные интересы России... определяя свою позицию по польскому вопросу»⁴. Однако кабинет Г.Е. Львова полагал необходимым земли с украинским и белорусским населением оставить в пределах России, включив в ее состав также восточные территории Австро-Венгрии и создав независимую Чехословакию⁵.

Временный государственный совет Польши 6 апреля подчеркнул, что польско-русский спор относительно территории между этнографической Польшей и Россией не разрешен воззванием 29 марта и не может быть урегулирован односторонним решением Учредительного собрания⁶. Польские политики, по свидетельству французского дипломата Р. Анри, планировали поставить «Польшу во главе всех небольших восточно- и средневропейских народов... собрать вокруг Польши, в противовес России, все консервативные элементы той же сферы»⁷. По словам Я. Розвадовского, ставшего вскоре членом Польского национального комитета (ПНК), с поляками «повторяется сказка о золотой рыбке». С другой стороны, боясь воздействия русской революции, поляки «готовят для Согласия новый

¹ См.: Зубачевский В.А., Филипповых Д.Н. Дипломатия Временного правительства и белогвардейских государственных образований // Первая мировая война 1914–1918 годов: В 6 т. / под общей редакцией Героя России генерала армии С.К. Шойгу. Т. 3. Военные действия на сухопутных театрах войны (1916–1918 гг.). М.: Кучково поле, 2015. С. 684–685.

² Иностранные дипломаты о революции 1917 г. // Красный архив. 1927. Т. 5 (24). С. 114.

³ ДМИСПО. Т. I. М., 1963. № 13. С. 36, 35.

⁴ Матвеев Г.Ф. Февральская революция в России и польский вопрос // Революционная Россия 1917 г. и польский... С. 91.

⁵ История внешней политики России... С. 548.

⁶ ДМИСПО. Т. I. № 20. С. 43–44.

⁷ Дополнения к записке Сватковского. 7 мая 1917 г. // АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 79. Л. 55.

лозунг: будущая Польша вместо бывшей России»¹. Дмовский в июле опубликовал меморандум «Проблемы Центральной и Восточной Европы», в котором предлагал включить в будущее Польское государство Восточную Галицию, Ковенскую, Виленскую, Гродненскую, Минскую (большую часть) губернии и Вольнь. По мнению лидера эндеков, такое геополитическое переустройство могло обеспечить хорошие польско-российские отношения². В мае Собрание проживающих в Петрограде русин Галиции и Угорской Руси приняло резолюцию о необходимости присоединения этих земель к России³. Последовали акции украинских националистов, провозгласивших в Малороссии в ноябре 1917 г. Украинскую народную республику (УНР), претендовавшую на Холмскую губернию⁴.

Ранее, 18 апреля (1 мая) 1917 г., П.Н. Милоков направил правительствам стран Антанты декларацию Временного правительства России от 27 марта (9 апреля) 1917 г., а также сопроводительную ноту, в которой счел необходимым разъяснить намерения и основные перспективы деятельности Временного правительства. Декларация подтверждала верность Временного правительства взятым Россией на себя обязательствам перед союзниками в войне. Но в ней также появились и новые мотивы. В декларации ясно и недвусмысленно утверждалось, что «цель свободной России – не господство над другими народами, не отнятие у них национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов».

Чтобы у союзников не возникло неправильных толкований положений декларации, П.Н. Милоков счел целесообразным в сопроводительной ноте от 18 апреля (1 мая) 1917 г. еще раз подчеркнуть мысль о том, что позиция Временного правительства и всего русского общества не дает оснований думать об ослаблении роли России в общей союзной борьбе и приоритетным в российской внешней политике остается «стремление довести мировую войну до решительной победы».

20 апреля (3 мая) 1917 г. «нота Милокова» была опубликована в периодической печати. Тяжелые поражения русской армии на Западном фронте, хозяйственные проблемы, а также широкая

¹ Извольский – Милокову. 7 мая 1917 г. Из статьи Сватковского «Развод (польский вопрос)» // Там же. Ф. 138. Оп. 467. Д. 747. Л. 405–406. Созданный эндеками и близкими им политиками в августе 1917 г. ПНК действовал в Париже и был признан западными державами «официальной польской организацией».

² Dmowski R. *Polityka polska i odbudowanie państwa*. Wyd. 2. W., 1926. S. 487.

³ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 429. Л. 2.

⁴ Международная политика новейшего времени... Приложение. № 6. С. 432–435.

антивоенная революционная агитация формировали в обществе резко негативное отношение к продолжению войны. Став достоянием российской общественности, нота стала поводом для политических возмущений в столице, вылившихся в многочисленные демонстрации протеста. Разразился апрельский политический кризис, который привел к смене правительства и образованию первой коалиции. 2(15) мая П.Н. Милюков подал прошение об отставке. В новом коалиционном правительстве министром иностранных дел стал миллионер, крупный землевладелец и сахарозаводчик М.И. Терещенко, после Февральской революции занимавший пост министра финансов Временного правительства. Он возглавлял Министерство иностранных дел с 5 (18) мая по 25 октября (7 ноября) 1917 г.¹

М.И. Терещенко настаивал на включении в состав России Галиции и заявил 14 сентября о создании Польского государства на основе территориально-этнического принципа. Терещенко также отверг адресованную МИД критику «в некоторых органах печати» о том, что внешнюю политику России во многом определяют бывшие царские дипломаты, отметив, в частности: Нератов оставался «Товарищем Министра при многих главах ведомств», что указывает не на его «несменяемость», а на его «незаменимость»². В речи 16 октября на заседании Совета республики министр выступил против самоопределения Литвы и высказался за самоопределение славянских народов Австро-Венгрии³. Но специального решения Совет республики по вопросам внешней политики не принял и не поддержал накануне большевистского переворота Временное правительство.

Резюмируя содержание главы, отметим: в преддверии мировой войны руководство Российской империи имело стратегический интерес к сопредельным территориям Германии и Австро-Венгрии, но, понимая неудобство геополитической конфигурации западных российских рубежей, стремилось уклониться от назревающего военного конфликта. Во время войны, несмотря на профессионализм русских дипломатов, по «качеству» внешнеполитического руководства Россия явно отставала от центральных и западных держав, поэтому сложившаяся к 1917 г. неблагоприятная для России ситуация в регионе объяснялась не только военными успехами Германии.

¹ См.: Зубачевский В.А., Филипповых Д.Н. Дипломатия Временного правительства и белогвардейских государственных образований // Первая мировая война 1914–1918 годов: В 6 т. / под общей редакцией Героя России генерала армии С.К. Шойгу. Т. 3. Военные действия на сухопутных театрах войны (1916–1918 гг.). М.: Кучково поле, 2015. С. 689–690.

² АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 82. Л. 18, 19.

³ История внешней политики России... С. 564, 596.

Геостратегическое «отставание» характеризовало и политику Временного правительства. Военная оккупация западных земель Российской империи и усилившееся после Февральской революции стремление народов региона к национальной независимости заложили на данном этапе «длинного периода» основу для последующей геополитической трансформации ЦВЕ. Временное правительство и МИД не имели целостной программы послевоенного устройства западных рубежей России.



Глава III ПРОБЛЕМА ЗАПАДНЫХ РУБЕЖЕЙ БЫВШЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (1917–1920 гг.)

3.1. Геополитическая ситуация в ЦВЕ в период Парижской мирной конференции

Поражение в войне означало банкротство геополитических планов Германии. Но и западные державы не предполагали, что лозунг «свободы малых наций», будет способствовать полному развалу Австро-Венгрии и частичному – России. Так, Польша, по словам итальянского премьер-министра Ф. Нитти, «чудом воскресла после непредвиденного краха трех срединных держав»¹. После окончания войны страны ЦВЕ из историко-географического континуума рухнувших монархий превратились в геополитическую реальность, но пространственную конфигурацию регион обрел не сразу. Принадлежность тех или иных спорных территорий во многом зависела от развернувшейся между победившими в войне державами борьбы накануне и в период работы Парижской мирной конференции. Конфликт из-за конфигурации границ на востоке Центральной Европы был обусловлен стремлением Антанты найти оптимальный геополитический баланс сил для противостояния большевизму, а также противоречиями в вопросе о гегемонии той или иной западной державы в регионе и в континентальной Европе в целом.

Ведущими версальскими миротворцами являлись президент США В. Вильсон, Ллойд Джордж и Клемансо. Глава французского правительства видел в сильных Польше и Чехословакии средство давления как на Советскую Россию, так и на Германию. На заседании Совета трёх Клемансо заявил: «Когда говорят о создании Польши (...), речь идет о создании барьера между Германией и Россией»².

¹ Нитти Ф. Европа над бездной. Пг., 1923. С. 194.

² Sprawy polskie na konferencji pokojowej... Т. II. № 19. S. 36.

Ллойд Джордж делал ставку в борьбе с большевизмом на Германию, усматривая в ней также противовес Франции, и принижал значение союзников последней, особенно Польши, как антисоветского барьера. Позиция Вильсона была менее определенной: в частности, помогая Польше, он надеялся обеспечить себе голоса 4-х миллионов американских поляков на предстоящих президентских выборах¹, поэтому вначале американские дипломаты вынашивали план создания объединенного Польско-Литовского государства². Но затем Вильсон, озабоченный сообщениями военного представителя США в варшавской межсоюзнической комиссии генерала Дж. Кернана о «наполеоновских» замыслах франко-польского империализма, перешел на сторону Ллойда Джорджа³. Франция в вопросе территориального размежевания на востоке Центральной Европы пошла на вынужденный компромисс, удовлетворившись уступками Великобритании и США по другим проблемам.

Соглашению союзников способствовали надежды на победу Белого движения в России после начала в марте 1919 г. наступления армии Колчака, признавшего Польское государство лишь в его этнических пределах; а также страх перед подъемом революционного движения в Центральной Европе: в марте образовалась Советская республика в Венгрии, а в апреле – в Баварии⁴. В результате для укрепления позиций правительства Германии державы Антанты сочли возможным предъявить недавнему противнику более умеренные требования в вопросе установления новых германских границ в регионе.

Немаловажную роль в принятии подобных решений сыграли рекомендации министра иностранных дел Великобритании Керзона и созвучные им идеи Маккиндера. При анализе послевоенной ситуации на востоке Центральной Европы, роль и место которой пытались – в практических целях – определить державы Антанты, министр и ученый использовали геополитические понятия «буферное государство», «сфера влияния» и «сфера интересов». Керзон, в частности, пытался применить накопленный им в бытность вице-королем Индии опыт территориального размежевания в Азии, ког-

¹ Recke W. Die polnische Frage als Problem der europäischen Politik. В., 1927. S. 320.

² ДМИСПО. Т. II. № 38. Записка секретаря посольства США в Швейцарии А.У. Даллеса. 30 декабря 1918 г. С. 50–51.

³ См.: Schwabe K. Deutsche Revolution und Wilson-Frieden. Düsseldorf, 1971. S. 454. См. также: ДМИСПО. Т. II. № 119. С. 205–206.

⁴ ДМИСПО. Т. II. № 160. Записка ПНК в июне 1919 г. о политике в отношении восточных границ Польши. С. 263. Первый генерал-квартирмейстер германской армии В. Грёнер писал 25 марта 1919 г.: «Захват власти Бела Куном в Венгрии должен усилить... готовность (Запада. – В.З.) к компромиссу». Цит. по: Schwabe K. Op. cit. S. 459.

да в случае трудностей с проведением фиксированных границ, создавали буферные и нейтральные зоны. Маккиндер, изучая историю европейских войн, обратил внимание на своеобразный перешеек между Балтийским и Черным морями, позволявший контролировать Восточную Европу. После окончания мировой войны ученый предложил превратить возникшие на востоке Центральной Европы страны в буферную зону: «Непреложной необходимостью является, чтобы существовало поле независимых государств между Германией и Россией», из которых «завершенным территориальным буфером» будет Польша¹. Небезынтересно напомнить в связи с этим июльский (1917 г.) меморандум Дмовского: «...источником слабости России в отношении Германии *была Польша*, расположенная посредине этого пояса, *между морями Балтийским и Черным*»².

После крушения кайзеровской империи германские партии – от крайне правых до социал-демократов – выступили за неприкосновенность восточных границ страны. На заседаниях Совета народных уполномоченных (СНУ) дискутировался вопрос о создании буферных государств на территории западных окраин (кресов) бывшей Речи Посполитой, отошедших после ее разделов к Пруссии. Эти планы мотивировались необходимостью создать «санитарный кордон» против большевизма, но подлинная причина заключалась в том, чтобы не допустить присоединения к возрожденной Польше ее бывших западных земель³. «Плохой мир» мог привести, по словам обер-президента Восточной Пруссии А. Батоцкого-Фрибе, к автономии восточных прусских провинций или их отделению от Германии путем создания Oststaat («Восточного государства»). Проект одобрили некоторые прусские политики, немецкие народные советы (националистические организации) Восточной Германии, командование размещенных там армейских соединений. Министр внутренних дел Пруссии В. Гейне считал, что создание Восточногерманской республики даст «шанс национального и хозяйственного сохранения вос-

¹ Mackinder H.J. Op. cit. P. 106, 111–114.

² Dmowski R. Op. cit. S. 482. Зд. и далее в цитатах выделение курсивом – как в документе или тексте цитируемой публикации. То же самое относится к подчеркиваниям. – В.З.)

³ ДМИСПО. Т. I. № 84. С. 168–169; Die Regierung der Volksbeauftragten 1918/1919. Düsseldorf, 1969. Bd. 1. № 20. Заседание кабинета 21 ноября 1918 г. S. 122; Bd. 2. № 91. Обсуждение кабинетом и прусским правительством восточного вопроса. 2 января 1919 г. S. 173–174. Допускала утрату части восточных провинций Пруссии и самоопределение Литвы Независимая социал-демократическая партия Германии (НСДПГ). СНУ – созданное после Ноябрьской революции 1918 г. временное правительство Германии.

точных провинций», а «после крушения польского империализма – возвращения их Германии»¹.

После того как в мае 1919 г. главы держав Антанты вручили министру иностранных дел Германии У. Брокдорф-Ранцау проект мирного договора, в котором предусматривалась передача Польше части восточных провинций Пруссии, сепаратисты решили действовать. Собравшись в Данциге, они инициировали создание «парламента немецкого Востока», куда вошли депутаты Национального собрания Германии и ландтага Пруссии от восточных провинций. Созданный при парламенте «комитет действия» высказался за образование самостоятельной от Пруссии Ostmark (восточные пограничные области), входящей в Германию и связанной «добрососедскими отношениями с Польшей». Съезд делегатов немецких народных советов считал это полумерой: руководитель познанских и западнопрусских советов Г. Клейнов заявил 28 мая о необходимости создания Oststaat путем «германо-польского соглашения». В принятой съездом резолюции полякам были обещаны «равноправие» и экономические выгоды от пребывания в «Восточном государстве». Одновременно немецкие националисты начали мобилизацию сил против Польши на основе военного плана «Frühlingssonne» («Весеннее солнце»)². Милитаристско-юнкерские круги восточных провинций Пруссии надеялись спровоцировать Польшу на ответные действия и оправдать в глазах Берлина и западных держав провозглашение Oststaat.

Но эти планы подверглись серьезной критике центральных властей страны. Переломным стало совещание 5 июня в прусском МВД с обер-президентами восточных провинций Пруссии; в ходе дискуссии высказывались опасения различного толка: Oststaat восточная республика окажется в чрезмерной зависимости от Польши и «не сможет вернуться в Германию»; берлинское правительство не поддержит планы сепаратистов, опасаясь репрессий союзников, о возможности которых сообщал Брокдорф-Ранцау рейхсканцлеру Ф. Шейдеману³. Ситуация осложнялась тем, что германские войска на востоке Пруссии были большей частью деморализованы и началась «спешная эвакуация в Германию всего, что можно вывезти из Пруссии»⁴.

¹ Das Kabinett Scheidemann. Boppard // Rhein, 1971. № 42. Встреча в рейхсканцелярии с депутатами СДПГ от восточных провинций. 16 апреля 1919 г. S. 163; Cleinow G. Der Verlust der Ostmark. В., 1934. S. 208–210; Цит. по: Schulze H. Oststaatplan 1919 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1970. H. 2. S. 123.

² Cleinow G. Op. cit. S. 250–255, 276–283; Vossische Zeitung. 1919. 22, 23 V; Das Kabinett Scheidemann... № 91. Заседание кабинета 30 мая 1919 г. S. 396; Schulze H. Op. cit. S. 149.

³ ADAP. Bd. II. Göttingen, 1984. № 54. S. 88–90, № 59. S. 95–96; № 71. S. 118.

⁴ Sprawy polskie na konferencji pokojowej... Т. I. S. 342.

Тем не менее сепаратисты попытались пойти ва-банк. В ночь с 24 на 25 июня в Данциге собрались представители немецких народных советов, военных и гражданских властей восточных провинций, чтобы провозгласить создание Oststaat. Однако правительство Г. Бауэра (не согласный с условиями мирного договора кабинет Шейдемана ушел в отставку 20 июня) после бурных дебатов согласилось подписать мирный договор и высказалось против сепаратистских акций на востоке Германии. Предложение представителей народных советов провозгласить «Восточное государство» без санкции столичных властей не нашло поддержки у руководства восточных провинций Пруссии, 25 июня призвавших население отказаться от дальнейшей борьбы, которая может «сказаться на наших братьях в рейхе», и подчиниться решению кабинета Бауэра подписать условия мира. Сторонникам создания Oststaat пришлось отказаться от своих замыслов¹. Правда, по мнению польских военных и дипломатов, Германия предполагала реализовать план образования «Восточного государства» после общей демобилизации войск Антанты, сохраняя сильную армию «под предлогом готовности к возможному нападению спартаковцев»².

Запрет берлинским правительством сепаратистских акций в восточных провинциях объяснялся расстановкой классовых сил в Германии. Националистический угар, окутавший страну в мае, рассеялся. Только милитаристско-юнкерские круги и националистически настроенная часть крестьянства выступили против мира. Промышленно-финансовая буржуазия пришла к выводу, что его условия позволят начать экономическое восстановление Германии³. Oststaat могло стать и базой монархистских сил, выступавших против республики под лозунгами реставрации⁴. В итоге германские правящие круги сочли статьи Версальского договора, посвященные германо-польской границе, приемлемыми – по сравнению с первоначальными проектами межсоюзнической комиссии по польским делам – и вместе с тем более уязвимыми, что было важно для последующей борьбы за их пересмотр, и согласились в итоге на передачу Польше части восточных провинций Пруссии.

Борьбу за «справедливые границы» Германия вела под легализованным мирным договором лозунгом о праве наций на само-

¹ Cleinow G. Op. cit. S. 313–320; ADAP. Bd. II. № 81. S. 139–143; См.: Schulze H. Op. cit. S. 156–157.

² Archiwum polityczne Ignacego Paderewskiego. T. II. S. 213, 278.

³ Драбкин Я.С. Становление Веймарской республики. М., 1978. С. 229.

⁴ Łossowski P. Między wojną a pokojem. Niemieckie zamysły wojenne na wschodzie w obliczu traktatu wersalskiego. Marzec–czerwiec 1919 r. W., 1976. S. 321.

определение. Этот лозунг широко трактовали и новые государства Центральной Европы, в первую очередь Польша, использовавшая его в качестве прикрытия своих амбициозных внешнеполитических замыслов, на что обратили внимание германские правящие круги. Так, в Рейхсканцелярии 24 апреля 1919 г. дискутировался вопрос о передаче Литвы Польше, что якобы умирит ее претензии на Данциг, но возобладало мнение о создании Литовского государства, которое послужит «фланговым прикрытием против Польши и предместным укреплением против России». Литва рассматривалась как экономический тыл Восточной Пруссии, а «мемельская речная система – как экономический коридор в Россию в противовес польскому стремлению отрезать нас от Востока». В результате дискуссии были приняты «Директивы относительно наших действий на германо-русском фронте», направленные 7 мая имперскому и прусскому военным министрам, а также дипломатам в Литве¹.

После провозглашения в ноябре 1918 г. суверенитета Польши, созданные оккупационными властями на польской территории марионеточные структуры передали власть Пилсудскому с учетом его прогерманских настроений и в надежде, что он собьет нарастающий в стране революционный подъем. Переговоры Пилсудского с эндеками о создании коалиционного правительства потерпели неудачу, поскольку каждая из сторон стремилась играть в нем руководящую роль. Тогда по поручению Пилсудского правительство сформировал правый социалист Е. Морачевский из представителей левоцентристских партий. Сам Пилсудский стал главой – начальником – государства с диктаторскими полномочиями и верховным главнокомандующим.

К этому времени относится оформление группировки пилсудчиков, пестрой по своим воззрениям и классовой принадлежности. Она включала левоцентристские партии, помнившие былую деятельность Пилсудского в Польской социалистической партии (ППС) и в целом разделявшие его демократическую, как им казалось, программу. Начальник государства выступил за образование федерации Польши с Белоруссией и Литвой, формально независимую Украину: как минимум – за границы 1772 г., как максимум – за границы от Балтийского моря до Черного. Польское бюро пропаганды и агитации при ЦК РКП(б) позднее так оценило позицию левоцентристских партий: «Великая и могучая Россия – равно самодержавная, как и большевистская – это опасный сосед для Независимой Польши». Именно этим большевики объясняли «отрицательное

¹ Советско-германские отношения от переговоров... Т. 2. № 42. С. 101; № 48. С. 111–113.

отношение к Колчаку и Деникину», дружелюбное отношение поляков к Петлюре, «который... начал проявлять желание уступить Восточную Галицию Польше <...> Деникин считает ее неотъемлемой частью Великой России». Поэтому на востоке Польша хочет оградить «себя буферными государствами вроде <...> Литвы, Украины», хотя Белоруссия «может предпочесть союз с Россией союзу с Польшей»¹. Пилсудского поддержали и буржуазно-помещичьи круги, имевшие экономические интересы на восточных окраинах бывшей Речи Посполитой.

Ссориться с Германией Пилсудский был не склонен в связи с вопросом о западных кресах. Он заявил в октябре 1918 г. побочному сыну Вильгельма II графу Г. Кесслеру: «Поляки не станут воевать за Познань и Западную Пруссию. Если Антанта подарит им эти обе провинции, они не откажутся, но сами войны не начнут». Кесслер заметил, что «опасность большевизма призывает польский и немецкий народы к совместной обороне», и Пилсудский с ним согласился². Став начальником государства, Пилсудский указал Кесслеру, которого Берлин назначил германским послом в Варшаве, что «видит опасность <...> на юго-востоке – русские и украинские большевики и банды», а также на юго-западе – местное революционное движение³. Своего представителя в ПНК Василевского Пилсудский инструктировал в том же духе: польские «границы на западе будут подарком коалиции... [границы] на востоке возьмем собственными силами»⁴. В письме Василевскому от 8 апреля 1919 г. начальник государства предлагал добиваться обмена «сомнительного Гданьска» на Либаву (Лиенау) и Ригу⁵. Не случайно Морачевский заявил в декабре 1918 г. западным журналистам: создания «нейтральной гданьской республики» достаточно для решения проблемы выхода Польши к морю⁶.

Эндеки, в отличие от пилсудчиков, более четко понимали необходимость – для экономического развития и обеспечения национальных интересов Польши – возвращения ее бывших западных земель. В этом вопросе их поддержали другие правые партии, имевшие эко-

¹ Положение в Польше за октябрь и ноябрь 1919 г. Л. 34–35 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 31а. С. Петлюра – руководитель УНР.

² Rozmowa Piłsudskiego z królią Kesslerem // *Кwartalnik Historyczny*. 1961. № 2. S. 449, 450.

³ Kessler H. *Aus den Tagebüchern. 1918–1937*. München, 1965. S. 17.

⁴ Цит. по: *Problem polsko-niemiecki w traktacie Wersalskim*. Poznań, 1963. S. 199.

⁵ Piłsudski J. *Op. cit.* S. 73.

⁶ *Dziennik Powszechny*. 1918. 27, 28. XII. Енджей Морачевский – соратник Ю. Пилсудского, первый глава правительства независимой Польши в 1918–1919 гг. – *Ред.*

номические интересы на западных землях. Вместе с тем «дело границ на Востоке» Дмовский считал «второстепенным вопросом», поскольку видел в достаточно сильной, «слегка реформированной России» союзника Польши в случае угрозы германского реванша. Поэтому эндеки «положительно» относились к Колчаку и Деникину и «отрицательно» к Петлюре¹. При этом ПНК, в котором преобладали эндеки, тоже вынашивал аннексионистские замыслы, но на востоке, требуя инкорпорации (присоединения к Польше без предоставления автономии) тех украинских, белорусских и литовских территорий, где компактно проживали поляки, а коренное население исповедовало католицизм².

Выступавшие с имперских позиций лидеры Белого движения отвергли план Пилсудского по созданию федеративной Польши, и начальник государства под давлением Антанты делал вид, что готов на сотрудничество с белыми, а в борьбе с красными больше руководствовался геополитическими интересами. Дмовский и его приверженцы выступали за сотрудничество с антибольшевистскими силами. В январе 1919 г. в частной беседе представителей белых и эндеков шла речь о создании «англо-франко-польско-русского союза», который, по мнению последних, должен послужить противовесом назревающему «германо-чешско-итальянскому союзу»³. Однако предлагаемая эндеками восточная граница Польши совпадала, с некоторыми коррективами в ее пользу, с линией второго раздела Речи Посполитой и также не устраивала лидеров Белого движения. В апрельской (1919 г.) статье отдела пропаганды Особого совещания при главкоме ВСЮР читаем: «Добровольческая Армия <...> приглашает все части бывшего Российского государства объединиться с нею для совместной борьбы с большевиками на восстановление Единой и Неделимой России»⁴. Газета «Жизнь» 5 октября (Ростов-на-Дону) в статье «Русско-польское объединение» писала: «...полюсом внешней политики для Польши является вступление в федеративное объединение с Великой Россией... При условии вхождения в федерацию чехо-словаков и Юго-Славии <...>, Россия и весь славянский мир получают на западе превосходный форпост»⁵.

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 31а. Л. 35–36.

² ДМИСПО. Т. II. № 88. Протокол заседания ПНК. 2 марта 1919 г. С. 138, 153. См. также: Мархлевский Ю.Ю. Польша и мировая революция. М., 1920. С. 34.

³ Беседа В.В. Вырубова с польским дипломатом Ю. Веловойским о возможном союзе между белыми и Польшей // ГА РФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 242. Л. 1.

⁴ ГА РФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 19. Л. 7.

⁵ РГВА. Ф. 100. Оп. 9. Д. 39. Л. 26.

Впрочем, различия между концепцией инкорпорации и «федералистской» программой не были столь принципиальны – речь шла скорее о методах создания великодержавной Польши. Обе группировки провозглашали культурную миссию Польши на востоке Центральной Европы, что было равнозначно культуртрегерским функциям прусского юнкерства на бывших западных польских землях. В этом контексте уместно звучат слова Черчилля: «...после 150 лет неволи и раздела <...> появился пленник XVIII столетия <...> с тем же гордым сердцем и <...> с тем же непрактичным умом <...>. Несчастья не сломили духа Польши. Но научили ли они ее мудрости?»¹ О «понимании» польским руководством международной ситуации свидетельствовало выступление в мае 1919 г. на заседании руководства Сейма премьер-министра Падеревского, объяснившего неблагоприятное отношение Ллойда Джорджа и Вильсона к предложениям межсоюзнической комиссии по польским делам во главе с французом Ж. Камбоном заговором врагов: это евреи, «которые не хотят никакой Польши; фанатичные сектанты-англосаксы, которые не хотят католической Польши, <...> английская лейбористская партия, которая симпатизирует немецким товарищам»².

Согласно решениям Парижской конференции значительная часть бывших западных польских земель осталась в составе Германии, а территориального размежевания Польши с соседями в ЦВЕ не произошло. Верховный совет Антанты постановлением от 21 ноября 1919 г. передал Польше мандат Лиги наций на 25-летнее управление Восточной Галицией, а своей декларацией от 8 декабря советовал установить временную восточную польскую границу в пределах бывшей Российской империи по этническому принципу, однако конкретных шагов для подкрепления этой рекомендации не предпринял³. Передача Восточной Галиции лишь под управление Польши вызвала негодование в сейме⁴. Кабинет Падеревского ушел в отставку. Решение Антанты, по мнению польских газет, вело к «созданию государства в государстве, обострению польско-русинского спора» и лишению Польши Львова, без которого, как заявил Падеревский, «нет Польши»⁵.

¹ Черчилль У. Указ. соч. С. 176.

² Archiwum polityczne Ignacego Paderewskiego. Т. II. С. 15.

³ ДМИСПО. Т. II. № 244. С. 395; № 269. С. 431–432.

⁴ Бюллетень польского сейма по вопросу о Восточной Галиции и спорных территорий между Польшей и Чехословакией // РГВА. Ф. 307. Оп. 6. Д. 1. Л. 1–3.

⁵ Положение в Польше за октябрь и ноябрь 1919 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 31а. Л. 38.

Литовские границы западные державы также не определили. Вместе с тем Мемельскую область передали под управление Лиги наций, а Неман – от Гродно до устья – был объявлен «международным»¹. Серьезные территориальные разногласия, прежде всего из-за богатой углем Тешинской Силезии, возникли у Польши с Чехословакией, видевшей в сильной демократической России противовес Польше. Председатель Временного чехословацкого правительства Масарик писал в ноябре 1918 г., накануне своего избрания президентом, министру иностранных дел Бенешу: «Россия должна остаться *целостной*, какой она была, это было бы лучше всего»². Но и Чехословакия, несмотря на пророссийскую позицию, стремилась к захватам на востоке региона. Для обоснования чешских планов использовалась теория Масарика о «барьерах» и «буферах» для сохранения свободы малых народов³. Уже в мае 1919 г. в Ужгороде было инсценировано «добровольное» присоединение к Чехословакии Прикарпатской Руси, а в феврале 1920 г. эту территорию под названием Подкарпатская Русь, официально включили в состав Чехословацкой республики. При этом у самой ЧСР на западе возникли территориальные проблемы с Германией.

Таким образом, создаваемая Западом в ЦВЕ геополитическая конфигурация была чревата конфликтами, о которых предупреждали внимательные наблюдатели. Представитель британского казначейства на мирной конференции Дж. М. Кейнс писал: по мнению Франции, Польша «должна цвести и блистать среди пепла России и развалин Германии... Однако, если внутри великих соседей Польши не будет благосостояния и порядка, сама она явится экономическим нонсенсом»⁴. Но руководители Антанты прислушались к доводам не Кейнса, а Маккиндера. Версальская система была построена без учета интересов России и побежденных стран, которым навязали совершенно кабальные условия и тем самым посеяли семена новых конфликтов. Причем сами победители не были уверены в окончательности и справедливости скроенной ими лоскутной карты Центральной Европы⁵.

¹ Версальский мирный договор. М., 1925. С. 48, 143, 146.

² ДМИСЧО. Т. I. № 157. С. 193.

³ Записка Копыстянского «Новая Австрия и Россия (К вопросу о судьбе Прикарпатской Руси)». Омск. 20 июня 1919 г. // ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 369. Л. 11 об.

⁴ Кейнс Дж. Экономические последствия Версальского мирного договора. М., 1922. С. 134–136. Польское бюро агитации и пропаганды ЦК РКП(б) отметило 13 апреля 1920 г.: в Польше «печать сильно ругает книжку Кейнса». См.: АВП РФ. Ф. 122. Оп. 3. П. 4. Д. 6. Л. 3.

⁵ См., напр.: Мальков В.Л. Версаль и его уроки. Российский взгляд // Первая мировая война: Пролог XX века... С. 208.

Подводя итоги содержанию раздела, заметим: изучение проблемы западных российских рубежей в годы гражданской войны возможно лишь при комплексном анализе политики Советской России и Белого движения. С началом иностранной интервенции концепция мировой революции приобрела форму революционной геополитики с элементами реальной политики, включавшей стремление большевиков к компромиссу с новыми государствами ЦВЕ. Традиционную для Российской империи великодержавную политику проводило Белое движение, что отчасти предопределило его внешнеполитическое банкротство и военное поражение в гражданской войне. К началу 1920 г., вопреки государственным интересам России, произошла серьезная геополитическая трансформация ее «ближнего Запада», но к этому времени державы Антанты еще не завершили территориального размежевания в регионе. Это вселяло в Германию, Польшу, Советскую Россию и другие заинтересованные страны надежду, что установленные границы имеют временный характер и положение дел можно изменить дипломатическими, а скорее военно-политическими методами в пользу того или иного государства.

3.2. Западные российские рубежи в политике Советской России

Приход к власти большевиков прервал преемственность внешней политики России. Вместе с тем комплексный анализ политики Кремля в связи с проблемой западных российских рубежей в годы гражданской войны допустим с позиций утилитаризма¹, признаком которого явилась, в частности, геоидеологическая парадигма – наглядным ее свидетельством стал Брест-Литовский мирный договор с Германией. Советские лидеры пытались поставить идеологию выше геополитики, оправдывая с этой точки зрения мир с Германией: «...советская Россия вовсе не шла на геополитическую капитуляцию, а <...> приобретала передышку перед очередным приливом мировой революции»². Однако Брестский мир позволял Германии «доминировать в слабеющей России <...> контролировать евразийский

¹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. I. Новосибирск, 1997. С. 385.

² Плешаков К. Геоидеологическая парадигма // МЖ. 1995. № 4–5. С. 110. Геоидеологическая парадигма – динамическое взаимодействие геополитики и идеологии, носящее устойчивый характер и характеризующееся рядом закономерностей и параметров.

Heartland»¹, на что обратил внимание французский премьер-министр Ж. Клемансо («Если бы Германия могла колонизовать Россию, война была бы проиграна, а не выиграна»)². Но, по мнению Ленина, германские политики не успели бы воспользоваться плодами оккупации, поэтому большевики, рассчитывая на европейскую революцию, уступили «пространство фактическому победителю, чтобы выиграть время»³. Миллюков позднее отметил: «Расчет большевиков был <...> правилен. Они ошиблись лишь в нескольких месяцах»⁴. Однако, например, Сталин в январе 1918 г. отмечал: «Революционного движения на Западе нет <...> а есть только потенция», с которой «мы не можем считаться»⁵. Интересным представляется ответ Ленина на тезис о необходимости революционной войны: «Мы воевали бы теперь, объективно, из-за освобождения Польши, Литвы и Курляндии», но «интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение»⁶. Ленин сравнил Брестский мир с Тильзитским, когда пруссаки были отброшены к Тильзиту, «что равносильно тому, если бы нас отбросили к Омску»⁷. Сепаратный договор с Германией был серьезным тактическим маневром Ленина и его сторонников, надевавшихся, что мир является кратковременным отступлением на пути борьбы за мировую революцию. Но реальная ситуация не соответствовала революционной схеме: Брестский мир стал первым тяжелым поражением курса на подготовку мировой революции⁸. Революционные события в России, приход большевиков к власти и подписание ими сепаратного договора с Германией затянули мировую войну по крайней мере на год. Брестский мир ставил Россию в положение нарушителя международных обязательств и мало что оставил от большевистского лозунга: «демократический мир без аннексий и контрибуций». Более того, призыв к соблюдению права наций на самоопределение Германия использовала как «тактиче-

¹ Parker W.H. Op. cit. P. 163.

² Sprawy polskie na konferencji pokojowej... Т. II. W., 1967. № 19. Из записок с заседания Совета трех. 2 июня 1919 г. S. 36.

³ Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 г.: Стеногр. отчет. М., 1962. С. 109. Из выступления Ленина 8 марта. Об этом пишет и неустановленный автор в материалах «Брестский мир», отложившихся в бумагах Радека. См.: РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 1. Л. 92.

⁴ Миллюков П.Н. Россия на переломе. Т. I. Париж, 1927. С. 268.

⁵ Седьмой экстренный съезд... Протоколы ЦК РСДРП (б) периода Брестских переговоров. С. 244.

⁶ Ленин В.И. К истории вопроса о несчастном мире // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 251.

⁷ Ленин В.И. Доклад о ратификации мирного договора 14 марта // Там же. Т. 36. С. 107.

⁸ Панцов А.В. Брестский мир // ВИ. 1990. № 2. С. 79.

ское средство», чтобы окончательно оторвать от России и подчинить рейху Польшу, Литву, Курляндию¹. В результате Москва утратила контроль над западными территориями бывшей Российской империи, а также над Закавказьем. Но развал армии, которому способствовали сами большевики, не оставил им иной возможности выйти из войны.

В правящих кругах Германии рассматривались различные концепции овладения российскими землями: создавая *Randstaaten* (окраинные государства) или подчинив Германии центральное российское правительство. Важную роль играли федеративные планы: их авторы считали невозможным создание национальных государств на востоке Центральной Европы из-за смешанного состава ее населения и стремились не допустить – из экономических соображений – дезинтеграции региона, противодействуя возможным негативным последствиям реализации права наций на самоопределение².

Дискуссии в правящих кругах не помешали Германии укрепить свои позиции на национальных окраинах бывшей Российской империи. В декабре 1917 г. Вильгельм II указал на «необходимость управлять народами иного происхождения “длинной вожжей”» и высказался за углубление польско-литовских противоречий с тем, «чтобы борьба по вопросу о Вильне велась не между Берлином и Веной, а между Литвой и Польшей»³. Германские власти покровительствовали УНР во главе с Центральной Радой, ставшей полноправной участницей Брестских переговоров. Препятствием к подписанию мира УНР являлось ее стремление «присоединить к Украине населенную украинцами Восточную Галицию», но 9 февраля 1918 г. Центральная Рада подписала в Бресте сепаратный мирный договор с Германией и ее союзниками, согласившись на границы, существовавшие «между Австро-Венгерской монархией и Россией до начала настоящей войны»⁴. В марте 1918 г. германские оккупационные власти образовали марионеточную Белорусскую народную республику (БНР), которая претендовала на Вильно, Смоленск, Чернигов и часть соседних губерний, населенных белорусами⁵. Тогда же первый генерал-квар-

¹ Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918. Wien; München, 1966. S. 15.

² Хлебовчик Ю. Указ. соч. С. 195–197.

³ Советско-германские отношения от переговоров... Т. 1. № 40. Запись итогов совещания в Главной ставке германского Верховного главнокомандования. 18 декабря 1917 г. С. 87.

⁴ Там же. № 106. Телеграмма статс-секретаря Кюльмана рейхсканцлеру. 16 января 1918 г. Брест-Литовск. С. 227–228; № 136. С. 300.

⁵ Борисенко Ю.А. Белорусско-российское пограничье в 1918–1944 годах // ВИ. 2004. № 12. С. 105.

тирмейстер штаба Верховного главнокомандования Э. Людендорф выразил сожаление, что Германию связывает принятое в «иных условиях» декабрьское заявление, считая неуместным признание независимости Литвы¹.

Тем временем после ухода Л.Д. Троцкого с поста наркома иностранных дел элементы реальной политики появились во внешнеполитической теории и практике НКВД. Новый нарком Г.В. Чичерин писал полпреду в Германии А.А. Иоффе в мае 1918 г.: «Ставка на “передышку” <...> влечет за собой “реальную политику”, а она <...> сводится к тому, чтобы заманивать немцев реальными выгодами, могущими проистечь для них от мира с нами»². В ответ полпред сообщал в Москву, что в Германии тоже идет борьба между двумя внешнеполитическими тенденциями: во-первых, на случай вступления России опять в войну, «обессилить Россию окончательно, во-вторых, наоборот – упрочить мир с Россией <...> добиться от нее экономических выгод. Во втором случае им нужно <...> поддержать большевистское правительство, ибо всякое другое <...> может вступить в войну <...> они не могут доводить нас до отчаяния <...>. Уметь лавировать между этих рифов <...> задача нашей политики»³. В июльском письме наркому по военным и морским делам Троцкому Иоффе писал: в Германии царствует военная клика, которая не верит «в силу большевизма и его способность проводить *реальную политику*, <...> примитивная логика диктует им необходимость самим брать все то, что плохо лежит <...> я упорно доказываю <...>, если будут сами брать <...> мы все уничтожим, если же будут вести с нами мирную политику, то мы многое дадим»⁴.

Однако в июле Людендорф вынужденно заявил: «мы должны <...> лишить Антанту надежды поднять еще раз против нас Россию <...> мы <...> не должны предпринимать попыток свергнуть <...> большевиков»⁵. Подписанный 27 августа 1918 г. русско-германский Добавочный договор несколько ослабил позиции германской военной партии, к которой принадлежал Людендорф. Осенью 1918 г. Германия оказалась на пороге военно-политической катастрофы и, прибегнув 5 ноября к провокации, разорвала дипломатические отношения с РСФСР. После капитуляции Германии ее генералитет

¹ Советско-германские отношения от переговоров... Т. 1. № 187. С. 480.

² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 987. Л. 40.

³ Доклад № 8 (Иоффе) – НКВД. 10 июня 1918 г. // Там же Л. 72–73.

⁴ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 45. Л. 1.

⁵ Советско-германские отношения от переговоров... Т. 1. № 242. Материалы совещаний между представителями имперского правительства и Верховного главнокомандования в Спа. Июль 1918 г. С. 567.

предложил Антанте помощь для наступления на Москву, поскольку нарождающиеся «малые государства не смогут преодолеть большевизм своими силами»¹. Но вскоре генералы сетовали: «...борьбу Германии против большевизма ослабляет <...> наступление <...> поляков, которые уже овладели чисто немецкими территориями», преследуя «националистические цели»².

Окончание мировой войны и интервенция держав Антанты против Советской России обусловили изменения в политике большевиков: концепция мировой революции трансформировалась в революционную геополитику, в которой «революционная составляющая выступала доминантой восприятия пространственно-политических изменений»³. Наряду с революционными терминами стали использоваться традиционные категории: Срединная Европа, пространство, государство-буфер, государственные границы, равновесие сил. Большевики понимали, что судьба советской власти во многом зависит от позиции стран «ближнего Запада», и в Наркоминделе был создан отдел Срединной Европы: его первым руководителем стал К.Б. Радек⁴. По мнению ряда отечественных историков, далеко не все сотрудники НКВД и его представительств за рубежом разделяли концепцию экспорта революции в соседние страны⁵.

Но помимо Наркоминдела на международной арене действовали Исполком Коминтерна (ИККИ) и силовые ведомства. Ситуацию, складывающуюся на востоке Центральной Европы после военного поражения Германии, некоторые функционеры Коминтерна оценили следующим образом: немецкое население восточных провинций Пруссии присоединяется без плебисцита к «конгрессовой» Польше (бывшему Царству Польскому. – В.З.) по военным и стратегическим соображениям, «союзники отдают рабочее движение во власть реакции [польской]». Немецкие милитаристы хотят создать независимое от Польши государство из Западной и Восточной Пруссии, откуда начнется «возрождение» Германии⁶. Газета Коммунистической пар-

¹ Советско-германские отношения от переговоров... Т. 2. № 15. Проект операции против большевиков, составленный по поручению германского Верховного главнокомандования. 23 января 1919 г. С. 46.

² Там же. № 22. Телеграмма германского Центрального управления пограничных войск Востока председателю германской комиссии по перемирию Эрцбергеру. 14 февраля 1919 г. С. 67.

³ Улунян Ар. А. Указ. соч. С. 41.

⁴ Седьмой экстренный съезд РКП(б)... С. 109; Первый конгресс Коминтерна. М., 1933. С. 195, 206; 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Пг., 1921. С. 626; ДВП СССР. Т. II. М., 1958. № 88. С. 132.

⁵ См., напр.: Нежинский Л.Н. Указ. соч. С. 70–71.

⁶ Прайс М.П. Германо-польский вопрос в Западной Пруссии и мирные условия союзников // Коммунистический Интернационал. 1919. № 5. С. 646, 647.

тии Германии (КПГ) «Die Rote Fahne» в статье «Германская революция и польский вопрос» делала вывод: Польша от имени польского народа ведет войну против революционной Германии и становится частью контрреволюционных сил Европы, поэтому «необходим общественный переворот с целью революционизирования Польши в интересах мировой революции»¹.

Вместе с тем большевики и польские коммунисты ошибочно отождествляли начальника Польского государства Пилсудского с настроенными против войны левоцентристскими партиями, считая лишь эндеков и правительство И. Падеревского сторонниками антисоветской интервенции. Москва недооценила роль геополитического фактора в планах Пилсудского против Советской России. Тем временем 5 февраля 1919 г. Германия и Польша подписали соглашение об эвакуации германской армии с оккупированных ею земель в связи с наступлением польских войск против большевиков, но немецкая сторона оговорилась, что данный акт не отражает ее позицию по поводу окончательной принадлежности этих территорий². Польские соединения по распоряжению главнокомандующего союзников маршала Ф. Фоша были пропущены через германскую линию обороны. 14 февраля начались бои между польской армией и частями Красной армии. Современные польские и часть российских ученых считают, что с этих событий началась «польско-большевистская война», которая, по словам польского историка Г. Лукомского, велась «не против поработанных империализмом большевиков россиян»³. Ответственность за конфликт польские правящие круги еще ранее возложили на большевиков, чьи войска, дескать, «наводняют Литву и Белоруссию», часть которых «неоспоримо польская»⁴.

Подлинную причину захватнической политики Польши на востоке Центральной Европы изложил в июне 1919 г. ПНК: «...может быть проведен опрос в целях проверки, польский или непольский характер имеют наши восточные окраины <...>, когда союзники вместе с Россией будут определять, как далеко на восток будет простирается Польша, мы станем на границах этих территорий <...> такой

¹ Цит. по: Hauser P. Niemcy wobec sprawy polskiej. Poznań, 1984. S. 172.

² ДМИСПО. Т. II. № 68. С. 86, 87. Падеревский – премьер-министр Польши в январе–декабре 1919 г.

³ Łukomski G. Walka Rzeczypospolitej o kresy północno-wschodnie 1918–1920. Poznań, 1994. S. 13, 61.

⁴ ДВП СССР. Т. I. № 451. С. 625–626; Т. II. № 9. С. 15–17. Ноты министра иностранных дел Польши Л. Василевского и ответные ноты Чичерина в декабре 1918 – январе 1919 г.

силой, которая склонит чашу весов в нашу пользу»¹. По мнению польского историка В. Бальцерака, советские декреты в отношении Польши означали возвращение к правовому положению до первого раздела Речи Посполитой. В то же время «традиция российской империи и революционная стратегия предполагали экспансию на запад. Польша, чтобы не стать одной из советских республик, должна была с оружием в руках противостоять этой экспансии»². Однако Пилсудский позже признал: «Войну с Советами Польша начала еще в 1918 г. <...> пространство, которым я обеспечил себя от “революции извне” <...> имело даже свои отрицательные стороны, ибо наш народ, при своем известном легкомыслии <...>, забывал о законах, какие тяготят над народом, ведущим войну»³. Экспансионистские устремления польских лидеров поддержали многие поляки (особенно жившие вне пределов этнической Польши), считавшие, что, при включении в состав Польши значительных территорий на востоке, она будет способна противостоять Германии и России.

Таким образом, элементы будущего санитарного кордона – «контрреволюционного средостения», по словам Сталина⁴, – возникли сразу после поражения Германии. Но из-за своей военной слабости большевики создавали на спорных территориях западных окраин бывшей империи, буферные, как их охарактеризовал Иоффе⁵, советские республики и пытались урегулировать отношения с новыми государствами политическими средствами. В феврале 1919 г. Чичерин просил Иоффе, координировавшего в качестве члена Совета обороны внешнюю политику Литовско-Белорусской советской республики (Литбел), удержать сформированную большевиками польскую дивизию от вторжения в несомненно польские области и контролируемую Тарибой часть Литвы. Нарком сетовал на интриги польских коммунистов, которые «готовы нас втянуть в войну с Польшей <...> Уншлихт требовал, чтобы мы приняли Венцковского (чрезвычайного делегата Польши. – В.З.) <...> в случае принятия Польшей ряда предварительных условий <...> Его план неприемлем для нас, мы ищем передышки с Польской стороны <...> Вл[адимир]Ил[ьич] говорит, если польские

¹ ДМИСПО. Т. II. № 160. С. 265.

² Wojna polsko-sowiecka 1920 roku... S. 24.

³ Пилсудский Ю. 1920 год // Пилсудский против Тухачевского. М., 1991. С. 232–233. Вероятно, следует говорить не о войне в строгом смысле слова, а о вооруженных столкновениях на спорных территориях, поскольку отсутствовал ряд важных признаков понятия «война».

⁴ Сталин И.В. Средостение // Соч. Т. 4. С. 169.

⁵ См.: Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Указ. соч. С. 152. Выступление уполномоченного ЦК РКП(б) Иоффе на заседании ЦБ Компартии (большевиков) Белоруссии. 22 января 1919 г.

коммунисты не будут пропускать Венцковского, мы пошлем отряд, чтобы открыть ему путь к нам»¹. Иоффе советовал: «Что касается границ с Польшей, то лучше всего указывать, что Россия с нею не граничит и этот вопрос она должна разрешать с Литвой и Белоруссией»². В марте–апреле Чичерин предлагал провести в спорных местностях между Украиной, Литбел и Польшей «голосование трудящихся при условии увода чужих войск»³, но польская армия продолжала наступление на восток. После падения Литбел большевики начали осенью 1919 г. переговоры с Тарибой⁴.

На Украинском фронте весной 1919 г. советские войска вели успешное наступление против войск УНР и интервентов. Большевики стремились установить связь с советскими Венгрией и Словакией: от последней Красную армию отделяла в июне Восточная Галиция⁵. На ее территории украинское большинство населения образовало в октябре 1918 г. Западно-Украинскую народную республику (ЗУНР), высшим представительным органом которой стала Национальная рада во главе с Е. Петрушевичем. В начале ноября ЗУНР подверглась нападению Польши, которая весной 1919 г. оккупировала большую часть территории республики. Нарком иностранных дел Советской Словакии Я. Коушек писал 25 июня 1919 г. из Кошице своему представителю в Киеве: все чехословацкие красные военные силы на Украине «желательно концентрировать на галицийский фронт, чтобы в случае соединения русских и мадьярских армий <...>, отправить [их] на словацкий фронт»⁶. Руководители Компартии Восточной Галиции (КПВГ) еще в мае соглашались на ее советизацию «без всякой национальной окраски»⁷, однако среди большевиков по галицийскому вопросу имелись разногласия. Иоффе после решения 1 июня Политбюро ЦК РКП(б) и декрета ВЦИК о военно-

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 204. Д. 52412. Л. 1, 6. И.С. Уншлихт – весной 1919 г. нарком по военным делам Литбел. По словам Иоффе, сведения Чичерина «о польском ЦЕКА не выдерживают никакой критики. Кто-то ввел его в заблуждение. Поляки вполне лояльны и целиком разделяют политическую линию нашего ЦЕКА». Уншлихт на посту наркома «будет вполне на месте». См.: РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 27. Л. 149.

² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 204. Д. 52412. Л. 3.

³ Там же. П. 203. Д. 52405. Л. 18, 24. См. также: ДВП СССР. Т. II. № 50. С. 68–70; № 54. С. 74–76; № 70. С. 105–106; № 85. С. 128–129. Ноты Чичерина А.Я. Венцковскому.

⁴ Международная политика новейшего времени в договорах... № 196. С. 384; № 201. С. 392.

⁵ Из истории гражданской войны в СССР: Сб. док-в и мат-в. Т. 2. М., 1961. № 348. Телеграмма главного командования Всероссийского главного штаба об использовании интернациональных частей для связи с Советской Венгрией. 3 мая 1919 г. С. 385.

⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 71. Д. 1. Л. 1.

⁷ Там же. Оп. 126. Д. 2. Л. 5.

политическом союзе советских республик писал Троцкому: «...положен предел прожектерству Подвойского и преступно-легкомысленному устремлению Укрправительства на Галицию и Румынию»¹. Тем не менее Верховный совет Антанты, опасаясь возможного соединения российской и венгерской Красных армий, 25 июня разрешил Польше оккупировать всю Восточную Галицию и установить там гражданское правление². Временному отказу от революционных планов в регионе способствовали в дальнейшем также военные неудачи Красной армии на Украине и спад революционного движения в Центральной Европе. Троцкий констатировал: «Поражение Советской Венгрии задержит <...> революцию <...> в Польше, Галиции <...> европейская революция <...> отодвинулась <...>, мы сами отодвинуты с запада на восток»³.

Осенью 1919 г. польские войска, пользуясь благоприятной для них военно-политической ситуацией в ЦВЕ, вышли далеко за этнические пределы Польши. Однако планы Пилсудского по созданию польско-литовского государства потерпели провал, поэтому демонстрируемая УНР готовность заключить с поляками военно-политический союз подталкивала начальника Польского государства к активизации военных действий на Украине. Вопреки позиции Запада Пилсудский стремился возродить великодержавную Польшу, но большевики, как явствует из декабрьской переписки Чичерина с Иоффе, по-прежнему видели в Польше не субъект международных отношений, а объект политики Антанты⁴. Радек писал: «Польшу подговаривают к аннексии немецкого, украинского, литовского, белорусского населения», насильственно противопоставляя ее Германии и Советской России⁵. На деле Антанта не «подговаривала» Польшу к дальнейшей экспансии, хотя Мархлевский не исключал и возможности наступления «польской армии в близком будущем» – под давлением западных держав – для поддержки А.И. Деникина⁶. На рубеже 1919–1920 гг. руководство Советской России было готово пойти на максимальные территориальные уступки Польше в обмен на мирный договор. В декабре 1919 г. и январе 1920 г. Совнарком РСФСР выступил за воз-

¹ Большевицкое руководство... № 57. С. 105. Н.И. Подвойский – член РВСР, в январе–сентябре 1919 г. наркомвоенмор УССР.

² ДМИСПО. Т. II. № 158. С. 261.

³ Коминтерн и идея мировой революции... № 23. Письмо Л. Троцкого в ЦК РКП(б) о подготовке элементов «азиатской» ориентации. 5 августа 1919 г. С. 148.

⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 204. Д. 52412. Л. 17–35.

⁵ Радек К.Б. Развитие мировой революции и тактика коммунистической партии в борьбе за диктатуру пролетариата. М., 1920. С. 8–9.

⁶ РГАСПИ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 107. Л. 11–12. См. также: ДМИСПО. Т. II. № 281. С. 449–451.

обновление советско-польских переговоров¹, предложив полякам, по словам Ленина, «всю Белоруссию и порядочный кусок Украины»².

Эти предложения Польша отвергла, поскольку Пилсудский готовился к захвату Украины после разгрома Деникина большевиками. В материалах канцелярии Пилсудского автор нашел документ, обосновывавший захват земель «между Днестром и Бугом с выходом к Черному морю», «соглашение с Румынией о придании международного статуса Днестру и строительстве в его устье порта, соединенного с Польшей железной дорогой». В этом случае «Польша заняла бы такое положение в отношении восточноевропейских государств, какое сейчас в отношении Польши занимают западноевропейские государства»³. Проект превращения Польши в черноморскую державу учитывал непризнание национальными окраинами бывшей Российской империи ни большевиков, ни Деникина и отражал планы пилсудчиков: не случайно письмо оказалось в канцелярии начальника государства.

Пилсудский надеялся на создание третьей России – антибольшевистской, но согласной на новые границы – с помощью национальных движений и савинковцев⁴. Бывший член Русского политического совещания (РПС), координировавшего деятельность антибольшевистских сил на Парижской мирной конференции, Б.В. Савинков писал Деникину в декабре 1919 г.: «К весне <...> нам придется воевать либо против Польши, либо в союзе в ней», поэтому следует признать принцип автономии народностей⁵. В январе 1920 г. Савинков и бывший член РПС Н.В. Чайковский встретились в Варшаве с Пилсудским, который согласился на координацию действий с армией Деникина против большевиков на определенных условиях. Пилсудский предложил помощь в подписании соглашения Белого движения с Украиной, Эстонией, Латвией, Литвой в обмен на проведение плебисцита в спорных областях Литвы и Белоруссии,

¹ ДВП СССР. Т. II. № 207. С. 312–313; № 226. С. 331–332.

² Ленин В.И. Неизвестные документы... № 253. Из выступления Ленина на IX Всероссийской конференции РКП(б). С. 371. К 1920 г. названные Лениным земли были уже оккупированы Польшей.

³ Письмо предпринимателя А. Полишкевича, поступившее 10 января 1920 г. в польское Министерство промышленности и торговли // AAN. Kancelaria Cywilna Naczelnika Państwa. Sygn. 146. K. 136–142.

⁴ Заместитель военного министра генерал К. Сосновский писал 16 июля 1920 г.: «группа Савинкова... по своим взглядам единственно отвечающая нашим интересам». ДМИСПО. Т. III. № 89. С. 154. Однако Пилсудский считал, что «неизвестно, будет ли группа Савинкова располагать какими-либо реальными силами». Цит. по: Ольшанский П.Н. Рижский мир. М., 1969. С. 37.

⁵ Россия антибольшевистская... С. 351, 353–354.

отказ России от Восточной Галиции, свободный транзит польских товаров в балтийские порты. Из Варшавы Савинков поехал в Париж, где выяснилось, что лишь часть кадетов во главе с бывшими членами РПС Львовым и Маклаковым готова вести переговоры с поляками, а Чайковский направился к Деникину, отказавшемуся подписать договор с Польшей на условиях Пилсудского¹. Маловероятно, впрочем, что лидеры Белого движения намеревались в случае победы выполнить польские требования, о чем писал Деникину бывший глава правительства при главкоме ВСЮР А.С. Лукомский в марте 1920 г.: «Вы считали, что Вы не можете дать никаких обещаний, которые могли <...> урезать границы государства Российского в пределах 1914 г. <...> в случае окончательной победы над большевиками и воссоединения сильной России, Ваши обещания не имели бы ровно никакого значения»².

Орган ППС «Robotnik» комментировал встречу Пилсудского с Чайковским и Савинковым в статье «Неоденикинщина» как попытку вовлечь Польшу в войну в интересах «либерального российского империализма»³. Ранее эта же газета писала: «Если мы должны кого-то благодарить за изменения в вопросе о Восточной Галиции, то не Антанту <...>, а Деникина и Колчака за то, что они позволили разбить себя, или большевиков за то, что они их разбили»⁴. В то же время официальная польская печать, отметил в докладе от 11 февраля 1920 г. член Реввоенсовета Западного фронта (ЗФ) Уншлихт, «использует антинемецкое настроение крестьянства и мещанства в пользу борьбы с коммунизмом в Советской России, по отношению к которой нет в массах враждебного настроения. Германия и Россия рисуются в прессе как постоянный антипольский союз <...> пресса старается перенести злобу населения с немцев на Россию»⁵. Разработанный в феврале Варшавой проект предварительных условий мирных переговоров с Москвой, по сообщению от 5 марта польского посланника в Лондоне Е. Сапеги, «английское правительство считает безумием, а в случае их принятия Советами – угрозой войны в будущем»⁶. Британские правящие круги опасались возможной де-

¹ Письмо Савинкова – Врангелю от 26 июня 1920 г. с информацией о встрече с Пилсудским в январе 1920 г. // ГА РФ. Ф. 5866. Оп. 1. Д. 193. Л. 71–72; ДМИСПО. Т. II. М., 1964. № 302. Донесение английского посла в Варшаве Дж. Румбольда Керзону о намерениях Пилсудского создать блок государств Восточной Европы для борьбы с Советской Россией. 23 января 1920 г. С. 497–498.

² Россия антибольшевистская... С. 277.

³ Robotnik. 1920. 20. I.

⁴ ДМИСПО. Т. II. № 300. С. 493.

⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 112. Л. 186.

⁶ ДМИСПО. Т. II. № 318. С. 521–522; № 339. С. 561.

стабилизации находившейся в процессе становления Версальской системы, выступая за мирное решение польско-советского конфликта. В марте–апреле последовал обмен нотами между Польшей и Советской Россией о возобновлении переговоров, но польская сторона выдвинула неприемлемые для советской стороны условия¹.

В то же время среди большевиков были распространены и ультра-революционные настроения. Польское бюро пропаганды и агитации при ЦК РКП(б) критиковало воззвание председателя Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьева «О польском вопросе» от 17 февраля, в котором «автор уверяет, что по сравнению с Юденичем, Колчаком и Деникиным белая Польша – совершенное ничтожество <...> Данные Региструпа <...> говорят иное <...> Зиновьев недоценивает самостоятельную роль польской буржуазно-помещичьей контрреволюции»². Планы советских лидеров содержали элементы революционной геополитики. Узнав о сопротивлении немецких трудящихся капповскому путчу, Ленин телеграфировал члену РВСР Сталину: «Гражданская война в Германии может заставить нас двинуться на Запад на помощь коммунистам»³. Польское бюро пропаганды и агитации докладывало ЦК РКП(б): «Заговор Каппа сильно встревожил польскую печать <...> прусские юнкера, мол, в заговоре с “большевиками” и вместе <...> кинутся на бедную Польшу»⁴. Польские газеты сообщали, что уполномоченный НКВД в Германии В.Л. Копп вел до путча с В. Каппом переговоры, но эта информация не доказана⁵. Главное командование Красной армии также разрабатывало штабные варианты стратегического контрнаступления против Польши и требовало готовности к нанесению контрударов по польской армии от командующих Западным (ЗФ) и Юго-Западным фронтами (ЮЗФ), которые и сами стремились к усилению своих фронтов⁶. Однако лишь в апреле

¹ ДВП СССР. Т. II. № 284. С. 427–428; № 290. С. 436–438; № 297. С. 445–448.

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 31а. Л. 14, 14 об.

³ Ленин В.И. Неизвестные документы... № 219. 17 марта 1920 г. С. 331.

⁴ АВР РФ. Ф. 122. Оп. 3. П. 4. Д. 6. Л. 3.

⁵ См.: Карр Э. История Советской России. Т. 3. М., 1989. Сн. № 45. Слухи о переговорах Коппа с Каппом не могут быть опровергнуты, но являются маловероятными, поскольку участники будущего капповского путча стояли на антибольшевистских позициях. С. 480.

⁶ Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920): Сб. док-тов. М., 1969. № 610. Указание Главного командования о планах предстоящих операций на польском фронте. 5 марта 1920 г. С. 674; № 616. Директива Главного командования командованию ЗФ и ЮЗФ о приведении войск в боевую готовность. 8 апреля 1920 г. С. 629–630; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). Т. II. М., 1972. № 159. Докладная записка командования ЗФ о недопустимости ослабления фронта. 2 марта 1920 г. С. 174–175; № 390. Директива армиям ЮЗФ о переходе к активной обороне на польском участке. 15 апреля 1920 г. С. 424–425.

политическое и военное руководство Советской России отказалось от надежд на разрешение конфликта ценой территориальных уступок и приняло решение о подготовке к активным военным действиям на ЗФ. Но планов военного похода Красной армии на Варшаву тогда еще не разрабатывали.

Большинство известных польских политиков выступило против планируемой Пилсудским военной операции на Украине, приводя в пример печально закончившиеся походы на Восток гетмана Ст. Жолкевского (в начале XVII в.) и Наполеона Бонапарта. Пилсудский отвечал, что они не знали как он, Россию и тактику степной борьбы. Свои агрессивные замыслы пилсудчики объясняли стремлением к восстановлению «исторической справедливости» и необходимостью освобождения народов Украины, Белоруссии, Литвы от большевизма или его угрозы. В интервью газете «Echo de Paris» в феврале 1920 г. Пилсудский провозгласил: «Мы на штыках несем этим несчастным странам безоговорочную свободу», а через три дня в газете «Le Matin» говорил о мире с большевиками¹, что явилось попыткой шантажа Антанты. Польский посланник в Париже М. Замойский писал 18 марта министру иностранных дел Польши Ст. Патеку: «...наша война с большевиками, в понимании французского правительства <...> утратила <...> характер защиты Европы от большевизма»; с этим согласен, констатировал 23 марта Сапега, и британский кабинет².

Польское бюро пропаганды и агитации направило 13 апреля в ЦК РКП(б) записку о борьбе между эндеками и пилсудчиками. Эндеки считали, что границы 1772 г. доведут Польшу «до бесилия федерализма», дискредитируют ее «как захватчика в глазах Европы». По мнению же пилсудчиков, после победы Белого движения эндеки отдадут «великой России» Белоруссию и Украину. Отношения Польши с Чехией «самые натянутые <...>». Что касается плебисцита, война ухудшает перспективы Польши: присоединение к ней угрожает призывом молодежи в солдаты³. К интересному выводу пришел в феврале Президиум Рады БНР: в связи с политикой Польши в «Белоруссии и [на] Украине, с враждебным отношением к ней России и Германии легко придти к заключению о скорой гибели Польши, а может быть, и четвертому разделу <...> большевики <...> умышленно отступали, чтобы дать возможность похозяини-

¹ Piłsudski J. Op. cit. S. 147–149.

² ДМИСПО. Т. II. № 353. С. 603; № 357. С. 608–609.

³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 31а. Л. 21–22. Решения Парижской конференции предусматривали проведение летом 1920 г. плебисцитов в этнически неоднородных районах Верхней Силезии, юга Восточной и Западной Пруссии.

чать полякам в Белоруссии и тем разжечь ненависть к полякам <...> через месяц-полтора большевики разобьют поляков»¹.

В апреле польское правительство и Директория фактически несуществующей УНР во главе с Петлюрой подписали политическую и военную конвенции², превращавшие, по мнению НКИД, «Украину в протекторат, подчиненный <...> Польше»³. Представительство ЗУНР в Вене выступило с протестом против договора Польши с УНР, направив его госсекретарю МИД Австрии и канцлеру К. Реннеру. К заявлению «против империалистских устремлений Польши» прилагалась декларация членов Украинского национального совета в Вене, в которой Восточная Галиция объявлялась украинской национальной территорией, «Пьемонтом украинской национальной идеи»⁴. В то же время, не желая обострять отношения с белыми, Патек говорил Маклакову: «...восточная граница <...> в договоре с Петлюрой не является <...> окончательной; когда установится русское правительство, вопрос о границе будет пересмотрен»⁵. Пилсудский же писал 29 апреля Соснковскому о необходимости создания Польшей и Румынией независимого от капризов Антанты украинского государства для ликвидации «опасности большевистской и империалистической России» и получения выгод от Украины как богатого края⁶.

Итак, пилсудчики считали сложившуюся в регионе ситуацию благоприятной для осуществления своих великодержавных планов. Но при оценке планов Москвы необходим объективный анализ положения в России. Незавершенность гражданской войны, усталость Красной армии, ужасное состояние фронтовых тылов, хозяйственная разруха не позволили надеяться на успех стратегических наступательных планов Советской России в отношении Польши.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 134. Л. 1. После оккупации Белоруссии польскими войсками белорусские эсеры сформировали в конце 1919 г. новое правительство БНР и вскоре отказались от ориентации на Польшу. Некоторое время эсеры сотрудничали с большевиками, но затем перешли в оппозицию к Советской власти.

² ДМИСПО. Т. II. № 379. С. 656–657; № 381. С. 660–663.

³ ДВП СССР. Т. II. № 351. С. 531.

⁴ ÖSTA. NPA. Liasse Polen. K. 644. 9/1. Fol. 737–741.

⁵ Пионтковский С.А. Гражданская война в России (1918–1921 гг.): Хрестоматия. М., 1925. С. 629.

⁶ См.: Czubiński A. Problem obszaru i granic odrodzonego państwa polskiego w latach 1918–1922 // Problem granic i obszaru... S. 61–62.

3.3. Планы Белого движения в ЦВЕ (1918–1920 гг.)

Немалое влияние на решение проблемы западных российских рубежей оказала Гражданская война в России. Вопрос о границах на «ближнем Западе» особенно волновал антибольшевистские силы, которые признали декларацию Временного правительства о Польше, но в основном придерживались великодержавных взглядов и при этом надеялись на помощь Антанты. Сравнительно цельную внешнеполитическую программу противники Советской власти стали разрабатывать после образования в сентябре 1918 г. Временного всероссийского правительства (Директории), переехавшего в октябре из Уфы в Омск. Директория подходила к проблеме западных рубежей России с имперских позиций. Это подтверждают доклады 2-го политического отдела ее Министерства иностранных дел в октябре 1918 г.: «Интересы России и Славянства требуют не допустить до того, чтобы поляки захватили хотя бы одну пядь русской земли <...> путь, ведущий к примирению поляков и русских, указан П.А. Столыпиным. <...> [Он] стремился к точному размежеванию польских земель от русских. <...> Таковую же политику должна вести Россия на предстоящей мирной конференции». Аналитики МИД Директории обосновали интересы России на востоке Центральной Европы так: «Галичина, Буковина и Угорская Русь <...> продолжение великой русской низменности, оканчивающейся у подножия Карпатских гор. Этот географический факт до того ясен, что северо-восточный угол Галичины <...> называется Галицкой Волинью, юго-восточная же часть ее – Галицким Подолем <...> Реки русского Прикарпатья принадлежат к бассейнам Черного и Балтийского морей, входя в систему русских рек»¹.

Предлагая союзникам программу территориального размежевания России с новыми государствами, омские дипломаты использовали в том числе аргументы Центрального Карпаторусского Совета, созданного в октябре 1918 г. в Челябинске на съезде делегатов от уроженцев Прикарпатской Руси. Декларация съезда гласила: «...балканизация Европейского Востока <...> привела бы только к бесконечным войнам <...> Съезд <...> настаивает на сохранении политического единства Украины с Великороссией и требует *воссоединения Прикарпатской Руси <...> с Россией*». Вскоре Карпаторусский Совет переехал в Омск, и его председатель А.В. Копыстьянский писал в МИД: «В Карпатских горах сойдутся границы России, Польши и Чехословачины. <...> Россия получит естественную границу, Карпатские горы»².

¹ ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 360. Л. 4, 5, 9.

² Там же. Д. 357. Л. 1, 10, 24.

18 ноября 1918 г. в результате военного переворота в Омске была ликвидирована власть Директории и установлена диктатура А.В. Колчака. Вскоре его внешнеполитическое ведомство получило указание адмирала «о срочной разработке <...> всех данных, обеспечивающих наиболее выгодную для России пограничную линию с Польшей <...> с тем расчетом, чтобы Белоруссия, Литва и Прикарпатская Русь входили в состав России»¹. В декабре при омском МИД начала работу подготовительная к мирным переговорам комиссия. На своем первом заседании 15 декабря она констатировала: «...задачей России является содействовать сплочению и укреплению всей славянской группы народов, которая может сыграть в будущем роль мощного буфера между Германией и Россией». 17 декабря комиссия изучала проблему Восточной Галиции и Холмской Руси. Исполняющий обязанности товарища министра иностранных дел В.Г. Жуковский отрицал саму возможность притязаний поляков на Галицию. Секретарь 2-го департамента МИД К.Н. Фаминский заметил, что «в вопросе о Холмщине мы должны допускать возможность уступки полякам <...> для получения от поляков Галичины». 19 декабря в ходе прений по докладу Жуковского о Прикарпатской Руси (с включением в нее Восточной Галиции и Буковины) заведующий отделом печати МИД С.А. Елачич обратил внимание на отсутствие в докладе предложений о западной границе Галиции, в районе которой проживает смешанное русско-польское население, а статистические данные основаны на сведениях из австрийско-польских источников, преувеличивающих численность поляков. На заседании 22 декабря члены комиссии рассмотрели проблему Чехословакии: «...вопрос о соединении границ России и Чехии равносильен для последней вопросу быть или не быть». Чехии было важно сохранить торговые сношения, которые она имела с Прикарпатской Русью, и обеспечить себе рынок «в сторону России»².

25 декабря 1918 г. начало работу Особое подготовительное к мирным переговорам Совещание, которое следовало имперской политике комиссии. 2 января 1919 г. чиновник особых поручений при министре финансов А.Г. Соболев отметил: «Если вложить в понятие самоопределения народов идею создания самостоятельных национальных государственных образований, то от России ничего не останется <...> в наших интересах настаивать, чтобы вопрос об устройстве отдельных народностей был признан подлежащим разрешению самой Россией». 13 января Совещание занималось Чехословакией. Жуковский ука-

¹ Там же. Д. 368. Л. 19.

² Там же. Д. 599. Л. 8, 15, 16, 25, 27.

зал, что соприкосновение «с чешским государством диктуется необходимостью создания преграды для поляков в их возможных стремлениях к Черному морю». Исполняющий обязанности секретаря 2-го политического отдела МИД В.И. Язвицкий обратил внимание на роль Чехословакии в случае конфликта с Польшей: «Пользуясь связями с Чехией и оказывая экономическое давление на Польшу, мы <...> можем оказывать давление на нее и политическое». 24 января, когда Совещание обсуждало польский вопрос. Язвицкий заявил, что поскольку поляки требуют земли «вплоть до Вильны и <...> Минск, то и для нас нет оснований отказываться от своих законных требований». Говоря о проблеме спорных в этническом отношении территорий, управляющий МИД Ю.В. Ключников констатировал: «...плебисцит абсолютно непригодное средство для разрешения национальных вопросов <...> С теоретической точки зрения плебисцит есть устранение государственной воли»¹.

После непростых дебатов Ключников в итоговом докладе изложил «Общие принципы, на которых участвует российская делегация на мирной конференции»: в частности, она «согласует свою [работу] с директивами Российского Правительства в Омске <...> не ответственна за действия большевиков, и все договоры и соглашения, ими совершенные, ничтожны». Специальный раздел доклада был посвящен проблеме «Россия и славянский вопрос». В нем прозвучали следующие требования: «При определении границ Польши с Россией должны быть приняты в соображение как стратегические, так и экономические и этнографические условия <...> а) Литва и Белоруссия <...> не могут быть присоединены к Польше. б) Холмщина должна остаться в пределах России. в) Русь Галицкая и Угорская и Буковина должны быть присоединены к России <...> Западная граница Галицкой Руси должна <...> соприкасаться со Словакией»².

Принятие «Общих принципов» совпало с кадровыми изменениями: место кадета Ключникова занял бывший царский дипломат И.И. Сукин; министром иностранных дел Омского правительства Колчак назначил Сазонова, сохранившего за собой пост начальника управления иностранных дел Особого совещания (правительства) при главкоме вооруженных сил юга России (ВСЮР) – генерале Деникине. Выбор Сазонова был не очень удачен, поскольку тот являлся слишком одиозной фигурой для французских демократических кругов³, как, впрочем, и другие бывшие царские дипломаты.

¹ ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 600. Л. 33–34, 42, 82.

² Там же. Д. 601. Л. 1, 4, 5, 6.

³ Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000. С. 190–191.

Деятельность антибольшевистских сил на мирной конференции координировало созданное в конце 1918 г. Русское политическое совещание, образовавшее Русскую заграничную делегацию. Сазонов стал рядовым членом этих структур, но их состав и деятельность согласовывались с Колчаком и Деникиным.

Союзники не допустили к участию в мирной конференции РПС, заслушивая лишь отдельные его «суждения». Например, в декларации РПС от 9 марта 1919 г. говорилось: «...вопросы, касающиеся территории Российской империи в границах 1914 г., за исключением этнографической Польши <...> не могут быть решены вне и без согласия русского народа»¹. Вместе с тем управляющий политическим отделом Особого совещания Нератов обращал внимание Сазонова на стремление союзников обеспечить «водворение порядка в <...> России при помощи местных элементов, даже враждебных идее единой России»². Правда, Верховный совет союзников в ноте Колчаку от 26 мая готов был признать его правительство при согласии адмирала с независимостью Польши, и в ноте от 4 июня Колчак подтвердил свое согласие на польский суверенитет, но установление границ между Польшей и Россией отложил до созыва Учредительного собрания³. Тем не менее западные державы признали ответ Колчака удовлетворительным, поскольку не одобряли великодержавных устремлений Пилсудского.

Не только Польша, но и Чехословакия, несмотря на пророссийскую позицию, стремилась к захватам на востоке Центральной Европы: «То обстоятельство, что Россия с присоединением Прикарпатской Руси непосредственно приближается к средней Европе <...> играет роковую роль при решении карпаторусского вопроса на мирной конференции <...> новосозданные государства <...> прилагают все усилия к недопущению России к горам Карпатам. Чехославия стремится занять Угорскую Русь и <...> отрезать Россию от Венгрии», – писал в июне 1919 г. Копыстьянский⁴. Как видим, вопрос о союзниках на национальных окраинах прежней Российской империи был актуален для Белого движения. В Прибалтике, по мнению бывшего военного министра Временного правительства А.И. Гучкова, «только литовцы <...> поддерживали идею восстановления сильной России» как надежного защитника против Польши. Правда, отме-

¹ ГА РФ. Ф. 5866. Оп. 1. Д. 109. Л. 15–16.

² Внешняя политика контрреволюционных «правительств» в начале 1919 г. (Из документов Парижского посольства) // Красный Архив. 1929. Т. 6 (37). С. 71.

³ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. № 175. С. 248–250.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 369. Л. 15.

тил Гучков, «литовский солдат за пределы Литвы не пойдет. [Но] момент для укрепления симпатий литовцев к России <...> благоприятен <...> ввиду боязни захвата Литвы Польшей и недоверия к Германии»¹. Тем не менее Белое движение, по словам представителя Тарибы в Париже Ф. Нарушевичуса, не пожелало вести переговоры с Литвой осенью 1919 г.²

После начала отступления Колчака и переориентации Антанты на Деникина, с которым конфликтовало РПС, последнее прекратило свое существование в августе 1919 г. Но независимо от этого западные державы все менее прислушивались к заявлениям российских дипломатов. Сазонов в ноябре 1919 г. сообщал Колчаку: намечается привлечение к борьбе против большевиков «всех возникших на окраинах России государственных образований и создание из них не только «санитарного кордона» <...> но тесного кольца для наступательных действий против советской России <...> желательно уклониться от подобных переговоров»³. 5 декабря в телеграмме Деникину Колчак обосновал свое мнение по вопросу западных рубежей России: «...образование... Литвы, Польши, Украины <...> ставит Россию в положение Московии после Столбовского трактата». Потеря выхода к Балтийскому и Черному морям означала бы «историческую гибель русского народа». Политика «Держав согласия <...> дает основание думать, что раздел России является частью политической программы» некоторых из них. Соглашательство с созданными «за письменным столом» государствами будет «глубокой ошибкой и повторением постыдной политики позорного периода Керенского»⁴. Деникин и Нератов придерживались сходных взглядов. Нератов от имени Деникина сообщал Колчаку: переговоры с западными «образованиями <...> могут в случае предъявления нам неприемлемых требований поставить нас в самое тяжелое положение, может быть даже более затруднительное, чем открытое уклонение от этих переговоров»⁵.

Программные установки белых влияли на развитие событий на фронтах гражданской войны, прежде всего на западном и юго-западном направлениях. Летом 1919 г. началось наступление армии

¹ Письмо Гучкова 18 октября 1919 г. британскому военному министру У. Черчиллю // ГА РФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 10. Л. 97; Д. 133. Заметки Гучкова о политической ситуации в Литве в период гражданской войны в России. 1919 г. Л. 2.

² Из записки по национальному вопросу [без подписи] 18 декабря 1919 г. // ГА РФ. Ф. 5866. Оп. 1. Д. 109. Л. 30–31.

³ Там же. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 335. Л. 6, 7.

⁴ Там же. Л. 11, 11 об. Столбовский мир 1617 г. с Швецией отрезал Россию от Балтийского моря.

⁵ Там же. Л. 18.

Деникина на Украине в направлении польского фронта. Главное командование Антанты высказалось за интервенцию на Витебск и Смоленск польской армии, поскольку она могла повлиять на продолжение наступления Деникина и способствовать восстановлению армии Колчака¹. Однако, считал Черчилль, надо «убедить поляков <...> бить большевиков на границах своих владений»². Вместе с тем последствия ожидаемой встречи польских войск и Добровольческой армии обсуждали и руководители Белого движения. От имени Колчака Сукин телеграфировал в начале октября Деникину: «Ввиду соприкосновения Ваших войск с Польской Армией, а также важности по главнейшим вопросам предварительно согласовывать решения Правительства с Вашими пожеланиями, ожидаем <...> ответа, чтобы дать Сазонову соответствующие руководящие указания». От имени Деникина Нератов сообщил: «При соприкосновении с польскими войсками предполагается <...> ограничиться соглашением о военном взаимодействии против большевиков, не давая никаких обязательств»³.

Главком ВСЮР предлагал польскому командованию продвинуться к г. Мозырю и верхнему Днепру, поскольку в этом районе части Красной армии соприкасались на севере и западе с польскими войсками, на юге – с белыми. Генерал А.А. Лампе позже писал: до польских сил дотянулся «левый фланг войск генерала Деникина <...>, но *никогда* никакие польские части не приняли никакого участия в общем противобольшевистском движении», что было «якорем спасения, на котором удержалась советская власть во время наступления белых». 26 ноября Деникин писал Пилсудскому: «польская армия <...> прекратила наступление, дав возможность большевикам перебросить на мой фронт до 43 тысяч штыков и сабель <...> падение вооруженных сил Юга России <...> угрожает самому бытию» Польши⁴.

Но Белое движение не предполагало восстанавливать сильную Польшу. Русские эмигранты в Варшаве считали, что после взятия Москвы Деникин потребует от Пилсудского отвести польские войска к этнической границе, «так как вопрос о восточных границах будет рассматривать Парижская конференция при нашем [России] участии»⁵. Полякам, по словам Черчилля, «после победы, одержан-

¹ ДМИСПО. Т. II. № 260. С. 416.

² Черчилль У. Мировой кризис. 1918–1925: Воспоминания. М.; Л., 1932. С. 169.

³ ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 368. Л. 15, 16.

⁴ Лампе А.А. Причины неудачи вооруженного выступления белых // Пути верных. Париж, 1960. С. 49; Деникин А.И. Поход на Москву... С. 101.

⁵ ДМИСПО. Т. II. № 226. Рапорт Главного управления государственной полиции Польши. 21 октября 1919 г. С. 366.

ной совместными усилиями <...> придется самим защищаться против Деникина»¹. В итоге приказ верховного командования польской армии Польской военной организации (ПОВ) 12 сентября 1919 г. гласил: «...не проводить против большевиков активных военных действий, которые могли бы оказать помощь войскам Деникина; следует проводить активные политические действия <...> против Деникина»².

Тем не менее Антанта настояла, чтобы к Деникину были направлены польские делегации. В конце августа приехала экономическая миссия, но ее главной целью было выяснение политических и военных возможностей белых. Прибывшая в сентябре военная делегация во главе с генералом А. Карницким не имела полномочий для заключения военного союза. Ограниченной была компетенция и приехавшей в октябре делегации МИД Польши во главе с Ф. Скомпским. Дипломат заявил главкому ВСЮР: «Мы воюем с большевиками самостоятельно, так как у нас нет никаких договоров с вами. То, что наше наступление ведется медленно, объясняется недостатком боеприпасов, угля и транспорта». Однако существовавшие в снабжении польских войск трудности не объясняли отсутствие военной координации с белой армией. Деникин на переговорах с Карницким убеждал последнего признать утвержденную Антантой временную пограничную линию между Россией и Польшей, не возражая против продвижения польских войск на восток от этой линии при условии установления на данной территории русской администрации. Однако попытки союзников добиться компромисса Деникина и Пилсудского ради их совместных действий против большевиков оказались тщетными. По мнению Деникина, «польские <...> миссии вели фиктивные переговоры»³.

Положение Польши облегчала политика националистических сил на западных окраинах прежней Российской империи, которые, писал бывший член Особого совещания при главкоме ВСЮР Н.И. Астров, зовут армию Деникина, «когда нужно <...> спастись от большевиков. Ее объявляют враждебной себе, как только непосредственная опасность от вторжения большевиков минует <...> Цели Добровольческой армии и самостийников были различны <...> Великодержавность, прямолинейность, отсутствие гибкости, с одной стороны. Тупая недалковидность, легкомысленное самомнение самостийников <...>

¹ Черчилль У. Указ. соч. С. 170.

² ДМИСПО. Т. II. № 201. С. 313. ПОВ (аббревиатура от польского названия) вела, в частности, разведку на территории, занятой Деникиным, и осуществляла диверсии в тылу Красной армии.

³ См.: Historia dyplomacji polskiej... S. 118–119; Деникин А.И. Кто спас Советскую власть от гибели // Деникин А.И., Лампе А.А. Трагедия белой армии. М., 1991. С. 6.

с другой»¹. Последний тезис подтверждают воспоминания бывшего генерала армии УНР Ю.О. Тютюника: «Петлюра молча согласился на оккупацию поляками Галиции, Холмщины и Волыни. Он лишь просил Пилсудского, чтобы тот не шел со своим войском далее на восток <...> Полякам временно было выгодно, чтобы Петлюра был <...> барьером между красной армией и поляками»². Явное расхождение интересов Польши и лидеров Белого движения заставляло Пилсудского даже после благоприятного для него решения вопроса о принадлежности Восточной Галиции летом 1919 г. воздержаться от заключения союза с Петлюрой, развязывавшего ему руки для перенесения военных действий на территорию Советской Украины. Советские республики были для Польши более удобными соседями, поскольку по отношению к ним можно было вести политику «свершившихся фактов», реализовывать стратегические цели на востоке без опасения, что это вызовет противодействие Антанты.

Большевики воевали и с белыми, и с поляками: «В.С. лимитрофных государств, главным образом Польши, оттягивавшими значительную часть красных сил», способствовали стратегическому изнурению Красной армии и увеличению военного потенциала белых, – писал советский военачальник и военный историк Н.Е. Какурин³. По мнению же Астрова, лимитрофы не были раздавлены Красной армией, поскольку «белое движение с Востока и Юга поглощало внимание большевиков»⁴.

После прекращения наступления против Красной армии Пилсудский согласился на секретные переговоры с Кремлем об обмене заложниками и пленными, проходившие в октябре–декабре 1919 г. Личный представитель польского главнокомандующего И. Бёрнер сообщал от его имени 26 октября главе советской делегации Ю. Мархлевскому: «Нам важно, чтобы Вы победили Деникина, берите свои полки, посылайте их против Деникина или против Юденича, мы вас не тронем». В дневниковой записи за 3 ноября Бёрнер подчеркнул: «Удержание большевиков в направлении Мозыря несомненно помогло бы Деникину в его борьбе с большевиками <...> могло быть решающим моментом победы. Польша на полесском фронте

¹ Россия антибольшевистская... С. 304, 305. Из письма Астрова Деникину 18 октября 1924 г.

² Тютюник Ю. З поляками проти України. Харків, 1924. С. 12.

³ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 2. М., 1990. С. 231. Лимитрофы (лат. *limitrophus* – пограничный): в узком смысле слова – Латвия, Литва, Эстония; в широком смысле также – Польша и Финляндия.

⁴ Россия антибольшевистская... С. 304.

имела силы, но не наступала»¹. Деникин в эмиграции констатировал: «Пилсудский осенью 1919 г. заключил с советами тайное соглашение, в силу которого военные действия на польско-советском фронте временно прекратились»².

Наличие соглашения подтверждает переписка Чичерина с Мархлевским³. Чичерин также писал 10 декабря Иоффе: «Пилсудский сделал заявление (весьма секретно) о переходе поляками известной линии, и мы сделали таким же образом встречное заявление»⁴. Обратимся к мнению советских военачальников. Главнокомандующий Вооруженными силами Республики С.С. Каменев писал: фронт Деникина «при движении к Орлу достиг непосильной растяжки и <...> нам было достаточно 2,5 свежих дивизий для прорыва его фронта, положившего начало решительной над ним победы»⁵. Какурин сообщал о перегруппировке 12-й армии «за счет <...> обращенного против белополяков фаса», в результате ослабления которого польские войска могли достичь «границ Польши в пределах 1772 г. Для этого было необходимо сделать осенью 1919 г. маленькое усилие <...> противоположность целей <...> генерала Деникина и маршала Пилсудского была главнейшей причиной такого бездействия»⁶. Вопрос о том, какое влияние прекращение польским главнокомандующим военных действий против большевиков оказало на последующее поражение ВСЮР остается предметом дискуссии. Возможно, это решение Пилсудского сыграло важную роль в победе Красной армии над армией Деникина: по крайней мере, в постсоветской историографии существует такая точка зрения.

Позицию Пилсудского определили его великодержавные замыслы, противоположные намерениям лидеров Белого движения сохранить единую Россию. Бывший член РПС В.А. Маклаков поставил Деникина перед дилеммой: «...либо с поляками против Советов, либо с Советами против поляков». Позже Маклаков писал Б.А. Бахметеву (бывшему послу Временного правительства в США): «...нет сомнений, что Деникин пойдет на эти уступки только тогда, когда он будет в положении Колчака, то есть когда в них не будет уже смысла»⁷.

¹ Цит. по: Михутина И.В. Польско-советская война... С. 284; *Tajne rokowania polsko-radzieckie w 1919 r. Materiały archiwalne i dokumenty*. W., 1986. S. 204–205.

² Деникин А.И. Кто спас Советскую власть... С. 5.

³ Октябрь и начало декабря 1919 г. // РГАСПИ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 103. Л. 6, 7, 9. См. также: ДМИСПО. Т. II. № 265. С. 427–428.

⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 204. Д. 52412. Л. 8.

⁵ Директивы Главного командования Красной Армии... № 602. С. 612.

⁶ Какурин Н.Е. Указ. соч. С. 288, 289.

⁷ Михайловский Г.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 218; «Совершенно лично и доверительно!»... С. 129.

Последней попыткой Антанты помочь достижению компромисса Деникина с Пилсудским стало назначение в начале декабря 1919 г. британским верховным комиссаром на юге России Маккиндера, получившего уникальную возможность воплотить свою геополитическую концепцию в жизнь. По пути в Россию верховный комиссар встретился в Париже с «белыми» дипломатами, а в Варшаве – с Пилсудским. Польша стремилась получить от Антанты помощь для собственного марша на Москву, но Маккиндер просил Пилсудского поддержать Деникина. Польский главком заявил, «что *весною может начать наступление на Москву* <...> Что касается пограничной линии, проведенной на конференции <...> к западу от нее – неотъемлемая польская территория, а земли к востоку должны войти <...> на основании плебисцита <...> Обещание помощи *весною* звучало злой иронией», – подытожил главком ВСЮР¹.

Прибыв в Новороссийск, верховный комиссар выступил 31 декабря на заседании правительства ВСЮР и поддержал позицию Пилсудского по вопросу о польско-российской границе. Члены кабинета согласились рассмотреть эту проблему «при условии содействия со стороны Польши живой силой с <...> переходом в наступление для отвлечения большевистских сил». Деникин утвердил постановление, внося в него принципиальное изменение: «Вопрос о восточной границе Польши будет решен договором общерусского и польского правительств на этнографических основаниях»². Во время встречи с Деникиным, состоявшейся лишь 10 января 1920 г., Маккиндер убеждал главкома ВСЮР пойти на территориальный компромисс с начальником государства, обеспечив тем самым помощь Польши. Однако генерал считал, что план Пилсудского по созданию польско-украинской федерации вызовет серьезное недовольство в России, дав «фору большевикам»³. Верховный комиссар не был удовлетворен постановкой польского вопроса главкомом ВСЮР и предполагал устроить свидание Деникина с Пилсудским. Но, уехав ненадолго в Англию, в Россию Маккиндер уже не вернулся. На родине он призвал правительство оказать финансовую помощь Белому движению, выступил за создание антибольшевистских союзов с ограниченными военными задачами: «Пилсудский сказал мне, что <...> мог бы начать наступление на Москву в мае, но <...> добавил: “Чего я достигну,

¹ Деникин А.И. Поход на Москву... С. 102. Имелась в виду рекомендованная Польше Верховным советом Антанты временная восточная граница в пределах бывшей Российской империи, установленная согласно этническому принципу (будущая линия Керзона).

² Деникин А.И. Поход на Москву... С. 202–203.

³ См.: Parker W.H. Op. cit. P. 173.

когда я попаду туда?»». Деникин отказался решать проблему границ до созыва Учредительного собрания¹. Но к тому времени британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж и Ж. Клемансо констатировали загнивание пожара гражданской войны, и планы верховного комиссара уже не соответствовали начатому союзниками пересмотру политики в русском вопросе. Ввиду сильных антиинтервенционистских настроений в английском обществе предложения Маккиндера, продолжавшего сколачивать антибольшевистский альянс, британский кабинет министров отклонил 29 января 1920 г., а самого комиссара отозвал из России².

Великодержавная политика Белого движения явилась одной из причин банкротства его внешнеполитических планов на мирной конференции и способствовала военному поражению в гражданской войне. Сазонов «на все происходящее на Версальском конгрессе смотрел как на “измену” России», являясь антиподом «Галейрана на Венском конгрессе», и союзники «шутили, что Сазонов со своими протестами взял на себя роль советского представителя на конгрессе». Так Волынская губерния стала «барьером, через который не могла перешагнуть тяжеловесная сазоновско-нератовская дипломатия». Надо было обещать ее отдать полякам, считал дипломат Г.Н. Михайловский, и «не исполнить данного обещания, если фортуна улыбнется». В результате армия Деникина не получила той помощи, которую «дала бы Польша другому русскому руководителю внешней политики, более решительному и более коварному»³. Бывший председатель Особого совещания А.С. Лукомский писал Деникину: в случае «победы над большевиками и воссоединения сильной России Ваши обещания не имели бы ровно никакого значения <...>, и Польша, и Румыния преклонялись бы перед сильной Россией»⁴. Но все спорные территориальные проблемы лидеры Белого движения откладывали до освобождения России от большевиков.

Последовавшее зимой 1919–1920 гг. поражение Белого движения Антанты использовала для оправдания новых западных границ России. «Интервенция дала <...> практический результат», – констатировал Черчилль, пока большевики были поглощены столкновениями с Колчаком и Деникиным, возникшие на территории бывшей Российской империи государства создали сильные армии⁵. Это под-

¹ Из истории гражданской войны в СССР. Т. 3. № 55. Из доклада Маккиндера Гардингу о положении на юге России. 21 января 1920 г. С. 79.

² Parker W.H. *Op. cit.* P. 48–49.

³ Михайловский Г.Н. Указ. соч. С. 162, 203, 219, 220.

⁴ Россия антибольшевистская... С. 277.

⁵ Черчилль У. Указ. соч. С. 185.

твердил Радек: «Создавая <...> окраинные государства против воли Деникина <...> англичане и французы сеяли недоверие к себе в рядах добрармии» и не поддерживали Деникина и Колчака с той энергией, чтобы они победили красных¹. Астров также считал помощь союзников лимитрофам «противоречивым и исключаяющим» действием по отношению к белой России². Поэтому и в случае победы Белого движения в гражданской войне представляется маловероятным получение им необходимых для обороны России западных рубежей.

¹ Радек К. Указ. соч. С. 21.

² Россия антибольшевистская... С. 304.



Глава IV СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦВЕ

4.1. Отношения России, Польши, Германии, Литвы, Чехословакии в 1920 г.

25 апреля 1920 г. польские войска начали генеральное наступление на Украине. Командование над бывшими денкикинскими войсками в Крыму принял на себя генерал П.Н. Врангель, пытавшийся договориться с Пилсудским о совместной борьбе с большевиками¹. Часть противников советской власти осудила польское наступление как иноземное вторжение. ЦК партии правых эсеров заявил: «Смущенное нашептываниями ренегатов революции и беспардонных авантюристов вроде Савинкова, Петлюры и др[угих] польское правительство рассчитывало в своем походе против Советской России на <...> поддержку русской демократии» и призвал «все трудовое крестьянство и рабочий класс к <...> отпору хищническим притязаниям польского империализма»². Польские дипломаты ранее сообщали об организуемой в Германии Гучковым из бывших русских военнопленных армии для возрождения великой России, о переговорах в Берлине представителей российской эмиграции и Радека, от имени Ленина, обещавшего «создать коалиционное правительство с участием всех российских партий», чтобы с началом большевистского наступления привлечь «войска Гучкова против Польши»³.

Используя отвлечение сил Красной армии на польский фронт, армия Врангеля овладела в июне Северной Таврией, но, по словам Ллойд Джорджа, это «наступление предпринято вопреки <...> со-

¹ ДМИСПО. Т. II. № 374. С. 647; Из истории гражданской войны в СССР... Т. 3. № 83. С. 113–115.

² Декларация поступила в НКВД 8 мая 1920 г. // АВП РФ. Ф. 122. Оп. 3. П. 5. Д. 15. Л. 14.

³ Сообщение от 12 апреля 1920 г. // ААН. Ambasada RP w Berlinie. Sygn. 2. K. 2. Эмигрировавший в Берлин Гучков переговоры с большевиками не вел.

ветам великобританского правительства, которое поэтому отныне не несет никакой ответственности за Врангеля»¹. Однако Ленин, Троцкий, Сталин оценили наступление Польши и Врангеля как начало третьего похода Антанты². Пилсудский заявил Савинкову, прибывшему в Варшаву в июне, о желательности польско-русского взаимодействия, но военное соглашение не заключил, обосновав это такими словами: «Правительство ваше (Врангеля. – В.З.) в [глазах] сейма и польского общественного мнения не является вполне авторитетным для заключения союза». Отказ Польши от военного союза с Врангелем Савинков объяснял в письмах барону и жесткостью его политики в национальном вопросе³. Тем не менее впечатленный успешным наступлением Красной армии, Пилсудский разрешил формировать на территории Польши белые части.

Меньшая часть Белого движения в период советско-польской войны заняла прогерманские позиции: например, генерал В.В. Бискупский в июле предлагал организовать восстание в Красной армии, когда она достигнет границ 1914 г., и с помощью войск Врангеля, сформированных в Германии русских отрядов, а также сил украинских и белорусских националистов установить в России военную диктатуру, образовав затем союз «Великой России, Великой Германии и Великой Украины»⁴. Не случайно еще 21 апреля 1920 г. Польское бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) предостерегало: «...белогвардейщина сейчас делает ставку на “национальную войну” России против Польши»⁵.

Советская Россия тоже искала союзников. В июньской директиве «О поведении в занятых селениях и городах бойцов Конноармии» Сталин призвал «бережно» относиться к военнопленным из Галиции: «если угнетаемые Польшей галицийские украинцы поддержат нас, мы пойдем на Львов <...> помочь [им] создать свое независимое госу-

¹ ДВП СССР. Т. II. № 379. С. 564.

² Ленин В.И. Речь на Всероссийском съезде рабочих стекло-фарфорового производства 29 апреля 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 330; Ленин В.И. Неизвестные документы... № 230. С. 347; Сталин И.В. Новый поход Антанты на Россию // Соч. Т. 4. С. 319–327. См. также: Тезисы ЦК РКП(б) «Польский фронт и наши задачи» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. № 3. С. 290–293.

³ ДМИСПО. Т. III. № 50. Телеграмма дипломатического представителя Врангеля в Варшаве Г. Кутепова. 16 июня 1920 г. С. 89, 90; Корнеев В.Е. Личный фонд Б.В. Савинкова в Международном институте социальной истории в Амстердаме // ОИ. 1998. № 3. С. 149.

⁴ ГА РФ. Ф. 5889. Оп. 1. Д. 13. Л. 375–378. Генерал В.В. Бискупский в 1919 г. возглавлял марионеточное Западно-русское правительство в Берлине.

⁵ ПСВ. Ч. I. № 37. С. 64.

дарство, пусть даже несоветское, но <...> дружественное к РСФСР»¹. 22 июня Политбюро ЦК РКП(б) утвердило предложение Чичерина «об осторожной политике, охраняющей независимость Восточной Галиции»². О настроениях в Восточной Галиции свидетельствовал Тютюник: «...крестьяне <...> саботировали наши действия, а более активные элементы бежали в Красную Армию, чтобы помочь ей бить поляков»³. Большевики надеялись использовать против поляков и население Подкарпатской Руси, где создавались «повстанческие отряды» из коммунистов, им сочувствующих и бежавших из польского плена. К середине августа были накоплены силы для довольно крупной операции, но инициативу перехватили галицийские националисты. Когда советская кавалерия подходила к границе Чехословакии и «поляки оставили пограничные местности», несколько сел Восточной Галиции заняли галицийские повстанцы. После отступления Красной армии они снова перешли границу ЧСР и были интернированы ее властями, объявившими Подкарпатскую Русь на военном положении⁴.

Возвращаясь к июню, напомним, что в результате советского контрнаступления военно-политическое положение Польши резко ухудшилось. От имени Совета обороны государства (СОГ) польский МИД обратился с просьбой о посредничестве для заключения мирного договора с Советской Россией к участникам конференции в Спа (заседание Верховного совета Антанты 5–16 июля 1920 г.). На совещаниях, помимо делегаций от Франции, Англии, Италии, Японии, Португалии и Бельгии, присутствовали – при обсуждении непосредственно их касавшихся вопросов – представители Германии и Польши. В ходе конференции английские и некоторые французские дипломаты выступили за Польшу в ее этнических границах. Ллойд Джордж заявил, что «ничего нельзя будет сделать, если Польша не покончит <...> со своей империалистической и аннексионистской политикой» и высказался против включения в ее состав Восточной Галиции. Правительство Польши 10 июля обещало Англии и Франции подписать перемирие с Советской Россией на условиях признания своей восточной границей рекомендованную Верховным советом Антанты в декабре 1919 г. этническую линию, восточнее которой остановилась бы Красная армия; демаркационная линия в Восточной Галиции совпала бы с положением фронтов на момент договоренности в Спа.

¹ Цит. по: Константинов С.В. Указ. соч. С. 62.

² ПСВ. Ч. I. № 63. С. 127.

³ Тютюник Ю. Указ. соч. С. 23.

⁴ Чехословацкая группа К.П.У. и ее работа // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 126. Д. 2. Л. 35–36.

Соглашение предусматривало созыв конференции в Лондоне с участием заинтересованных стран, обязывало Польшу принять решения Верховного совета о Литве, Восточной Галиции, Тешинской Силезии, Вольном городе Данциге; указывало, что если Польша примет все условия держав, то Великобритания предложит Советской России прекратить наступление, а в случае отказа последней от перемирия Запад окажет Польше военную помощь¹. Решение держав Антанты отчасти отражало интересы правительства ЗУНР, которое незадолго до конференции в Спа просило союзников предоставить независимость Восточной Галиции, обеспечивая странам ЦВЕ свободный транзит с «большой» Украиной и Россией². Президент данцигского сената Г. Зам позже писал: «Решение Совета в Спа <...> создавало для Данцига <...> новое положение вещей», он указал также на важную роль Данцига в случае новой войны³.

Отказ Советской России от реальной политики в угоду революционной геополитике произошел не без влияния решений в Спа. В направленной в Кремль 11 июля от имени Антанты ноте за подписью Керзона Москве предложили заключить перемирие с Варшавой и прекратить наступление Красной армии на этнической линии, с тех пор именуемой линией Керзона. Помимо согласованных с поляками уступок с их стороны, Керзон предлагал Совнаркому подписать перемирие с Врангелем, а сражающимся в Восточной Галиции армиям остановиться на линии фронта в момент подписания перемирия, что фактически поощряло советское наступление на Львов. Долгое время это считалось ошибкой «клерка Foreign Office (МИД Англии. – В.З.), не знакомого с географией Восточной Европы», но изучение закрытого меморандума Ллойд Джорджа показало, что «ошибка» совпала с «этнографической прямой между Западной и Восточной Галицией»: премьер-министр высказал свое неодобрение выходящими за этнические границы требованиями Польши⁴. Современные польские историки оценивают изменение в ноте Керзона относительно Галиции как результат одностороннего вмешательства Ллойд Джорджа, желавшего склонить Кремль к подписанию перемирия⁵.

Собиралась ли Польша выполнять условия ноты Керзона в случае их принятия Советской Россией? Ответ дал «Kurier Poranny»,

¹ ДМИСПО. Т. III. № 74. С. 131, 133; № 81. С. 140–141; № 84. С. 145.

² AMZV ČR. ZÚ. Nemecko. Berlin. PV. 1920. 18.6. Č. 63.

³ Письма Зама германскому дипломату Г. Дирксену. 24 декабря 1927 г., 28 марта 1928 г. // РГВА.Ф. 1353. Оп. 1. Д. 53. Л. 6–7, 32.

⁴ ДВП СССР. Т. III. № 15. С. 54; Davies N. White eagle, red star. The Polish-Soviet War, 1919–1920. L., 1972. P. 170.

⁵ Historia dyplomacji polskiej... S. 148.

опубликовавший признание Пилсудского после принятия СОГ ноты Керзона: если «...должен <...> быть заключен мир, который уменьшил бы территорию Польши и умалил бы ее честь, тогда я объявил бы себя взбунтовавшимся генералом <...>, защищал бы честь и целостность государства»¹. Вероятно, Пилсудский согласился с предложениями Антанты, не думая их выполнять. Главным виновником трагической ситуации для Польши являлся начальник государства и главнокомандующий, что подтверждает его письмо с просьбой об отставке с названных постов, переданное 12 августа премьер-министру В. Витосу². Но случилось «чудо на Висле», и Витос вернул письмо Пилсудскому, который «отблагодарил» экс-премьера в 1930 г. тюрьмой.

Лидеры большевиков начали дискуссию по поводу ноты Керзона. Ленин оценил условия Антанты как «сплошное жульничество ради аннексии Крыма» и просил Сталина распорядиться «о бешеном усилении наступления». Сталин отвечал Ленину: «...поляки переживают развал», Керзон старается их спасти «предложением о перемирии <...> чем тверже будем вести себя, тем лучше будет и для России, и для международной революции»³. Член Политбюро ЦК РКП(б) Л.Б. Каменев обратил внимание на то, что Восточную Галицию «Керзон авансом объявил русской территорией <...> отсюда крестьянское движение скорее может проникнуть в Польшу, чем по прямой линии от Минска на Варшаву, а, во-вторых, это ворота в Венгрию». Мнение политиков разделял командующий ЗФ М.Н. Тухачевский⁴, но главком Каменев сомневался в успехе дальнейшего наступления⁵. Принять условия ноты Керзона соглашались Чичерин, Троцкий и его заместитель в РВСР Э.М. Склянский. Руководители РВСР полагали, что с пересечением этнической границы война для Польши станет национальной, поэтому, приняв условия ноты, надо использовать разногласия в правящих кругах держав Антанты и Германии в интересах советских республик. Троцкий надеялся также на немецкую помощь в восстановлении российской экономики⁶. Иные вари-

¹ Цит. по: Красная Звезда. 1925. 31 марта.

² Witos W. *Moje wspomnienia*. Т. II. Paryż, 1964. S. 290–292.

³ Ленин В.И. Телефонграмма И.В. Сталину // Полн. собр. соч. Т. 51. С. 238; Большевицкое руководство... № 86. С. 142, 143.

⁴ ПСВ. Ч. I. № 70. С. 135; Тухачевский М.Н. Поход за Вислу // Пилсудский против Тухачевского... С. 44–45.

⁵ Директивы Главного командования Красной Армии... № 602. Доклад Главного командования председателю РВСР о стратегических планах в связи с нотой Керзона. 15 июля 1920 г. С. 611–612.

⁶ ПСВ. Ч. I. № 68–69. С. 130–132. См. также: Himmer R. *Soviet Policy Toward Germany During the Russo-Polish War, 1920* // *Slavic Review*. 1976. № 4. P. 668–670, 681.

анты реакции на ноту рассматривал уполномоченный СНК РСФСР за границей М.М. Литвинов¹.

Ленин направил телеграмму Уншлихту, спрашивая о «возможности советского переворота в Польше» с установлением ее восточных границ согласно этническому принципу. Уншлихт сообщил 15 июля о возможности «с подходом наших войск» к польским границам советского переворота в Польше, который может облегчить переворот (вероятно, революционный. – В.З.) в Германии². В итоге 1 пункт тезисов пленума ЦК РКП(б) 16 июля гласил: «Помочь пролетариату и трудящимся массам Польши освободиться от помещиков и буржуазии» (в рукописном варианте тезисов упоминалась и Литва)³. Советские лидеры отказались от посредничества Великобритании под предлогом ее вмешательства во внутренние дела России⁴. Правда, Ленин, выступая в сентябре на IX конференции РКП(б), признал возможность ошибки в ответе на ноту Керзона и назвал аргументы в пользу согласия на предложения Антанты: «Получая Восточную Галицию, мы имели базу против всех современных государств <...> мы становились в соседство с Прикарпатской Русью, которая кипит больше, чем Германия, и является прямым коридором в Венгрию <...> Мы сохраняли в международном масштабе ореол страны, которая непобедима, и является великой державой»⁵. Переоценив свои силы, Кремль во второй половине июля перевел сравнительно реальную идею установления советской власти в Польше в задачу «освобождения» Центральной Европы. 23 июля Ленин в телеграмме Сталину предлагал «советизировать Венгрию, а, может быть, также Чехию и Румынию». Сталин 24 июля в ответной телеграмме Ленину ставил «вопрос об организации восстания» в Венгрии и Чехии⁶. Но конкретные решения лидерами большевиков о «советизации» названных стран не принимались.

Интересной, хотя и спорной, представляется оценка изменения советских планов советником польского представительства в Лондоне Я. Цехановским, отметившим 21 июля в беседе с сотрудником британского МИД У. Тиррелом: «В России партия Ленина победила партию Троцкого; иными словами, теория идеалистического большевизма победила милитаризм Советов <...>. Для Ленина и его партии территориальные границы не играют роли. Их интересует единственно осуществление мировой революции <...> Следует до-

¹ См.: Михутина И.В. Польско-советская война... Приложения. № 13. С. 306–307.

² Большевистское руководство... № 87. С. 144.

³ ПСВ. Ч. 1. № 74. С. 142–143.

⁴ ДВП СССР. Т. III. № 15. С. 47–53.

⁵ Ленин В.И. Неизвестные документы... № 253. С. 382–383.

⁶ Там же. № 238. С. 357; Большевистское руководство... № 91. С. 148.

пустить, что Польшу не ждут трудности в получении <...> выгодных для себя территориальных условий»¹. Отклонив ноту Керзона, большевики принимали во внимание разногласия между Англией и Францией в их политике в ЦВЕ и неблагоприятную для Польши ситуацию на ее границах с Литвой, Чехословакией и особенно Германией².

Война ускорила начало советско-литовских переговоров. Правда, Литва претендовала не только на Вильно, но и на Гродно, что явилось, по словам члена советской делегации Мархлевского, «попыткой произвести дележ шкуры еще не убитого медведя». Председатель делегации Иоффе заметил: экономические и географические соображения Литвы для обоснования «притязаний на Hinterland (тыл. – В.З.) для города Гродно <...> имеют чисто империалистический оттенок». Тем не менее согласно условиям советско-литовского мирного договора от 12 июля 1920 г. Виленщина передавалась Литве, кроме того, были учтены ее интересы по «сплавным рекам»; предстояло также подписать торговый и транзитный договоры³.

Поляки с началом контрнаступления Красной армии предлагали литовцам совместно защищать Вильно от большевиков, обещая отдать город Литве⁴. Призывал Польшу договориться с Литвой французский военный министр А. Лефевр: литовская армия могла «атаковать большевистские тылы и заставила бы Тухачевского отступить от Варшавы»⁵. Но Литва не питала доверия к Польше. Большевики довели до сведения Антанты, в том числе и через Литву, компрометирующую Пилсудского информацию о советско-польских переговорах 1919 г., в ходе которых личный представитель польского главкома сделал Мархлевскому секретное заявление «о не переходе поляками известной линии», получив соответствующее обещание большевиков. В мае 1920 г. Политбюро обсудило вопрос о предании гласности достигнутой с Пилсудским договоренности, но соглашение решили не публиковать⁶. В июле Чичерин предложил Ленину вернуться к проблеме: Радек упомянул в изданной в мае брошюре о «прошлогодней сделке с Пилсудским <...> в парижской печати <...> стали кричать о ненадежности Пилсудского, который <...> продал-де

¹ ААН. Ambasada RP w Berlinie. Sygn. 807. К. 103.

² Из истории гражданской войны в СССР... Т. 3. № 81. Доклад военного комитета Антанты о военном положении в Польше. С. 109–112.

³ Стенограмма мирных переговоров между Россией и Литвой (7–21 мая 1920 г.) // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 27. П. 180а. Д. 51965. Л. 64, 74, 83; ДВП СССР. Т. III. № 12. С. 29–31, 38.

⁴ АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 1. П. 1. Д. 11. Л. 1.

⁵ ААН. MSZ. Sygn. 4477. К. 25.

⁶ ПСВ. Ч. I. № 46. С. 86; Ленин В.И. Неизвестные документы... № 224–225. С. 336–337.

Деникина. Если опубликовать больше, это, во-первых, дискредитирует Пилсудского в глазах Антанты, во-вторых, покажет польскому обществу, что можно было иметь мир на самых выгодных для Польши условиях»¹.

Открылась «тайна» после возвращения Красной армией Вильно Литве. Иоффе передал через представителя литовского правительства Нарушевичиуса державам Антанты документы о том, что в 1919 году «Польша заключила с Россией соглашение против Деникина, имея с Деникиным соглашение против России <...>. Сообщение заинтересовало англичан <...>. Англичане считают это большим доводом против Польши». По словам Иоффе, возврат Вильно произвел «в Европе впечатление разорвавшейся бомбы. Французы <...> думали, что наше продвижение по польской территории удастся использовать <...> против нас. Англичане боятся, что между нами и Литвой есть какое-то тайное соглашение, ибо считают, что мы иначе не отказались бы от оккупации»². Чичерин тогда же отметил, что Литве «мы пошли на радикальные уступки и от нее ждем эквивалента»³. Литва заняла позицию благоприятного для Советской России нейтралитета. На советско-литовских переговорах обсуждались совместные военные действия против Польши⁴, а член РВС ЗФ И.Т. Смилга предлагал ЦК РКП(б) 14 июля пройти «к германской границе кратчайшим путем через Литву»⁵. Через литовскую территорию, возможно, направлялись в Красную армию немецкие добровольцы, а командование рейхсвера готово было разрешить переход «инструкторов литовского происхождения <...> в литовско-русские красные части»⁶. Но демонстрация большевиками добрых намерений являлась, по словам Ленина, «не отказом от советизации Литвы, а отсрочкой и видоизменением формы советизации»⁷.

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 204. Д. 52424. Л. 11. Радек писал: нас могли победить во время наступления Деникина и Юденича, при участии в нем Пилсудского, но «поляки... начали... тайные переговоры и заявили нам линию, через которую они не перейдут». Радек К. Война польских белогвардейцев против Советской России. М., 1920. С. 13.

² Из писем Иоффе – Чичерину. 10 августа 1920 г. // АВП РФ. Ф. 151. Оп. 3. П. 2. Д. 3. Л. 28; Д. 6. Л. 22.

³ Там же. Ф. 04. Оп. 32. П. 205. Д. 52437. Л. 7.

⁴ Письма Иоффе – Троцкому. 15 мая, 25 июня 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 26. Л. 73, 76.

⁵ ПСВ. Ч. I. № 73. С. 141.

⁶ Информационные бюллетени дипломатического представительства УНР в Германии. 1920 г. // ГА РФ. Ф. 5889. Оп. 1. Д. 12. Л. 394, 395.

⁷ Коминтерн и идея мировой революции... № 40. Проект телеграммы Ленина Смилга. 4 августа 1920 г. С. 187. См. также: Ленин В.И. Неизвестные документы... № 240. С. 358.

Советская Россия уделяла внимание и Чехословакии, пресса которой критиковала планы Пилсудского и его соглашение с Петлюрой как замаскированный империализм Польши, новую попытку изоляции Чехословакии от Украины и России¹. Сосновский писал 12 мая Пилсудскому, что Венгрия при польской поддержке готовит в Словакии выступление местных венгров. Одновременно Польша оказывала помощь словацким сепаратистам, далеким от симпатии к планам Венгрии². Копп сообщил Чичерину в конце мая: «Политически Прага сделалась узлом концентрации белых», но «нужно принять во внимание антипольскую ориентацию Чехов». Тем не менее «срединная Европа может получить характер Aufmarschgebiet`а (стратегический плацдарм. – В.З.) против большевизма», поэтому нам необходимо торопиться³. После конференции в Спа Чичерин писал Иоффе: «Чехию Антанта покупает Тешеном. Если Чехия поддастся, она больше потеряет, чем выиграет. От нее мы требуем категорического отказа поставлять Польше военное снаряжение и допускать его транзит в Польшу»⁴. Уполномоченный Российского общества Красного Креста в Чехословакии С.И. Гиллерсон напомнил Чичерину в феврале 1921 г.: «Прошлым летом <...> ситуация была иная. Взаимное раздражение из-за Тешена было еще очень остро, мы приближались к границам Чехии (“чуть ли не соседи”, как говорил мне Бенеш), разгром Польши, по его мнению, был вопросом дней. Если бы мы действительно разгромили поляков, Бенеш бы, как волчок, вертелся между нами и Парижем»⁵. Ранее (3 сентября 1920 г.) Гиллерсон информировал Чичерина: «Для успешной поддержки поляков достаточно шести европейских дивизий. Венгры готовы выступить». В случае продвижения венгров за пределы своих границ, сообщал он, Чехословакия окажет им сопротивление; «немецкие и чешские социал-демократы в Чехо-Словакии совместно постановили <...> препятствовать всякой поддержке врагов Советской России»⁶. Президент ЧСР Масарик якобы информировал Сталина в начале августа 1920 г. о готовности Чехословакии после освобожде-

¹ Чрезвычайная дипломатическая миссия УНР в ЧСР. Обзор политической ситуации в Чехословакии (15–30 апреля 1920 г.) // ГА РФ. Ф. 5889. Оп. 1. Д. 21. Л. 30, 34.

² См.: Nowinowski S.M. Polsko-czechosłowackie stosunki dyplomatyczne podczas wojny 1920 roku // Szkice z dziejów Europy Środkowej i Wschodniej w XX wieku. Łódź, 1998. S. 67–68.

³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 73. Д. 1037. Л. 14.

⁴ Там же. Оп. 32. П. 205. Д. 52437. Л. 7.

⁵ Там же. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 2. Конференция в Спа разделила Тешинскую Силезию между Польшей и Чехословакией в пользу последней.

⁶ Там же. Ф. 138. Оп. 3. П. 1. Д. 7. Л. 3, 8. См. также: Historia dyplomacji polskiej... S. 151.

ния Восточной Галиции отдать Советской России и Подкарпатскую Русь¹. Но, отметил в 1923 году Чичерин, «мы не использовали настроений Чеш[ского]пра[вительства] 1920 г.» Позднее, в 1924 году, Масарик признался полпреду в Праге К.К. Юреневу: «В 1920 г. я намеревался вступить с Вашим Правительством в переговоры. Я думал поехать в Ригу и там встретиться с кем-либо из ваших ответственных деятелей. Моя поездка в Москву была исключена потому, что она вызвала бы большие неприятности для Чехословакии»².

Особую опасность для Польши представлял возможный союз Советской России и Германии, правящие круги которой надеялись использовать планируемое Польшей нападение на советские республики для ревизии Версальского договора. Министр иностранных дел Г. Мюллер не верил, что «планы правительства России выходят за границы Польши», и не исключал, что «победа России над Польшей благоприятно повлияет на наше положение в Верхней Силезии и в Данциге». По мнению министра, руководители Советской России понимают, что «большевистское правительство в Германии будет иметь под собой почву <...> если оно разовьется внутри страны»³. Генеральный директор Всеобщей электрической компании В. Ратенау писал президенту Ф. Эберту: «Занимать позицию против большевизма и содействовать его русским противникам нельзя не только ввиду общего внешнеполитического положения, но также ввиду необходимости считаться с общественным мнением в Германии, которое склоняется к мысли о соглашении с Советской Россией <...> Средняя и Восточная Европа являются соседями и экономически взаимно дополняют друг друга, их связывают общие бедствия, а Россию и Германию – общая судьба побежденных»⁴. Эти и другие факторы объясняют изменение политики властей Пруссии в отношении немецкого меньшинства Польши: после подписания мирного договора реэмиграция немцев путем оказания им финансовой помощи стимулировалась, но с конца 1919 г. немцев поощряли остаться в Польше⁵. В январе 1920 г. воевода Поморья сообщал

¹ См.: Nowinowski S.M. Op. cit. S. 73.

² АВР РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53960. Л. 126; П. 278. Д. 53971. Л. 100.

³ Советско-германские отношения от переговоров... Т. 2. № 82. Выступление Мюллера 16 февраля 1920 г. в комиссии рейхсрата по иностранным делам. С. 167. См. также: ADAP. Bd. III. Göttingen, 1985. № 40. Беседа Мюллера с британским поверенным в делах в Берлине. 23 февраля 1920 г. S. 71.

⁴ Советско-германские отношения от переговоров ... Т. 2. № 81. 18 февраля 1920 г. С. 162, 163.

⁵ ADAP. Bd. II. № 201. Заседание прусского министерства искусства, науки и народного образования. 20 октября 1919 г. S. 364–366; № 237. Директива МИД Германии президентам прусских министерств. 20 ноября 1919 г. S. 423–424. См. также:

об усилении на западе Польши германской пропаганды, проводимой финансируемыми правительством Пруссии организациями¹.

В связи с предстоящим в июле плебисцитом на юге Восточной и Западной Пруссии возросла активность немецких националистов. «Нашим грознейшим противником является Польша <...> отражающая французские интересы», но достаточной помощи для обороны рейх нам не оказывает, писали газеты Восточной Пруссии². 31 мая министр иностранных дел Германии предложил министру рейхсвера усилить германское военное присутствие в районе плебисцитных округов³. Войска туда не вошли, но в Восточной Пруссии находились 18 тысяч военнослужащих и 10 тысяч полицейских, 50 тысяч человек насчитывали отряды гражданской самообороны⁴. Немецкие коммунисты, по информации польского вице-консула в Мариенвердере, создали в Кёнигсберге бюро для записи добровольцев в Красную армию, выступили за разоружение националистов и передачу оружия рабочим, чтобы через плебисцитные территории «открыть дорогу большевикам в Польшу из Восточной Пруссии»⁵. Государственная пограничная полиция Восточной Пруссии информировала МИД Германии о вербовке немецкими коммунистами германских офицеров в Красную армию⁶. Успешный для Германии исход плебисцита предполагал создание местными властями, с санкции Берлина, «Вольного государства Западная Пруссия», отмечала польская пресса⁷.

Июльские записи посланника в Каунасе Ф. Шёнберга, сотрудников IV (восточного) отдела МИД Германии и командующего рейхсвером генерала Г. Секта свидетельствуют, что с приближением Красной армии к русско-германской границе 1914 г. идея возврата «области Коридора» или создания из нее буферного государства как преграды против большевизма приобрела зримые очертания⁸. 10 августа оберпрезидент Восточной Пруссии направил в МИД Германии меморан-

Krekeler N. Revisionanspruch und geheime Ostpolitik der Weimarer Republik: Stuttgart, 1973. S. 22–24, 48–51.

¹ AAN. Ambasada RP w Berlinie. Sygn. 3869. K. 20. Большая часть Западной Пруссии (Поморья) – будущий Польский (Данцигский) коридор – перешла Польше.

² Neue Preussische Zeitung. 1920. 8 V.

³ Das Kabinett Müller I. Boppard // Rhein, 1971. № 122. S. 299–301.

⁴ Wagner G. Deutschland und der polnisch-sowjetische Krieg 1920. Wiesbaden, 1979. S. 102–104.

⁵ AAN. MSZ. Sygn. 4611. K. 107–109.

⁶ Jonca K. Wojna polsko-sowiecka 1920 roku w dokumentach niemieckiej dyplomacji. Wr., 2002. № 90. S. 277–278.

⁷ Dziennik Powszechny. 1920. 22 maj.

⁸ ADAP. Bd. III. № 194. S. 381–382; № 207. S. 430; № 256. S. 456–458.

дум, предлагая создать из Западной Пруссии и Данцига буферное государство под британской эгидой. Статс-секретарь МИД Э. Ханиэль ответил: «Расширение “Вольного города Данцига” не соответствует германским интересам»¹, но от создания на востоке Центральной Европы немецких буферных государств как первых шагов по ревизии Версальского договора власти Германии не спешили отказываться.

Внимание же варшавских властей было привлечено не к предстоящему плебисциту, а к восточному фронту. Официоз ППС писал в передовице: «“Освобождаем” Киев, а с Мазуров и Вармии (зоны плебисцита. – В.З.) вызывают к нам голоса <...> подневольных поляков». Близкая эндекам газета сообщала, что «Польша не проявила должной энергии в борьбе за Поморье», а кашубы в «польских городах голосовали за немецкий список на выборах в польский Сейм»². Аналогичная ситуация сложилась в преддверии плебисцита: лишь перед голосованием польское правительство пообещало населению плебисцитных округов самоуправление и обязалось не брать оттуда рекрутов для войны с Советской Россией, но польское большинство населения Мазуров голосовало за сохранение своей земли в составе Германии; прямой железнодорожный путь из Варшавы в Данциг был перерезан территорией Восточной Пруссии³.

Осуществить прямые антипольские акции Германии не позволило ее внутри- и внешнеполитическое положение, поэтому 20 июля она объявила о своем нейтралитете и запрете экспорта и транзита военных материалов, а затем и промышленных товаров в Польшу⁴. Рейхсвер и полиция концентрировались на германо-польской границе, готовился захват польских учреждений в Данциге, в котором движение солидарности пролетариата с Советской Россией направлялось в антипольское русло. Польский Генеральный комиссар в Данциге в своем рапорте МИД от 2 августа предлагал в качестве «выхода из возникшей опасности высадку в Гданьске команд нескольких союзнических военных кораблей»⁵. Депутаты западных воеводств докладывали на заседании СОГ 6 августа: «Варшава <...> не представляет <...> всей опасности, грозящей Польше с запада <...> В пограничных германских поместьях много оружия и солдат»⁶.

¹ См.: Sprenger H. Heinrich Sahn. Kommunalpolitiker und Staatsmann. Köln; B., 1969. S. 145.

² Robotnik. 1920. 11 V; Dziennik Powszechny. 1920. 11 czerwiec. Кашубы – потомки древних поморян.

³ Krasuski J. Op. cit. S. 78.

⁴ Советско-германские отношения от переговоров... Т. 2. № 107. С. 195. № 112. С. 199–200; № 118. С. 210–211.

⁵ AAN. Ambasada RP w Berlinie. Sygn. 91. K. 31–32, 40–42, 46.

⁶ AAN. Kancelaria Cywilna Naczelnika Państwa. Sygn. 147. K. 214.

После перелома военных действий в пользу Польши Ханиэль советовал немцам западных польских воеводств самим принять меры к возврату рейху районов своего проживания. Польское представительство в Берлине так оценило эволюцию планов Германии: ее правящие круги «полагали <...>, что большевизация Королевства Польского и Галиции <...> вызовет добровольный отрыв» от Польши ее западных территорий и «последует повторное соединение» этих земель с Германией, которая обещает им полную автономию. Новый министр иностранных дел Сапега предложил поверенному в делах Польши в Берлине «уклониться от дискуссии на эту тему», но выяснить возможность прекращения саботажа польских поездов с военными материалами «в обмен на уступки в области (германского. – В.З.) транзита через Коридор»¹. Эти свидетельства, казалось бы, опровергают версию итальянского посланника в Варшаве Ф. Томмазини о намерении Пилсудского при приближении Красной армии к польской столице вернуть Германии часть отошедших к Польше по Версальскому договору территорий в обмен на германскую военную помощь против советских войск². Но исключить полностью наличие подобных планов тоже пока нет оснований, поскольку часть немецких дипломатов и военных (например, Оберндорф, Людендорф) считали возможным помочь Польше в обмен на территориальные и экономические уступки с ее стороны³. Англия в начале войны предлагала использовать на литовском фронте не входящие в рейхсвер, но еще не расформированные воинские германские части или высадить их на Украине под предлогом защиты проживавших там немецких колонистов⁴.

Вероятные шаги германского правительства в связи с советско-польской войной рассматривал в докладной записке 26 июля 1920 г. Сект: мы не должны «вынудить Антанту покупать нашу помощь за уступки по договору о мире» или «принять сторону России <...>. Если же Россия нарушит границы Германии 1914 г., то нам <...> не нужно бросаться в объятия Антанты, а скорее следует привлечь

¹ См.: Höltje Ch. Die Weimarer Republik und das Ostlokarne-Problem 1919–1934. Würzburg, 1958. S. 29; См.: Krasuski J. Op. cit. S. 22–23, 27–28.

² Tommasini F. Odrodzenie Polski. W., 1928. S. 126. См. также: ADAP. Bd. III. № 233. Письмо посланника в Варшаве А. Оберндорфа МИД Германии. 4 августа 1920 г. S. 480–481.

³ ADAP. Bd. III. № 168. S. 301, № 174. S. 318–319; № 189. S. 360–361; № 235. S. 483–484. Письма Оберндорфа МИД Германии; Das Kabinett Ferenbach. Boppard // Rhein, 1972. № 46. Статс-секретарь Г.Ф. Альберт – канцлеру К. Ференбаху о позиции Людендорфа и его окружения. S. 111.

⁴ ADAP. Bd. III. № 125. Из беседы советника IV отдела МИД А. Мальцана с шепом британской военной миссии в Берлине Н. Малкольмом. 4 мая 1920 г. S. 219–220.

на свою сторону Россию путем заключения союза». 31 июля Сект писал министру иностранных дел В. Симонсу: «В случае посылки войск Антанты <...> через Данциг <...> Западная Пруссия и Позен станут ареной борьбы Антанты и Польши, с одной стороны, России, с другой. Но даже если Антанта не высадит войска <...>, откатывающиеся польские войска превратят немецкие провинции в руины. Эта вероятность <...> должна нас побудить на обращение к русским». В дальнейшем последует предложение наших представителей на Лондонской конференции (запланированной на 1921 г.) о проведении плебисцита для отторгнутых провинций¹.

Польские правящие круги, раздувая антигерманскую и антироссийскую пропаганду, пытались доказать, что союз Германии и России – свершившийся факт: распустили слух о визите Троцкого в Восточную Пруссию²; сообщили, что 17 июля в Берлине Радек, Копп и Мальцан подписали секретный германо-большевистский договор, предусматривающий оккупацию Россией Польского коридора и Данцига с последующей их передачей Германии, и соглашение о военно-технической помощи России за подписями Г. Стиннеса и В. Коппа³. О «военном союзе между милитаристами Германии и большевиками России» и о намерении последних изменить западную границу Польши в пользу Германии писала французская пресса⁴. Но доказать факт официального советско-германского военного сотрудничества Сапега не смог⁵.

После конференции в Спа Чичерин констатировал: «Германия на перепутье», отметив, что ее выступление против Советской России будет означать вступление германского правительства «в ту или иную форму гражданской войны»⁶. Немецкие собеседники Коппа возражали против попыток Запада «использовать Германию в качестве тран-

¹ Советско-германские отношения от переговоров... Т. 2. № 114. С. 204, 206, 208; ADAP. Bd. III. № 224. S. 466–468. Лондонская конференция Антанты, Германии и Турции проходила в феврале–марте 1921 г.

² См.: *Wojna polsko-sowiecka*... S. 175–176. В Восточной Пруссии шли советско-германские экономические переговоры, но Троцкий на них не приезжал. См.: Wagner G. *Op. cit.* S. 123–126.

³ AAN. *Ambasada RP w Berlinie*. Sygn. 2. K. 36–37 (Приложение № 2). Г. Стиннес – крупнейший германский монополист. Хранимая в AAN копия договора – фальсификация: в частности, Радек в это время участвовал в работе II конгресса Коминтерна. Представитель Чехословакии в Берлине считал, что заключение тайного советско-германского соглашения невозможно из-за вмешательства большевиков во внутренние дела Германии. См.: AMZV ČR. *ZÚ. Nemecko*. Berlin. PV. 1920. 12.6. Č. 63.

⁴ Советско-германские отношения от переговоров... Т. 2. № 126. С. 220; № 128. С. 224; АВП РФ. Ф. 122. Оп. 3. П. 5. Д. 14. Л. 25–26.

⁵ ДМИСПО. Т. III. № 212. С. 372–373.

⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 205. Д. 52437. Л. 7.

зитной страны» и поддержали возможные советские действия, могущие помешать высадке войск Антанты в Данциге. По мнению Коппа, на сближение с Россией «буржуазное прав[ительств]о скорее пойдет, чем прежнее убудочное [с участием социал-демократов]». Позднее Копп сообщил Чичерину: «Спа оставило в Германии впечатление катастрофы <...> Антантофильские буржуазные круги <...> сдают свои позиции сторонникам <...> восточной ориентации», означающей «не сближение с русской реакцией, а соглашение с Сов[етской] Россией <...> Если мы используем победу над Польшей не только для того, чтобы заключить мир с Антантой, но <...> поднимем вопрос о свободном транзите через Западно-Прусский польский коридор <...>, то мы [будем] иметь в буржуазной Германии прочный базис для работы над хозяйственным восстановлением России»¹.

21 июля Копп предложил Симонсу возобновить официальные отношения, отметив в частности: «Ликвидация нашей войны с Польшей предполагает перемену польской ориентации» и поведет к «пересмотру вопроса о свободном транзите через З[ападно]-Прусский коридор». Министр положительно отреагировал на это предложение². 12 августа Копп заявил Мальцану: советское правительство «уважает желание немцев» западных польских земель создать автономное государство и не против возвращения Германии этнографически немецких территорий «польским большевистским правительством» в случае образования последнего³. Советско-германские переговоры нашли отражение в указаниях руководства Красной армии от 9 и 14 августа: «Воспрещается переходить прусскую границу, существовавшую до войны 1914 г., за исключением перешедшего к Польше коридора на Данциг. В этот коридор ввод наших войск разрешается», поскольку там вероятно нахождение «большого количества военного имущества. Предревсовета указал на необходимость захвата этого имущества»⁴. В августе 4-я советская армия настолько углубилась в Данцигский коридор, что казалось, по словам французского наблюдателя, она «уже не принимает участия в войне с Польшей <...> и задалась целью восстановить мост из Восточной Пруссии в Германию»⁵.

¹ Письма Коппа – Чичерину. 3, 16 июля 1920 г. // АВП РФ. Оп. 13. П. 73. Д. 1037. Л. 62–63, 87.

² Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске... Т. 2. № 108. С. 195–196.

³ ADAP. Bd. III. № 246. S. 496–497.

⁴ Директивы Главного командования... № 643. С. 649. № 647. С. 655.

⁵ Цит. по: Сергеев Е.Н. От Двины к Висле. Очерк операций 4-й армии западного фронта в июле и первой половине августа 1920 г. (второе наступление). Смоленск, 1923. С. 90 (сноска).

Кстати, немецкое население бывшей Западной Пруссии встречало красноармейцев как освободителей¹.

По донесению польской военной разведки, в Красной армии на северном участке советско-польского фронта в оперативном отделе штаба армии служили немецкие офицеры во главе с генералом О. Леттов-Форбеком. По их мнению, главными целями большевиков являлись: «...политическая – захват Варшавы, практическая – форсирование Гданьского коридора для соединения с Германией и отторжения Польши от моря»². Оберндорф также сообщал 8 июня в МИД Германии о немецких офицерах, служащих в Красной армии³. Переговоры Коппа с Симонсом и Мальцаном не привели к конкретным соглашениям, но советско-германское сотрудничество неофициально осуществлялось, особенно в военно-технической области. Как далеко зашло сотрудничество в целом – этот вопрос остается предметом дискуссии. Позднее кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б) Н.И. Бухарин предлагал «оформить положение немецких формирований на западном фронте»⁴. Иоффе сообщал, что пленных «германских граждан – добровольцев красной армии» поляки расстреливали⁵.

Отступление советских войск изменило позицию Германии, но, по мнению Коппа, Берлин не нарушит нейтралитет: «Образцовое поведение наших войск в коридоре» опровергло «сказки о Красной армии как о недисциплинированном сброде и о большевизме как о движении, разрушающем всякую культуру». Германия вступит в антибольшевистскую коалицию только при нашем «военном вторжении в Восточную Пруссию или при насильственной советизации коридора <...> ведущее просоветскую внешнюю политику правительство Симонса относится к рабочим значительно приличнее, чем правительство Носке <...> установление дружеских отношений с буржуазным правительством Германии и нами будет воспринято рабочими как их победа, а не как наш отказ от революционного

¹ AAN. MSZ. Sygn. 4477. K. 34 (приложение № 3).

² AAN. Ambasada RP w Berlinie. Sygn. 807. K. 187. 4 сентября 1920 г. МИД Польши – представительству в Берлине. Леттов-Форбек – командующий германской армией в Африке в годы мировой войны. См. также: Wojna polsko-sowiecka... Военный атташе Польши в Финляндии сообщал: весной в Красной армии насчитывалось якобы 2000 германских офицеров и солдат, а летом было переброшено еще 300 офицеров и 1800 военных специалистов. S. 178.

³ Jonca K. Op. cit. № 29. S. 159.

⁴ ПСВ. Ч. 2. № 182. Из протокола заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 14 октября 1920 г. С. 92–93.

⁵ Иоффе – главе делегации Польши на мирных советско-польских переговорах Я. Домбскому. 23 января 1921 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 204. Д. 52722. Л. 69, 70.

пути»¹. Вместе с тем 7 сентября 1920 г. Копп писал Чичерину: «Мы отброшены в Германии дипломатически на исходные позиции начала текущего года»². 27 сентября Копп заметил: «Охлаждение явилось <...> реакцией на те преувеличенные надежды, которые возлагались <...> в Германии на освободительную роль Красной Армии в Западной Пруссии <...> медленно созревает более благоприятный для нас поворот»³.

Поражение Красной армии вновь усилило внимание большевиков к Литве: Чичерин предложил Нарушевичиусу, когда тот приехал в Москву, заключить военную конвенцию или позволить «нам» занять коммуникационные линии для обороны⁴. Копп просил литовского министра иностранных дел Ю. Пурицкиса, когда последний был в Берлине, разрешить транзит военных грузов из Германии в Россию через Литву⁵. Даже в начале октября РВСР пытался договориться с литовским министром обороны К. Жукасом о свободном проходе частей Красной армии по литовской территории в обмен на советскую помощь Литве оружием и «военспецами»⁶. Но если большевики не достигли военного соглашения с Литвой в период успехов Красной армии, то в условиях ее отступления такая вероятность была нулевой. Вместе с тем, оценивая нейтралитет Литвы, военный начальник ее железных дорог Биронт писал Жукасу в ноябре 1920 г.: «...если бы началось [снова] большевистское наступление, [надо] идти вместе с ними на Варшаву <...> литовцы были поражены глупостью, когда, имея общего с большевиками врага – Польшу, не объединились с ними»⁷. Литовская позиция во многом объяснялась тем, что в результате польско-литовских переговоров, проходивших под наблюдением Лиги наций, 7 октября Литва достигла с Польшей Сувальского соглашения, по которому демаркационная линия между соседями соответствовала примерно линии Керзона. В результате Вильно и стратегически важная железная дорога Вильно – Лида отходили Литве. Виленский край имел выгодное геогра-

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 73. Д. 1037. Копп – Чичерину. 1 сентября 1920 г. Л. 111, 112. Ференбах возглавил пришедшее к власти в июне 1920 г. буржуазное правительство, Симонс являлся в нем министром иностранных дел; Г. Носке – социал-демократ, в 1919 – мае 1920 г. военный министр.

² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2137. Л. 21.

³ Там же. Л. 41.

⁴ Там же. Д. 2111. Из письма Чичерина полпреду в Литве А.Е. Аксельроду. 8 сентября 1920 г. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 2137. Из письма Коппа Чичерину. 7 сентября 1920 г. Л. 47.

⁶ Там же. Ф. 325. Оп. 2. Д. 27. Л. 146.

⁷ АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 5. П. 5. Д. 26. Л. 60.

фическое положение, являясь «природным посредником» между Россией и Западом¹. Пилсудский – на случай неудачи планируемой польско-литовской унии – заранее подготовил аннексию Виленщины, осуществленную «мятежными» войсками генерала Л. Желиговского 9 октября, накануне вступления соглашения в силу.

На ход советско-польской войны оказал влияние и Врангель, но решающее значение имел Западный фронт. 14 августа Ленин был готов бросить туда предназначенные против Врангеля дивизии. С точки зрения «политической», – писал он Склянскому, – архиважно добить Польшу <...> во что бы то ни стало взять Варшаву в 3–5 дней². Этим объясняется решение (запоздалое) Кремля о переброске Конармии с Юго-Западного фронта под Варшаву, недооценка роли Южного фронта.

После отступления Красной армии из-под Варшавы Франция, по словам Замойского, активизировала политику «создания центрально-европейского блока <...> против Германии и восстановления антибольшевистской России <...> изменения этой линии (Керзона. – В.З.) в нашу пользу <...> могли бы произойти в результате нашего соглашения <...> с Францией³. По мнению МИД Польши, Врангель согласился бы на границу гораздо восточнее линии Керзона, и Пилсудский пытался сорвать заключение мирного договора с Советской Россией. Но советско-польские переговоры о мире скоро вступили в решающую фазу, поскольку к планам Пилсудского о наступлении вглубь России Антанта отнеслась скептически: «Возрождение России может быть осуществлено <...> путем <...> создания врангелевской России» (из записки Военного совета Антанты с изложением нового плана совместных действий польской армии с армией Врангеля. 6 сентября 1920 г.)⁴. С другой стороны, эндеки в середине октября 1920 г. призывали «по отношению к Врангелю <...> сохранить сугубую осторожность», левые же партии – очистить Польшу от «не только врангелевских, но и петлюровских войск»⁵. В свою очередь, барон просил Францию направить «к нам из Польши и Германии <...> захваченных и перешедших через германскую границу большевиков» и остатки белых

¹ См.: Александров Б. Виленский вопрос // МЖ. 1926. № 11. С. 4, 6–7.

² Ленин В.И. Неизвестные документы... № 243. Из переписки с Э.М. Склянским. С. 361, 362.

³ ДМИСПО. Т. III. № 194. Донесение Замойского Сапере. 23 августа 1920 г. С. 324–326.

⁴ Там же. Т. III. № 211. С. 366–367.

⁵ АВП РФ. Ф. 188. Оп. 1. П. 3. Д. 22. Полпредство РСФСР в Польше. Обзор польской прессы. Л. 12–13.

армий¹. Эту помощь Врангелю Пилсудский оказал, но от совместных военных действий уклонился. Большевики к тому времени перешли к реальной политике: «Польше мы делаем большие территориальные уступки, но зато она нам не грозит тем, что мы будем иметь от нее развитие гражданской войны, отрезание хлеба, нефти и т. д. Поэтому Врангель стоит у нас на первом месте, и территориальные уступки Польше не так важны»². 12 октября был подписан прелиминарный советско-польский мирный договор.

Не исключено, что победа Красной армии в советско-польской войне могла привести к пересмотру условий Версальского договора, изменив геополитическую ситуацию в ЦВЕ, что имело бы далеко идущие последствия для стран региона и европейской системы международных отношений в целом. Напомним в связи с этим, что советско-польская война способствовала сплочению левых сил в Германии. Воззвание Всеобщего объединения профсоюзов, СДПГ, НСДПГ и КПГ от 7 августа 1920 г. призывало немецких рабочих «любыми средствами» помешать нарушению нейтралитета Германии³. Не только пресса КПГ, но и газеты НСДПГ рассматривали движение «против поддержки Польши Антантой» как начало борьбы «против реакционной политики Франции и отчасти Англии», констатируя: «между Польшей и Россией будет еще много серьезных трений, которые станут ферментом для мировой революции»⁴. Один из лидеров КПГ К. Цеткин описывала Ленину в сентябре 1920 г. впечатление, которое произвели на немецкий пролетариат, «Шейдеманов» и буржуазию появившиеся у германской границы красноармейцы⁵. Но, по словам Чичерина, германские правящие круги не использовали конъюнктуру «нашей борьбы с Польшей»⁶. Они оказались правы, выжидая развития событий. Несомненно, соответствовавшие настроениям части правящих кругов и населения Германии приготовления к войне с Польшей были, но конкретные решения о вмешательстве в советско-польскую войну не принимались. Что касается возможных действий держав Антанты в случае победы Советской России над Польшей и вероятных территориальных изменений в ре-

¹ Врангель П.Н. Записки. Ч. II // Белое дело: Из произведения. Последний главок. М., 1995. С. 235.

² Ленин В.И. Неизвестные документы... № 253. Заключительное слово Ленина на IX Всероссийской конференции РКП(б). С. 392.

³ Советско-германские отношения... С. 218.

⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 33. Д. 278. Л. 186.

⁵ Цеткин К. Воспоминания о Ленине. М., 1976. С. 22–23.

⁶ Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 158.

гионе, то напомним о размахе движения «Руки прочь от Советской России!», развернувшегося в июле–августе в западных странах, особенно в Великобритании. Это движение заставило державы Антанты отказаться от прямого вмешательства в войну на стороне Польши.

Не исключено также, что в случае военной победы большевиков и возможного установления в Польше советской власти сформированное последней правительство могло вернуть часть бывших восточных немецких земель Германии в обмен на предоставление Польскому государству финансовой и экономической помощи, различных льгот и уступок. Данная версия представляет собой виртуальный сценарий развития событий, но при наличии серьезной документальной базы она может быть подвергнута критическому анализу. В связи с этим отметим, что существовавший в Белостоке с конца июля до 20-х чисел августа 1920 г. Временный революционный комитет Польши (Польревком)¹ не смог стать правительством даже на занятой Красной армией территории. В то же время эндеки в случае падения Варшавы не исключали возможности формирования нового кабинета министров в Познани без участия пилсудчиков. Но в связи с изменением военно-политической ситуации во второй половине августа в Польше так и не возникло даже элементов двоевластия.

Вопрос о возможном переходе Красной армией западных рубежей Польши также остается предметом дискуссии, если судить не по пропагандистской риторике большевиков, а по действительным намерениям советских руководителей. По крайней мере Иоффе вспоминал в ноябре 1920 г., что в августе Ленин в случае взятия Варшавы не высказывал намерения развивать советское наступление за границами польского государства². Несколько ранее, в октябре, Ленин отметил: «Я против того, чтобы говорить о нашей будущей (или возможной) помощи немцам через Польшу»³. Возможно, наиболее прагматичные лидеры большевиков осенью 1920 г. увидели ограниченные возможности революционной геополитики, обнаружив, по мнению ряда отечественных историков, «симптом отрезвления с изменением ситуации и повышением ответственности за сохранение мира на западной границе»⁴.

¹ См. подробнее: Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Указ. соч. С. 234–239.

² См.: Михутина И.В. Польско-советская война... С. 247.

³ Коминтерн и идея мировой революции... № 52. Записка Ленина по поводу рукописи статьи Радека «Штык и коммунизм. Заметки на полях о битве под Варшавой». 6 октября 1920 г. С. 208. В частности, возражение Ленина вызвала фраза Радека: «Не должна ли будет Советская Россия протянуть руку помощи немецким рабочим через труп Белой Польши?». С. 209 (сноска).

⁴ См.: Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Указ. соч. С. 289.

4.2. Советско-польская граница как «санитарный кордон»: геополитические замыслы его создателей и противников (осень 1920 – весна 1921 г.)

Подписание советско-польского прелиминарного мирного договора не сразу стабилизировало ситуацию в ЦВЕ. Копп оценил ее следующим образом: Франция рассматривает мир с Польшей как завесу, за которой «должна будет идти мобилизация русских реакционных сил (Копп не уточняет, каких именно сил. – В.З.) против нас <...> орудием проведения своих планов Франция считает создание средне-европейского антибольшевистского блока <...> Затем идет Германия <...> отрезанные от нее Мемель и Данциг, рассматриваемые как базы»¹. Но строительству санитарного кордона против Советской России мешал польско-литовский конфликт. Представитель Польши в Лиге наций Падеревский писал Сапеге: Англия требует «сурового наказания за Вильно <...> Поддержка Франции значительно ослабела»². Близкая эндекам «Gazeta Warszawska» заметила: «...утопили Гданьск в Немане»³. От имени польского правительства Падеревский вынужден был 18 ноября 1920 г. подписать в Париже польско-данцигскую конвенцию, утвержденную ранее державами Антанты и ограничивающую права Польши в «Вольном городе Данциге» по сравнению с соответствующими статьями Версальского договора⁴.

Решение польско-литовского конфликта взяла на себя структура Антанты и Лиги наций. Созданная поляками из Виленчины «Срединная Литва» и Литва подписали при посредничестве Лиги наций в ноябре 1920 г. перемирие, согласно которому между ними была образована нейтральная зона. «Нашего друга Литву стараются перетянуть, с одной стороны, угрозами, с другой стороны, приманками», – отметил Чичерин⁵. В декабре Каунас предложил Варшаве свободный транзит к морю по Неману в обмен на возвращение Виленчины⁶, но Польша считала, что прелиминарный мир с Россией аннулировал советско-литовский договор, поэтому вопрос о принадлежности Вильно и Гродно стал открытым. Ранее Совет Лиги пред-

¹ Из письма Коппа – Чичерину. 28 октября 1920 г. // АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 5. П. 3. Д. 8. Л. 250.

² Archiwum polityczne Ignacego Paderewskiego. Т. II. S. 548.

³ Gazeta Warszawska. 1920. 26 październik.

⁴ Abkommen zwischen der Freien Stadt Danzig und Polen zur Ausführung und Ergänzung der Polnisch-Danziger Konvention vom 9. November 1920. Danzig, 1922. S. 106.

⁵ Из письма Чичерина Иоффе. 5 ноября 1920 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 205. Д. 52437. Л. 43.

⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2151. Л. 8.

ложил провести на спорных землях плебисцит при сокращении войск Желиговского, но Каунас отказался, предложив в январе 1921 г. перенести рассмотрение спорного вопроса на конференцию в Лондоне¹. Антанта, заявил тогда же министр иностранных дел Литвы Пурицкис, считает Литву «большевистским подголоском», а полпред Аксельрод якобы «руководит всей внешней политикой Литвы, и ему <...> помогает германский представитель Шёнберг»². В феврале 1921 г. Чичерин резюмировал: «Временный отказ [Антанты] признать Литву есть способ <...> имеющий целью заставить ее держаться более враждебной линии против нас», поэтому Литве необходима «дипломатическая помощь с нашей стороны для подкрепления ее спинного хребта»³.

Большевики остро реагировали на захват Виленщины Желиговским, оценив его как авантюру «группировки, не связанной с нами никакими договорными отношениями». Тем более из Польши к «мятежному генералу» направляли демобилизованных польских военнослужащих и оружие, а также военных из частей воевавшего на стороне Польши генерала С.Н. Булак-Балаховича⁴. В ноябре Копп и Мальцан обсудили вопрос о возможной координации советско-германских усилий по оказанию помощи Литве в борьбе с Желиговским⁵. В ходе советско-польских переговоров о подписании окончательных условий мирного договора польская сторона пыталась усилить свое присутствие в регионе. По словам Чичерина, Польша хочет через Западную Белоруссию отделить «нас новым коридором <...>[и] пожирать Литву <...>, Франция <...> думает о герметическом отделении нас от Литвы, то есть <...> от Германии <...> предложенный в Риге поляками польско-латышский коридор есть французская выдумка»⁶. 23 ноября Чичерин сообщил Ленину о предложении Василевского – польского представителя в территориальной комиссии на переговорах в Риге – о возможном изменении границы за компенсацию. Советский представитель в комиссии Э.И. Квириг советовал «поднять вопрос об упразднении польского коридора»⁷. Однако, рассуждал Чичерин в письме Иоффе

¹ Посол Литвы в Москве Ю. Балтрушайтис – Чичерину. 9 февраля 1921 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 27. П. 181. Д. 51977. Л. 5, 6.

² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2151. Л. 7.

³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 205. Д. 52437. Л. 88, 89.

⁴ ДВП СССР. Т. IV. № 63. Из инструкции Чичерина полпреду в Литве С.И. Аралову. 28 апреля 1921 г. С. 87; Донесение особого отдела ВЧК. 14 декабря 1920 г. // АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 1. П. 1. Д. 11. Л. 5

⁵ ADAP. Bd. IV. Göttingen, 1986. № 51. S. 96.

⁶ Письмо Чичерина Иоффе. 5 октября 1920 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 205. Д. 52437. Л. 37. См. также: ПСВ. Ч. II. М., 1994. № 186. С. 99.

⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 204. Д. 52424. Л. 15. См. также: ПСВ. Ч. II. № 202. С. 123.

24 ноября, коридор защищает нас от Желиговского. Если Вильно делается польским городом, «упразднение коридора не даст нам общей границы с Литвой», а «в качестве компенсации пришлось бы отдать лучшую часть Воыны»¹.

Нарком склонился к обмену, и Политбюро ЦК РКП(б) одобрило предложение Чичерина по вопросу об уступках за уничтожение польского коридора², но обмен не состоялся. По мнению председателя советской делегации Иоффе, «польский коридор имеет для нас значение <...> если Вильно останется за Литвой и мы получаем общую с последней границу <...> пока надо щупать почву у поляков и выжидать выяснения вопроса о Вильно»³. В декабре Иоффе писал: что касается аферы Желиговского, «готовится заваруха, но <...> на «случай»»⁴. Пурицкис получил даже сведения, что в случае восстания в Виленщине «Сов[етская]Белоруссия <...> обязалась сохранить в неприкосновенности тыл Желиговского». Аксельрод отрицал эту договоренность, но в МИД Литвы полагали, что при отсутствии «формального соглашения <...> молчаливое, безусловно, существует»⁵. Не случайно в 1921 году ИНО ВЧК обвинил в утечке секретной информации из полпредства Аксельрода, и последнего отозвали с поста полпреда в Каунасе⁶.

Подписание 18 марта 1921 г. Рижского мирного договора означало победу унитарной концепции эндеков и провал федералистских планов Пилсудского, выступавшего за создание буферных марионеточных государств на восточных польских рубежах. Граница с Польшей стала самой беспокойной для советских республик. Оценивая состояние советско-польского пограничья, следует отметить аморфность его рубежей, обусловленную низкой плотностью проживавшего там населения и отсутствием четкого разграничения этнических и конфессиональных групп. Эту проблему большевики унаследовали от Российской империи, территориально-государственное размежевание 1918–1921 годов ее усугубило.

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 205. Д. 52437. Л. 51. В 1920–1930-е годы в советских документах и литературе для различения Польских коридоров использовались термины «Восточный» и «Данцигский» (он же Польский). Восточный коридор соединял Польшу с Латвией, разведняя Виленщину и Россию.

² ПСВ. Ч. II. № 200. Из протокола заседания Политбюро от 24 ноября 1920 г. С. 121–122.

³ Там же. № 205. Докладная записка Иоффе Чичерину, Ленину, Троцкому 27 ноября 1920 г. С. 130–131.

⁴ Там же. № 215. Докладная записка Иоффе Чичерину, Ленину, Троцкому 11 декабря 1920 г. С. 150–151. См. также: Беседовский Г.З. На путях к термидору. М., 1997. С. 84.

⁵ АВП РФ. Ф. 151. Оп. 5. П. 5. Д. 26. Л. 35.

⁶ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 234. Л. 4.

Политика Пилсудского привела к тому, что Антанта при решении оставшихся спорных территориальных проблем не только ущемила польские права в «Вольном городе Данциге», но и окончательно утвердила невыгодную для Польши границу с Чехословакией в Тешинской Силезии¹. По мнению эндеков, для Польши были важны «не столько хорошие, сколько прочные границы»². «Gazeta Warszawska» писала 10 октября 1920 г.: «...одна волость на западе для нас ценнее целых уездов на востоке; то, что мы потеряем на западе, будет потерянным навсегда, тогда как о востоке этого сказать нельзя»³. Большинство современных польских историков не сомневается в том, что война 1920 г. спасла независимость Польши и перечеркнула планы большевиков по советизации Европы. Невнимание Запада к планам Польши на востоке они объясняют «успехами большевистской пропаганды», отсутствием у Антанты понимания, что война с большевиками «велась за будущее Старого Континента» и польская победа «подарила Европе более десяти лет относительно мира»⁴. Но есть другие точки зрения. «Рижский мир, – по мнению познанского историка А. Чубиньского, – не был компромиссом <...>. Он был принят Россией и Советской Украиной в тяжелой ситуации, в острой борьбе и подвергнут резкой критике»⁵. Польский генерал и дипломат Т. Махальский писал в мемуарах: «В Риге выяснилось, что война собственно не была нужна, перед киевским походом мы имели возможность получить лучшую границу без боев <...> Если бы <...> приняли в 1919 г. предложение Ленина, то имели бы не только значительно более благоприятную для нас границу на востоке, но, что важнее, отменить эту границу в Ялте было бы для Сталина трудно»⁶.

Антанта стремилась сохранить напряженность в германо-польских и советско-польских отношениях, чтобы оставить в своих руках рычаги давления на страны востока Центральной Европы. Великодержавная политика пилсудчиков облегчала осуществление

¹ См. подробнее о предыстории конфликта вокруг Тешинской Силезии: ДМИС-ЧО. Т. I. № 174. С. 208–209, № 301. С. 347–348; Kukułka J. *Francja a Polska po traktacie wersalskim (1919–1922)*. W., 1970. S. 312–314; Язькова А.А. *Малая Антанта в европейской политике. 1918–1925*. М., 1972. С. 171–173.

² Докладная записка советника полпредства в Берлине П.Л. Лапиньского. 1 сентября 1920 г. // АВП РФ. Ф. 122. Оп. 3. П. 4. Д. 6. Л. 8.

³ Полпредство РСФСР в Польше. Обзор польской прессы // АВП РФ. Ф. 188. Оп. 1. П. 3. Д. 22. Л. 9.

⁴ Łukomski G. *Op. cit.* S. 166.

⁵ Czubiński A. *Op. cit.* S. 68.

⁶ Machalski T. *Pod prąd: Światła i cienie kampanii wrześniowej 1939 r.* Londyn, 1961. S. 24. Ленин предлагал уже захваченные поляками в 1919 г. земли.

намерений западных государств. В то же время после подписания Рижского мира начался постепенный переход большевиков к защите интересов Российского государства путем сближения с Германией, что стало крупнейшим провалом версальских миротворцев. Симонс, выступая 21 января 1921 г. в рейхстаге, заявил: «...в принцип *своей восточной политики Антанты* возвела создание <...> прослойки в виде <...> *окраинных государств*», препятствующих «обмену между Центральной Европой и Россией <...>. Германия является естественной страной транзита из России на Запад <...> любые меры, которые государства Антанты принимают по отношению к Востоку, если они не привлекают Германию, всегда будут только временными и *иллюзорными*»¹. Польша стала барьером между Германией и Россией: в августе 1921 г. министр иностранных дел К. Скирмунт в инструкции польским представительствам за границей подчеркивал, что Польша расположена между двумя врагами и может быть атакована в любой момент².

Необходимость сближения Германии и России обосновал с геополитических позиций немецкий ученый К. Хаусхофер: «Неясные внешние границы в Центральной Европе означают регресс» и ведут к отношениям «кондоминиума в <...> жизни <...> пограничного пояса <...> между Внутренней Европой и североазиатским пространством Советов». Регион между Балтийским и Черным морями геополитик назвал «центрально-европейской зоной напряжения» и выделил Польшу в качестве «переходной страны... с исключительно сложными, искусственными границами», заявив о необходимости поиска «германо-польской культурной границы, как и русско-польской». По мнению Хаусхофера, «период геополитического землеустройства <...> не закончился с мировой войной, а начался»³.

Не связанная решениями Парижской конференции Советская Россия имела определенную свободу рук в регионе. «Версальский договор в его статьях, направленных против Германии <...> можно назвать удушающей петлей палача», – писал советский военный географ А.Е. Снесарев⁴. Влияние среди большевиков сторонников реальной политики, видевших в Германии союзника России, воз-

¹ Советско-германские отношения от переговоров... Т. 2. № 169. С. 270, 275.

² См.: Мезга Н. Польские маневры вокруг Рапалло // МЖ. 1999. № 5. С. 85–86.

³ Haushofer K. Op. cit. S. 30, 100, 118, 230. См. также: Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М., 2001. С. 40, 121–122, 235. В качестве примера «границы кондоминиума» ученый привел линию Керзона «между Советами и Польшей», «вопрос Вильна».

⁴ Снесарев А.Е. Военно-экономические перспективы Германии // ВИЖ. 2000. № 1. С. 75.

растало, но противоречивый характер советско-германских отношений сохранялся, поскольку революционную геополитику сдавать в архив не торопились. Копп писал в октябре 1920 г. Чичерину: «Официальное вовлечение Германии в антибольшевистскую коалицию пока невозможно», но «выступления Коминтерна с призывами к гражданской войне, плохо гармонируют с уверением, что мы намерены заняться сейчас мирным возрождением России <...> ссылки на то, что Коминтерн одно, а Сов[етское] пра[вительство] – совсем другое, выслушиваются только дипломатами, да и то с улыбкой авгуров <...> Это – диалектическое противоречие нашей политики <...> Нужно <...>, чтобы противоречие это обострялось не в моменты нашей наибольшей слабости»¹. В свете сообщений из Берлина становится понятным ноябрьское письмо Чичерина Иоффе: «Ваш совет о большей активности в Германии в данный момент неисполним. Наше поражение под Варшавой, наше согласие на польский коридор (Восточный. – В.З.)... выступление Зиновьева и Лозовского <...> создало <...> настроение против нас в германских правительственных кругах»².

Однако 20 марта 1921 г. предстоял плебисцит в Верхней Силезии, который большевики надеялись использовать в своих интересах. В декабре 1920 г. Копп предлагал Троцкому «не давать Польше окончательного мира до выяснения исхода верхнесилезского голосования <...> Если Красная армия будет у Варшавы в тот момент, когда польская армия будет отступать из коридора и из Познани, судьба белой Польши будет решена безвозвратно». И далее: Сект «убежден в том, что мы воспользуемся польско-германским конфликтом в военном отношении», предлагает России помощь оружием и специалистами, желает провести переговоры для обсуждения практических вопросов³. В феврале 1921 г. Иоффе советовал Ленину «доказать Германии, что мы, даже подписывая мир с Польшей, можем оказать ей серьезную поддержку в вопросе в[ерхне]-силезского плебисцита»⁴.

Но в начале марта 1921 г. Чичерин заметил Коппу: «Ваша шифровка о надеждах, возлагаемых германским правительством на нас в случае войны между Германией и Польшей, и сообщение <...>

¹ АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 5. П. 3. Д. 8. Л. 250.

² Там же. Ф. 04. Оп. 32. П. 205. Д. 52437. Л. 48. В октябре 1920 г. Зиновьев и генсек Профинтерна С.А. Лозовский были в составе советской профсоюзной делегации на съезде НСДПГ и выступали с политическими речами. Под предлогом истечения срока их виз Симонс приказал поместить Зиновьева и Лозовского под домашний арест до прибытия первого парохода, идущего в Россию, обосновав свои действия в рейхстаге. См.: Карр Э. Указ. соч. С. 168, 171, 245, 463 (сн. 146).

³ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 45. Л. 6, 6 об., 7.

⁴ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2134. Л. 31.

об улучшении отношения к нам германского правительства дают <...> странную картину <...> Германское правительство вспоминает, что надо улучшать отношения к нам в тот момент, когда <...> нуждается в нас <...>. Оно смотрит на нас, как на объект использования <...> спокойно смотрит <...> на создание в Берлине монархического центра <...>. Надо наконец порвать с этим безобразным отношением»¹. 13 марта Чичерин запрашивал Иоффе: «...демонстративное подписание (мирного договора. – В.З.) как раз накануне Силезского плебисцита <...> куплено ли этим решением, что-либо от поляков или же Вы имеете основания опасаться, что отсрочка подписания до момента, когда плебисцит будет окончен, может привести к выставлению поляками новых требований»². После плебисцита советская пресса продолжала критиковать присоединение к Польше части Верхней Силезии, поскольку это «не может... не изменить равновесия между буржуазными странами, находящимися по соседству с Россией»³.

О сохранении надежды на советизацию Польши до подписания мирного договора свидетельствовали совещания Польского бюро ЦК РКП(б) в январе 1921 г. с участием председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского и И.С. Уншлихта и последующая записка Польбюро в ЦК РКП(б). Поводом к ней послужил приказ РВСР о расформировании польских курсов командного состава и превращении их в польский отдел германских курсов. В записке Польбюро мотивировало необходимость сохранения курсов: «Вопрос о вооруженной борьбе в Польше стоит на очереди дня и необходимо <...> срочно к этому подготовиться». Эти кадры в скором времени потребуются «в интересах революции и борьбы за диктатуру пролетариата в Польше»⁴.

Вместе с тем Чичерин в сентябре 1920 г. указал на благоприятные для РСФСР изменения в европейских международных отношениях: «внимание Антанты <...> перенеслось с прежних окраинных государств на государства средней Европы <...>. Однако создание малой Антанты в руках хитрого Бенеша превратилось в орудие противодействия французским влияниям <...> малая Антанта <...> помогает нам, обеспечивая нас от создания против нас новой коали-

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 74. Д. 1049. Л. 9.

² Там же. Оп. 32. П. 205. Д. 52437. Л. 116.

³ Там же. Ф. 082. Оп. 4. П. 5. Д. 18. Л. 35.

⁴ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 176. Л. 3, 63. Польское бюро ЦК РКП(б) существовало в июле 1920 – ноябре 1921 г. Польские курсы красных командиров были созданы в сентябре 1920 г. в Бобруйске, а в ноябре переведены в Москву. См. также: Костюшко И.И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б). 1920–1921 гг. М., 2005. Приложения. № 7–8. С. 93–98.

ции в этой части Европы»¹. Отношения Польши и Чехословакии по-прежнему оставляли желать лучшего. Гиллерсон сообщал Чичерину: «Польские реакционные круги ведут <...> пропаганду в пользу <...> союза Польши с Венгрией <...> указывается на желательность польско-мадьярской границы <...> возвращение Словакии и Карпатской Руси Венгрии». И далее: польская пресса заявляет: «...предпосылкой вступления Польши в малую Антанту является перерешение Тешенского вопроса»².

Правда, у НКИД возникли опасения – в связи с начавшимися в ноябре 1920 г. польско-румынскими переговорами – относительно возможного вступления Польши в Малую Антанту. Эти опасения стремился рассеять Гиллерсон: Малую Антанту создали против угрозы венгерского реванша и «как националистический барьер против большевизма “воинствующего”»³. Последнюю функцию, по его словам, она перестала выполнять после окончания советско-польской войны. Советский дипломат комментировал: «Чехи <...> утверждают <...> Англия будет буферить всеми славянскими народами между Советской Россией и Европой. А когда придет время комбинировать Гогенцоллернами и Габсбургами <...> союзники <...> вытаскают их из архива <...> Наши задачи в Чехии <...> использовать славянские симпатии <...> для Советской России. Принцип славянства не противоречит <...> формуле политической власти, а дипломатия и советская не может <...> козырять пролетарским интернационализмом»⁴. Гиллерсон подчеркнул: «К союзу с Польшей толкает Чехию страх перед большевистско-немецким союзом... Малая Антанта без Польши означает союз против Венгрии и Габсбургов. С Польшей это был бы оборонительно-наступательный союз против Совроссии»⁵. По мнению же польских дипломатов, это союз «не столько против советской, сколько против предполагаемой контрреволюционной России», которая «заключенные договоры <...> старалась бы вооруженной силой опрокинуть. По отношению к Советской России этот союз должен <...> играть оборонительную

¹ Письмо Чичерина Иоффе. 21 сентября 1920 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 205. Д. 52437. Л. 11. Малая Антанта – военно-политический союз Чехословакии, Румынии, Югославии (1920–1938 гг.).

² Гиллерсон – Чичерину. 20 сентября 1920 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53928. Л. 14. По подписанному Венгрией Трианонскому мирному договору к Чехии отошли Словакия и Прикарпатская Русь.

³ Информация Гиллерсона. Ноябрь 1920 г. // АВП РФ. Ф. 138. Оп. 3. П. 2. Д. 13. Л. 13.

⁴ Докладная записка Гиллерсона о текущем моменте в Чехии. Ноябрь 1920 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53928. Л. 25, 26.

⁵ Обзор Гиллерсона от 1 и 3 декабря 1920 г. // Там же. Л. 31.

роль на случай германо-советского союза»¹. Чичерин констатировал: «Конфликт между Польшей и Чехией... невозможность примирения Венгрии с Румынией настолько влияют на развитие Малой Антанты», что она не станет «общим союзом против Советской России <...> боязнь большевизма недостаточна для замазывания этих смертельных конфликтов»².

Действительно, прямых территориальных противоречий между Советской Россией и Чехословакией не было, поскольку их разделял карпатский стык польской и румынской границ. Правящие круги Чехословакии были больше озабочены стремлением к национальному самоопределению немцев, венгров и поляков. Регионы проживания этих народов стали спорными территориями между ЧСР, с одной стороны, и Германией, Венгрией, Польшей – с другой. КПЧ отмечала, «что по Версальскому договору в границы <...> чешского государства было включено непомерно много областей с *иноязычным населением*» и это привело к «балканизации» Чехословакии. Представители компартии Прикарпатской Руси и КПЧ заявляли о необходимости включения Закарпатья в состав СССР³, но отсутствие общей границы между УССР и ЧСР не позволяло серьезно рассматривать этот вопрос. Русины также тяготели к православной культуре: возник конфликт между властями ЧСР и русинами, требовавшими выполнения подписанного Бенешем соглашения об организации православной церкви на Карпатской Руси во главе с епископом из Сербии, угрожая прибегнуть к акциям гражданского неповиновения⁴.

В то же время Москва рассматривала Прагу как потенциального партнера в борьбе с геополитическими амбициями Варшавы. Официальных отношений с правительством ЗУНР и представителями Петлюры Чехословакия не установила⁵, но стала политической базой как антипольской украинской эмиграции, так и пропольской (петлюровской). Даже в 1931 году полпред в Праге А.Я. Аросев писал: Бенеш потому «не признает нашего мирного договора с поляками в Риге, что мы этим договором признали Галицию за поляками. Чехи не претендуют на Галицию, но считают, что она должна быть самостоятельной <...> как и вся Украина»⁶. Большевики стреми-

¹ АВП РФ. Ф. 1656. Оп. 1. П. 1. Д. 5. Л. 2.

² Письмо Чичерина представителю РСФСР по делам военнопленных в Австрии М.Г. Бронскому // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 1. П. 1. Д. 6. 28 ноября 1920 г. Л. 3.

³ IV Всемирный Конгресс... С. 313, 314; Пятый Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала: Стеногр. отчет. М.; Л., 1925. С. 417, 629.

⁴ AMZV ČR. PZ. Moskva. 1921. 25.3. Č. 78.

⁵ AMZV ČR. ZÚ. Nemecko. Berlin. PV. 1920. 22.10. Č. 63.

⁶ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 2. П. 14. Д. 253. Л. 16.

лись использовать действовавшие в Чехословакии украинские эмигрантские организации. Гиллерсон советовал Чичерину в ноябре 1920 г.: «Чехи благосклонно относятся к революционному движению в Галиции и Карпатах... [Оно] направлено <...> против поляков и венгров <...>. Советские работники могут из Праги развить работу в упомянутых странах <...> [они] поддерживают <...> связь с Галицией, но это кустарничество»¹.

Объяснялось «кустарничество», в частности, межведомственной неразберихой, о которой сообщал ЦК РКП(б) в январе 1921 г. В.М. Молотов, в то время секретарь ЦК компартии Украины: «...работа в Галиции <...> переплетается с работой на Украине <...> [и] входит в круг деятельности Коминтерна, мы возбудили перед Коминтерном вопрос о том, чтобы работа в <...> Галиции проводилась нами, но под контролем и [по] заданиям Коминтерна <...> Предложение это было отклонено Коминтерном <...> Политбюро ЦК КП(б)У постановило обратиться к Вам с просьбой поддержать наше предложение перед Коминтерном»². Представитель ЦК Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП) при ИККИ Э. Прухняк сообщил Зиновьеву, что после совещаний с начальником Разведупра Украины Р.В. Лонгвой и курировавшим Разведупр заместителем председателя ВЧК И.С. Уншлихтом работу среди украинских эмигрантов в Польше возложили на КРПП, но секретариат Председателя ИККИ сведения о проводимых мероприятиях получал не сразу. Политбюро ЦК КП(б)У узнало о работе в Восточной Галиции лишь после визита его представителя в ИККИ Ф.Я. Кона к Троцкому. Кон объяснял трудности получения информации позицией Разведупра: «Поручение (...) возложено <...> на тов. Лонгву, под <...> наблюдением тов. Уншлихта»³.

Объявленный X съездом РКП(б) переход к новой экономической политике привел к определенному повороту во внешней политике Москвы: ее целью стала не сама мировая революция, а подготовка к ней, о чем фактически говорил Ленин⁴. Дипломаты начали активнее выступать в защиту государственных интересов России. Накануне съезда Гиллерсон писал Чичерину: за границей ИККИ «отождествляется с Советским Правительством. Агрессивность

¹ Там же. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53928. Л. 26.

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 126. Д. 8. Л. 10.

³ Переписка Представительства КРПП при ИККИ в июне–августе 1922 г. с ИККИ, ЦК РКП(б), НКВД о взаимоотношениях КРПП с КП Восточной Галиции // Там же. Оп. 123. Д. 10. Л. 13, 14, 15; Переписка Кона и секретаря ЦК КП(б)У Лебеда. Сентябрь 1922 г. // Там же. Д. 14. Л. 1, 2.

⁴ Десятый съезд РКП(б)... С. 30.

Коммунистического авангарда пролетариата претворяется в агрессивность Советской России <...> выгодно ли сейчас для Советской России <...> мировое революционное движение <...>. Ведь без заграничной технической помощи <...> мы ни электрификации не создадим, ни хозяйства нашего не наладим. А ведь широкое и глубокое революционное движение за границей расстроит и там хозяйство <...>. Помощи оттуда мы получить не сумеем. Не наладив нашего хозяйства, мы обречены на гибель <...>. Простите за отступление, быть может <...> еретическое»¹.

Сталин и до X съезда партии, и в своем докладе на съезде отмечал: «Польша, Чехословакия... не могут существовать: а) без угнетения своих национальных меньшинств <...> б) без расширения своей территории за счет соседей, что вызывает конфликты и войны <...> в) без подчинения “великим” империалистическим державам»; он подчеркивал необходимость видеть противоречия, «которые существуют между господствующими великими державами и недавно образовавшимися национальными государствами». И далее: «Смысл существования Наркоминдела в том и состоит, чтобы все эти противоречия учесть, на них базироваться, лавировать в рамках этих противоречий»². Однако, как заявил на съезде Л.Б. Каменев, «фактически война не закончена <...> никакие границы не могут считаться твердо установленными»³.

Опасения в связи с переходом к НЭПу высказывали секции (партии) Коминтерна. Например, представительство КРПП при ИККИ делилось обеспокоенностью с ЦК своей партии: «...как бы Россия своими “государственными” соображениями не заглушала интересы пролетарской революции <...>. Создается серьезная опасность, чтобы, в случае нового столкновения Советской России с Польшей, воля Компартии в целом не оказалась бы скована <...> когда в массу из буржуазной прессы будут пущены волны клеветы против Сов[етской] России под претекстом (предлогом. – В.З.), будто она идет осуществлять интересы русского капитала»⁴.

¹ Гиллерсон – Чичерину. 7 февраля 1921 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 1, 4.

² Сталин И.В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Тезисы к X съезду РКП(б), утвержденные ЦК партии. X съезд РКП(б). 8–16 марта 1921 г. Доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе. 10 марта // Соч. Т. 5. М., 1953. С. 17–18, 42. Суждения Сталина о внешней политике приобрели руководящий характер после его избрания в апреле 1922 г. Генеральным секретарем ЦК РКП(б).

³ Десятый съезд РКП(б)... С. 451.

⁴ Политическое положение Польши и кризис КРПП [без даты] // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 123. Д. 9. Л. 46.

В свете новых партийных установок Наркоминдел стремился разграничить функции с Коминтерном и силовыми ведомствами. В частности, коллегия НКВД приняла в марте 1921 г. специальное постановление, направленное на устранение параллелизма в деле информации с Региструпом и ВЧК¹. ЦК РКП(б) по представлению НКВД вынес ряд решений по вопросу о разграничении деятельности правительственных агентов и агентов Коминтерна². 4 мая 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) утвердило тезисы о взаимоотношениях между органами Наркоминдела и Коминтерна, в которых, в частности, говорилось: «Использование аппарата Коминдела [НКВД] в целях осуществления партийных задач Коминтерна должно проводиться с соблюдением всех правил строжайшей конспирации»³.

Подведем итоги содержанию главы. К началу 1920 г. в польском общественном сознании окрепло убеждение, что Польша может обрести былое могущество и стать влиятельным государством Центральной Европы, способным противостоять Германии и России, при условии включения в ее состав значительных территорий на востоке. Экспансионистские устремления польских лидеров подогревала неясность с определением границ Польши державами Антанты. Поэтому планы Пилсудского с одобрением восприняло большинство поляков, особенно те, кто проживал за пределами этнической Польши. В начале 1920 г. лидеры большевиков заняли позицию максимальных территориальных уступок Польше в обмен на мирный договор. Только в апреле 1920 г. политическое и военное руководство Советской России отказалось от надежд разрешить конфликт ценой территориальных уступок и приняло решение о подготовке к активным военным действиям против Польши, но планы похода Красной армии на Варшаву в то время не разрабатывались. Будущее военное противостояние трактовалось скорее как противодействие необоснованным притязаниям поляков на ряд исконно российских земель. Поворот от сравнительно реальной политики к революционной геополитике произошел во второй половине июля 1920 г., когда Красная армия достигла серьезных успехов на фронте, а британская дипломатия предложила Москве неожиданно благоприятные условия мира.

Поражение Красной армии под Варшавой заставило Советскую Россию пойти на серьезные территориальные уступки в ходе мирных

¹ АВР РФ. Ф. 0151. Оп. 5. П. 3. Д. 8. Л. 64–65.

² Выписка из письма Литвинова заместителю полпреда в Германии Ю.Х. Лутовину. 7 июня 1921 г. // Там же. Ф. 04. Оп. 13. П. 74. Д. 1049. Л. 23.

³ Коминтерн и идея мировой революции... № 70. С. 264–265; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн... № 39. С. 74–76.

переговоров с Польшей. С другой стороны, военно-политическая ситуация в ЦВЕ осенью 1920 – весной 1921 г. оставалась крайне нестабильной, что давало большевикам возможность балансировать между революционной геополитикой и политикой реальной. Одновременно предпринимались первые робкие шаги по разграничению деятельности НКВД, ИККИ и силовых ведомств. Но решения зачастую оставались на бумаге или выполнялись формально, что приводило к негативным последствиям для государственных интересов России.



Глава V ФОРМИРОВАНИЕ «КОНФЛИКТНОЙ МОДЕЛИ» ПОЛИТИКИ РСФСР (СССР) В ЦВЕ

5.1. Советская Россия и страны ЦВЕ в 1921–1922 гг.

Столкновение межгосударственных интересов порождает в мире ситуацию, которая имеет структуру отношений на уровне системного и подсистемного (регионального) баланса сил. Анализ системно-структурных отношений в комплексе со специфическими противоречиями государств, позволяет определить природу международной ситуации, но только с учетом конкретно-исторических факторов. Последние играют особо важную роль в тех случаях, когда государство переживает внутренние экономические и социально-политические потрясения. Советская внешнеполитическая парадигма после подписания Рижского мирного договора и перехода к новой экономической политике отражала ориентацию большевиков не только на европейскую революцию, но и реальную политику, что проявилось в постепенном оформлении двух доктринально-концептуальных принципов, за которыми в последующие годы закрепились определения «мирное сосуществование» и «пролетарский интернационализм». Эти принципы отражали борьбу за создание благоприятных международных условий для укрепления советского государства и содействие мировому революционному процессу¹. В то же время противоречивость заявлений и действий руководства РКП(б) свидетельствовала, по мнению (возможно, спорному) некоторых историков, о зарождении «конфликтной модели» – несовпадении позиций представителей советской элиты как по внутри-, так и внешнеполитическим приоритетам².

Непоследовательность внешнеполитических акций Советского государства была обусловлена в том числе и его военной слабо-

¹ Нежинский Л.Н. Указ. соч. С. 106.

² Даллин А. Внутренние аспекты советской внешней политики // Советская внешняя политика... С. 173.

стью. Ленин порой отказывался от собственных инициатив. 25 июля 1921 г., реагируя на критику Чичериним антисоветской политики Франции, Ленин предложил: «Проект (текст) грозного интервью Ленина или Троцкого (угрозы: сунься – вздуем!) <...> Поездка Тухачевского в Минск тоже с угрозой и с помпой <...> Директивы прессе». Чичерин заметил: «Грозные интервью и демонстративные поездки нисколько не внушат убеждения в нашей силе, но дадут богатейший материал для провокационной работы <...>. Наша печать должна бы выяснять, что эти измышления (Запада. – В.З.) <...> имеют целью <...> толкнуть малые государства в объятия Польши <...>. Нам кажется даже целесообразным обратиться к нашим ближайшим соседям с миролюбивой нотой»¹. Политбюро предпочло предложение Чичерина, отправившего в августе 1921 году соответствующие ноты Польше и странам Балтии². В сентябре Чичерин высказался против инициативы Троцкого о проведении военных парадов: «...мы воинственными демонстрациями напугаем публику <...> все будут лхнуть к Пилсудскому и военным <...>. Наши военные парады послужат удобным аргументом для Франции, чтобы пугать не только Польшу, но и все малые государства»³. Польские дипломаты отметили в декабре 1921 г.: «Совнарком начал новую тактику в своей международной политике <...>. Она защищается Лениным, Красиным и Рыковым»⁴.

В 1921–1922 гг. несколько трансформировалась также стратегия и тактика Коминтерна: на первый план вышла задача завоевания большинства пролетариата на сторону компартий («от штурма к осаде»). Начало этому процессу положили решения III конгресса Коминтерна (июнь–июль 1921 г.), на заседаниях которого шла дискуссия со сторонниками «теории наступления»⁵. Вместе с тем Троцкий в докладе о новых задачах Коминтерна характеризовал переживаемый период как «неустойчивое и весьма ограниченное во времени равновесие»⁶. От методов революционной геополитики Коминтерн не отказался. Так, делегация КПВГ докладывала III конгрессу: оккупированная с 1919 г. Польшей Восточная Галиция «оказалась в составе государ-

¹ Ленин В.И. Известные документы... № 314. С. 459, 460.

² ДВП СССР. Т. IV. № 170. С. 251–253; № 177. С. 258–259.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 190. Л. 8.

⁴ АВП РФ. Ф. 165 б. Оп. 1. П. 1. Д. 11. Л. 1. Л.Б. Красин – нарком внешней торговли, А.И. Рыков – зампредела СНК РСФСР.

⁵ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн... С. 7; Ватлин А.Ю. ВКП(б) и Коминтерн в 20-е годы: проблемы взаимоотношений. М., 1998. С. 18–19.

⁶ Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала: Стеногр. отчет. Пг., 1922. С. 41.

ства, с которым у нее была только традиция кровавой борьбы и войн, при отсутствии условий объединяющих <...>. Географически. – Галиция является естественным продолжением средневропейской равнины, упирающейся в Карпаты, т. е. продолжением территории У.С.С.Р. <...>. Экономически. – Восточная Галиция тяготела к экономическим центрам бывшей Австро-Венгерской монархии, а не Польши»¹.

С геополитических позиций оценивало роль Восточной Галиции и правительство ЗУНР, поддерживаемое представителями белой эмиграции. Большую активность проявлял Р. Сватковский, писавший Бенешу от имени Петрушевича: «...если Антанта даст самостоятельность Восточной Галиции, то Петрушевич предполагает акцию со стороны Польши, вроде той, какую совершил Желиговский в Вильно (...). По географическому своему положению В[осточная] Галиция есть тот естественный коридор, который ведет в промышленную Чехо-Словакию и через нее далее связывает Россию и с остальными промышленными центрами Западной Европы». Ряд политиков Запада предлагал разрешить Восточно-Галицийский вопрос одновременно с русским вопросом, но, по мнению Сватковского, «из периода коммунистической диктатуры Россия выйдет <...> ослабленной», поэтому «Галицкий коридор» в Европу надо открыть заранее. Правительство ЗУНР дает «заверения в неизменно дружественном его отношении к некомунистической России». По мнению Сватковского, «население Восточной Галиции поголовно настроено антибольшевистски», но оно «предпочтет разорительный, но переходящий большевизм, окончательной полонизации (...). Петрушевич просил заверить Вас [Бенеша] <...>, что Подкарпатская Русь нераздельная часть ЧСР». По словам Сватковского, Петрушевич отказался вступить в переговоры с поляками, так как полагал, что, начав переговоры, «поляки не выполнили бы обещаний»².

Одновременно лидеры антипольских националистических организаций обращались за помощью в советские полпредства. В январе 1922 г. П.Н. Мостовенко писал Чичерину: «Правительство Петрушевича <...> зондирует почву о возможности получить от нас хотя бы замаскированную поддержку, в случае ожидаемой ими “ирландской” борьбы населения Восточной Галиции против польской оккупации <...> в виде ограбления галицийскими “бандами” наших

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 126. Д. 8. Л. 14.

² AMZV ČR. PZ. Moskva. 1921. 31.7. Č. 184. 30.7. Č.196. 1.9. Č. 235. 22.9. Č. 271. Р. Сватковский – предположительно, родственник В.П. Сватковского, информатора МИД Российской империи.

приграничных складов»¹. В феврале Мостовенко отметил: «<...> считаю полезным сговориться с публикой <...> на случай нашей войны с Польшей. Если мы в тот момент сможем выпустить манифест к галицийскому населению с призывом выступить против империалистского гнета, гарантируем в нем полное наше невмешательство в вопросе о внутреннем устройстве Галиции, и, если этот манифест будет поддержан галицийскими националистами, шаг этот не может принести нам ничего, кроме пользы»². Не случайно весной 1922 г. ИНО ГПУ подготовил для Политбюро докладную записку об активном использовании против Польши оппозиционно настроенных галичан³. Летом 1922 г. на совещании в Вене дипломатов УССР в странах Центральной Европы поверенный в делах Украины в Польше, член ИККИ А.Я. Шумский предложил организовать восстание в Галиции и привлечь на сторону повстанцев «галицийских сечевых стрелков, находящихся в чехословацких лагерях, и Махно». Полпред УССР в ЧСР М.В. Левицкий (один из лидеров КПВГ) заявил, что Чехословакия поддержит восстание. ЦК КП(б) Украины и Политбюро ЦК РКП(б) отвергли эти авантюрные планы, но проблема помощи галицийским организациям оставалась в поле их внимания⁴.

Попытки Советской России использовать территориальные противоречия в польско-чехословацких отношениях способствовали тому, что первое серьезное столкновение политики защиты государственных российских интересов с концепцией «мировой революции» произошло в связи с действиями Наркоминдела и Коминтерна в Чехословакии. Гиллерсон в апреле 1921 г. указал Чичерину на расхождения в правящих кругах ЧСР в русском вопросе: Бенеш предполагал, что Россия надолго лишилась своего международного статуса, и Чехословакия должна ориентироваться на Францию, а Масарик, напротив, считал, что Россия сохранила политический вес на мировой арене. В то же время «среди сибирских легионеров образовалась большая группа <...>, требующая ориентации на Россию»⁵. В связи с проходившими в 1921 году переговорами Польши и Чехословакии относительно подписания двустороннего договора в печати обе-

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53939. Л. 71.

² Там же. Д. 53940. Л. 24.

³ См.: Пятницкий В.И. Указ. соч. С. 325.

⁴ Беседовский Г.З. Указ. соч. С. 43–46; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б)... С. 189, 204, 206, 215, 248.

⁵ ДМИСЧО. Т. I. № 371. С. 416–417. Полный текст: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 21–24.

их стран вновь начал муссироваться вопрос о вступлении Польши в Малую Антанту. Москву интересовала объективная информация из Праги, что стало первоочередной задачей для прибывшего в столицу ЧСР в июне 1921 г. торгпреда РСФСР П.Н. Мостовенко.

Вскоре торгпред сообщил Чичерину о стремлении Польши «китайской стеной отделить Чехию от России». Чехия, писал Мостовенко, покровительствует Петрушевичу, будучи заинтересована в независимости Восточной Галиции, и желает «установить непосредственную связь с <...> Сов[етской] Россией, оставивши <...> буфер типа Дальневосточной Республики». Нормализацию советско-чехословацких отношений осложняло участие чехословацкого корпуса в гражданской войне в России, но, по словам торгпреда, «масса населения перебивала в России <...> как говорят legionеры – «мы все отравлены Россией». Это «капитал, который <...> обеспечивает нас от <...> открытого участия Чехии во враждебных нам заговорах». Торгпред делал выводы: «Вне представления Великой России у чехов нет даже уверенности сохранить <...> государственную самостоятельность». Силы Малой Антанты, полагал он, «исчерпываются <...> внутренней борьбой <...> срединных государств друг с другом»¹. В свою очередь Гиллерсон также сообщал: «...по географическим условиям <...> чехи смотрят на поляков как на <...> склонных к авантюре соседей»².

В июле Мостовенко привлек внимание Чичерина к тону публикаций в советской и коминтерновской прессе, которые пишут о Малой Антанте как о наступательном союзе против Советской России, в то время как «мысль заставить чехов воевать с любой Россией здесь [в ЧСР] представляется настолько нелепой, что аляризм <...> вызывает естественное подозрение обывателя: не есть ли это с нашей стороны выискивание повода для того, чтобы <...> обрушиться самим». В следующем письме дипломат отметил: «...противники наши <...> не строят расчетов на крушение Сов[етской] власти. Тут не только боязнь анархии <...> в России. <...> Верхом мечтаний <...> является соглашение Сов[етской] власти с наличными в западной Европе демократическими русскими силами... <...> ...точка зрения исторической неизбежности, а подчас и целесообразности большевизма в России вообще здесь весьма популярна»³.

¹ Мостовенко – Чичерину. 28 июня 1921 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 46, 47, 52, 53. Польско-чехословацкий договор был подписан 6 ноября 1921 г., но из-за проблемы Тешинской Силезии польский сейм договор не ратифицировал.

² Гиллерсон – Чичерину. 4 июня 1921 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 29.

³ Мостовенко – Чичерину. 19 и 27 июля 1921 г. // Там же. Л. 73, 88.

Деятельность Коминтерна, ущемляющая государственные интересы России, наглядно проявилась в «деле Мостовенко». Независимые суждения торгпреда вызвали недовольство в ИККИ, руководство которого обратилось с жалобой в Политбюро ЦК РКП(б): «Чешский посол т. Мостовенко... шлет три позорнейших телеграммы самого панического свойства... Мы просим ЦК дать дельные указания Наркоминделу». Чичерин писал секретарю ЦК РКП(б) Молотову: «Т[оварищ] Мостовенко <...> сообщает <...> о разговорах с чешскими министрами <...> Военный союз Чехословакии и Польши был бы для нас серьезной угрозой <...> Все повсеместно смешивают РСФСР и Коминтерн, и несвоевременный шаг его может создать нам катастрофу. Военных сил у нас мало <...> Члены коллегии НКИДа больше не входят <...> в Исполком Коминтерна <...> прекратился вообще контакт между нами. Необходимо неофициально устраивать совещания членов коллегии НКИД с руководящими членами ИККИ <...>, чтобы международная политика РСФСР и Коминтерна не были в состоянии антагонизма между собой». Молотов передал письма Зиновьева и Чичерина Ленину, предложившему руководителям ИККИ и НКИД проводить «совещания для информации и считать инцидент “закрытым”». В результате выработали форму контакта ИККИ и НКИД, утвержденную 8 декабря в Политбюро: так, полпредствам запретили финансировать местные компартии и вмешиваться во внутрипартийные дела. «Вопросы, касающиеся конфликта Коминтерна с Мостовенко», обсуждались на заседаниях Политбюро в августе и сентябре 1921 г., но лишь в январе 1922 решили считать конфликт «ликвидированным»¹.

Проблема оставалась не урегулированной из-за позиции Зиновьева, писавшего 16 августа 1921 г. Мостовенко: «Это <...> сказки, будто Чехословацкая партия получала от Коминтерна какие-то громадные суммы», как и слухи о «мнимой деморализации, будто внесенной в ряды чехословацких коммунистов агентами Коминтерна <...> требуем <...>, чтобы созданием подобных легенд Вы не мешали работе Коминтерна»². Конкретизируя обвинения в адрес Коминтерна, Мостовенко информировал Чичерина: «Бенешу стало известно содержание разговора Зиновьева с частью делегатов Коминтерна <...>».

¹ Коминтерн и идея мировой революции... № 85. Письмо Зиновьева и Радека в ПБ ЦК РКП(б) об отношениях НКИД и Коминтерна. 13 августа 1921 г. С. 306; № 86. Письмо Чичерина Молотову о том же. 14 августа. С. 307–309; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн... № 52. С. 92–94; № 58. С. 100; См.: Нежинский Л.Н. Указ. соч. С. 111–112; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний, 1919–1952: Каталог. Т. 1. М., 2000. С. 114, 145–146.

² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53931. Л. 35, 36.

благодаря коренной ошибке <...> в налаживании работы со стороны Коминтерна, за границей образуются милые советские уголки, со всеми присущими им недостатками». Вы, продолжал дипломат, общаете о решении отделить «организацию Коминтерна от аппаратов наших Миссий», но формальное отделение не даст результата, «мне ясно до чего оторваны от местной жизни <...> товарищи, выступающие здесь под титулом “представителей Коминтерна”»¹.

В сентябрьских письмах Мостовенко сообщал в НКИД: «...кто-то из служащих Коминтерна состоит... информатором Чех[ословацкого] пра[вительства] <...> мои сообщения Вам о здешних Коминтернских и партийных делах встретили со стороны Коминтерна вполне ведомственное отношение <...> Тов. Зиновьев разъясняет мне <...>, что Коминтерн не снабжал здешние места крупными деньгами <...> упоминает о праве Коминтерна требовать от полпредов, чтобы они своими паническими сообщениями не мешали работе Коминтерна». Важно, писал Мостовенко, «чтобы Коминтерн не мешал сам себе и нам в нашей... законной работе»; он объяснял: не следует «представлять... замыслы М[алой] Антанты слишком плоско». Румыно-польский военный союз позволяет трактовать вступление Польши в Малую Антанту как факт, который обернет этот союз «острием против нас». И далее: «Возмутительная бумага, полученная мною от т. Зиновьева <...> подчеркивает болезненность вопроса <...> насколько Наркоминдел склонен поддержать меня на моей позиции»².

Более объективно, чем Исполком Коминтерна, оценил в октябре 1921 г. политику Малой Антанты депутат Народного собрания от КПЧ Б. Шмераль. Отметив особенности географического положения и национального состава Чехословакии, депутат протестовал против превращения чешскими правящими кругами ЧСР в орудие «французской политики, которая привела бы нас к <...> противоречиям с Германией и Россией». Вместе с тем, констатировал Шмераль, Франция не смогла превратить Малую Антанту в «слепое орудие своих интересов»³. Направленные в Прагу рекомендации НКИД показали, что в целом его руководители разделяли оценки Мостовенко,

¹ Мостовенко – Чичерину. 16 и 25 августа 1921 г. // Там же. Д. 53930. Л. 7, 13. См. также: Пятницкий В.И. Заговор против Сталина. М., 1998. С. 217 (Проект положения об отделениях Коминтерна за границей и представителях Разведупра и ВЧК. 8 августа 1921 г.).

² Письма Мостовенко Чичерину и Литвинову // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53930. 2, 8, 25, 26 сентября 1921 г. Л. 30, 40, 69, 70, 77–78. В марте 1921 г. Польша и Румыния подписали военную конвенцию.

³ ДМИСЧО. Т. I. № 405. С. 446–448. Шмераль – член ИККИ с 1922 г.

склоняясь к реальной политике в отношении ЧСР¹. Чичерин 17 ноября 1921 г. также получил от Политбюро указание дать письменную директиву Мостовенко: особой инициативы в коминтерновских делах не проявлять, но по возможности содействовать «революционному процессу»².

Определенному реализму в советско-чехословацких отношениях способствовали переговоры Бенеша и Чичерина на Генуэзской конференции: их следствием стало подписание 5 июня 1922 г. Временного договора между ЧСР и РСФСР без признания сторон де-юре, но с учреждением в столицах официальных представительств³. Мостовенко с октября 1922 г. стал полпредом. Правда, чешский представитель в Москве Й. Гирса, ссылаясь на публикации в «Правде», сообщал о тесных отношениях Советской власти и Коминтерна⁴. Но все же Наркоминдел придерживался определенной линии в чехословацком вопросе, что подтвердили инструкции Литвинова Юреневу, сменившего Мостовенко на посту полпреда в феврале 1923 г.: «...соперничество на почве панславизма» и территориальные споры поддерживают «атмосферу вражды между Чехословакией и Польшей», поэтому у ЧСР возникает политическое тяготение к России как противнику Польши⁵. Позднее, по словам Лапиньского, возглавившего Отдел дипломатической информации (ОДИ) НКВД в Берлине, разногласия между Польшей и Чехословакией обусловили стремление ЧСР к тому, чтобы политика Малой Антанты «проходила по диагонали британских и французских интересов»⁶.

В отношении Польши колебания большевиков между реальной политикой и революционной геополитикой были гораздо серьезнее, но Рижский мир временно устраивал РКП(б) и КРПП. Об этом свидетельствует содержание адресованной Дзержинскому записки одного из членов ЦК КРПП от 12 апреля 1921 г.: «Следует

¹ НКВД – Мостовенко. 12 сентября 1921 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53931. Л. 48; ДМИСЧО. Т. I. № 410. Письмо Чичерина Мостовенко. 17 ноября 1921 г. С. 455–456.

² См.: Нежинский Л.Н. Указ, соч. С. 112–113.

³ ДВП СССР. Т. V. № 180. С. 441–446.

⁴ AMZV ČR. PZ. Moskva. 1922. 10.9. Č. 150; См., напр.: К. Радек «Роман и Людмила» // Правда. 1922. 3 сентября. В переписке ЦК партии эсеров с Бенешем министр фигурировал под псевдонимом Роман, а Советская Россия – Людмила. В статье Радек писал, что ИККИ намеревался послать его в Прагу для проведения легальных переговоров с КПЧ и реабилитации Коминтерна, но Бенеш запретил въезд секретаря ИККИ в страну, ссылаясь на отрицательное отношение к «австрофилу» Радеку общественного мнения ЧСР.

⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53960. Л. 13.

⁶ Информация Лапиньского о Польше. 12 июля 1923 г. // Там же. Ф. 1656. Оп. 2. П. 5. Д. 27. Л. 3.

прекратить всякую активную подрывную деятельность и все вести в пределах разведки. Посему прошу Вас <...>, чтобы ведающие этими делами инстанции дали всем своим работникам соответствующие инструкции»¹. Аналитики НКВД писали: «Границы между Советскими Республиками и Польшей, отделяя нас от Литвы (т. н. Восточным Коридором), проведены значительно на восток <...> против линии Керзона. Эта граница представляет для нас политически тот интерес, что, удовлетворяя вожелениям польской военной и шовинистической партий, она может побудить поляков держаться за Рижский договор»². На заинтересованность как пилсудчиков, так и эндеков в том, чтобы «большевики удержались у власти» в целях сохранения Рижского мира, обращали внимание представители белой эмиграции³. Поверенный в делах Германии в Польше *Г. Дирксен*, отметив, что «нет другого правительства, кроме большевистского, признающего Рижский мир», так оценил в июле 1921 г. международное положение Польши: «Отношения с Литвой и в целом с лимитрофами вследствие рейда Желиговского... неясные... примирения с Чехословакией не состоялось. Отношения с Россией вследствие второго издания в Риге Брестского мира грозят в будущем опасностями. Польские желания в Данциге остаются невыполненными. Восточная Галиция еще в неопределенном состоянии»⁴.

Политика Польши, как внутренняя, так и внешняя, отражала борьбу между эндеками и пилсудчиками. По мнению эндеков, осью польской государственности являлась линия «Данциг – Катовице», а пилсудчики считали таковой ось «Вильно – Львов»⁵. Генштаб Польши стремился к полонизации окраин в границах Рижского договора и в дальнейшем к расчленению «России путем отрыва от нее Украины, а также Белоруссии». Офицеры генштаба констатировали: Рижский договор отвергает большинство русской эмиграции, являющейся носителем «идеи великодержавной России», необходимо расширить влияние группы Савинкова, «отказывающейся от идеи великодержавной России»⁶. Определяющую роль в советско-польских отношениях играл начальник государства. Атташе по печати

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 123. Д. 1. Л. 81.

² АВП РФ. Ф. 122. Оп. 4. П. 7. Д. 15. Передано в секретариат наркома 27 мая 1921 г. Л. 53.

³ Бережанский Ник. Польско-советский мир в Риге // Историк и современник. Берлин. 1922. Т. 3. С. 150.

⁴ ADAP. Bd. V. Göttingen, 1987. № 78. S. 160.

⁵ Боровский В. К десятилетию Польской Республики // МЖ. 1928. № 12. С. 36.

⁶ ДМИСПО. Т. IV. № 8. Записка начальника II отдела Генштаба польской армии И. Матушевского об использовании групп Савинкова и Петлюры. Апрель 1921. С. 22.

полпредства в Берлине С.А. Раевский писал в июле, а затем в ноябре 1922 г.: «Вертикальное расслоение» России на составные национальные части <...> остается <...> основой всего мировоззрения Пилсудского». Польша, по его убеждению, «должна руководить восточно-европейской политикой, а не мириться со скромной ролью послушного исполнителя поручений и воли великих держав. Если он решится <...> жить в мире с Сов[етской]Россией, то пути соглашения с ней <...> целесообразно <...> с точки зрения престижа Польши находить путем непосредственных переговоров». В этом был смысл приглашения Литвинова в Варшаву и свидания с ним Пилсудского¹. Общался с начальником Польского государства и Чичерин, будучи проездом в Варшаве в конце сентября – начале октября. Нарком отметил: «...неблагоприятное впечатление было произведено на меня беседой с Пилсудским. Это человек без систематической политической мысли, человек чувства, бестолково болтливый, причем помимо его воли все время просвечивала вражда к России вообще и также к Советской России»².

Эндеки были заинтересованы в территориальном статус-кво, стремясь к укреплению позиций Польши на ее западных и северных рубежах, а на востоке – к *инкорпорации* земель, полученных по Рижскому миру. Одновременно *Дмовский* выступил с программой возвращения Польше Данцига и ликвидации Восточной Пруссии с превращением ее в связанное с Польшей квазигосударство, предлагая взамен присоединение к Германии Австрии, что усилило бы южногерманские земли в противовес Пруссии³. Эндеки, по мнению *ЦК КРПП*, «не видят в настоящий момент выгоды в разгроме Советской России <...> Польша не была бы в состоянии его использовать», а могла бы «потерять Восточную Галицию, не говоря уже о Вильно <...> первая же неудача была бы концом Бельведера (резиденция Пилсудского. – В.З.)»⁴. По словам Чичерина, представляемое эндеками «мирное течение основывается <...> на стремлении польской буржуазии найти опору в экономических сношениях с нами, чтобы не дать поглотить себя Франции»⁵.

¹ РГАСПИ. Ф. 504. Оп. 1. Д. 270. Л. 7, 22–24. Раевский (Нейман) был заместителем руководителя ОДИ НКВД. Литвинов, будучи в Варшаве проездом, 4 августа 1922 г., был принят Пилсудским.

² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 76. Д. 1096. Л. 85.

³ Dmowski R. Op. cit. S. 256.

⁴ ДМИСПО. Т. IV. № 58. Тезисы доклада членов ЦК КРПП Г. Ляуэра, Ф. Фидлера. 29 сентября 1921 г. С. 84.

⁵ Большевицское руководство... № 138. Чичерин – Сталину. 22 ноября 1921 г. С. 225.

Противоречивость внутренней и внешней политики Польши отражала двойственная политика польских властей в восточных воеводствах: с одной стороны, они стремились привлечь на свою сторону украинскую и в меньшей степени белорусскую общественность; с другой – стремились к ассимиляции непольского населения восточных кресов и отказывались дать автономию Восточной Галиции, что способствовало сохранению там антипольских настроений. Даже близкая пилсудчикам газета «Kurier Roganny» писала о необходимости создания Русинского министерства при польском МИД и предоставлении автономии Восточной Галиции¹. Председатель СНК Украины и глава НКВД УССР Х.Г. Раковский, ссылаясь на захваченные красноармейцами документы начальника штаба Украинской повстанческой армии Тютюнника, отмечал: «...поляками издан во Львове тайный приказ... ко всему польскому населению, чтобы оно в случае приказа Антанты эвакуировать восточную Галицию восстало и что поляками для этой цели тайно роздано оружие и создана подпольная организация»². Австрийский консул во Львове Вурзьян сообщал 27 марта 1922 г. в Вену о нарушении Польшей Сен-Жерменского договора с Австрией о признании государственной самостоятельности Восточной Галиции³.

Варшава, в свою очередь, обвиняла Москву во вмешательстве во внутренние дела Польши. Польское представительство в Берлине сообщало своему МИД в октябре 1921 г.: «...большевистская агитация в Польше опирается на помощь еврейского Бунда и коммунистических организаций железнодорожников», советских представительств в Берлине, особенно торговой миссии, ведущих секретную переписку со своими агентами в Польше⁴. Польское правительство заявляло, что на территории Советской Украины находятся галицийские военные формирования и советские власти готовят восстание на отошедших к Польше по Рижскому миру землях с целью «отрыва кресовых повятов (окраинных уездов. – В.З.)»⁵.

Большевики оправдывали свою активность в регионе набегами банд с польской территории. На Правобережной Украине действовали отряды Петлоры, заключившего весной 1921 г. договор с поляками о совместных действиях против УССР, а в Белоруссии – банды

¹ Пресса Польши. Август 1921 г. // АВП РФ. Ф. 188. Оп. 1. П. 3. Д. 22. Л. 3–4.

² Нота СНК УССР – МИД Польши. 28 сентября 1921 г. // Там же. П. 2. Д. 9. Л. 3.

³ ÖSTA. NPA. Liasse Polen. K. 651. 9/3. Fol. 130.

⁴ AAN. Ambasada RP w Berlinie. Sygn. 1106. K. 102.

⁵ ДВП СССР. Т. IV. № 97. Ноты правительства Польши и СНК УССР. 29 апреля и 26 мая 1921 г. С. 142. См. также: Historia dyplomacji polskiej... S. 184.

Савинкова и Булак-Балаховича, военные операции против которых продолжались до осени 1922 г. «Конечно, у нас “самые хорошие” отношения и с Польшей, и с Румынией», которые «готовятся к войне <...> с Россией», – заявил Сталин в декабре 1921 г. Ленин тогда же предложил IX Всероссийскому съезду Советов принять специальную резолюцию «против политики авантюры Польши... если авантюристские шалости с бандами <...> не прекратятся <...>, то мы поднимемся на всенародную войну». Но реальные возможности России исключали широкомасштабные военные действия¹. Однако ни Москва, ни Варшава не были заинтересованы в нагнетании взаимной напряженности. В марте 1922 г. НКВД и польский МИД обменялись нотами, отношения между соседями несколько нормализовались².

На проходившей в апреле–мае 1922 г. Генуэзской конференции советская делегация заявила, что Польша препятствует свободе волеизъявления и самоопределения населения Восточной Галиции. Галичане вручили участникам форума меморандум с протестом против включения Восточной Галиции в состав Польши, что стало для Ллойд Джорджа поводом рассмотреть на конференции спорные проблемы востока Центральной Европы. Лишь угроза польской делегации покинуть Геную и заявления части делегатов, что конференция посвящена экономическим, а не пограничным вопросам, заставили британского премьера отозвать свое предложение³. Положение на Генуэзской конференции советской делегации было сложным, но подписание Рапалльского договора сняло с нее ответственность за несостоявшееся соглашение в ходе полуофициальных переговоров с западными державами. Благодаря договору в Рапалло Советская Россия вышла из изоляции, создав прецедент в международно-правовой сфере, заложила основы для широкого сотрудничества с Германией. «После Генуи наше положение в Германии самое благоприятное...» – констатировал Чичерин⁴. Однако в августе 1922 г. в письмах из Берлина Сталину нарком отметил, что в Генуе был упущен шанс достичь компромисса с Ллойд Джорджем; он критиковал «раз-

¹ Сталин И.В. Перспективы // Соч. Т. 5. С. 120; Ленин В.И. Письмо в Политбюро по поводу резолюции IX Всероссийского съезда Советов о международном положении // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 287. См. подробнее: Мельтюхов М.И. Положение на границах с Польшей и Румынией и планы Красной армии (1921–1922 гг.) // ОИ. 2005. № 1. С. 132–140.

² ДВП СССР. Т. V. № 81. С. 145–147.

³ Там же. № 140. С. 281; Historia dyplomacji polskiej... S. 199.

⁴ См.: Случ С.З. Германия и СССР в 1918–1939 годах: мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). М., 1995. С. 40.

брод разных ведомств» и утверждал, что «нужна... модернизированная всесторонняя политика»¹. Позднее (в декабре 1923 г.) Раковский писал Литвинову: возможно, нам удалось бы помешать формальному признанию аннексии Восточной Галиции Антантой в 1923 г., если бы в Генуе мы проявили «наше сочувствие к Восточной Галиции в тот момент, когда вопрос был поставлен Ллойд Джорджем»². Генуэзская конференция также показала, что для возвращения в европейскую политику, Советская Россия должна решить проблемы, стоящие перед ней как региональной державой³.

Рапальский договор способствовал также нормализации советско-польских отношений, так как через Польшу осуществлялась советско-германская торговля. В июле 1922 г. Германия сняла действовавшее с июля 1920-го эмбарго на экспорт в Польшу. Тем не менее большевики долго опасались превращения восточных воеводств Польши в плацдармы борьбы против УССР и БССР. Этому способствовали и провокации белой эмиграции. Так, издаваемая в Варшаве под патронажем Савинкова газета «За свободу» напечатала текст секретного военного соглашения между Советской Россией и Германией, якобы подписанного наряду с Рапальским договором. Но уже на другой день газета была вынуждена опубликовать опровержение германского посольства⁴. Канцлер Й. Вирт заявил 29 мая 1922 г. в рейхстаге: «Рапальский договор не содержит никаких секретных политических или военных соглашений»⁵. Договор напомнил «почти забытый географический факт... Германия находится в центре между западными державами и Россией, и ее... следует рассматривать как мост между западными державами и Россией»⁶. Часть правонационалистических сил Германии подвергла ожесточенным нападкам и договор, и подписавшего его министра иностранных дел Ратенау, в июне 1922 г. он был убит членом ультраправой организации «Консул».

Советские дипломаты также по-разному оценивали линию Рапалло: Чичерин отдавал приоритет германскому направлению в советской внешней политике, считая, что договор закончил «триумф победителей» в мировой войне, положив начало «появлению

¹ См.: Нежинский Л.Н. Указ. соч. С. 137–138.

² РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 8. Л. 10.

³ Кен О.Н., Рупасов А.И. Указ. соч. С. 80.

⁴ AMZV ČR. ZÚ. Nemecko. Berlin. PV. 1922. 5.5. Č. 62.

⁵ Советско-германские отношения от переговоров... Т. 2. № 310. С. 551.

⁶ Там же. № 312. Из речи члена германской делегации на Генуэзской конференции В. Мейнеля перед правлением Союза германской промышленности. Июнь 1922. С. 555.

новых международных политических сил». Литвинов, представляя англо-саксонскую ориентацию, видел в договоре прагматическую цель: дипломатические отношения с Германией¹. Ленин же писал 28 августа своему заместителю *Каменеву* и Сталину: «С Германией теперь надо быть “мудрым аки змий”. Ни слова лишнего. Не “дразнить” зря ни Франции, ни Англии <...> ни слова с призывом не исполнять Верс[альского] договора» (передовица «Правды» 27 августа 1922 г. под заголовком «Против версальского ига» призывала народ Германии отказаться от выполнения условий Версальского договора)².

Ситуация требовала от большевиков осторожности, но акции Коминтерна и силовых ведомств нередко противоречили российским государственным интересам. В мае 1922 г. полпред в Берлине Н.Н. Крестинский сообщал: «Мы сильнее всего нуждаемся в сохранении Рапалльского германо-русского договора. Для этой цели нам необходим Вирт... Между тем от коммунистов идет кампания за свержение Вирта и за создание чисто рабочего правительства <...> с большим влиянием шейдемановцев (правых социал-демократов. – В.З.), главных противников Рапалльского договора». Участвовал в этой нежелательной для РСФСР кампании против Вирта секретарь ИККИ Радек³. Усугубляла ситуацию в регионе и компартия Германии. Резолюция данцигской организации КПГ констатировала в августе 1922 г.: «Данциг имеет большое значение экономическое и военное. Это – узел не только интересов Польши и Германии, но и государств Антанты... Создание сильной коммунистической организации необходимо... она может нам помочь в нашей германской работе»⁴.

В то же время кампанию против правительства Вирта усилили правонационалистические силы, которые способствовали приходу к власти в ноябре 1922 г. кабинета В. Куно, начавшего откровенный саботаж выплаты репараций. Незадолго до этого, в сентябре, послом в Москву назначили Брокдорфа-Ранцау. Еще до назначения он писал: мировая революция остается главной целью советского правительства, «изменения его внутренней и внешнеполитической деятельности являются только тактическим маневром... Военные экспери-

¹ Дух Рапалло: Советско-германские отношения. 1925–1933. Екатеринбург; М., 1997. С. 5.

² Ленин В.И. Неизвестные документы... № 399. С. 547, 548.

³ АВП РФ. Ф. 165. Оп. 5. П. 8. Д. 22. Л. 33; См. также: ADAP. Bd. VI. Göttingen, 1988. № 85. S. 173.

⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 123. Д. 15. Л. 83.

менты в России и с Россией сегодня бессмысленны <...> Сект и его люди питают иллюзию, что сегодня возможна “политика Бисмарка”. Но Россия больше не империя Александра I и Николая I»¹. Однако после начатой кабинетом Куно «политики катастроф» Брокдорф-Ранцау спросил в декабре у Троцкого о «хозяйственно-технических» (военных) пожеланиях и политических целях России в отношении Германии «в связи с военным давлением Франции против нас». Председатель РВСР ответил: все зависит от экономического положения наших стран, поведения Германии в случае нападения Франции. Если Польша по указанию Франции захватит Силезию, то «мы <...> вмешаемся!» Брокдорф-Ранцау расценил заявление Троцкого как «политический успех» для Германии². В целом при правительстве Вирта (май 1921 – ноябрь 1922 г.) и в первые месяцы правления кабинета Куно советско-германские отношения развивались поступательно.

По словам Й. Гирсы, германофильство в России зашло так далеко, что часть русских коммунистов отдает предпочтение немецким, а не чешским коммунистам, да и последние поддерживают немецкую активность в ЧСР³. С другой стороны, большевики возлагали надежды на сотрудничество с националистическими организациями Восточной Пруссии. В августе и октябре 1921 г. состоялись неофициальные контакты между представителями последних и доверенными лицами советского полпредства в Каунасе: рассматривались вопросы о военной помощи Красной армии, координации действий «на случай войны между Россией и Польшей» и разведывательных возможностях Кёнигсберга против Варшавы⁴. Между тем польские политики недооценивали потенциальную немецкую угрозу. 19 января 1922 г. Совет Министров на тайном заседании принял резолюцию, в основе которой лежал доклад начальника генштаба генерала В. Сикорского «Заграничная политика с точки зрения безопасности государства». Сикорский был противником Пилсудского и считал гарантией польской безопасности союз с Францией, видя врагов Польши в Германии и Советской России⁵. Пилсудский выступал за сближение с Германией, заявив в июне 1922 г. в ходе визита

¹ ADAP. Bd. VI. № 145, 171, 176. Записки Брокдорфа-Ранцау 8 июля, 3 и 15 августа 1922 г. S. 301, 357, 365.

² Ibid. № 289. Брокдорф-Ранцау – министру иностранных дел Ф. Розенбергу. 23 декабря 1922 г. S. 590–591.

³ AMZV ČR. PZ. Moskva. 1922. 30.6. Č. 125.

⁴ Секретная референтура // АВП РФ. Ф. 151. Оп. 7. П. 7. Д. 7. Л. 135–137, 145–146.

⁵ См.: Wapiński R. Władysław Sikorski. W., 1978. S. 103–104.

в Румынию: «Россия и Чехословакия бóльшие враги Польши, чем Германия»¹.

Согласно конституции 1921 г. главой Польского государства становился президент: после его избрания пост начальника государства упразднялся. Усилия Пилсудского, направленные на сохранение в своих руках диктаторских полномочий, оказались безрезультатными. Его политика вызвала разочарование в буржуазно-помещичьих и клерикальных кругах, поддержавших на ноябрьских 1922 г. парламентских выборах блок партий: Национальной демократии (эндэции) и Христианской демократии (хадэции) – Христианский союз национального единства» (или «Хьена», т. е. гиена, как его иронически прозвали в народе), который получил относительное большинство мест в сейме и сенате, на объединенном заседании которых избирался президент. Поэтому Пилсудский под предлогом ограниченности полномочий президента отказался баллотироваться на этот пост. Президентом в декабре 1922 г. был избран Ст. Войцеховский, а правительство возглавил Вл. Сикорский. Результаты выборов свидетельствовали об усилении в Польше позиции профранцузски настроенных кругов.

Выборы состоялись и в Восточной Галиции. Англия выступила против их проведения, но потом дала согласие при условии предоставления автономии Восточной Галиции. В июле 1922 г. министр иностранных дел Г. Нарutowич выдвинул проект создания Львовского, Станиславовского и Тарнопольского воеводств, содержащий элементы автономии в каждом воеводстве – сеймики и право голоса для украинского населения. Незадолго до выборов этот план, рассмотренный в польском сейме, вручили представителям западных держав. Проект опубликовали, но не реализовали². По сообщению австрийского консула в Львове от 12 сентября 1922 г., польский план напоминал бывшее русское земство, но вето русского губернатора не шло так далеко, как польского воеводы³. Державы Антанты признали выборы в Восточной Галиции, сделав очередной шаг навстречу требованиям Польши в галицийском вопросе.

Немалый интерес для большевиков представлял северо-восток Центральной Европы в связи с конфликтами между Литвой

¹ Научный архив ИРИ РАН. Ф. 18 ж. Д. 43. Сообщение австрийского посланника в Бухаресте от 15 июня 1922 года. Л. 136.

² Deruga A. Polityka Wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918–1919). W., 1969. S. 220; Historia dyplomacji polskiej... S. 203–204. (26 сентября 1922 г. польский сейм принял закон «Об основах общего воеводского самоуправления и в частности воеводств Львовского, Тарнопольского и Станиславского». – *Ред.*)

³ ÖSTA. NPA. Liasse Polen. K. 651. 9/3. Fol. 137.

и Польшей вокруг территориальной принадлежности Виленского края, Мемельской области и бассейна реки Неман, в которые были вовлечены Германия и западные державы. Не случайно в ходе работы III конгресса Коминтерна на встрече делегаций КРПП и Компартии Литвы (КПЛ) был одобрен выдвинутый на территории Срединной Литвы лозунг «Да здравствует Советская Литва, Советская Польша и Советская Россия»¹.

Как отмечалось, польско-литовский конфликт пытались разрешить структуры Антанты и Лиги наций. В 1921 г. под эгидой Лиги и председательством министра иностранных дел Бельгии П. Гиманса прошли переговоры Польши и Литвы о создании «бикантонального» польско-литовского государства. В мае этого года Гиманс заявил главе литовского правительства Э. Гальванаускасу: «...война между Россией и Польшей не исключена». По мнению Гиманса, «естественно созданные коридоры», существовавшие между Россией и Польшей, должны быть ликвидированы. Он спрашивал литовского премьера: «Вы сумеете удержать Вильно <...> он не будет коммунизирован?» И далее объяснял: «В связи с этим и возникла комбинация получения Вильно без общих границ с Россией»². В сентябре НКВД РСФСР указал Литве, а затем Польше: план Гиманса направлен «к умалению» независимости Литвы, не согласуется с Рижским договором и способствует желанию Франции «сплотить все прилегающие к западным границам Советских Республик государства»³. Депутаты от левых партий в литовском сейме отмечали: Вильно возвращается нам «в виде приманки», важным для Польши является «путь Варшава – Вильно – Ковно – Мемель, при помощи которого Польша <...> хочет сделать Литву своей провинцией». Правительство Литвы хотело принять план Гиманса, но в декабре 1921 г. в связи с антипольскими настроениями в обществе и армии сейм этот план отклонил⁴.

В январе 1922 г. прошли бойкотируемые литовцами, белорусами, евреями выборы в Виленский сейм: его депутаты провозгласили Виленщину «неотделимой частью Польши», поблагодарив Пилсудского за освобождение «от чужеземного ига»⁵. Польский

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 123. Д. 2. Л. 112.

² АВП РФ. Ф. 151. Оп. 7. П. 7. Д. 7. Л. 30; Илюхина Р.М. Лига наций. 1919–1934. М., 1982. С. 153, 154.

³ ДВП СССР. Т. IV. № 221. С. 338–339; № 311. Нота Чичерина поверенному Кнолло. 24 ноября 1921 г. С. 521.

⁴ Заседание Учредительного сейма Литвы. 23 сентября 1921 г. // АВП РФ. Ф. 151. Оп. 4. П. 6. Д. 14. Л. 9, 10; Справка полпреда Давтяна «Виленский вопрос после отклонения проекта Гиманса» // Там же. Оп. 5. П. 8. Д. 7. Л. 44.

⁵ Виленский вопрос. Сводка за февраль 1922 г. // Там же. Ф. 151. Оп. 5. П. 9. Д. 17. Л. 9–10.

сейм в марте ратифицировал это постановление. Англия и Франция не считали, что парламентские выборы разрешили Виленскую проблему, но готовы были изменить политику в этом вопросе в обмен на поддержку Польшей линии Запада на Генуэзской конференции¹. Представители Литвы заявили в Генуе: литовские границы установил договор с Россией от 12 июля 1920 г., а «между Литвой и Польшей <...> находится военный фронт»². Пурицкис отметил: Франция, соединяя Литву и Польшу, не дает «соединиться России и Германии <...>. Связываться с Польшей <...> не имеет никакого смысла, ибо в случае войны между Россией и Польшей <...> Россия нас не пощадит»³. Часть политиков в Каунасе выступала за сугубо официальный характер отношений с Москвой, но многие военные и дипломаты надеялись на помощь Советской России в будущей борьбе с Польшей⁴.

Польско-литовский конфликт большевики использовали в своих интересах. Чичерин в конце 1920 – начале 1921 г. обещал литовскому правительству дипломатическую помощь РСФСР в решении Виленского вопроса, требуя взамен гарантии от Литвы, что находящийся на ее территории глава правительства БНР В.Ю. Ластовский откажется от подрывной работы против Советской Белоруссии. В итоге Каунас перестал поддерживать белорусских националистов в их антибольшевистской деятельности⁵. Инструктируя 28 апреля 1921 г. нового полпреда в Каунасе С.И. Аралова, Чичерин заявил: бывшие западные окраины Российской империи превратились «из барьера в географических посредников <...> выделяется Литва <...>, с нами не воевавшая»; в Рижском мире нет тайных пунктов против Литвы, которой принадлежит переданная ей РСФСР суверенная власть над Вильно⁶.

Большевики обращали внимание и на проблему Мемельской области. В НКВД считали: «Польша заинтересована в Мемеле <...> Но всего более этот порт интересен для Литвы <...> В экономической будущности Литвы <...> существенную роль должен сыграть русский транзит <...> вопросы о Вильно и о Мемеле связаны между

¹ Сотрудник ИноРОСТА Ж.Л. Аренс – Чичерину. Берлин. 14 февраля 1922 г. // Там же. Ф. 1656. Оп. 1. П. 1. Д. 11. Л. 12.

² Меморандум литовской делегации в Генуе // Там же. Ф. 151. Оп. 5. П. 9. Д. 20. Л. 6.

³ Доклад Пурицкиса в комиссии сейма 19 мая 1922 г. // Там же. Оп. 7. П. 7. Д. 7. Л. 56–57.

⁴ Буткус З. Деятельность первого советского посла в Литве А.Е. Аксельрода // Россия и Балтия. Народы и страны. М., 2000. С. 125.

⁵ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2111. Л. 10, 11, 13, 16; Буткус З. Указ. соч. С. 122–123.

⁶ ДВП СССР. Т. IV. № 63. С. 85; № 64. С. 88–89.

собой, и получение Литвой только одного из них разрешит экономическую проблему Литвы наполовину»¹. Но с февраля 1920 г. в Мемеле находились французские войска. Британская газета «Manchester Guardian» писала: Мемельский край, расположенный «у бывшей русско-германской границы и располагающий длинным и доступным морским берегом... предназначается стать базой нападения на Россию»². Сменивший Аралова на посту полпреда в 1922 году Я.Х. Давтян отмечал: немецкое население Мемеля после обнародования плана Гиманса опасалось «присоединения Мемеля к Литве, а через нее к ненавистной ему Польше <...> литовский Мемель и польский Данциг создали бы для Восточной Пруссии польские щипцы. Литва перестала бы быть транзитным мостом в Латвию и Россию»³. После провала этого плана западные державы согласились отдать Мемель Литве при условии отказа последней от Вильно, но Каунас отверг этот обмен⁴. Конференция послов оставила город под контролем Лиги наций, а вопрос о Виленщине – открытым, хотя правительство РСФСР в декабре 1922 г. обратило внимание Антанты на свою заинтересованность в Мемеле, составляющем естественный рынок для русского сбыта⁵.

Политические и экономические интересы советских республик серьезно нарушал неопределенный статус Немана: его объявление международной рекой от Гродно до устья позволяло западным державам вмешиваться во внутренние дела Литвы и связать Польшу с Мемелем независимо от осуществления плана Гиманса. Не случайно конференция послов обещала признать Литву де-юре при условии ее согласия с интернационализацией Немана, но литовское правительство воспротивилось этому предложению. В итоге испортились отношения Литвы с державами Антанты, которые согласились на присоединение Виленщины Польшей де-факто, что облегчило польский нажим на Каунас⁶.

Советское правительство было против разрешения вопроса о Немане без участия России и Белоруссии. Весной 1922 г. Давтян

¹ Доклад о Мемельском вопросе. 8 декабря 1921 г. // АВП РФ. Ф. 151. Оп. 4. П. 6. Д. 14. Л. 29.

² Цит. по: Навицкас К. Литва и Антанта (1918–1920 гг.). Вильнюс, 1970. С. 66.

³ Справка Давтяна «Мемельский вопрос» // АВП РФ. Ф. 151. Оп. 5. П. 8. Д. 7. Л. 66, 68, 69.

⁴ Двухнедельный бюллетень бюро печати полпреда. Март 1922 г. // Там же. П. 9. Д. 18. Л. 14–15.

⁵ ДВП СССР. Т. VI. М., 1962. № 50. С. 110–111.

⁶ Раевский. О внешней политике Польши. Ноябрь 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 504. Оп. 1. Д. 270. Л. 23.

просил литовское правительство разрешить транзитный сплав русского леса по Неману, но выяснилось, что река закрыта и для польского, и для советского транзита, поскольку Литва «находится в состоянии войны с Польшей». Полпредство указало, что действия Литвы противоречат договору от 12 июля 1920 г., возложив на нее ответственность за понесенный ущерб¹. По мнению советских дипломатов, отказ объяснялся тем, что литовское правительство, «взяв курс на Англию, решило также заслужить благоволение Франции... По близорукости оно идет в вопросе о сплаве на конфликт»². Газета «Лайсве» писала: «Франция могла бы укрепить положение Польши, заглаживая причиненные Литве Пилсудским и Желиговским обиды»³. В 1922 г. Литва усложнила воздушное сообщение между РСФСР и Германией, требуя от советско-германского общества «Дерулюфт» промежуточной посадки самолетов на малопригодном для этого в осенне-зимних условиях аэродроме Каунаса⁴. Крестинский в связи с этим писал Литвинову 10 ноября: «...я думаю, что для Литвы, находящейся между Польшей, Германией и Латвией, из которых каждая не прочь присоединить себе известную часть Литовской территории, небезразлично, какую позицию мы будем занимать в ее спорах с соседями»⁵.

В целом советское руководство смогло использовать складывающуюся на западных рубежах России геополитическую обстановку для укрепления своих позиций внутри страны и на международной арене. Характерно заявление геополитика-сменовеховца П.Н. Савицкого: «...большевики <...> к середине 1921 г., действительно «собрали» Россию. «Невоссоединенными» остались не более 1/10 территории». Если большевики падут, «волна народной анархии захлестнет Россию. В обстановке этой анархии выхолзнут, как гады, самостийники <...> Создастся обстановка для интервенции <...> Россия <...> распадется не <...> фиктивно – но по-настоящему»⁶. Вместе с тем наличие в составе Польши крупных национальных

¹ Вербальные ноты полпредства РСФСР в Каунасе и МИД Литвы 22 марта, 14 и 29 апреля 1922 г. Письма Давтяна и министра иностранных дел Литвы Юргутиса. 3 и 17 мая 1922 г. // АВП РФ. Ф. 151. Оп. 5. П. 8. Д. 5. Л. 19, 36, 40–42; Д. 6. Л. 15, 17–18. См. также: ДВП СССР. Т. V. № 232. Нота Давтяна Юргутису. 10 августа 1922 г. С. 550–551.

² Обзоры. 1922 г. // АВП РФ. Ф. 151. Оп. 5. Д. 19. Л. 50–51.

³ Там же. Д. 21. Л. 4.

⁴ Переписка МИД Литвы и полпредства в Каунасе. Октябрь 1922 г. // Там же. Ф. 04. Оп. 27. П. 183. Д. 52012. Л. 51, 52, 53. См. о компании «Дерулюфт»: ДВП СССР. Т. V. Примечания. С. 724–725.

⁵ АВП РФ. Ф. 165. Оп. 5. П. 7. Д. 4. Л. 69.

⁶ Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 274.

меньшинств, этнически и культурно близких населению Советской Украины и Советской Белоруссии, антипольские ревизионистские устремления Германии и Литвы обусловили возможность вовлечения Советского государства в споры данных стран по территориальным проблемам. Данное обстоятельство и попытки Запада создать антисоветский санитарный кордон объясняли внимание большевиков к региону.

5.2. Завершение геополитической трансформации ЦВЕ в 1923 г. на фоне рецидива революционной стратегии большевиков

Начало политического кризиса в Центральной Европе обусловило обострение международной обстановки в связи с оккупацией франко-бельгийскими войсками Рурской области в январе 1923 г. Министр иностранных дел Польши А. Скиншинский признал в 1923 г., что 75 % польских границ подвергаются опасности, 20 % ненадежны и только 5 % безопасны¹. Поэтому часть польских политиков и военных считала возможным совместное франко-польское выступление против Германии, а Польша тем временем, воспользовавшись напряженной ситуацией в регионе, добилась от Антанты 15 марта признания своего «суверенитета» над Восточной Галицией. Накануне этого акта РСФСР и УССР направили западным державам ноты протеста², о которых Литвинов писал Крестинскому: «Посылкой отдельных нот... мы желали подчеркнуть особенную заинтересованность Украины в судьбе родственных галичан... украинская нота составлена в более резких и категорических выражениях, чем наша»³. Австрийские представители в Москве и Львове (консул) в марте сообщали в Вену: советские ноты поддержал глава правительства ЗУНР Петрушевич, призвавший оказать Польше сопротивление, не исключая возможности присоединения Восточной Галиции

¹ См.: Historia dyplomacji polskiej... S. 214.

² ДВП СССР. Т. VI. М., 1962. № 125. С. 222–226. В украинской ноте говорилось: «Акт оккупации польскими властями и войсками Восточной Галиции, где ¼ населения составляют украинцы, являлся в глазах Правительства Украины актом насилия... свыше 4 миллионов украинцев... были волей союзников поставлены в худшие политические условия, чем до войны». Правительство Украины заявляет «заранее, что оно будет считать недействительным всякое установление какого бы то ни было режима в Восточной Галиции без его предварительного согласия и без опроса самого населения».

³ АВР РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 78. Д. 49934. Л. 37.

к Советской Украине¹. В майских посланиях в пражское полпредство Чичерин отметил: «Аннексия восточной Галиции не есть усиление Польши, а есть создание для нее кровотокающей раны», поскольку устраняет «непосредственный контакт с Российской Федерацией, о котором Чехо-Словакия всегда мечтала», ЧСР поддерживает «Восточно-Галицийский ирредентизм». Мы должны использовать чешско-польский антагонизм и убедить Прагу в совпадении «государственных интересов Чехо-Словакии и России»².

В то же время ЧСР как член Малой Антанты была озабочена наметившимся в 1922 г. сближением Польши с Венгрией, которое «разрезает политическое кольцо, связывающее Венгрию». Бенеш пытался выяснить позицию Польши в случае возможного конфликта между Чехословакией и Венгрией по поводу Подкарпатской Руси и сепаратистского движения в Словакии. Одновременно МИД ЧСР пошел на обострение советско-чехословацких отношений, используя в качестве повода публикацию открытого письма Мостовенко, напечатанного 27 января 1923 г. в пражской газете «Die Wirtschaft», издаваемой на немецком языке. Чехословацкая пресса восприняла письмо полпреда как демонстрацию советско-германской дружбы и утверждала, что КПЧ блокируется с немецкими националистами в ЧСР³. Мостовенко писал, в частности, об игнорировании советского представительства чехословацкими властями, их поддержке эмигрантской «Российской миссии» и миссии Петлюры. НКВД РСФСР в своей ноте от 17 марта констатировал, что отмеченные Мостовенко факты являются помехой «к установлению более дружественных отношений между народами» ЧСР и СССР, и, не желая усугубления конфликта, назначил в феврале новым полпредом Юренева⁴.

После решения, как казалось Польше, проблемы Восточной Галиции, она активизировала политику против Германии. В марте 1923 г. глава польского Генштаба генерал Ст. Галлер призывал распространить польское влияние в Литве, опасаясь, что «русско-немецкое влияние в Латвии и Литве станет настолько сильным, что они утратят независимость и тогда не удастся удержать наш коридор (Восточный. – В.З.) и Вильно»⁵. Литвинов информировал 22 марта Юренева: «На основании имеющихся у нас сведений можно заключить, что поляки готовятся <...> к нападению весной

¹ ÖSTA. NPA. Liasse Polen. K. 651. 9/3. Fol. 146, 148–150.

² АВР РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53960. Л. 79, 83.

³ AMZV ČR. PZ. Moskva. 1923. 8.3. Č. 77a. 24.4. Č. 77a.

⁴ ДМИСЧО. Т. II. М., 1977. № 16. С. 31–33; № 23. С. 42–44.

⁵ ДМИСПО. Т. IV. № 198. С. 275.

на Вост[очную]Пруссию. Быть может, это является той ценой, которой поляки купили у Франции благоприятное для себя решение по вопросу об ее границах»¹. О планах захвата Польшей Восточной Пруссии также сообщал в Прагу чехословацкий консул в Риге, отметив при этом, что если советско-германское военное соглашение и существует, то в нынешней ситуации оно не имеет для Германии практического значения².

Поступавшая в Берлин информация о планах Варшавы заставила германские правящие круги обратиться за помощью к СССР. 15 января Радек сообщил Сталину о свидании своем и Крестинского с Сектом: «Главком <...> спрашивал нас, как будет реагировать Сов[етская] Россия на германо-польскую войну». России «теперь нельзя <...> воевать <...>, [но] мы <...> не можем быть уверены, что такая война оставила бы нас зрителями <...> удобная политика <...> говорить им, что они потеряли ужасно много времени, ничего не давая нам фактически»³. 17 и 22 января Крестинский информировал Литвинова: статс-секретарь МИД Германии Мальцан «боится, что <...> начнется германо-польская война». Крестинский сообщал, что Радек предлагал немцам укреплять советскую военную индустрию, а Германия хочет получить от нас вооруженную помощь, но РСФСР не должен «связывать себя конкретными обещаниями»⁴. В ответном письме Крестинскому Литвинов разъяснял: «...в Польше есть течение, толкающее Польш[ское]пра[вительство] на использование момента... [оно] взяло бы верх, если в Польше были уверены в нашей пассивности». Мы ограничились предостережением Польши в печати, хотя не разубедили «ни Польшу, ни Францию в отсутствии секретного соглашения с Германией. Не вижу большой беды в том, что такие подозрения существуют <...> мы не могли не указать на логическую связь между договором (Версальским. – В.З.) и нынешними событиями <...> Как будто бы у Германии не были отняты Верхняя Силезия, коридор, Данциг, Мемель». Литвинов также писал, что ему и Троцкому нанес визиты Брокдорф-Ранцау, «рассчитывая на нашу поддержку Германии», но нам «необходимо знать, как само Герм[анское] пра[вительство] будет реагировать на захват Рура и возможное выступление Польши»⁵. О нежелании РСФСР

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53960. Л. 35. Согласия Франции на захват Восточной Пруссии Польша не получила.

² AMZV ČR. ZÚ. Německo. Berlin. PV. 1923. 6.2. Č. 65. 16.3. Č. 65.

³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 78. Д. 49936. Л. 1–3.

⁴ Там же. Л. 5, 11. См. также: ADAP. Bd. VII. Göttingen, 1989. № 29. Записка Мальцана. 17 января. S. 68–69.

⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 78. Д. 49934. Л. 7–10.

провоцировать Польшу Литвинов информировал и советское полпредство в ЧСР¹.

Упомянутые советско-германские встречи и дипломатическая переписка осуществлялись в рамках постановления Политбюро ЦК РКП(б) от 18 января: «Поручить РВСР в срочном порядке разработать план <...> сосредоточения необходимых сил на западном фронте». «Правде» и «Известиям» было дано указание «напечатать статьи о польских авантюристах, стремящихся к нападению на Германию». Крестинскому поручалось «выяснить политику германского правительства в связи с занятием Рура и возможностью выступления Польши»².

К возможности достичь советско-германского соглашения в военно-политической сфере Брокдорф-Ранцау относился скептически, заметив: «это прежняя Россия могла вести “освободительную войну” á la 1812 за Германию». По его мнению, целью советского правительства была мировая революция. Тем не менее в феврале в Москве прошли переговоры между делегацией, которую возглавлял представитель министерства рейхсвера генерал-майором О. Хассе и советскими военными во главе с зампредела РВСР Э.М. Склянским (вместо заболевшего Троцкого), в ходе которых обсуждались вопросы о совместных военных действиях против Польши с участием Литвы в качестве союзника; немецких военных поставках и финансовой помощи; восстановлении советских военных заводов. После переговоров Брокдорф-Ранцау спросил Чичерина о реакции России в случае оккупации Польшей части немецкой территории. Нарком уклонился от прямого ответа, отметив, что «наши силы едва ли достаточны» и неизвестно, как отнесутся к Красной армии в Германии в случае ее там появления³. Но в донесении Куно 21 марта Брокдорф-Ранцау сообщил и о другом заявлении Чичерина: «...дружественные отношения германского и русского правительств важнее революционного взрыва»⁴.

Большевики внимательно следили за подготовкой Польши к возможным акциям против Германии. Серьезно воспринимались польские планы в отношении Данцига: его стратегическое значение для России продемонстрировала советско-польская война 1920 г.,

¹ Литвинов – Мостовенко. 2 февраля 1923 г. // Там же. Оп. 43. П. 276. Д. 53960. Л. 5.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 313. Л. 6–6 об.

³ ADAP. Bd. VII. № 102, 109, 118. Записки Брокдорфа-Ранцау. 21 и 24 февраля, 1 марта 1923 г. S. 227–228, 247, 269–274; № 105. Записка атташе посольства в Москве А. Хенке. 23 февраля 1923 г. S. 239–241; № 125. Записка Брокдорфа-Ранцау. 6 марта 1923 г. S. 302–304; Горлов С.А. Указ. соч. С. 79–80.

⁴ ADAP. Bd. VII. № 157. S. 372–375.

когда через порт «вольного города» Антанта пыталась снабжать Польшу всем необходимым для ведения военных действий. Данциг стал к тому же базой Разведупра: бывшие советскими информаторами польские граждане ездили в «вольный город» без виз и на его территории были гарантированы от посягательств польской полиции¹. Чичерин подчеркнул в марте: призыв в Польше «на учебные сборы, заем у Франции и газетная шумиха по поводу Данцига заставляют нас задуматься <...> Может создаться положение, при котором польские мероприятия будут вызывать наши мероприятия и обратно, и затем еще раз обратно и т. д. – обычный принцип лавин <...> Мы <...> считали бы крайне для нас <...> опасным переход Данцига в польские руки»². Литвинов сообщил информацию о приготовлениях Польши к захвату Данцига Брокдорф-Ранцау, советуя «заблаговременно поднять шум вокруг этого вопроса в <...> прессе, чтобы Европа не была застигнута врасплох»³. Москва, в свою очередь, получила из Берлина текст секретного румыно-польского договора, носившего антисоветскую направленность⁴. Правда, аналитики ОДИ НКВД, ссылаясь на «польские источники», утверждали, что не ожидают «никакой авантюры со стороны Польши против Данцига». Глава торгового департамента МИД Польши Г. Тенненбаум заявил: для Польши характерна «некоторая пресыщенность» в территориальном отношении⁵. Хотя Литвинов по другому поводу позднее заметил: «В Коллегии (НКВД. – В.З.) не раз отмечали определенный полонофильский уклон» товарищей из ОДИ⁶.

Тем временем польские правящие круги усиливали политическое давление на Данциг: в апреле премьер-министр Сикорский и президент Войцеховский совершили демонстративные поездки в Поморье (Данцигский коридор). 28 апреля Войцеховский, выступая в местечке Картузы, дал понять, что Польша для защиты своих прав в «вольном городе» не остановится перед его присоединением. Имея в виду французскую оккупацию Рура, польские газеты писали: «Гданьск должен запомнить: как Франции надоело нарушение Германией Версальского договора, так и Польше может надоест

¹ Беседовский Г.З. Указ. соч. С. 66.

² Чичерин – Лапинскому. 23 марта 1923 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 77. Д. 49933. Л. 11.

³ Там же. П. 78. Д. 49941. Л. 3.

⁴ Из беседы член коллегии НКВД А.А. Штанге с Мальцаном. 14 апреля 1923 г. // Там же. Л. 11.

⁵ Раевский – Чичерину. 7 апреля 1923 г. // Там же. Ф. 1656. Оп. 2. П. 5. Д. 26. Л. 5.

⁶ Литвинов – в коллегию НКВД. Октябрь 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 4. Л. 165.

нарушение Версальского договора Гданьском»¹. В мае для оказания давления на данцигские власти в город неофициально прибыл генерал Желиговский, войска которого в 1920 г. захватили Вильно. Посланник Вены в Варшаве сообщал в мае в австрийский МИД: правая польская пресса прямо предлагает оккупировать Данциг, но польское правительство предпочитает пока добиваться присоединения «вольного города» легальным путем².

В конце мая к власти в Польше пришла откровенно профранцузская правоцентристская группировка, сформировавшая коалиционное правительство «Хьена» – «Пяст» во главе с Витосом. Новые власти активизировали политику против Германии, Литвы и Данцига, надеясь на поддержку Францией своих военных акций. Польские намерения в этом вопросе, отметил в июне посланник Австрии в Польше, подтверждают майские переговоры в Варшаве Фоша и его встреча с Пилсудским в Париже³. Германия, в свою очередь, писал в июне посланник Австрии в Венгрии, ведет подготовку к обороне от польского наступления. Министр внутренних дел Пруссии К. Зеверинг привлек к этой работе бывших офицеров генштаба⁴. 20 июня МИД Польши отправил Совету Лиги наций ноту, в которой потребовал практического применения статьи 104 Версальского договора, но Совет в резолюции от 7 июля отметил, что правовой основой польско-данцигских отношений остается Парижская конвенция 1920 г. Это решение означало крушение польских надежд на изменение статута Данцига через Лигу наций. В связи с польским демаршем в Лиге «Правда» писала: «...партии, господствующие в Польше в настоящее время, гораздо воинственнее сторонников Пилсудского, и их печать не раз уже требовала оккупации Данцига»⁵. На военную оккупацию Данцига Польша не решилась: ее экономика и финансы находились в состоянии глубокого кризиса, страну сотрясали революционные выступления польских трудящихся и национальные движения в восточных воеводствах. Ухудшилось международное положение Польши – политика Франции в Руре привела к развалу Антанты, изменив соотношение сил в Европе в пользу Англии, противницы аннексионистских польских планов в регионе.

¹ Gazeta Gdańska. 1923. 13, 15, 26 IV. 1, 8, 9, 16 V.

² ÖSTA. NPA. Liasse Danzig. K. 539. 2/2. Fol. 75, 77.

³ ÖSTA. NPA. Liasse Polen. K. 642. 2/1. Fol. 465. См. также: Historia dyplomacji polskiej... S. 214. «Пяст» – правая крестьянская партия во главе с В. Витосом.

⁴ ÖSTA. NPA. Liasse Polen. K. 642. 2/1. Fol. 462.

⁵ Правда. 1923. 18 июля. См.: Версальский мирный договор. М., 1925. Отдел XI. Вольный город Данциг. Ст. 104. С. 50–51.

Обострение международной обстановки активизировало деятельность Коминтерна, выступившего против «революционной замкнутости» Советской России. Зиновьев *заявил в апреле на XII съезде РКП(б): «Наша международная политика <...> определяется результатами первой мировой империалистической войны и географией, развивающейся на наших глазах мировой пролетарской революции <...> Наша стратегия проста: если придется вмешаться, то как можно позже»*¹. Красин, критикуя выступление Зиновьева, утверждал: «...в области внешней политики нам нужен своего рода “нэп”»². Заместитель председателя бюро ИККИ *Бухарин обратил внимание делегатов съезда на «конфликты между мелкими хищниками <...> Польшей и Чехо-Словакией», необходимо «сознательное использование со стороны Коминтерна... данной политической конъюнктуры»*³.

Германские политики поддерживали прагматиков в советском руководстве. В мае в германском посольстве в Москве состоялась беседа члена коллегии НКВД А.А. Штанге с экс-министром иностранных дел Германии А. Кёстером, заявившим: «Мы, социал-демократы Германии, переживаем глубочайшую трагедию <...> правильной целью внешней политики Германии было бы сближение с Россией <...> проводить эту политику нам <...> мешают партийные разногласия с коммунистами, которые в Германии как бы монополизировали право говорить от имени России»⁴. Брокдорф-Ранцау, обращаясь к Штанге, сообщил: «Я показал ему (Кёстеру. – В.З.) мои секретнейшие документы, в которых пишу, что только единение с Россией может спасти Германию от обращения в страну илотов <...> удалось убедить его в том, что интересы рабочего класса Германии и германского государства <...> требуют идти по пути сближения с Россией. Я посоветовал ему, чтобы в <...> беседе с <...> Чичериным или <...> Литвиновым он коснулся не столько вопросов внешней политики России, <...> сколько <...> позиции социал-демократов в русско-германских отношениях»⁵. В мае германское посольство

¹ Двенадцатый съезд РКП(б)... С. 12, 16.

² Там же. С. 128, 130.

³ Там же. С. 261, 284.

⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 78. Д. 49941. Л. 22. Так, газета «Die Rote Fahne» 22 апреля 1923 г. опубликовала статью «Bereitschaft im Osten» («Готовность на Востоке»), автор которой писал о подготовке Советской России в ближайшее время к наступательной войне – «как соломинку растопчет русская армия польскую стену» – и сообщал о якобы своем присутствии на «конфиденциальном совещании», проведенном Тухачевским в штабном вагоне. Германское посольство в Москве докладывало в Берлин: «Россия (...) раньше зимы воевать не в состоянии, а зимой “славяне вести войны не любят”». См.: АВП РФ. Ф. 1656. Оп. 2. П. 5. Д. 24. Л. 43–44, 34.

⁵ Там же. Ф. 04. Оп. 13. П. 78. Д. 49941. Л. 23.

в Москве – «на основании разговоров с Чичериным» – констатировало советские «успехи “континентальной” ориентации, рассчитанной на <...> сближение с Германией», заметив, что идея «континентального блока» позаимствована наркомом у министра финансов С.Ю. Витте¹.

Переписка советских и германских дипломатов в январе–мае свидетельствовала о благоприятных возможностях для развития советско-германских отношений, однако не убеждала в наличии стремления сторон к военно-политическому альянсу. Брокдорф-Ранцау писал Куно 29 июля: «О политическом или военном союзе нет речи <...> Но мы должны <...> увязать восстановление русской военной индустрии с вопросом польского нападения». В этом контексте уместно привести выдержку из письма Крестинского (замнаркома иностранных дел с 1930 г.) в мае 1933 г. своему преемнику на посту посла Л.М. Хинчуку: «Мы не возражали, когда немцы говорили об общем враге, то же делали наши военные <...>, но никаких положительных заявлений с нашей стороны, которые давали бы им право надеяться на нашу активную помощь <...> никогда не было <...> мы никогда <...> не давали обещания поддерживать герм[анское] пра[вительство] в его реваншистской войне против Польши»².

Тем не менее проходившие в марте–июле военные переговоры Германия временно прекратила и ограничила поставки советской оборонной промышленности³, поскольку ЦК РКП(б) предпочел использовать нараставший в Германии политический кризис в интересах европейской революции. В июне Литвинов записал слова Брокдорф-Ранцау: «У германского правительства складывается убеждение, что у нас имеется два течения: одно – наркоминдельческое, стоящее за постепенное и медленное разрушение Германии; второе – коминтерновское, считающее настоящий момент вполне подходящим для более решительных действий»⁴. К августу взгляды «коминтерновцев» начали преобладать в руководстве партии, но еще 7 августа Сталин писал Зиновьеву: «По-моему, немцев надо удерживать, а не поощрять»⁵. Тем не менее Политбюро прервало

¹ АВП РФ. Ф. 1656. Оп. 2. П. 5. Д. 24. Л. 34; Советско-германские отношения 1922–1925 гг.: Документы и материалы. Ч. 1. М., 1977. С. 236. См. также: История внешней политики России... С. 52–53.

² ADAP. Bd. VIII. Göttingen, 1990. № 84. S. 220; Цит. по: Кен О.Н., Рупасов А.И. Указ. соч. С. 83. Сн. 48.

³ Горлов С.А. Указ. соч. С. 81–85.

⁴ Беседа Литвинова и Брокдорфа-Ранцау. 4 июня 1923 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 78. Д. 49941. Л. 24.

⁵ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн... № 107. С. 163. Заметим, что до осени 1923 г. Сталин не принимал активного участия в деятельности Коминтерна,

отпуск своих членов, чтобы обсудить международное положение в связи с событиями в Германии, хотя на заседании Политбюро 21 августа тезисы Зиновьева «Грядущая германская революция и задачи РКП» Сталин критиковал: «Надо, чтобы Коминтерн отделялся общими фразами... конкретных директив он давать не должен <...> Большое значение имеет сейчас дипломатическая игра». Ранее Сталин отметил, что едва ли «при рабочей революции в Германии Польша останется нейтральной и даст нам возможность транзита через польский коридор и Литву», подчеркнув на заседании: «Нужно <...> сорвать одно из буржуазных лимитрофных государств и создать коридор к Германии». Чичерин тогда же спросил: «...ориентируемся ли мы на консолидации Чехословакии <...> или подготавливаем там восстания, или делаем и то и другое (голоса: “конечно, и то, и другое”)¹. На одном из сентябрьских заседаний Политбюро (без указания даты) произошел симптоматичный обмен записками. Секретарь ЦКК РКП(б) С.И. Гусев предложил Зиновьеву «в случае германской революции и нашей войны с Польшей <...> наступление наше на Вост[очную] Галицию <...> и “случайный” прорыв наш в Чехословакию, где при сильной КП вполне возможна революция». Сталин заметил: Гусев рано ставит этот вопрос, важнее, «под каким легальным прикрытием мобилизнуть солдат, сохраняя <...> внешность обороны». С учетом критики Пленум ЦК РКП(б) утвердил 23 сентября тезисы доклада Зиновьева², отметив, что Польша и Чехословакия «могут сыграть крупную роль в деле подавления пролетарской революции в Германии»³.

Чичерин уже 22 августа писал Юрленеву: «Необходимость чешско-русского коридора через Галицию настолько ясна, что не может у чешских политиков не быть интереса к этому вопросу <...>. Дело не в том, чем Россия может помочь Чехии в случае революции в Германии, но в том, что Чехия страшно боится наступления

хотя на II конгрессе был избран кандидатом в члены ИККИ. Лишь с V конгресса Сталин входил в состав ИККИ и Президиума ИККИ. См.: Фирсов Ф.И. Сталин и Коминтерн // ВИ. 1989. № 8. С. 3.

¹ «Назначить Революцию в Германии на 9 ноября» // Источник. 1995. № 5. С. 126, 118, 124.

² Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн... № 116. С. 172 (сноска); № 118. С. 185–202.

³ Там же. № 118. С. 191. На конференции стран Малой Антанты в июле 1923 г. министры иностранных дел решили: В случае возможных внутренних трудностей в Германии Малая Антанта сохраняет выжидательную позицию. По отношению к России она сохранит полный нейтралитет, не поддержит никакой интервенции и не предпримет ничего враждебного. См.: ДМИСЧО. Т. II. № 38. С. 59. Малая Антанта – военно-политический союз Чехословакии, Румынии, Югославии (1920–1938 гг.).

России на Запад при таких условиях»¹. Позднее Чичерин рекомендовал Юреневу оказывать на Чехословакию прямое давление: «Преступно с нашей стороны не использовать политически страха Чехо-Словакии перед германской революцией и перед нашими возможными действиям <...>. Наши связи с подпольной Европой могут <...> нам весьма <...> пригодиться. Надо <...> не отрицать эти связи, но и ничего не говорить о них <...> можно сказать, что <...> где бы ни были у нас связи, наша политика по отношению к каждому правительству соответствуют отношению этого правительства к нам (...). Угрожаемая со всех сторон Чехословакия <...> будет искать защиты Франции. Но величайший страх она испытывает и перед нами. Она не знает, как далеко может простираться наше могущество, будь то простое военное могущество или революционное воздействие. Отсюда <...> стремление <...> обезвредить нас <...> соглашением на случай событий в Германии»². Й. Гирса сообщил в Прагу о своей беседе 20 сентября с Чичериным, который предложил дополнить Временный договор 1922 г. специальным соглашением в части, касающейся нейтралитета. Гирса отрицал необходимость дополнительного соглашения, Чичерин остался при своем мнении³. В октябре в Москве прошли по этому же вопросу переговоры Чичерина и советника чехословацкого МИД Я. Папоушека⁴.

Но и позднее Чехословакия зондировала НКВД на предмет соглашения. После согласования вопроса с начальником ИНО ОГПУ М.А. Трилиссером Чичерин сообщал 14 ноября Юреневу: «...секретнейшее обращение чехословацкого правительства <...> есть продукт страха перед возможностью нашего появления в Центральной Европе <...> если <...> произойдет советско-польская война и <...> мы появимся у самой Чехо-Словакии в то время, как с другой стороны будет коммунистическая Германия, а Франция не может мобилизовать большую армию <...> Чехо-Словакия хочет <...> получить от нас обещание уважать ее территориальную неприкосновенность взамен ее обязательства не вмешиваться во внутренние дела Германии <...> в Париже предложили Масарику занять Саксонию, но он отказался»⁵.

Большевики вновь усилили внимание к Восточной Галиции как к потенциальному коридору между Россией и Чехословакией. 13 ноября Крестинский сообщил Литвинову о переговорах с Петрушевичем,

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53960. Л. 126.

² Чичерин – Юреневу. 25 сентября, 5 и 12 октября 1923 г. // Там же. Л. 149, 160, 164.

³ ДМИСЧО. Т. II. № 48. С. 68.

⁴ Чичерин – Юреневу. 18 октября 1923 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53960. Л. 172.

⁵ Там же. Л. 192–193. В ноябре 1923 г. ГПУ переименовали в ОГПУ.

полагавшим, что «с возможным нападением Польши на Германию может встать вопрос и о войне между Польшей и Россией, о новом выступлении в Восточной Галиции <...>, когда <...> советские войска вступят на территорию Восточной Галиции», ее управление должно организовать правительство ЗУНР. «Петрушевич не сомневается в том, что мы <...> не будем насильственно присоединять» Восточную Галицию к Советской Украине, отметил Крестинский, считая целесообразным затянуть переговоры с представителями украинской эмиграции¹. С аналогичным письмом ранее, 22 июня, обратился новый полпред СССР в Вене Левицкий к Раковскому, назначенному полпредом в Лондон: «галичане <...> будут вести антипольскую работу в Галиции <...> видят, что опираться им на Антанту больше нечего, а без опоры на нас <...> сделать ничего не могут». 28 июня Литвинов сообщил Левицкому, имея в виду его письмо Раковскому, что «переговоры с галичанами нами ведутся через посредство т. Крестинского в Берлине». Но вы могли бы, заметил он, выразить удивление, почему группа Петрушевича публично не заявила, «что они своими единственными друзьями считают Советские Республики»². Политбюро все же решило оказать финансовую поддержку группе Петрушевича³.

Тем временем вмешательство большевики все более активно вмешивались во внутренние дела Германии. Особое недовольство германских правящих кругов вызвали выступления Зиновьева и Радека⁴. Мальцан заявил Крестинскому: «Ваша пресса <...> допускает личные брань и оскорбления по отношению даже к <...> Рейхспрезиденту господину Эберту. Мы никогда не позволяли в нашей прессе сказать что-либо дурное по адресу господина Ленина <...> оказывали всякое содействие при посылке в Россию профессоров господину Ленину». Полпред оправдывался: «Что касается статей Зиновьева и Радека <...>, “Правда” <...> является частным органом <...> Радек и Зиновьев являются частными лицами, за выступления которых Правительство не ответственно». Крестинский отметил: «Прерывали меня “Цвишенруфами” (die Zwischenruf, реплика. – В.З.), когда я говорил о том, что Зиновьев и Радек являются частными лицами <...>

¹ Там же. Оп. 11. П. 67. Д. 938. Л. 129–130.

² Там же. Оп. 1. П. 2. Д. 23. Л. 10–11; Д. 22. Л. 25.

³ Материалы «особой папки» ПБ ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1944 гг. М., 1997. № 2. Протокол ПБ ЦК РКП(б) от 13 ноября 1923 г. С. 6–7.

⁴ Чичерин – первому советнику полпредства в Берлине С.И. Бродовскому. 10 сентября 1923 г. // АВП РФ. Ф. 082. Оп. 3. П. 113. Д. 73. Л. 11; Чичерин – Крестинскому. 3 октября 1923 г. // Там же. Л. 22.

Мое мнение – надо воздержаться от выступлений такого рода, которые <...> неизбежно вызывают раздражение и озлобление и могут даже повести к разрыву отношений»¹.

Германский посол потребовал у Литвинова также объяснений в связи с советскими заявлениями о готовности спасти немецкую революцию путем уступок Польше за счет Германии. Замнаркома писал: «Ранцау перешел к речи т. Троцкого на собрании металлистов <...>, где говорится <...> о нашей готовности компенсировать Польшу за нейтралитет <...> Если бы мы даже желали компенсировать Польшу за этот нейтралитет, то от этого больше всего выиграет сама Германия»². В «Правде» от 26 октября Зиновьев предрекал: «Быть может германской революции придется пройти через свой Брест-Литовск». Вместе с тем, по мнению польского «источника», в речи Троцкого прозвучало, что вмешательство Польши «против коммунистической Германии рассматривалось бы Совнаркомом как казус белли». Польский МИД якобы сделал вывод, что польское вмешательство «против Германии не коммунистической не вызвало бы в Москве большого впечатления». В НКВД расценили донесение «источника» лишь как «показатель <...> потенциального направления польской политической мысли»³.

Опасения Германии были неслучайны. В октябре Политбюро направило в Каунас, Ригу и Варшаву В.Л. Коппа под предлогом обследования «вверенных ему Полпредств»⁴. Особенно важно было выяснить позицию польского правительства, считавшего, что поведение России обнаруживает «конспиративную ее подготовку к вооруженному вмешательству в пользу германской революции»⁵. Характерно, что незадолго до поездки Коппа Сталин заметил на заседании Политбюро 18 октября: «Я думаю, что лучше отказаться от зондировки поляков <...> Поляков надо изолировать, с ними придется биться»⁶. Действительно, прошедшие 28 октября – 5 ноября перегово-

¹ Крестинский – Литвинову. 26 октября 1923 г. // Там же. Оп. 6. П. 11. Д. 4. Л. 47, 48, 49. 20 октября «Правда» в передовой «Социал-демократические душегубы» писала: «Меньшевик Эберт затягивает искусственно петлю голода вокруг шеи саксонского пролетариата», готовит «свинец в спины саксонских пролетариев. Гражданская война в Германии уже идет».

² Беседа Литвинова с Брокдорфом-Ранцау. 22 октября 1923 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 78. Д. 49941. Л. 51–52. См.: Тов. Троцкий о международном положении (Доклад на губернском съезде металлистов) // Известия. 1923. 21 октября.

³ АВП РФ. Ф. 1656. Оп. 2. П. 5. Д. 27. Л. 14–15.

⁴ Литвинов – Молотову. 4 октября 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 4. Л. 163; Протокол ПБ ЦК РКП(б) от 18 октября 1923 г. // Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 371. Л. 10.

⁵ Доклад Лапиньского. 1 ноября 1923 г. // АВП РФ. Ф. 1656. Оп. 2. П. 5. Д. 27. Л. 13.

⁶ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн... № 122. С. 208 (сноска).

воры Коппа в Варшаве не принесли желаемых результатов. Чичерин писал Сталину: Польша отказалась подписать «документ, заключающий невмешательство во внутренние дела Германии и гарантии транзита при всяких переменах в ее строе». Троцкий так объяснил позицию польского правительства: невмешательство «свяжет ему руки и в отношении Восточной Пруссии и Данцига <...> Польша <...> не прочь захватить под шумок Восточную Пруссию, дав нам за это транзит». Варшава готова «подписать соглашение насчет транзита и невмешательства, с маленьким “изъятием” насчет Восточной Пруссии, но <...> не решается поднимать об этом вопроса. Может <...> произвести косвенное зондирование <...>, где главное затруднение: в диктатуре Франции или же в восточно-пруссских аппетитах»¹. В это время по инициативе Польши шли переговоры с Францией о судьбе Восточной Пруссии, и Крестинский писал Литвинову 9 ноября: «Французы отвечают пока отрицательно. Дмовский <...> хочет перейти немедленно к оккупации Восточной Пруссии»². Вызывали опасения сообщения из русского «источника» о баварско-польских переговорах: Бавария обещала за свое соединение с Австрией гарантировать «безопасность Польши со стороны Германии в случае столкновения Польши с Россией или оккупации Польшей Восточной Пруссии»³.

Возвращаясь к миссии Коппа, отметим, что помимо переговоров с руководством польского МИД, член коллегии НКВД зондировал возможность пропуска частей Красной армии в Германию через Польшу, обещая последней «свободу действий» в Восточной Пруссии. Москва, вероятно, считала допустимой для будущей советской Германии временную потерю Восточной Пруссии⁴. Но по мере уменьшения остроты политического кризиса Веймарской республики, готовность большевиков спасти ожидаемую немецкую революцию путем уступок Польше за счет Германии исчезала: «Поездка Коппа, – по мнению руководителя IV отдела МИД Германии В. Вальрота, – не принесла желаемой поддержки коммунистическому движению в Германии»⁵. Аналитики НКВД отметили, что у нас «правы были те,

¹ Протокол ПБ ЦК РКП(б) от 11 октября 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 370. Л. 5; Докладная записка Коппа по польскому вопросу в ПБ ЦК РКП(б). 9 октября 1923 г. // Там же. Л. 7, 8; Протокол ПБ ЦК РКП(б) от 2–3 ноября 1923 г. Сталину – Чичерин. 1 ноября // Там же. Д. 373. Л. 8; Троцкий – Чичерину. 2 ноября // Там же. Л. 13.

² АВР РФ. Ф. 082. Оп. 6. П. 11. Д. 4. Л. 75. Дмовский возглавлял МИД с 27 октября по 14 декабря 1923 г.

³ Там же. Ф. 1656. Оп. 2. П. 4. Д. 11. ОДИ НКВД от 4 ноября 1923 г. Л. 16–18.

⁴ Беседовский Г.З. Указ. соч. С. 94, 95, 96.

⁵ ADAP. Bd. VIII. № 235. Оценка поездки Коппа. 7 ноября 1923 г. S. 604.

кто добивался <...> постановки перед поляками вопроса об отношении Польши к германской революции». Польша не займет прусское побережье и Данциг, «пока в Германии не разыграется гражданская война», но в случае ее начала широкое толкование Варшавской франко-польского договора, подписанного в феврале 1921 г., возможно¹.

Опасения Польши в связи с вероятностью нового революционного подъема в Германии развеялись не сразу. Министр иностранных дел Дмовский заявил на заседании сейма: Коммунистический переворот в Германии или восстановление монархии могут быть опасными для нашего государства. Надо быть готовыми к обороне². В то же время посланник Австрии в Польше, информируя в ноябре Вены о миссии Коппа, отметил: ни Троцкий, ни Ленин не намерены (при поддержке немецких коммунистов) воевать с соседями, видя в войне опасность для своей власти. Алармистские настроения присущи только радикальным большевистским кругам, надеющимся способствовать победе коммунизма в Германии³. С другой стороны, латышский министр иностранных дел З. Мейеровиц писал в инспирированной им статье «События в Германии, Россия и балтийские государства» (рижская газета «Яунакас Зиняс» за 4 декабря): «Что станет с проектами Коппа? <...> несмотря на смятение большевиков, Московское Правительство намерено продвигать реализацию этих планов вперед <...>, подготовляя обстоятельства к будущим событиям в Германии»⁴. Вероятно, он был прав, поскольку Советская Россия делала ставку на Литву в случае нового революционного подъема в Германии.

Оккупация Францией Рура создала прецедент, использованный Литвой для решения проблемы Мемельской области, которую в январе заняли отряды литовских «повстанцев». Чехословацкое консульство в Риге констатировало: литовцы отплатили полякам «тактикой Желиговского», что выгодно и Германии, и России⁵. Польша в ответ мобилизовала войска на границе с Восточной Пруссией и Данцигом, что вызвало тревогу в Германии. 15 января 1923 г. Радек информи-

¹ АВП РФ. Ф. 1656. Оп. 2. П. 5. Д. 27. Л. 15, 16.

² См.: Materski W. Polska a ZSSR. 1923–1924. Wr., 1981. S. 125–126.

³ ÖSTA. NPA. Liasse Polen. K. 644. 6/1. Fol. 100–101.

⁴ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 27. Л. 69–72. В передовой «Правды» от 1 ноября Зиновьев писал: «Главные силы германских рабочих еще не участвовали в боях <...> Решающие бои <...> придут неизбежно <...>. Основные факторы революции продолжают действовать». В партийной передовой от 23 ноября «Германский Колчак» (подразумевался Сект) Зиновьев подчеркнул: «Не только Сект, но и Эберт с Носке являются только разновидностью фашизма <...>. Колчаковщина окажется на германской почве не более долговечной, чем на русской... Под ударами колчаковщины быстро назревает революционная решимость».

⁵ AMZV ČR. ZÚ. Nemecko. Berlin. PV. 1923. 13.1. Č. 65.

ровал Сталина о встрече с Сектом, сообщив, что тот «готовится защищать Восточную Пруссию с оружием в руках». Радек также отметил, что в Германии «распространено убеждение, что мы толкнули литовцев на захват Мемеля, дабы не допустить поляков <...> Я лично думаю, что или это есть обыкновенная политика – лови момент со стороны литовцев, или они действуют в тихой сделке с Пилсудским <...> получив, как компенсацию за Вильно – Мемель»¹. 17 января Крестинский информировал Литвинова о своей беседе с Мальцаном, который, по словам дипломата, считал, что «литовцы заняли Мемель не без согласия французов <...> Это <...> тревожит Мальцана в связи с <...> переговорами о заключении торгового договора между Литвой и Германией», который делает Литву дружественным нам и немцам государством. Поэтому Мальцан приостановил подписание договора². Литвинов ответил 29 января полпреду: «Польшу науськивает на Мемель <...> Англия, заинтересованная в сплаве леса, закупленного ею у Польши»³.

После занятия литовскими отрядами Мемеля советская политика в регионе активизировалась, что обусловило расхождения между НКВД и ИККИ. По указанию ИККИ КПЛ распространяла листовки в «оккупированной Литвой Мемельской области»⁴. Член коллегии НКВД Я.С. Ганецкий писал 15 января в полпредство в Каунасе: «“Правда” <...> ругает это (литовское. – В.З.) движение. Соответствующие разъяснения и инструкции идут по линии Коминтерна. Правительство, однако, иначе к этому относится <...> для нас сейчас желательно присоединение Мемеля к Литве». Чичерин заявил 28 февраля литовскому послу Балтрушайтису, что и для Германии «присоединение Мемеля к Литве гораздо выгоднее <...> чем присоединение его к Польше, которое <...> произошло бы, если бы Литва не поспешила с этим делом». Посол попросил наркома помочь Литве восстановить с Германией хорошие отношения, высказался за соглашение между Германией, Литвой и Россией⁵.

В феврале конференция послов передала суверенитет над Мемелем Литве, начались переговоры о пользовании портом

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 78. Д. 49936. Л. 2, 3. СССР не инспирировал захват Мемеля Литвой.

² Там же. Л. 4, 5. См. также: ADAP. Bd. VII. № 29. Записка Мальцана. 17 января 1923 г. Крестинский считал, что «оккупация Мемеля – новый трюк Франции для взаимопонимания Литвы с Польшей под французским протекторатом». С. 68.

³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 78. Д. 49934. Л. 10.

⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 25. Д. 1408. Л. 3.

⁵ АВП РФ. Ф. 151. Оп. 9. П. 10. Д. 19. Л. 1, 7. Например, критика действий Литвы в: Майский И. Международное обозрение // Правда. 1923. 28 января. С. 2.

другими странами. Премьер-министр Франции Р. Пуанкаре считал решение Мемельского вопроса более важным, чем Рурского, поскольку в возможный польско-литовский конфликт мог вмешаться СССР¹. Для советского правительства главным в то время являлся учет его интересов при решении вопроса о Мемеле и судоходстве по Неману². По мнению заведующего экономико-правовым отделом НКВД А.В. Сабанина активность СССР «в Мемельско-Неманском деле» объяснялась тем, что в пределах Мемельской области Неман втекает в море: «В случае учреждения в самом Мемеле международного Settlement'a à la Шанхай, мы <...> можем требовать в таковом своего участия, ибо Мемель <...> имеет важное мировое значение в области торговли лесом»³. Интерес СССР к Мемелю возрос после подписания 1 июня германо-литовского торгового договора, предусматривавшего свободный транзит в третью страну⁴.

За Мемель Польша ожидала более значимой компенсации, чем возможное предоставление ей льгот в порту. Еще в 1922 году она требовала замены в Виленщине нейтральных полос временной демаркационной линией. Совет Лиги разделил 3 февраля 1923 г. буферную область между Литвой и Польшей. Каунас выступил против этого решения, но польские войска вошли в нейтральную зону и вступили в бой с литовскими частями. Литва обратилась с жалобами в Лигу наций⁵. Свое мнение по этому поводу Домбский озвучил в газете «Kurier Lwowski»: «...решение Литвинова оказать сопротивление Польше при занятии ею нейтральной зоны <...> диктуется Москвой и Берлином»⁶. За передачу Мемеля Литве, говорил Балтрушайтис Чичерину 28 февраля, Польша получает проходящую по нейтраль-

¹ Рубцов А.Ф. Литва в политике французского империализма. 1918–1924 гг. Томск, 1988. С. 178–180; Жюгжда Р.Ю. Клайпедский край в планах империалистических государств (1919–1924 гг.). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Вильнюс, 1968. С. 16–17.

² ДВП СССР. Т. VI. № 112. Нота Правительства РСФСР Правительству Великобритании, Франции, Италии. 22 февраля 1923 г. С. 205–206.

³ Справка. 22 февраля 1923 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 27. П. 183. Д. 52012. Л. 59. Сеттльмент (англ. settlement – поселение) – в Китае кварталы для иностранцев, пользовавшиеся экстерриториальностью.

⁴ АВП РФ. Ф. 151. Оп. 6. П. 12. Д. 25. Л. 10. Мальцан писал, в частности Брокдорфу-Ранцау 31 мая: «Германо-литовский договор образует мост в Россию». См.: АДАР. Bd. VII. № 264. S. 658.

⁵ Гальванаускас – председателю Совета Лиги наций. 23 и 27 февраля 1923 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 27. П. 183. Д. 52012. Л. 10, 11; Полпредство в Варшаве – члену коллегии НКВД А.В. Битнеру. 24 февраля // Там же. Л. 60.

⁶ Обзор польской прессы с 1 по 15 февраля 1923 г. // Там же. Ф. 122. Оп. 8. П. 40. Д. 44. Л. 44.

ной зоне железную дорогу Вильно – Гродно¹. 1 марта Нарком заявил польскому поверенному в Москве: захват железной дороги «может вызвать представление, что это есть создание стратегических коммуникационных линий на случай наступления на Россию»².

В феврале – начале апреля состоялся обмен нотами советского и польского правительств³. В связи с этим аналитики ОДИ НКВД писали, что первая «наша нота <...> является серьезной политической ошибкой», поскольку накануне ее опубликования польский МИД констатировал: получение Польшей железнодорожной линии Варшава – Вильна убеждает польское правительство в том, что «опасность вооруженных конфликтов на востоке Европы окончательно устранена» и это отвечает «пожеланиям Совнаркома»⁴. 10 марта Совет Министров Польши дал указание министру иностранных дел добиваться от Антанты согласия на окончательное присоединение к Польше Виленского края⁵. 15 марта конференция послов постановила положить в основу польско-литовской границы намеченную Лигой наций демаркационную линию. Невзирая на протесты Литвы, Совет Лиги подтвердил это решение, которое Советский Союз не признал. Литва, поблагодарив СССР за поддержку, отметила, что «получила полную свободу действий в разрешении виленского территориального вопроса»⁶.

После решения вопроса о Мемеле в пользу Литвы Советский Союз стал настойчивее в требованиях урегулировать транзит по Неману. Вначале сплаву белорусского леса сопротивлялись боявшиеся конкуренции литовские лесопромышленники. Но затем, по мнению В.Л. Коппа, против транзита могла выступить Польша – чтобы шантажировать Литву⁷. Новый советский полпред в Литве И.Л. Лоренц писал Коппу: в случае открытия Немана для нас он «будет открыт и для Польши <...> мы переговорами с Литвой о сплаве по Неману <...> становимся посредниками в этом вопросе между Литвой и Польшей», что позволяет использовать Литву против

¹ АВП РФ. Ф. 151. Оп. 9. П. 10. Д. 19. Л. 7.

² ДВП СССР. Т. VI. № 120. С. 215.

³ Там же. № 102. С. 192–194; № 128. С. 228–230; № 138. С. 241–242.

⁴ Обзор Лапинского по Польше. 24 февраля 1923 г. // АВП РФ. Ф. 1656. Оп. 2. П. 5. Д. 26. Л. 3, 1.

⁵ ДМИСПО. Т. IV. № 157. С. 221–222.

⁶ ДВП СССР. Т. VI. № 102. Нота Гальванаускаса – Чичерину. 2 марта 1923 г. С. 194; С. 613 (сн. 45).

⁷ Первый секретарь полпредства в Каунасе И.С. Кожевников – Ганецкому. 7 мая 1923 г. // АВП РФ. Ф. 151. Оп. 9. П. 10. Д. 19. Л. 115–116; Копп – сотруднику полпредства в Каунасе А.О. Пliche. 21 августа // Там же. Л. 65.

Польши¹. Кроме того, он сообщал, что переговоры о транзите, по мнению Гальванаускаса, должно вести «Сов[етское]пра[вительство], которое имеет по мир[ному]договору право на сплав по Неману». По словам полпреда, «Литва сейчас поняла, что она перегнула палку», и готова открыть Неман, но выступает против специальных прав для Польши в Мемеле².

Вместе с тем в течение всего 1923 г. отношения СССР и Литвы подвергались серьезным испытаниям. Обострение международной обстановки в Европе и усиление борьбы за власть в польских правящих кругах благоприятствовали, по мнению Пурицкиса, осуществлению задуманного им в марте плана отрыва от Польши восточных кресов. Проведя в Берлине переговоры с представителями немецких и украинских националистов, министр вознамерился создать на территории Литвы, Германии, Чехословакии, СССР партизанские базы и, опираясь на них, поднять в Польше восстание национальных меньшинств. Успех акции, считал Пурицкис, позволит вернуть в состав Литовской республики Виленский край, создать также Западноукраинское и Западнобелорусское государства³. Появление подобной утопии свидетельствовало, что в разрешении территориальных проблем Каунас надеялся уже в основном на помощь Берлина и Москвы. Председатель литовского Союза стрелков В. Крево-Мицкявичюс говорил советскому корреспонденту 18 октября: «...наша главная работа сосредоточена в оккупированной части Литвы <...> Тут совпадают интересы Литвы и России <...>. Мы должны друг друга информировать о всех событиях на кресах», где «можно установить контакт наших и ваших представителей в случае совместных выступлений»⁴.

Но к лету лидеры большевиков предпочли использовать нараставший в Германии политический кризис для ее советизации, и, напуганная этими планами, Литва попыталась наладить отношения с Польшей. 25 мая Пliche сообщил Ганецкому о беседе с руководителями белорусских партизан, которые «под руководством литовского командования боролись с Польшей», но теперь Литва разоружает их по обвинению в большевизме, и партизаны установили «связь с нашими секретными работниками»⁵. Лоренц отметил позже: «...часть белорусов <...> собирается уехать в Прагу <...>. Они для нас гораздо

¹ Лоренц – Копту. 15 сентября 1923 г. // Там же. Л. 272, 273.

² Из дневника Лоренца за 10–13 сентября 1923 г. // Там же. Л. 383–384.

³ См.: Łossowski P. Op. cit. S. 47.

⁴ АВР РФ. Ф. 151. Оп. 9. П. 10. Д. 19. Л. 421–422.

⁵ Там же. Л. 146–147.

приемлеем в Ковно, чем в Праге, где они оторвутся от <...> антипольской работы»¹. В августе Пличе писал Коппу: «Возможность коммунистического переворота в Германии немало тревожит Лит[овское] пра[вительство]»². Лоренц пытался успокоить власти Литвы, которых волновала активность коммунистической пропаганды в стране, но без успеха³. Так, группа литовских офицеров обращалась к сослуживцам: «Литва сумеет получить Виленщину только с победой Германской революции». Член ЦК КПЛ З. Ангаретис информировал ИККИ 22 октября: литовская армия не будет сражаться на стороне Польши, но «провокационная выходка властей может толкнуть часть солдат против Германии, например захватить Тильзит, этим усилить националистическое настроение и потом косвенно помогать Польше»⁴.

Пличе сообщал Ганецкому о состоявшихся в мае в Париже переговорах Гальванаускаса и Пуанкаре. Французский премьер настаивал: «...в случае открытых столкновений Сов[етской]россии с Польшей Литва должна [соблюдать]... “активный нейтралитет” в пользу Польши», – пообещав в этом случае вернуть Вильно Литве, предоставить ей финансовую и военную помощь. Пличе предложил активизировать работу в Литве. Как ни противоречивы, полагал он, интересы Франции и Англии «по отношению к Польше и Сов[етской] россии, все же усиление слабого места /Литва/ в общем фронте против Сов[етской]россии есть их общее желание»⁵. В Москве сомневались, что Франция поможет Литве, чья армия способна нанести Польше удар в спину но СССР, «в случае войны с Польшей, она существенного вреда» не причинит⁶.

Обострение германо-польских отношений и рост революционного движения в Германии привели к попыткам правых сил Восточной Пруссии, превратив ее – при помощи Англии – в антипольский бастион и немецкую Вандею. Лоренц сообщал: англичане не допустят «нападения на Восточную Пруссию Польши, что повлекло бы за собой значительное усиление Франции», и могут поддержать правые элементы в Германии⁷. В свою очередь, Литва искала «контакты с военными группами Восточной Пруссии в надежде, что, если Берлин

¹ Из дневника Лоренца. 18 сентября 1923 г. // Там же. Л. 389.

² Там же. Л. 207–208.

³ Там же. Л. 410.

⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 25. Д. 1408. Л. 5, 6. Тильзит находился в Восточной Пруссии.

⁵ АВП РФ. Ф. 151. Оп. 9. П. 10. Д. 19. Л. 149–152.

⁶ Там же. Л. 153–154.

⁷ Лоренц – Коппу. 9 ноября 1923 г. // Там же. Л. 328–329.

сдаст под напором революционной волны, прусское юнкерство все же устоит»¹. В Литве также считали, что Англия повлияет на польско-литовский конфликт, затруднив доступ к морю Польше в Данциге и Мемеле. К концу года эти надежды развеялись: Англия признала временное закрытие польско-литовской границы, поскольку у нее «есть более значительные интересы в Польше, чем открытие движение леса по Неману»².

Диалог Москвы и Каунаса тем временем продолжался. О настроениях литовского населения свидетельствовали состоявшиеся в ноябре в Каунасе съезд Союза стрелков и митинг с участием военных. «Если Польша займет Восточную Пруссию, то проглотит Литву, как это она сделала с Галицией <...>. С другой стороны, война между Россией и Польшей неизбежна. Если мы останемся пассивными и Россия одна займет Виленщину, то мы ее больше не увидим. Россия скажет нам: мы вам уже раз дали Вильно, и вы не сумели его удержать. Только союз с Германией и Россией даст нам Мемель и Вильно», – заявил на митинге под гром аплодисментов Крево-Мицкявичюс³. На настроение правящих кругов Литвы, отметил Лоренц, повлияло «исчезновение непосредственной угрозы германской революции <...> снова оживает мысль о возможности политического сближения с Сов[етской] Россией»⁴. Копп писал Лоренцу: надо «оговорить обязательство Литвы не нарушать границ Германии <...>. Если Литва захочет иметь гарантию относительно Вильны на случай военного хода событий, то ей придется дать нам контргарантии, что она не станет договариваться с Польшей помимо нас»⁵.

4 декабря Копп сообщил в Политбюро о возможности подписания между СССР и Литвой двух соглашений: о транзите (без уточнения его содержания) и между генеральными штабами; политического договора. Проект последнего, разработанный Коппом, предусматривал – в случае советско-польской войны – совместные действия вооруженных сил СССР и Литвы против Польши по согласованному генштабами обеих стран плану, а также передачу освобожденной Виленщины Литве. В проекте протокола к договору указывалось на невмешательство сторон во внутренние дела Германии, свободу экономических сношений «независимо от возможных перемен

¹ АВП РФ. Ф. 151. Оп. 9. П. 10. Д. 19. Лоренц – Коппу. 18 декабря 1923 г. Л. 370.

² Там же. Лоренц – Коппу. 1 декабря 1923 г. Л. 342–343.

³ Из дневника Лоренца // РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 27. Л. 193–194.

⁴ Из дневника Лоренца. 6 декабря 1923 г. // АВП РФ. Ф. 151. Оп. 9. П. 10. Д. 19. Л. 486–487.

⁵ Копп – Лоренцу. 20 ноября 1923 г. // Там же. Л. 78.

в ее внутреннем строе». Литва обещала «не нарушать территориальной целостности Германии» и обеспечить свободный советско-германский транзит «при всяких политических условиях»¹. 13 декабря Политбюро утвердило проект договора с Литвой с поправками: «...если <...> Польша <...> как в 1920 году нарушит мир, то вооруженные силы договаривающихся сторон действуют совместно <...> признание Виленщины частью литовской территории должно быть сделано на основе принципа самоопределения народностей»².

Однако продолжавшаяся стабилизация обстановки в Германии окончательно похоронила надежды на ее советизацию, что заставило большевиков вернуться к традиционной дипломатии. Брокдорф-Ранцау сообщил МИД о состоявшейся 11 декабря беседе с Чичериным и Радеком. По его словам, Радек сетовал, что «на официальных должностях в Германии много белогвардейцев», а также указал что у генерала Секта «много бывших царских офицеров в его штабе под руководством Орлова, шефа контрразведки у генерала Врангеля». С другой стороны, докладывал Брокдорф-Ранцау, Радек считает, что «советское правительство может хорошо работать с немецким реакционным правительством». И добавил: «Это также желание Секта, который заявил, что можно преследовать коммунистов в Германии, но сотрудничать с советским правительством». Чичерин же заметил: «Муссолини теперь наш лучший друг»³.

Вместе с тем обострение международной обстановки в 1923 г. поставило вопрос о квалифицированности действий силовых структур и Коминтерна, стремившихся решать внешнеполитические проблемы методами революционной геополитики. Не случайно Наркоминдел настойчиво стремился разграничить свои функции с Коминтерном и «соседями». В полпредствах, где под видом дипломатов работали сотрудники указанных ведомств, нередко возникали конфликты. Советская политика в отношении Австрии не является предметом данного исследования, но важно отметить, что именно в полпредстве в Вене возникла наиболее конфликтная ситуация. Полпред А.Г. Шлихтер писал Чичерину: «...назрел созыв совещания в Москве всех Полпредов для выяснения... вопросов... в области наших взаимоотношений с другими учреждениями <...>. В особенности... с аппаратами Региструпа <...>. Собственная касса и собственная смета фактически делают этот аппарат недосыгаемым для контроля

¹ Там же. Л. 88–89, 90, 92.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 382. Л. 6.

³ ADAP. Bd. IX. № 55. S. 139, 141.

(...) никакого делового доверия к этому аппарату в Вене я не имею оснований питать». Полпред просил наркома «оказать содействие в скорейшем освобождении Венского Полпредства от некоторых сотрудников <...> Региструпа»¹. Шлихтер направил жалобу на представителя ГПУ и руководителя Региструпа в Вене В. Инкова². Но в мае 1923 г. Политбюро отозвало в Москву самого Шлихтера³. Ситуация, подобная венской, была характерна для многих советских полпредств и привлекла внимание партийного руководства; часть диппереписки отправили Сталину⁴.

В НКИД поступали сведения о нарушениях, совершенных сотрудниками Коминтерна и силовых ведомств. На запрос Литвинова новый полпред в Австрии Левицкий ответил, что в мае, до его прибытия в Вену, в квартире, где жил представитель Коминтерна и находился отдел печати полпредства, «состоялась конференция Югославянской компартии», а имевшие дипломатические паспорта работники ИККИ «нелегально ездили в Болгарию и Югославию по коминтерновским делам» по другим паспортам⁵. В августе Левицкий сообщал: «...каким-то образом сумели поступить на службу к тов. Инкову» агенты румынской контрразведки, имевшие «свободный доступ к нашей миссии»⁶. Далее полпред писал о «ненормальном положении» в полпредстве, когда из семи сотрудников с дипломатическими паспортами четверо представляли ИККИ и «соседей»⁷.

Суммируя впечатления, Левицкий предлагал секретной части НКИД в своем письме от 26 октября следующее: «...вся работа <...> за исключением ИККИ, должна быть сосредоточена в Полпредстве. Ведь старые посольства имели раньше разных советников и атташе, которые никакой другой работы, кроме дипразведки, не вели...» По его мнению, «в составе Полпредств могут быть только товарищи, на обязанности которых лежит исключительно руководство работой систематизации полученных материалов и пересылка их в центр».

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 1. П. 1. Д. 13. Шлихтер – Чичерину. 14 и 22 ноября 1922 г. Л. 14–15, 16, 17, 25.

² Там же. П. 2. Д. 25. Письма Шлихтера НКИД. 3 февраля (копия письма Трилиссеру и начальнику секретно-оперативного управления ГПУ В.Р. Менжинскому) и 7 февраля 1923 г. Л. 9–14, 19.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 332. Л. 9.

⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 1. П. 2. Д. 22. Литвинов – Шлихтеру. Копия Секретарю Ц.К.Р.К.П. тов. Сталину. 1 июня 1923 г. Л. 19.

⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 1. П. 2. Д. 22. Литвинов – Левицкому. 13 июня 1923 г. Л. 22; Д. 23. Левицкий – Литвинову. 23 июня 1923 г. Л. 16.

⁶ Там же. Д. 23. Левицкий – Чичерину. 11 августа 1923 г. Л. 75.

⁷ Там же. Левицкий – Коппу. 14 августа 1923 г. Л. 80.

И далее: «...недопустимо, чтобы агенты, ведущие эту работу вне миссии, включались в штаты»¹.

Не случайно Политбюро ЦК РКП(б) еще в январе–марте рассматривало с участием Литвинова и Уншлихта вопрос «О взаимоотношениях между НКВД и ГПУ». В частности, Политбюро постановило: усилить контроль ГПУ «над личным составом дипкурьерской части НКВД», но «оставить последнюю в фактическом подчинении НКВДу <...>. НКВД и ГПУ обязаны оказывать взаимное содействие в работе». Что касается принимаемых на службу сотрудников, говорилось в постановлении, «НКВД обязан <...> сообщить в ГПУ»². Литвинов писал Крестинскому: «Нам пришлось перенести спор в Политбюро, где определилось настроение не в пользу ГПУ. Надеюсь, что т. Уншлихт <...> будет осторожнее». Далее Литвинов сообщил, что «вырабатывается новый регламент взаимоотношений между НКВД и ГПУ. Притязания последнего на дипкурьерскую службу решительно отвергнуты»³.

По мере перехода большевиков к революционной геополитике активность «соседей» возрастала. В марте Политбюро «расширило» секретный фонд НКВД на 50 тысяч золотых рублей с тем, чтобы деньги использовались, но без «дискредитирования нашей дипломатии»⁴. Подчинявшийся Уншлихту резидент Разведупра в Польше второй секретарь полпредства М.А. Логановский создавал – для усиления революционной борьбы в Польше – диверсионно-террористические организации из местных коммунистов. О подготовке Логановским наиболее авантюрных акций Уншлихт не информировал не только полпреда, но и Дзержинского⁵. Польский «источник» НКВД сообщал: «Громадное влияние польских коммунистов <...> на направление заграничной политики НКВД убеждает варшавское правительство в том, что Советы стремятся вызывать коммунистическую революцию в Польше <...>. Сов[етское] пра[вительство] не поколебалось бы выступить с оружием в руках в случае, если бы в Берлине победила революция». И далее: «...в случае револьты Германии <...> против Версальского договора <...> Варшавское правительство <...> оказалось бы вынужденным образом офензивно обеспе-

¹ Там же. Д. 24. Л. 1–2.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 313. Л. 11, 11 об.; Д. 317. Л. 5, 5 об.; Д. 321. Л. 13, 14.

³ АВР РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 78. Д. 49934. Литвинов – Крестинскому. 12 февраля 1923 г. Л. 20–21.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 325. Л. 7; Д. 328. Л. 6. Постановления ПБ ЦК РКП(б) 22 и 29 марта 1923 г.

⁵ Беседовский Г.З. Указ. соч. С. 64, 70–80.

чить свою Верхнюю Силезию и Прибалтийское побережье вместе с Данцигом»¹.

О влиянии «соседей» на внешнюю политику свидетельствует дневниковая запись Юренева в декабре: «...международная ситуация становится для нас более благоприятной, но вместе с тем и более “тонкой” <...> необходима какая-то “ревизия” ныне существующих отношений между НКВД и некоторыми инстанциями»². Копп писал Лоренцу 7 декабря, что оценка ковенской резидентурой ИНО ГПУ литовских дел «существенно расходится с той, какую даете Вы, и какой придерживается НКВД <...>. Политические оценки, добываемых по линии ИНО ГПУ материалов, должны <...> исходить от Полпреда»³. Позднее он дал Лоренцу инструкции: политические соглашения Литвы с Германией «должны подвергаться <...> предварительному обсуждению с нами <...> соглашение с Литвой в виленском вопросе невозможно, если Литва будет <...> связываться с националистическими элементами Германии». Затем Копп информировал Лоренца о беседе с Брокдорфом-Ранцау: в Германии переговоры с Литвой попытались взять под контроль «правое офицерство», которое мечтает «устроить из Литвы мост между германской реакцией и будущей “обновленной Россией”». Сообщите германскому посланнику в Литве Ф. Ольсхаузену, писал Копп, что «в интересах тех слоев Германии, которые ищут сближения <...> с реальной Россией <...> бороться против этой политики». Копп полагал, что Литва на это не пойдет, поскольку «лучше знает <...> положение вещей, чем политические фантасты вокруг Людендорфа и Гофмана»⁴. По мнению Ольсхаузена, отметил Лоренц, «на случай польской агрессивности» нужно провести конференцию Германии, Литвы, Советской России, чтобы обсудить вопрос о координации действий»⁵.

Резюмируя содержание главы, констатируем следующее. Подписание Рижского мирного договора и начало новой экономической политики стали рубежом в начавшемся медленном процессе перехода к реальной оценке международной обстановки, но внешнеполитические действия Советского государства носили по-прежнему противоречивый характер. Свою роль играло и то, что западные дер-

¹ АВП РФ. Ф. 1656. Оп. 2. П. 5. Д. 27. Доклад Лапиньского. 1 ноября 1923 г. Л. 13–14.

² Там же. Ф. 04. Оп. 43. П. 278. Д. 53971. Л. 2.

³ Там же. Ф. 151. Оп. 9. П. 10. Д. 19. Л. 93.

⁴ Там же. Копп – Лоренцу. 22 и 29 декабря 1923 г. Л. 97–98, 99–100.

⁵ Там же. Из дневника Лоренца. 11 декабря 1923 г. Л. 493–494.

жавы не решили проблему статуса ряда спорных территорий и конфликтная ситуация вокруг них сохранялась. Политический кризис 1923 г. возродил надежды большевиков на победу социалистических революций в некоторых странах ЦВЕ при помощи Коминтерна и советских силовых ведомств.

Но поражение революционного движения в Германии поставило на повестку дня вопрос о виновниках провала и явилось предметом острых дебатов в РКП(б), КПГ, КРПП и других компартиях в конце 1923 – начале 1924 г. Пленум ЦК КРПП 23 декабря 1923 г. направил в Президиум ИККИ и Политбюро ЦК РКП(б) письмо, в котором возлагал на ИККИ ответственность за поражение германского пролетариата. Одновременно ЦК КРПП выражал беспокойство в связи с методами внутривнутрипартийной борьбы в РКП(б). Руководство КРПП, не высказывая своих оценок по существу разногласий, подчеркнуло: «Мы не допускаем возможности того, чтобы тов. Троцкий оказался вне рядов вождей РКП и КИ <...>. Мы считаем также необходимым, чтобы на ближайшем пленуме ИККИ был поставлен в порядок дня вопрос о кризисе в РКП»¹. Член Президиума ИККИ К. Цеткин и видный деятель КПГ В. Пик также не согласились с оценкой Политбюро германских событий. В свою очередь, Политбюро ЦК РКП(б) на заседаниях 27 декабря 1923 г., 2 и 10 января 1924 г. утвердило проект тезисов Зиновьева об уроках событий в Германии, в которых вина за поражение возлагалась на правое меньшинство ЦК КПГ. Политбюро осудило «взгляд т. Радека на ход дальнейшей борьбы в Германии», отметив в ответном письме ЦК КРПП от 4 февраля: «Оппортунистические уклоны т.т. Радека, Троцкого и других <...> осуждены громадным большинством партии»². Позиция руководства КРПП была расценена как протроцкистская и фракционная, что сыграло определенную роль в дальнейшей судьбе компартии Польши. Состоявшийся в январе 1924 г. Пленум ЦК РКП(б) одобрил постановление Политбюро «о неправильном поведении т. Радека в германском вопросе»³. Прошедшая затем XIII конференция РКП(б) предостерегла «товарищей из оппозиции против перенесения в Коминтерн фракционной борьбы»⁴. Й. Гирса, в частности, писал Бенешу:

¹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн... № 136. Приложение № 2. С. 243.

² Там же. № 134. С. 229–230; № 135. С. 231–232; № 136. Приложение № 1. С. 238.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М., 1984. С. 144. Речь шла, в частности, о письме Радека в Политбюро от 16 октября 1923 г. См.: «Я заявляю...» Ультиматум Карла Радека в Политбюро ЦК РКП(б) // Источник. 1998. № 2. С. 42–45.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях... С. 176–177.

на XIII конференции Сталин обвинил Троцкого в двойственной политике, Радека – в многословии и несерьезности¹. Партийные решения способствовали уменьшению влияния Троцкого, Радека и их сторонников как в РКП(б), так и в Коминтерне.

В то же время внутренний конфликт в руководстве РКП(б) осенью 1923 г. помешал Советскому государству пойти на открытую поддержку революционного движения в Германии и, не исключено, помог избежать возможного военного конфликта в регионе. Опыт поражений, подобных германскому, подталкивал лидеров большевиков к пониманию их причин как чисто внутренних, порожденных тем или иным «уклоном», что укрепляло позиции Сталина и его приверженцев в партии и способствовало усилению позиций сторонников государственнического подхода к международным отношениям².

¹ AMZV ČR. PZ. Moskva. 1924. 28.1. Č. 24.

² Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 27.



Глава VI ПОЛИТИКА РОССИИ И ГЕРМАНИИ В ЦВЕ В 1924–1929 гг.

6.1. Геополитическая ситуация в ЦВЕ в 1924–1925 гг.

Крах «германского Октября» стал предметом дебатов в РКП(б) и других компартиях в декабре 1923 – январе 1924 г. Так, Пленум ЦК Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП; с 1925 г. – КПП) 23 декабря 1923 г. направил в Президиум ИККИ и Политбюро ЦК РКП(б) письмо, в котором возложил на ИККИ ответственность за поражение революционного движения в Германии и выражал беспокойство по поводу методов внутривнутрипартийной борьбы в РКП(б). Но Политбюро ЦК РКП(б) на заседаниях 27 декабря 1923 г., 2 и 10 января 1924 г. приняло проект тезисов Зиновьева об уроках событий в Германии, в котором вина за поражение возлагалась на правое меньшинство ЦК КПГ. Члены Политбюро писали 4 февраля в ЦК КРПП: «Оппортунистические уклоны т.т. Радека, Троцкого и других <...> осуждены громадным большинством партии». Позицию лидеров КРПП оценили как протроцкистскую и фракционную¹. Прошедшая в январе 1924 г. XIII конференция РКП(б) предостерегла «товарищей из оппозиции против перенесения в Коминтерн фракционной борьбы»², что уменьшило влияние Троцкого, Радека, их сторонников как в РКП(б), так и в Коминтерне.

Итак, большевики не смогли сформулировать реальную стратегию победы революции в Германии. Зиновьев, которого, по словам американского историка Р. Конквеста, все считали «высокомерным, ни к чему не способным, бесстыдным и трусливым нулем», связывал советизацию Германии с усилением собственной власти. Однако Зиновьева хватило лишь на то, чтобы переложить ответственность

¹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн... № 136. Приложение № 2. С. 243; № 134. С. 229–230; № 135. С. 231–232; № 136. Приложение № 1. С. 238.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М., 1984. С. 176–177.

за поражение на лидеров КПГ и Радека¹. Провалу советских планов способствовали также раскол в КПГ и начало конфликта в руководстве РКП(б), что помешало СССР пойти на открытую поддержку революционного движения в Германии, но позволило избежать военного конфликта в регионе. Подобные поражения подталкивали лидеров большевиков к пониманию их причин как чисто внутренних, порожденных тем или иным «уклоном».

Добавим, что и позиция компартии Польши позднее не раз подвергалась осуждению, что также сыграло свою роль в ее дальнейшей судьбе. В частности, 4 июля 1925 г. на заседании польской комиссии ИККИ ее члены (Н.И. Бухарин, Ф.Э. Дзержинский, И.А. Пятницкий, И.В. Сталин и другие) осудили апелляцию ЦК КПП к своим партийным низам в связи с германским вопросом. При этом Сталин рассматривал действия ЦК КПП как анархию в Коминтерне, заметив: «Резолюция т. Бухарина слишком мягка <...>, но, поскольку большинство русской делегации стоит за резолюцию, я к ней присоединяюсь. Времена меняются, подождем немного, куда торопиться, может быть, и покрепче нажмем»². Заметим, что до осени 1923 г. Сталин не принимал активного участия в деятельности Коминтерна, хотя на II конгрессе был избран кандидатом в члены ИККИ. С V конгресса генсек вошел в Президиум ИККИ, и его роль в работе Коминтерна значительно возросла³.

Крах «германского Октября» заставил большевиков постепенно вернуться к «конфликтной модели» внешней политики и традиционной дипломатии. Аналитики НКВД писали Зиновьеву в мае 1924 г., что политический интерес капиталистических держав довести «европейские отношения до <...> относительного “порядка”», определяет недавнее международное признание СССР, а этот интерес диктуется также их «борьбой за преобладающую долю влияния на Европейском Востоке»⁴. XIV конференция РКП(б) в апреле 1925 г. отметила: «В 1923 г. в Германии наблюдалась непосредственно революционная ситуация <...> не перешедшая в революцию. В 1925 году в Германии нет непосредственно революционной ситуации, но общая революци-

¹ Цвентгель Р. Германский Октябрь 1923 г. Революционный план и его крах // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 172.

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 49. Д. 2. Л. 1, 13, 16. Речь шла о критике Политбюро ЦК РКП(б) сформированного весной 1924 г. при поддержке Зиновьева и Сталина левосектантского руководства КПГ, показавшего неспособность руководить партией и работать в профсоюзах. См.: Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн... № 192. С. 321 (примечания); № 195. С. 326–327 (примечания).

³ Фирсов Ф.И. Сталин и Коминтерн // ВИ. 1989. № 8. С. 3.

⁴ АВП РФ. Ф. 1656. Оп. 3. П. 6. Д. 1. Л. 44, 45.

онная ситуация остается». Однако конференция признала и начало частичной стабилизации капитализма в Европе¹.

Попытка возвращения СССР к реальной политике проявилась, в частности, в возобновлении переговоров о транзите по Неману. Поскольку река протекала по оккупированному Польшей Виленскому краю, Литва запретила транзит по своей части Немана, что наносило ущерб интересам СССР. Позднее транзит по Неману запретила и Польша. Варшава в качестве средства давления на Каунас и Москву использовала таможенные и транзитные препятствия. В феврале 1924 г. трест «Западолес» через полпредство в Польше пытался получить разрешение на пропуск леса через польско-литовскую границу. В результате переписки внешнеполитических ведомств выяснилось, что Каунас разрешает свободный транзит из СССР в Мемель, но Варшава обуславливает сплав по Неману урегулированием отношений с Литвой². НКВД в своем обращении к МИД Польши писал, что предложение польской стороны о пропуске леса «в направлении Данцига и Кёнигсберга, минуя литовскую территорию <...> в связи с запущенностью Августовского канала (от Немана до Вислы. – В.З.) и <...> дороговизной фрахтов» неприемлемо³.

Помехи советскому транзиту создавали также спорные вопросы относительно статуса Немана и Мемельского порта. Лондон и Париж настаивали на международном характере Немана и возражали против участия Москвы в переговорах по Мемелю. Польша же посредством блокады Немана катастрофически ухудшила экономическое положение Мемеля. Утвержденный Советом послов 13 марта 1924 г. Мемельский статус не устраивал СССР, но его попытки отстоять свои интересы в регионе, так же как и суверенные права Литвы, потерпели провал, выдвижение Москвой новых требований Варшаве о пропуске леса по Неману не привели к желаемым результатам. Положение о сплаве леса по Неману не изменили ни польско-литовские переговоры (сентябрь–октябрь 1925 г.), ни советско-литовские встречи в ноябре–декабре того же года⁴. Даже в феврале 1931 г. министр иностранных дел Литвы Д. Заунис говорил секретарю полпредства в Каунасе М.А. Карскому: «Неман между Гродно и Друскениками представляет из себя участок демаркационной ли-

¹ КПСС в резолюциях и решениях... С. 386–388.

² ДВП СССР. Т. VII. М., 1963, С. 126–127, 210–213; АВП РФ. Ф. 151. Оп. 7. П. 13. Д. 6. Л. 6, 14; Оп. 8. П. 15. Д. 8. Л. 2–3, 9–10; Д. 19. Ч. 2. Л. 2.

³ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 7. П. 31. Д. 2. Л. 125.

⁴ ДВП СССР. Т. VII. С. 139–140, 425–426, 487–489; ДВП СССР. Т. VIII. М., 1963. С. 345–346, 530–531, 700–701, 787 (сн. 75), 811 (сн. 175); АВП РФ. Ф. 151. Оп. 8. П. 15. Д. 7. Л. 8, 15.

нии. На одном берегу литовцы, на другом поляки. Если показывается лодка, стреляют с обеих сторон»¹. В итоге поставки советских товаров в Мемель осуществлялись и в 1930-е годы согласно Кёнигсбергской железнодорожной конвенции 1925 г. через Латвию.

Впрочем, в 1924–1925 гг. западные державы пытались урегулировать спорные вопросы между Польшей и Литвой комплексно, о чем писали аналитики НКИД. В частности, прошли закулисные переговоры литовской и польской делегаций в Женеве и Каунасе, однако автономия Виленского края в рамках Литвы не устраивала Варшаву, а на автономию Виленщины в пределах Польши не соглашался Каунас. Литва предложила созвать конференцию «заинтересованных держав, которых сочтут нужным пригласить <...> страны Антанты» (имелся в виду и СССР), но не учла следующего обстоятельства: «Советский Союз <...> никогда не признает никаких решений относительно этих спорных областей, принятых без его участия»².

Тем временем Польша усилила давление на Литву. Замначальника отдела дипломатической информации (ОДИ) НКИД в Берлине С.А. Раевский в сентябре 1924 г. писал члену коллегии НКИД В.Л. Коппу: в глазах эндеков Литва является ключом к Балтийскому морю, «аннексия всей Восточной Пруссии <...> остается тайной мечтою национал-демократов». Польша, по мнению Раевского, пытается давить на Восточную Пруссию экономически, но «наиболее угрожаемыми» являются западные польские окраины, и «всякая перемена восточных границ автоматически поставит в порядок дня вопрос о пересмотре западных границ Польши»³. Вместе с тем «подавление Литвой» немцев в Мемеле и охлаждение германо-литовских отношений заставило немецких дипломатов согласовывать германскую и советскую политику по отношению к Польше и Литве. Обмен мнениями Коппа с германским поверенным в делах в Москве О. Радовицем показал близость позиции СССР и Германии по Мемельскому, Виленскому, Галицийскому вопросам: «Другое дело конкретные формы возможной кооперации. Для нас <...> неприемлема <...> линия восточно-пруссских националистов, заигрывающих в Виленщине с правыми белорусами, а в Галиции, опирающихся на Петрушевича»⁴.

¹ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 2. П. 13. Д. 202. Л. 62.

² Обзор полпредства в Каунасе в октябре–декабре 1924 г. // АВП РФ. Ф. 151. Оп. 7. П. 13. Д. 12. Л. 10–13.

³ РГАСПИ. Ф. 504. Оп. 1. Д. 270. Л. 116 об., 126, 127.

⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 82. Д. 50019. Л. 77–78, 84–85. Е. Петрушевич – глава ЗУНР в изгнании.

На состояние советско-германских отношений влияло изменение международной ситуации в Европе в целом. В связи с подготовкой западными державами дипломатического признания СССР замнаркома иностранных дел М.М. Литвинов писал полпреду в Берлине Н.Н. Крестинскому 30 января 1924 г.: «Германия стремится воспрепятствовать нашему сближению с другими странами, чтобы не лишиться <...> монопольного положения в России»¹. Но в геополитической сфере советско-германское сотрудничество продолжалось. Статс-секретарь МИД Германии А. Мальцан сообщил в сентябре Радовицу: «В восточногалицийском вопросе немецкие и русские интересы близки друг другу», а урегулирование виленского вопроса на основе принципа наций на самоопределение приведет к тому, что Вильно отойдет к Литве, а Западная Белоруссия – к Советской Белоруссии, что в интересах Германии. В декабре Копп заявил Брокдорф-Ранцау о недовольстве Москвы политикой Польши в Галиции и других граничащих с СССР районах. По мнению Коппа, когда Германия выдвинет свои претензии в Верхней Силезии и в Данцигском коридоре, возможно «германорусское давление на Польшу». Мальцан констатировал: «...главной причиной беспокойства в Восточной Европе является несоблюдение этнографических принципов при установлении польской границы. Немецкие и русские интересы идут здесь параллельно <...> Германия и Россия решат <...> вопрос о возвращении Польши к ее этнографическим границам»².

В октябре 1924 г. аналогичный обмен мнениями состоялся в Праге в ходе встреч представителя ИНОРОСТА Р.О. Якобсона и советника германского посольства в Чехословакии А. Кёстера, бывшего министра иностранных дел. Советник признал: «самым желательным был бы блок России – Германии – Франции <...>, но об этом в нынешних психологических условиях мечтать не приходится». Кёстер заявил также Якобсону: что касается судетских немцев, то их положение изменится, «когда произойдет сотрясение порядка, базирующегося на Парижских договорах», и для немецко-чешского соглашения будет поздно. И далее: «Судетские немцы, опираясь на поддержку усилившейся Германии, скажут чехам: вы не хотели считаться с нами, теперь мы не желаем считаться с вами». Советник отрицал возможность сближения Германии с Польшей: «Нас делит Верхне-Силезский вопрос, в котором компромисс немыслим. Серьезные разногласия

¹ Там же. Ф. 082. Оп. 3. П. 113. Д. 74. Л. 21.

² ADAP. Aus dem Archiv des Auswärtigen Amts. Ser. A: 1918–1925. Bd. XI. Göttingen, 1993. № 86. S. 202; № 212, S. 517–518; № 230. S. 577–578.

и в вопросе “коридора”. Я считаю мало вероятным, чтобы Германия могла согласиться прикрывать польский тыл на случай русско-польского конфликта»¹. Складывалось впечатление, что Москва предлагает Берлину оказать совместное давление на Варшаву для удовлетворения германских территориальных требований, но в дальнейшем стало ясно, что это предложение являлось лишь предлогом для вовлечения Германии в дискуссию о координации действий по широкому кругу общеполитических проблем².

Однако нормализацию отношений двух стран замедляло вмешательство Кремля во внутренние дела Веймарской республики, на что указал Кёстер в беседе с Якобсоном³. Министр иностранных дел Г. Штреземан писал 29 октября 1924 г.: Зиновьев от имени ИККИ выступил в связи с годовщиной гамбургского восстания с призывом «К революционному пролетариату Гамбурга», который был напечатан на страницах органа КПГ «Die Rote Fahne» («Красное знамя»). Германский МИД высказал Крестинскому озабоченность по этому поводу. Полпред пытался оправдаться: Зиновьев не нарком, а член ВЦИК (своего рода депутат рейхстага), поэтому его призыв надо рассматривать как речь парламентария. «Возванием Сталина» назвал МИД Германии обращение ЦК РКП(б) в связи с предстоящими выборами в рейхстаг. В обращении, в частности, отмечалось: «Немецкий пролетариат скажет последнее слово *не на выборах*» (призыв также опубликовала 27 ноября «Die Rote Fahne») ⁴. Для урегулирования конфликта Крестинский даже предлагал вывести Сталина из членов Президиума ЦИК, лишив его государственного статуса⁵. Брокдорф-Ранцау говорил Чичерину 4 декабря 1924 г.: «Выступления Зиновьева или <...> воззвание Сталина делают для Вас невозможным вообще вести внешнюю политику <...> эта двойственность не может долго продолжаться <...> как будто в магазине фарфора разбивают весь товар и все приходится начинать сначала»⁶. Однако 18 декабря Политбюро ЦК РКП(б) утвердило проект ответа Штреземану, заявив о полном невмешательстве во внутренние дела Германии пра-

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 278. Д. 53973. Л. 81–82, 96–97.

² Случ С.З. Германо-советские отношения в 1918–1941 годах. Мотивы и последствия внешнеполитических решений // Славяноведение. 1995. № 6. С. 20.

³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 278. Д. 53973. Л. 109. Кёстер: политические круги Германии не боятся коммунистической пропаганды, «но ее назойливость и систематичность вызывает отчуждение».

⁴ ADAP. Aus dem Archiv des Auswärtigen Amts. Ser. A: 1918–1925. Bd. XI. № 129. S. 317–318; № 207. S. 507 (сноски 6, 7).

⁵ Ватлин А.Ю. Внешняя политика и Коминтерн 1921–1929 // Россия нэповская. М., 2002. С. 348.

⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 82. Д. 50024. Л. 78.

вительства СССР, которое, дескать, не ответственно за деятельность Коминтерна и РКП(б)¹.

В приватной беседе с Сектом в январе 1925 г. Крестинский подчеркнул: «...я лично и правительство СССР решительно против вмешательства во внутренние дела Германии <...>, [но] мы, конечно, не можем отвечать за чисто партийные выступления РКП и Коминтерна». Генерал «благодарил за это заявление»², но четко назвал мотивы, вынуждающие Веймарскую республику сотрудничать с Советским Союзом: «Единственная страна, на которую Германия может опереться в деле своего военного возрождения, это Россия <...>. Второй мотив <...> Польша. Германия не может существовать при нынешних восточных границах, особенно при наличии Польского коридора <...> Цель Германии на востоке – это восстановление германской границы 1914 г. и <...> общей границы между Германией и Россией на возможно более длительном протяжении <...>. Но путь к этому один – с помощью России увеличивать военную мощь Германии». Сект обратил внимание Крестинского на важный фактор: «Значительные круги нашей буржуазии боятся внешнеполитического сближения с Россией, так как думают, что в таком случае увеличится влияние России на внутреннюю политическую жизнь Германии. Эти круги не знают и не должны знать о наших действительных отношениях. Поэтому они менее ценят, чем нужно, нашу внешнеполитическую близость. И нам трудно бывает иногда убеждать их»³.

В свете сказанного уместны строки из письма Крестинского: «Мы не возражали, когда немцы говорили об общем враге, то же делали наши военные... но никаких положительных заявлений с нашей стороны, которые давали бы им право надеяться на нашу активную помощь <...> никогда не было <...> мы никогда <...> не давали обещания поддерживать герм[анское] пра[вительство] в его реваншистской войне против Польши»⁴. Советник посольства Германии в Москве Г. Хильгер писал, в свою очередь, о существовании советско-германских «конкретных целей», но не союза⁵. Многие современные историки ФРГ также отрицают наличие советско-герман-

¹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн... № 168. С. 285.

² Военные вопросы. Крестинский – Литвинову. 15 января 1925 г. Беседа с Сектом // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 87. Д. 50123. Л. 5, 10.

³ Там же. Л. 6, 9.

⁴ Цит. по: Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920 – 1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1. СПб., 2000. С. 83. Сн. 48. Из письма Крестинского (с 1930 г. замнаркома иностранных дел) в мае 1933 г. полпреду в Берлине Л.М. Хинчуку.

⁵ Хильгер Г., Мейер А. Россия и Германия. Союзники или враги. М., 2008. С. 243–244.

ского альянса, считая основным мотивом продолжения рапалльской линии со стороны Германии прагматичную враждебность к Польше¹. Вероятно, возможность совместных действий с СССР была для того же Секта козырем, сохранявшим силу, пока он не был разыгран. По крайней мере, по словам Брокдорфа-Ранцау, «дружба с Советской Республикой была реальна и практически ценна германскому правительству в значительной мере потому, что неопределенная угроза со стороны Советской Республики висела над Польшей и удерживала ее от более агрессивной политики по отношению к Германии»².

Тем временем после принятия в 1924 году плана Дауэса укрепились внутри- и внешнеполитические позиции Германии; ее правящие круги выступили за ревизию восточной германской границы. Для достижения этой цели необходимо было добиться прежде всего «равноправия» с Англией и Францией в форме заключения с ними Рейнского гарантийного пакта, проект которого Берлин представил в январе–феврале 1925 г. Лондону и Парижу. Германия давала обязательство сохранять статус-кво на своих западных границах, ограничиваясь, однако, предложением заключить арбитражные договоры с Польшей и Чехословакией, не предусматривавшие гарантии их границ с Германией. Проект соответствовал политике непризнания восточных границ Германии, проводимой возглавлявшим в 1923–1929 гг. внешнеполитическое ведомство Штреземаном, сущность которой он изложил в секретном меморандуме «О немецких национальных меньшинствах» от 13 января 1925 г.: «...постепенная ревизия несостоятельных с политической и экономической точек зрения пограничных постановлений по мирному договору (“польский коридор”, Верхняя Силезия)» является «первоочередной задачей германской внешней политики»³.

Польшу беспокоило усиление ревизионистских тенденций в германской внешней политике. Не случайно в газетной статье «О Гданьске? Нет! О Поморье» говорилось о стремлении Германии настроить мировое общественное мнение против существующего статуса Данцига и Данцигского коридора с тем, чтобы предложения о ревизии германо-польской границы упали на подготовленную почву⁴.

¹ См., напр.: Zwischen Tradition und Revolution: Determinanten und Strukturen sowjetischer Aussenpolitik 1917–1941 / hrsg. v. L. Thomas u. V. Knoll. Stuttgart, 2000. S. 113–114.

² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 89. Д. 50174. Чичерин – Крестинскому. 2 июля 1926 г. Л. 27.

³ Цит. по: Никонова С.В. Очерк европейской политики Германии в 1924–1929 гг. М. 1977, С. 32–33.

⁴ Kurier Warszawski. 1925. 13 III.

Франция с пониманием встретила эту обеспокоенность Польши, предлагая объединить арбитражные договоры с Рейнским пактом. Стремясь изменить позицию Франции, в германских правящих кругах выдвигали «мирные» варианты решения проблемы Данцига и Коридора. Так, 16 марта 1925 г. Штресеман заявил французскому послу в Берлине П. де Маржеру о готовности Германии отказаться от всяких форм сотрудничества с СССР при условии возвращения ей Коридора и Верхней Силезии, намекнув, что в противном случае Веймарская республика останется нейтральной в возможной советско-польской войне¹. Подобные предложения и аргументы находили определенный отклик во французском руководстве. Это вызвало беспокойство польской дипломатии, выдвигавшей свои контраргументы на встречах с французскими представителями.

Англия же, по словам Чичерина, усматривает в Польше «филиал Франции» и не хочет допустить «в форме польского влияния распространения французского влияния на Балтийском море <...>». Что касается кампании о гарантийном договоре, то для того, чтобы оторвать Германию от СССР, английское правительство мечтает о некотором удовлетворении Германии в восточном направлении с компенсацией Польши в каком-нибудь другом месте»². Наиболее откровенно британские планы проявлялись в отношении Данцига и Данцигского коридора. «Формальный протекторат Лиги наций, – писал в НКИД Раевский в январе 1925 г., – был бы заменен <...> фактическим протекторатом Англии», что сохраняло мечты Польши «об «урегулировании» Данцигского вопроса таким же порядком, каким она «решила» Виленский вопрос или Литва – Мемельский». Но в последнее время, отметил дипломат, Англия стремится включить в сферу своего влияния не только Данциг, но и всю Польшу³. Британские правящие круги считали необходимым «путем европейского соглашения пересмотреть опасные моменты, заложенные в урегулировании вопроса о <...> «польском коридоре»» (секретная памятная записка министра иностранных дел О. Чемберлена от 20 февраля 1925 г.)⁴.

В июне 1925 г. о британских планах писали газеты «Daily Chronicle» и «Daily Telegraph». Истинная цель гарантийного договора, отмечала «Daily Chronicle», заключается в «умиротворении России» и советовала Варшаве дать Германии возможность «ценой Данцигского коридора и Верхней Силезии спасти Польшу от «крас-

¹ См.: Krasuski J. Stosunki polsko-niemieckie 1919–1932. Poznań, 1975. S. 208.

² Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 421–422, 463.

³ АВР РФ. Ф. 1656. Оп. 3. П. 7. Д. 16. Л. 5–6.

⁴ Локарнская конференция, 1925 г.: Документы. М., 1959. С. 52.

ной опасности»». Но поскольку Польша даже летом 1920 г. не отказалась от своих западных воеводств в обмен на помощь Германии в войне против Советской России, газета предлагала полякам компенсацию в виде «Мемельского коридора» при условии возвращения Литве Виленского края. Для Литвы это означало, по словам Раевского, возобновление «похороненного плана Гиманса», поддержанного сильным в то время «лагерем Пилсудского». Реализация плана в 1925 г. превратила бы Польшу в «государство национальностей»: поляки могли даже оказаться меньшинством в своем государстве, что хоронило «надежды нац[иональных] демократов на присоединение Восточной Пруссии» к Польше. «Поумнели» и пилсудчики: «Пусть нас не вводят в заблуждение громадные пространства Востока. <...> приближают нас к положению великой державы <...> Познань, Поморский [Данцигский] коридор и Верхняя Силезия», – писал публицист К. Сроковский¹. Впрочем, официально выдвигать проект обмена Данцигского коридора на Мемельский коридор Foreign Office полагал преждевременным. Пресса же муссировала планы обмена с целью оказать дополнительное давление на оппозиционно настроенные к проекту гарантийного пакта польские правящие круги. Советские дипломаты позднее писали: Мемель Германии не нужен, «но требование его возврата есть самый легкий способ постановки на очередь вопроса о ревизии границ <...> Мемель может <...> стать объектом обмена на Данциг»².

Усиление реваншистских настроений в Германии нашло отражение в победе на президентских выборах в апреле 1925 г. П. фон Гинденбурга – живого символа германского милитаризма. Начавшаяся политика сближения Берлина с Лондоном, вызвала беспокойство в Москве, что нашло отражение в ходе визита 17 июня Крестинского к Гинденбургу. По словам полпреда, президент заявил, что он является «сторонником дальнейшего развития дружественных отношений между Германией и СССР». «Пусть Вас не смущает, – заметил Крестинский, – что мы пытаемся урегулировать наши отношения на западе. Наше географическое положение вынуждает нас вести эти переговоры». Крестинский выразил опасение, что «объективная

¹ АВП РФ. Ф. 1656. Оп. 3. П. 6. Д. 4. Л. 22–25. Проект обмена Данцигского коридора на Мемельский впервые выдвинул итальянский посол де Мартино в 1919 г. на Парижской конференции, но план, писала «Daily Telegraph», к сожалению, не был принят. В 1921 г. под эгидой Лиги наций и председательством министра иностранных дел Бельгии П. Гиманса прошли переговоры Польши и Литвы о создании «бикантонального» польско-литовского государства.

² Дневник полпреда в Каунасе А.М. Петровского. 25 ноября 1930 г. // АВП РФ. Ф. 010. Оп. 1. П. 4. Д. 67. Л. 59. См. также: Из беседы Карского с Заунисом. 22 декабря 1930 г. // АВП РФ. Ф. 010. Оп. 1. П. 4. Д. 67. Л. 95; Д. 75. Л. 13.

логика политических событий окажется сильнее добрых желаний»¹. Небезынтересно мнение Чичерина о беседе с Гинденбургом: «...он <...> был неизменно любезен и весьма дружелюбен, но решительно ни к чему не обнаружил живого интереса (ни к советско-германским экономическим связям, ни к проблеме Востока). Он, по-видимому, добросовестно выполняет процедуры своих функций, но не сроднился умственно с актуальными задачами Германии»².

Историк Г. Дельбрюк в статье «Германская восточная граница и германское право» призвал к проведению плебисцита на территории Коридора на том основании, что «Версальский мир отторгнул бóльшую часть Западной Пруссии от Германии без народного голосования»³. Лозунг «мирной ревизии» восточных границ не исключал возможности решения «проблемы “коридора” <...> силой, при сочетании благоприятных обстоятельств» (из секретного меморандума от 11 ноября 1925 г. начальника Восточного отдела германского МИД Г. Дирксена). «Благоприятными обстоятельствами» Дирксен считал «беспорядки» в Польше, полагая, что под предлогом защиты немецкого меньшинства и сообщения с Восточной Пруссией, германские войска могут быть введены в западные польские воеводства и Германия по поручению Лиги наций станет их «мандатарием <...> для обороны Восточной Европы от большевизма»⁴.

В качестве условия гарантийного пакта Англия и Франция ограничились требованием вступления Германии в Лигу наций, через которую они надеялись привлечь Веймарскую республику к участию в антисоветских акциях. Германские правящие круги, в свою очередь, связывали с вступлением страны в Лигу наций надежды на проведение ревизионистской политики. В меморандуме правительства Германии правительству СССР от 2 апреля 1925 г. отмечалось, что с вступлением в Лигу Германии для ее правящих кругов откроются «возможности – более действенно, чем до сих пор, выступать в защиту немецких меньшинств <...> и Данцига»⁵. Новую политику западных держав в отношении Германии юридически оформила Локарнская конференция (5–16 октября 1925 г.). Парафирование

¹ Крестинский – Чичерину. 19 июня 1925 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 92. Д. 50247. Л. 175.

² Чичерин – Литвинову. 9 октября 1925 г. // АВП РФ. Ф. 082. Оп. 4. П. 117. Д. 99. Л. 196.

³ Berliner Tageblatt. 1925. 27 V.

⁴ См.: Sobczak J. Propaganda zagraniczna Niemiec Weimarskich wobec Polski. Poznań, 1973. S. 16–17.

⁵ См.: Никонова С.В. Указ. соч. С. 45, 49–50; Советско-германские отношения. 1922–1925 гг.: Документы и материалы. Ч. 2. М., 1977. С. 86.

участниками конференции Рейнского пакта означало официальное признание политического равенства Германии и держав-победительниц. В Локарно Штресеману удалось избежать антисоветских обязательств при вступлении Германии в Лигу наций и отстоять немецкую точку зрения по вопросу восточной германской границы почти во всех деталях. Под нажимом Англии и финансовых кругов США Франция отказалась связать Рейнский пакт и арбитражные договоры в единое целое, а затем перестала настаивать на британских гарантиях границ Германии с Польшей и Чехословакией. Своего рода компенсацией последним стали соглашения Парижа с Варшавой и Прагой, предусматривавшие взаимопомощь, но не против любой германской агрессии, а в случае неспровоцированного применения Германией оружия против одной из договорившихся сторон¹. Тем самым при определенных обстоятельствах не исключался «мирный» с согласия Запада, Польши и Чехословакии переход к Германии части западных земель последних.

Не приуменьшая антисоветскую составляющую линии Локарно, заметим, что и после конференции СССР надеялся на продолжение курса Рапалло, поэтому дрейф большевиков в направлении реальной политики усилился. Литвинов писал еще в сентябре 1924 г.: «...появление Германии в Лиге заставит Францию и ее сателлитов <...> сплотиться в единый блок, направленный против Германии»². В июне 1925 г. Чичерин констатировал: Брокдорф-Ранцау «на заседании германского кабинета привел остроту Литвинова, что *Германия в Совете Лиги Наций будет или изолированной, или игнорированной* <...> Ранцау <...> повторил мою прежнюю остроту, что Германия не может быть одним добродетельным человеком среди грешников». В октябре Чичерин из Берлина писал Литвинову о распространившемся в Англии и Франции слухе, будто он предложил «военный союз Германии и Польше», не желая «допустить примирения между Францией и Германией», и подчеркнул: «...мы всегда симпатизировали идее соглашения континентальных народов»³. Чичерин резюмировал: «В Локарно державы стоят перед дилеммой: если они удовлетворят Германию, то подвергающаяся опасности Польша и за ней Франция постепенно пойдут к нам; если же победят французские и польские требования, то в Германии <...> увидят, что не могут обойтись без нас». Часть немецкого общественного мнения недовольна, сказал далее Чичерин, «и пактом, и вступлением в Лигу Наций,

¹ Локарнская конференция... № 30. Арбитражный договор между Германией и Польшей. Франко-польский договор. С. 496–498.

² АВР РФ. Ф. 082. Оп. 3. П. 113. Д. 74. Л. 82.

³ Там же. Оп. 4. П. 117. Д. 99. Л. 54–52, 195.

и мысль о связи с нами сливается у них с мыслью о реванше в будущем <...> Локарно есть катастрофа для франко-польских отношений». Когда в Варшаве поляки меня спрашивали, как мы относимся к их западной границе, «я отвечал, что мы не участвуем ни в Локарно, ни в Лиге Наций и поэтому этот вопрос перед нами не стоит». При голосовании в Лиге против СССР, отметил нарком, «Германия может сделать невозможной <...> экзекуцию против СССР», но «решает ли сама Германия, какая степень ее участия в экзекуции совместима с ее военным и географическим положением, или это решает Совет Лиги Наций»¹.

Не случайно Чичерин 27–29 сентября 1925 г. посетил Варшаву, что вызвало оживленные отклики в польской печати. Официозная «Rzeczpospolita» писала: «Чичерин берет пример с Горчакова <...> отдает себе отчет в том, что Польша является защитительной стеной для России от Запада <...> Положение России в Европе будет тем сильнее обеспечено, чем сильнее будет Польша». Раевский считал, что поездка наркома способствовала повороту в настроениях «буржуазных и мелкобуржуазных сфер, увидевших впервые возможность “сотрудничества” с СССР <...> Тон <...> польской прессы по отношению к Англии... мало по существу отличается от тона нашей прессы»². Правооппозиционная «Gazeta Warszawska» еще 5 сентября отметила: «Изучение всей эмигрантской российской прессы <...> тысячекратно показывало нам, что каждая другая Россия <...> будет сейчас же стремиться <...> к пересмотру Рижского договора, ректификации восточной границы <...> Парламентская Россия является символом объединения всех отделившихся от нее областей и раздела Польши с Востока <...> Российские эсеры в этом отношении ничем не отличаются от германских социал-филеров, добивающихся “пацифистского” возвращения “коридора” и ликвидации независимости Данцига (...). С фактом [существования] Советской России нужно примириться раз и навсегда»³.

Чехословацкая газета «Lidovy poviny» писала в связи с визитом Чичерина в Варшаву: «Германия следует традиции Бисмарка, поддерживает связи и на западе, и на востоке. России также недостаточно союза с Германией. Москва уже давно покинула путь катастрофической политики, на котором она могла договориться с немецким национализмом. Россия <...> будет играть самостоятельную

¹ Чичерин – Литвинову. Берлин. 12 и 18 октября, 8 ноября 1925 г. // Там же. Л. 204, 222–221, 279–278.

² Там же. Ф. 1656. Оп. 3. П. 7. Д. 16. Л. 38–39. А.М. Горчаков – министр иностранных дел России в 1856–1882 гг.

³ Там же. Ф. 04. Оп. 32. П. 218. Д. 52685. Л. 8, 11.

роль в Европе, особенно, в средней <...> Нынешние переговоры с Польшей не являются антигерманским актом. Россия не гарантирует Польше Данцигский коридор и Верхнюю Силезию, но СССР вступает на путь <...> независимой от немецких планов политики <...> Чичерин <...> метит через Варшаву на Париж и не порывает при этом связи с Берлином. Мы считаем русское участие в Европе необходимым противовесом соглашению с Германией»¹.

Накануне Локарнской конференции начальник ОДИ НКВД П.Л. Лапинский сообщал из Берлина Радеку: «Чем больше удастся Антанте довести до “замирения” Европу, с тем большей силой, могут выступить на сцену все латентные антагонизмы <...> Чичерка ездил только лечить свой диабет». Однако, замечал Лапинский, его поездка «имела серьезные политические последствия. В Польше поворот <...> намечался только руководящей верхушкой, теперь и глупая толпа <...> имела возможность в лице Чичерина лицезреть живого ангела мира». Далее он отметил, что немцы придали этому визиту «сенсационный характер, чтобы <...> нейтрализовать ту же польскую игру и <...> пошантажировать союзников». По словам Лапинского, «сам факт появления Чичерина в Европе плюс всяческие его заявления <...> помог массам <...>, отдельным партиям и даже правительствам осознать русский контекст гарантийного пакта». И далее делал вывод: «...мы должны искать союзников в Германии налево, а не направо <...> придется опираться на широкое общественное мнение в борьбе с правящими группами <...>, конкретнее ориентироваться в сторону континентальной политики»².

Чичерин в письме Сталину 31 октября также подчеркнул: «И в Англии, и в других местах о нас теперь много говорят», «мы фактор, нарушающий гармонию общего соглашения. Это есть источник нашей силы, ибо вызываемое нами беспокойство толкает к желанию соглашения с нами. Непременное условие этого – продолжение твердой и ясной линии»³.

Преобладание прагматического подхода во внешней политике не означало полного отказа большевиков от революционных планов. Пристальное внимание СССР уделял ситуации в Восточной Галиции, о чем свидетельствует переписка в декабре 1923 – феврале 1924 г. между полпредом в Лондоне Х.Г. Раковским и Литвиновым. Раковский утверждал: «В нашей внешней политике <...> [мы] недостаточно учитываем, что <...> являемся государством многонацио-

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 278. Д. 53981. Л. 239, 245–246.

² РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 23. Л. 9–11.

³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 50. П. 312. Д. 54693. Л. 49.

нальным», «мы еще в Генуе могли <...> проявить наше сочувствие к Восточной Галиции в тот момент, когда вопрос был поставлен Ллойд Джорджем», и «помешать формальному признанию этой аннексии [в 1923 г.] со стороны Англии, Франции и Италии»; «мы не в состоянии отстоять интересы наших собственных национальностей, попавших под чужое иго». Литвинов отверг «предположение об игнорировании НКИД при обсуждении международных вопросов национального момента». По его словам, «сентиментально-национальный момент <...> не может являться решающим при разрешении международных вопросов <...> государства не верят в абсолютное значение договоров <...> Продолжает же тяготеть к нам Литва, несмотря на подписание Рижского договора. То же относится и к Германии <...>. В меньшей мере это применимо <...> к Чехословакии»¹. Тем не менее 12 августа 1924 г. на англо-советской конференции Раковский огласил декларацию, в которой требовал «дать населению Восточной Галиции право национального самоопределения». В Польше декларация вызвала сильное впечатление, но от дискуссии польский МИД уклонился².

В апреле 1925 г. Чичерин указал польскому посланнику Ст. Кентшиньскому на репрессии в кресах «против национальных движений меньшинств, что подпадает под известную статью Рижского договора». Проблемой заинтересовалось и партийное руководство. Чичерин в своем ответном письме Сталину писал 26 июня: «Я не могу дать Вам окончательного заключения по вопросу об организации на Украине общества политических беженцев Западной Украины <...>, хотел бы его обсудить с товарищами из ОГПУ. Создание на Украине оформленной организации украинских революционных беженцев из Польши может повести к целому ряду скандалов и осложнений с Польшей, если эта организация поведет неосторожную линию»³. Крестинский после новой встречи с Петрушевичем писал в июле Чичерину: «То обстоятельство, что мы публично заявили о своем желании иметь мир, а не войну с Польшей, не обозначает вовсе нашей готовности признать Галицию за Польшей»⁴. Продолжался обмен информацией между СССР и Германией о положении на территориях с немецким и украинским населением в составе Польши: так, начальник ИНО ОГПУ М.А. Трилиссер отправил через Чичерина в июле 1925 г. в Берлин документы о польских диверсиях в немецкой части Верхней Силезии в обмен на «могущие нас интересовать

¹ АВП РФ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 8. Л. 10–11, 22, 24, 28.

² ДВП СССР. Т. VII. С. 423–426; ДМИСПО. Т. IV. М., 1966, С. 342–343; *Historia dyplomacji polskiej*. Т. IV. W., 1995. S. 272–273.

³ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 4. П. 117. Д. 99. Л. 25, 45.

⁴ Там же. Л. 87.

соответственные материалы»¹. Польские политики, в свою очередь, признавали слабость позиций Польши на ее восточных креслах. Так, деятель Польской социалистической партии З. Дрешер позднее писал: «...украинский и белорусский национальный вопрос – это гордиев узел польской политики, успешное разрешение которого является весьма проблематичным»².

Восточная Галиция по-прежнему привлекала внимание Чехословакии. «Министр иностранных дел» ЗУНР Е. Левицкий даже обратился в феврале 1924 г. к министру иностранных дел ЧСР Э. Бенешу с просьбой об аудиенции³. Однако посетившие в апреле 1924 г. полпредство в Праге представители галицийских организаций жаловались: «...чехи опасаются оказывать явно помощь галичанам... чтобы не вызвать неудовольствия со стороны поляков». Но и СССР, по их словам, «недооценивает значения пропаганды идеи “Западно-Украинского” государства». Галичане надеялись, что «план создания отдельного “Западно-Украинского” государства найдет сторонников» и полагали, что «такое “государство” и само вскоре присоединится к Сов[етскому] Союзу». И далее: «Нужно бы эту идею пропагандировать в заграничных кругах, а между тем <...> Петрушевичу и “Союзу освобождения зап[адных]укр[аинских] земель” <...> не оказывается почти никакой помощи со стороны Советов»⁴. В сентябре и октябре представители галицийских организаций заявили первому секретарю пражского полпредства Н.М. Калюжному, что у Советского правительства «нет планомерности и единства в руководстве политикой относительно Галиции за границей <...>». Необходима, по их мнению, «более активная помощь на предмет “дипломатической работы” галичан за границей» и материальная поддержка «советофильской части». В ходе своей поездки в Париж, Лондон и Женеву члены галицийской делегации выступали как от имени «западно-украинского правительства», так и от «Союза угнетенных в Польше народностей» (украинцы, белорусы, литовцы). Представители Лиги указали делегатам: «...единственной их опорой и защитницей является СССР», «на пересмотр вопроса о границах Польши можно надеяться только тогда, когда в Лигу наций войдут СССР и Германия»⁵. В октябре Калюжный встретился с бывшим премьером правительства Белорусской народной республики (БНР) В.Ю. Ластовским, уверяв-

¹ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 4. П. 117. Д. 99. Л. 62, 148.

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 61. Д. 36. Л. 99, 104.

³ AMZV ČR. Politické zprávy (PZ). Kabinet ministra. Politické věci. 1924. 13.2. Č. 38. К письму прилагался меморандум о Восточной Галиции.

⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 278. Д. 53971. Л. 176–177.

⁵ Там же. Д. 53973. Л. 18–19, 24–25.

шим, что его группа хочет установить связь с Правительством БССР, «чтобы с наибольшей целесообразностью вести дальше работу за границей, в частности, через “Союз угнетенных в Польше народностей”». Связь Ластовского с литовцами, по словам Калюжного, «вызывается финансовой зависимостью», но они могут с литовцами порвать и «занять такую позицию, какая будет указана с нашей стороны»¹.

В Чехословакии тем временем обострилась ситуация вокруг Подкарпатской Руси. В марте 1924 г. Бенеш на заседании парламентской фракции Чехословацкой социалистической партии высказался за украинскую ориентацию Подкарпатской Руси, но члены фракции заявили, что «единственно возможная ориентация в карпато-русском вопросе – это русская», «когда Россия потребует от нас возвращения Карпатской России <...> мы должны будем вернуть ей <...> русскую, а не какую-то искусственную украинскую Подкарпатскую Русь»². Подобные настроения были распространены в чехословацком обществе. Так, доктор А. Гаин в докладе, прочитанном в Пражском университете, утверждал: «Международное значение Подкарпатской Руси вытекает из ее географического положения. Она была, есть и будет препятствием в соединении Польши с Венгрией. <...> наше государство лучше обеспечено, если тамошнее население будет русским, чем украинским <...> Россия, если и станет в будущем хозяином восточной Галиции, никогда не перешагнет Карпат, ибо этим самым она потеряла бы естественные горные границы»³.

Тем временем в Подкарпатской Руси росло влияние коммунистов: КПЧ получила там 40 % депутатских мест на парламентских выборах в марте 1924 г. Поэтому, по словам преподавателя-русина из Ужгорода, чехи «пытаются использовать сохранившиеся еще в Карпатской Руси словацкие влияния», «открывают словацкие школы, назначают всюду словацких чиновников (в Словакии они этого не делают) – словом, через “словакизацию” надеются прибрать

¹ Там же. Л. 89. БНР создали в марте 1918 г. германские оккупационные власти. После оккупации Белоруссии польскими войсками белорусские эсеры сформировали в конце 1919 г. новое правительство, но вскоре отказались от ориентации на Польшу. Какое-то время эсеры сотрудничали с большевиками, но затем перешли в оппозицию к Советской власти.

² Там же. Д. 53971. Л. 107. В 1919 г. в Ужгороде инсценировали «добровольное» присоединение к Чехословакии Прикарпатской Руси, а в 1920 г. ее под названием Подкарпатская Русь официально включили в состав ЧСР. Чешская национал-социалистическая партия в 1918–1926 гг. называлась Чехословацкая социалистическая партия, она объединяла мелкую городскую буржуазию, часть интеллигенции и рабочих. Русины (руськие) – коренное население Восточной Галиции и Прикарпатской Руси. Часть русин отождествляла себя с русскими.

³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 71. Д. 626. Л. 69–72.

страну»¹. Чешские дипломаты связывали усиление влияния КПЧ с «левым» сдвигом во внешней политике СССР, который продемонстрировали выступления делегатов V конгресса Коминтерна и резолюция по национальным вопросам Средней Европы². Сталин даже посоветовал секретарю ИККИ Д.З. Мануильскому внести в резолюцию «изменения в тех пунктах, где говорится о присоединении украинских и белорусских территорий к СССР». И далее: «Иначе могут обвинить конгресс, что он заботится <...> о приращении территорий России»; «все равно все эти разорванные части сомкнутся в свое время с СССР»³.

О «левом» сдвиге заявил в июне 1924 г. советник МИД ЧСР Я. Папоушек заведующему отделом стран Центральной Европы НКВД С.С. Александровскому. Дипломат отверг «рецидив радикализма» в советской внешней политике, но согласился, что произошла определенная радикализация внутривнутриполитической борьбы в СССР в связи с НЭПом. В августе Папоушек сказал Александровскому: «У Политбюро <...> два оружия – Соввласть и Коминтерн, мирное и боевое <...> РКП на 5-м съезде Коминтерна взялась снова за боевое оружие». Этот поворот, по мнению советника, может иметь тяжелые последствия для Чехословакии: произойдет ослабление социалистических партий, усилятся правые, компартия перестанет играть положительную роль в борьбе с реакцией⁴. В сентябре Папоушек заметил в беседе с Яковсоном: резолюция по национальному вопросу «оттолкнула от КПЧ многие оппозиционно настроенные элементы из среды чешской интеллигенции. Предстоит “грандиозная кампания” в печати против коммунистов как государственных изменников и врагов нации». «Составители резолюции, – заметил Папоушек, – не имеют никакого понятия о делах Средней Европы». Член ИККИ и ЦК КПЧ Б. Шмераль в разговоре с Яковсоном также выразил «озабоченность судьбами Коминтерна <...> наблюдается отлив от партии сочувствующих элементов, коммолодежь деморализуется». Однако Яковсон указал Шмералю на «революционные настроения коммолодежи в Прикарпатской Руси», которая просит нас «помочь в организации партизанских дружин и даже дать средства на террор в Польше». Правда, мы указали на «провокационность террористических за-

¹ Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня – 8 июля 1924 г.: Стеногр. отчет. Ч. I. М.; Л. 1925. С. 417; АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 278. Д. 53971. Л. 144, 166, 178.

² Пятый Всемирный конгресс... С. 590, 629.

³ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн... № 157. С. 270.

⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 278. Д. 53972. Л. 45–46, 129–130.

мыслов /тут видимо работает польская агентура/»¹. Вместе с тем 3 ноября и. о. завбюро прессы МИД ЧСР Бутр заявил Якобсону: «...ответственные политики Мининдела никогда не усматривали в этой резолюции [по национальному вопросу] серьезной угрозы для Чехословакии, зная априори, что Москва в этом вопросе силою вещей будет вынуждена отступить <...>. Кроме ослабления КПЧ, других результатов быть не может»².

Политические дискуссии в Чехословакии совпали с назначением в июле 1924 г. новым полпредом в Праге В.А. Антонова-Овсеенко, к кандидатуре которого в ЧСР отнеслись положительно. Руководитель чехословацкой миссии в Москве Й. Гирса и Антонов-Овсеенко вспоминали участие красногвардейцев и чешских легионеров в боях против германской армии на Украине. Будущий полпред заметил, что если бы чешские легионы не перебросили на восток, то общая ненависть к германскому милитаризму и национализму могла тогда привести к соглашению с большевиками³. Чичерин надеялся, что приезд Антонова-Овсеенко поможет началу переговоров о признании СССР де-юре со стороны ЧСР, но уже в октябре нарком писал полпреду: Бенеш «рассчитывает на восстановление у нас буржуазного строя и готовит к этому моменту государственных людей из белогвардейцев. Бенеш жертвует интересами чехословацкой промышленности ради любви к эсерам». Как антисоветский шаг в НКВД расценили включение в торговый польско-чехословацкий договор, подписанный в апреле 1925 г., специальной статьи о транзите через Чехословакию оружия и военных материалов во время войны Польши с третьей державой⁴. Вместе с тем, указывал Й. Гирса, большую роль играет вхождение в Политбюро ЦК РКП(б) членов ИККИ, а успехи КПЧ – довод для Коминтерна, чтобы чешские коммунисты шли на более радикальные шаги⁵.

С другой стороны, серьезные опасения в Чехословакии вызвало наметившееся советско-венгерское сближение, о чем сообщали полпред в Австрии О.Х. Ауссем (в октябре 1924 г.) и сменивший его Я.А. Берзин, писавший в августе 1925 г. Литвинову: «Венгрия, как и Австрия, будучи страной <...>, окруженной со всех сторон госу-

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 278. Д. 53973. Л. 4, 7.

² Там же. Л. 117.

³ AMZV ČR. PZ. Moskva. 1924. 24.6. Č. 153. Антонов-Овсеенко командовал в декабре 1917 – марте 1918 г. Южным революционным фронтом по борьбе с контрреволюцией.

⁴ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. II. М., 1977. С. 104, 119, 146.

⁵ AMZV ČR. PZ. Moskva. 1925. 4.9. Č. 222. 19.11. Č. 300.

дарствами-захватчиков и грабителей, не скоро помирится с последними, и ее политика <...> будет направлена против наших “исторических” врагов – Румынии, Польши, также против Чехословакии <...>. Именно с этой стороны нам легче всего будет вбить клин в блок Малой Антанты»¹. Не случайно официоз МИД ЧСР «Prager Presse» полемизировал в сентябре 1924 г. с советским журналом «Международная жизнь» по поводу опубликованной в нем статьи «Распад Малой Антанты». Некоторые тезисы статьи, по мнению Антонова-Овсеенко, трудно примирить с высказываниями Чичерина: «основная ошибка – вопросы Средней Европы рассматриваются с точки зрения Вены и Будапешта». Шеф бюро печати МИД ЧСР Гаек заявил: «...политика Наркоминдела по отношению к средней Европе снова начала сближаться с политикой Коминтерна»; по мнению Чичерина, «в венгерском вопросе политика НКИД, стремящаяся вызвать в Венгрии надежды на помощь Совроссии в борьбе против Трианонского договора и нашедшая себе выражение в интервью Бела Куна, равно как и политика Коминтерна, занявшая в национальном вопросе явно мадьярофильскую линию <...> находятся под <...> воздействием мадьярских коммунистов»². Й. Гирса также сообщил в Прагу, что «Коминтерн работает над созданием советской власти в Венгрии». Советская Россия стремится к присоединению части бывшей Габсбургской монархии «к Венгрии под лозунгом самоопределения наций. Рука об руку действуют Коминтерн и комсекции в Венгрии <...> [и] Подкарпатской Руси»³. Антонов-Овсеенко в дневниковой записи в октябре обратил внимание, что Венгрия – «серьезнейшая зацепка Италии в Средней Европе» и что шеф бюро прессы итальянского посольства в Праге высказал ему опасения по поводу советско-венгерского сближения. Полпред, записал дипломат, в ответ заметил: «...как Муссолини ведет внешнюю политику Италии не в духе партии, а в национальном духе, так и наше правительство ведет в национальном духе внешнюю политику СССР»⁴.

Обострение международной обстановки в 1923 году поставило в политическую повестку дня вопрос о координации и квалифицированности действий силовых структур и Коминтерна. Не случайно в июле 1924 г. помощник начштаба РККА М.Н. Тухачевский предложил заместителю наркомвоенмора М.В. Фрунзе создать при шта-

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 11. П. 67. Д. 938. Л. 41, 11–12.

² Там же. Оп. 43. П. 278. Д. 53973. Л. 34, 53–55. Б. Кун – заведующий Агитпроп-делом ИККИ.

³ AMZV ČR. PZ. Moskva. 1924. 8.12. Č. 281.

⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 278. Д. 53973. Л. 65–66.

бе РККА военный орган по проблемам Коминтерна¹. Председатель ОГПУ Дзержинский выступил в феврале 1925 г. за разграничение функций НКВД и ОГПУ: «НКВД является <...> единственным представителем СССР – для других государств <...> наши враждебные отношения к НКВД – дезорганизуют престиж Советской власти в глазах заграницы»; «мы организуем против себя всех и даем повод иностранцам поднять кампанию, что в СССР всем правит ГПУ». Вскоре Политбюро ЦК РКП(б) отказалось от непосредственного руководства «активной разведкой», возложив эту функцию на компартии соответствующих стран². В связи с этим 23 мая Дзержинский писал Сталину: «В связи с информацией организаций ОГПУ по заграничным делам <...> очень желателен в интересах дела и обороны страны более тесный контакт нашей работы с НКВДом. <...> вношу предложение включить в коллегию НКВДела т. Менжинского»³.

Следовательно, проблемы в отношениях между НКВД и силовыми ведомствами («соседями») сохранялись. Наиболее ярко о них свидетельствовал Антонов-Овсеенко: «5 августа 1925. № ОА. Лично, секретно, без копий. Наркому Г.В. Чичерину. Уважаемый товарищ! В короткий срок – три провала соседей. Это последствия плохой постановки работы: 1) нет централизованности, разбрасываются, масса мелких осведомителей-шантажистов и провокаторов; 2) нет должного взаимоосведомления и солидарности – доходят до подкидывания друг другу использованных или сомнительных типов <...>; 3) Полпред о провалах узнает последним <...>; 4) работники мало развиты, плохо инструктированы <...>. Необходимо: 1. Чтб соседи знали свою ответственность пред полпредством и обязанность держать его в курсе всей своей работы, особенно в отн[ошении] «провалов» и т. п. 2. Пересмотреть немедленно все источники... сосредоточить все средства на строго ограниченных, необходимых задачах. 3. ...Посылать за границу только самых испытанных партийцев, а не сомнительных авантюристов (в граж[данской] войне и в массовом терроре отличились немало просто любителей приключений, за границей их соблазнить нетрудно, у нас же считают, что, например, орден Кр[асного] знамени гарантия преданности СССР) <...>».

¹ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч. 2. М., 2003, № 59. С. 116.

² Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927. М., 1996, № 186. Дзержинский – Трилиссеру. 8 февраля 1925 г. С. 299; Материалы «особой папки» ПБ ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1944 гг. М., 1997. № 10. Протокол ПБ ЦК РКП(б) от 25 февраля 1925 г. С. 12–13. «Активная разведка» – поддержка Москвой военно-подрывных групп в соседних странах.

³ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 349. Л. 3. В.Р. Менжинский – зампреда ОГПУ.

4. Инструктировать посылаемых тщательно. 5. Вести работу, прибегая к использованию миссии лишь в виде редкого исключения <...>. 6. Избегать вести работу чрез членов местной компартии <...>. 7. ...вести руководство работой в данной стране из соседней страны – на Вену из Праги и наоборот <...>¹. 14 августа представители ОГПУ, Разведупра и Коминтерна обсудили переданное им из НКИД письмо Антонова-Овсеенко. Чичерину сообщили следующее: ведомства «заинтересованы в максимальном вынесении работы из пределов наших миссий»; «признано вредным и опасным работать с местной компартией или через нее и пользоваться ее аппаратом»; «полпред должен осведомляться о всех политических и важных шагах специальной работы». И далее: «...ошибки бывали <...>. Но это является только ошибками, а не системой и объясняется недостатками людей»².

В августе военный атташе Польши в Токио направил во II отдел польского Генштаба аналитическую справку: НКИД указывает «на вредность деятельности Коминтерна», что с конца 1924 г. выразилось в «принципиальной разнице мнений Чичерина и Зиновьева по программе советской внешней политики... РКП ведет закулисную работу в лоне самого Коммунистического Интернационала с целью овладения ситуацией в нем в пользу СССР <...> [но] не может в достаточной степени влиять на внешнюю политику Коминтерна с точки зрения государственных интересов»³. Аналитики МИД Польши, резюмируя переговоры польского министра иностранных дел А. Скшиньского и главы Foreign Office Чемберлена писали также в декабре 1925 г.: по мнению Чемберлена, «Локарно направлено косвенно против Коминтерна», но не противоречит интересам «национальной России». Британский министр отметил, что «своей цели Локарно достигнет лишь тогда, когда Советская Россия войдет в Лигу наций, порывая с тактикой Коминтерна <...>, он готов вести переговоры с Чичериним», если Кремль пойдет «на фактические уступки по отношению к Локарнской Антанте». Польский МИД констатировал, что в «Совнаркоме нет ни одного сторонника войны с Польшей»⁴. Чичерин же еще 31 октября писал Сталину: «Английское правительство весьма ловко побивает двух зайцев: формула примирения с СССР под условием превращения России в европейское государство (присоединение СССР к пакту, к Лиге Наций, признание долгов, отказ от пропаганды), с одной стороны, заставляя-

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 278. Д. 53981. Л. 164, 164 об.

² Национальный вопрос на Балканах... № 254. С. 509–510. Разведупр – разведывательное управление Красной армии.

³ Там же. № 256. С. 514–515.

⁴ АВП РФ. Ф. 1656. Оп. 3. П. 6. Д. 4. Л. 98–99.

ет <...> общественное мнение думать, что Чемберлен зовет нас мириться, а мы не хотим, с другой же стороны, дает программу единого фронта против нас <...> тов. Красин должен скорее ехать в Лондон для использования благоприятных нам элементов <...> [но] значение этих опасных формул должно быть нами беспощадно разоблачено¹.

Подводя итоги, отметим: несбывшиеся надежды на советизацию Германии, начавшаяся там стабилизация обстановки заставили большевиков с 1924 г. постепенно дрейфовать в сторону реальной политики и традиционной дипломатии, что отражала противоречивая теория и практика Политбюро, ограничивавшая возможности советского влияния в Европе. Свою роль в этом играли разные факторы: идеологическое мифотворчество, практические российские интересы, имперские амбиции руководства. Даже в НКВД шла борьба между Чичериным и другими «восточниками», с одной стороны, и Литвиновым и другими «западниками» – с другой. Последних во главе с Литвиновым и Коппом, ориентировавшихся на скорую победу европейской революции, поддерживал Коминтерн. Чичерин и его сторонники возлагали надежды на успех революционного движения в азиатских странах, выступая одновременно против их советизации². Что касается Европы, то Чичерин отдавал приоритет германскому направлению в советской внешней политике, считая, что Рапальский договор покончил с «триумфом победителей» в мировой войне, положив начало «появлению новых международных политических сил». Литвинов, представляя англо-саксонскую ориентацию, видел в договоре лишь деловую цель – дипломатические отношения с Германией³. Чичерин с горечью писал: «Теория т. Литвинова была такова: каждый член коллегии ведет свою область». Он сетовал: «По западу я был ничто <...> участие т. Литвинова в Политбюро по делам запада упрочивало его роль <...> мое выступление в ПБ в пользу какого-нибудь мнения бывало скорее основанием для обратного решения»⁴. Осенью 1923 г. Литвинов разослал большевистским руководителям письма, критикующие Чичерина. Политбюро постановило 12 октября: «Общее руководство делами Комиссариата принадлежит <...> наркому <...>. В случае возникновения серьезных расхождений, каждому члену коллегии... предоставляется право довести до сведения ПБ свое мнение и защитить его

¹ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 4. П. 117. Д. 99. Л. 248. Л.Б. Красин – полпред в Лондоне.

² См.: Соколов Г.В. Чичерин и НКВД // Международная жизнь. 1998. № 3. С. 104.

³ См.: Дух Рапалло: Советско-германские отношения. 1925–1933. Екатеринбург; М., 1997. С. 5.

⁴ «Диктатура Языкочешущих над Работающими». Последняя служебная записка Г.В. Чичерина // Источник. 1995. № 6. С. 100.

перед ПБ»¹. Иоффе тоже жаловался (Зиновьеву в феврале 1924 г.): «...несмотря на глупую статью Чичерина в <...> “Известиях”, из которой вытекает, будто внешнюю политику делал Чичерин – при содействии Ленина, настоящим Наркомом И[ностранных] Д[ел] у нас все время был только Ленин, а теперь это придется делать Вам <...> я не могу равнодушно видеть, как портится достигнутое мною <...>. Когда я буду (согласно Вашего обещания) назначен Замнаркомом И[ностранных] Д[ел] [?] »².

Серьезно возможности советской внешней политики ограничивали Коминтерн и силовые ведомства. В своеобразном политическом завещании наркома своему преемнику (в нем Чичерин видел В.В. Куйбышева, но наркомом назначили Литвинова, и завещание осталось в чичеринском архиве) читаем: «Из наших, по известному шутовому выражению, “внутренних врагов” первый – Коминтерн <...>. Особенно вредными и опасными были коминтерновские выступления наших руководящих товарищей и всякое обнаружение контактов между аппаратом и компартиями <...>. Следующий “внутренний враг”, понятно, ГПУ <...> ГПУ обращается с НКИД как с классовым врагом <...>. Гораздо хуже Разведупр (особенно в период “активной разведки” т. Уншлихта)»³.

Вместе с тем провал расчетов на европейскую революцию и определенные успехи реальной политики способствовали укреплению позиций в руководстве партии прагматичного Сталина и его приверженцев, оттеснению от власти руководителей Коминтерна и других большевистских лидеров, разделявших концепцию мировой революции. Правда, Сталин констатировал на XIV съезде ВКП(б): «...конференция в Локарно <...> никаких противоречий не уничтожила, а только обострила их», «новые границы Германии сохраняются в пользу Польши», юридически освящая «потерю Германией Силезии, Данцигского коридора и Данцига, потерю Украиной Галиции и Западной Волыни, потерю Белоруссией западной ее части, потерю Литвой Вильны». «Локарно чревато новой войной в Европе»⁴. Но в связи с оформлением на съезде «новой оппозиции» во главе с Зиновьевым и Л.Б. Каменевым у Сталина и его ближайшего окружения возникли сомнения относительно работы Зиновьева на посту председателя ИККИ. Имевшие большинство в Политбюро ЦК ВКП(б) Сталин и его сторонники не приняли просьбу Зиновьева

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 370. Л. 24, 25.

² Там же. Ф. 324. Оп. 1. Д. 539. Л. 131–132. См.: Известия. 1924. 30 I.

³ «Диктатура Языкочешущих над Работающими»... С. 108, 109, 110. И.С. Уншлихт – зампреда ОГПУ и зампреда Разведупра.

⁴ XIV съезд ВКП(б). 18–31 декабря 1925 г.: Стеногр. отчет. М., 1926. С. 13, 14.

об отставке с этого поста, но стали контролировать каждый его шаг и использовать любой повод для дискредитации председателя ИККИ¹. В начале 1926 г. МИД Великобритании с удовлетворением отметил восхождение «сильного, сурового, молчаливого» Сталина в качестве бесспорного партийного лидера. «Не удивительно, – комментировали английские чиновники, – что поражение фанатичной большевистской оппозиции означает внешнюю политику с использованием “национальных средств”»².

Резюмируя, отметим, что двойственный характер советской внешней политики в 1924–1925 гг. определяли социально-экономическая ситуация в СССР и международное положение. Существовали, с одной стороны, необходимость в мирной передышке для консолидации власти; с другой – соблазн разыграть карту европейской революции. По мнению некоторых российских историков, лидеры большевиков стали учитывать геополитические интересы Советского Союза начиная с середины 1930 годов, но приведенные выше документы доказывают, что процесс начался значительно раньше. Основные внешнеполитические установки уже в 1925 году обуславливались не столько идеологией, сколько геополитическим и стратегическим положением СССР, его военно-экономическим потенциалом, объективным соотношением сил в мире. По мере усиления позиций Сталина, еще до провозглашения генсеком курса на построение социализма в одной стране, на смену «конфликтной модели» с ее колебаниями между революционными методами и элементами реальной политики утверждалась авторитарно-государственная (имперская) модель, отражавшая в той или иной мере традиционные интересы Российской империи.

Следовательно, советская внешнеполитическая парадигма 1920 годов отражала попытку большевиков соединить ориентацию на мировую пролетарскую революцию и реальную политику, направленную на установление мирных и взаимовыгодных отношений с другими государствами. Однако по мере усиления позиций Сталина партийно-государственное руководство, не отказываясь от лозунгов пролетарского интернационализма, все более концентрировало усилия на укреплении международных позиций СССР на основе принципов мирного сосуществования. В итоге лидеры большевиков к концу 1920 годов сменили революционную ментальность во внешней политике на авторитарно-государственную (имперскую).

¹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн... № 209. С. 346 (примечания).

² Цит. по: Городецкий Г. Выработка советской внешней политики: идеология и «реальная политика» // Советская внешняя политика... С. 9–10.

6.2. Военно-политическое сотрудничество СССР и Германии

Германское посольство, на основании разговоров с Чичериным, констатировало советские «успехи «континентальной» ориентации, рассчитанной на <...> сближение с Германией», обращая внимание, что идея «континентального блока» позаимствована наркомом у министра финансов Российской империи С.Ю. Витте¹.

Позднее Чичерин говорил: Рапалло предполагало обмен мнениями с Германией о «политической линии обоих правительств, причем, пока жив был Ратенау, я с ним это делал; после его смерти Вирт² хотел продолжить это, но он был слишком завален работой, а с момента прихода к власти Куно этого больше не было»³. Переписка советских и германских дипломатов в январе–мае 1923 г. свидетельствовала о благоприятных возможностях для развития отношений СССР и Германии, но позволяла усомниться в их стремлении к военно-политическому альянсу. Посол Брокдорф-Ранцау писал Куно 29 июля: «О политическом или военном союзе нет речи». По мнению посла, Германия должна «увязать восстановление русской военной индустрии с вопросом польского нападения»⁴.

Но в июле Германия прекратила военные переговоры и ограничила поставки советской оборонной промышленности, поскольку Политбюро ЦК РКП(б) использовало общий кризис Веймарской республики в интересах европейской революции. Брокдорф-Ранцау требовал у Литвинова объяснений в связи с заявлениями лидеров РКП(б) о готовности спасти немецкую революцию путем уступок Польше за счет Германии⁵.

В военно-политической сфере взгляды руководства СССР и Германии во многом совпадали. Статс-секретарь МИД Германии А. Мальцан сообщил в сентябре германскому поверенному в делах в Москве О. Радовицу: «В восточногалицийском вопросе немецкие и русские интересы близки друг другу», а урегулирование виленского вопроса на основе принципа наций на самоопределение приведет к тому, что Вильно отойдет к Литве, а Западная Белоруссия

¹ Городецкий Г. Выработка советской внешней политики: идеология и «реальная политика». С. 34. Чичерин упоминал о возможном создании «континентальной системы» с участием в ней Германии и СССР. См.: Советско-германские отношения 1922–1925 гг.: Документы и материалы. Ч. 1. М., 1977. Д. 149. С. 236.

² В. Ратенау – министр иностранных дел в 1922 г.; Й. Вирт – рейхсканцлер Германии в 1921–1922 гг.

³ Беседа Чичерина с германским поверенным в делах. 27 мая 1925 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 87. Д. 50119. Л. 39.

⁴ ADAP. Bd. VIII. Göttingen, 1990. № 84. S. 220.

⁵ Беседа Литвинова с Брокдорфом-Ранцау. 22 октября 1923 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 78. Д. 49941. Л. 51–52.

к Советской Белоруссии, что в наших интересах. В декабре Копп заявил Брокдорф-Ранцау о советском недовольстве политикой Польши в граничащих с Россией районах. По мнению Коппа, когда Германия выдвинет свои претензии в Верхней Силезии и Данцигском коридоре, возможно «германо-русское давление на Польшу». Мальцан констатировал, что главной причиной беспокойства в Восточной Европе является несоблюдение этнографических принципов при установлении польской границы. Он отметил, что интересы СССР и Германии «идут здесь параллельно». И далее: «Германия и Россия решат <...> вопрос о возвращении Польши к ее этнографическим границам»¹.

Тем временем после принятия в 1924 г. плана Дауэса германские правящие круги выступили за «мирную ревизию» восточной границы. Усиление реваншистских настроений в Германии отразила победа на президентских выборах в апреле 1925 г. П. фон Гинденбурга. В то же время начавшееся сближение Берлина с Лондоном вызвало беспокойство в Москве, что нашло отражение в ходе визита 17 июня Крестинского к Гинденбургу. По словам полпреда, президент заявил, что он является сторонником дальнейшего развития дружественных отношений между Германией и СССР: «Пусть Вас не смущает, что мы пытаемся урегулировать наши отношения на западе. Наше географическое положение вынуждает нас вести эти переговоры». Крестинский выразил опасение, что «объективная логика политических событий окажется сильнее добрых желаний»².

Прошедшая 5–16 октября 1925 г. Локарнская конференция юридически оформила новую политику западных держав в отношении Германии. В Локарно министру иностранных дел Г. Штреземану удалось избежать антисоветских обязательств при вступлении Германии в Лигу наций и отстоять немецкую точку зрения по вопросу о восточной границе. После конференции СССР надеялся на продолжение линии Рапалло, поэтому дрейф большевиков в сторону реальной политики усилился. Чичерин констатировал: часть немецкого общественного мнения недовольна «и пактом, и вступлением в Лигу наций, и мысль о связи с нами сливается у них с мыслью о реванше в будущем»³. В письме Сталину 31 октября Чичерин подчеркнул: «И в Англии, и в других местах, о нас теперь много говорят <...>, мы фактор, нарушающий гармонию общего соглашения. Это есть

¹ ADAP. Bd. XI. Göttingen, 1993. № 86. S. 202; № 212. S. 517–518; № 230. S. 577–578.

² Крестинский – Чичерину. 19 июня 1925 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 92. Д. 50247. Л. 175.

³ Берлин. Чичерин – Литвинову. 18 октября 1925 г. // Там же. Ф. 082. Оп. 4. П. 117. Д. 99. Л. 222.

источник нашей силы, ибо вызываемое нами беспокойство толкает к желанию соглашения с нами. Непременное условие этого – продолжение твердой и ясной линии»¹.

Однако дальнейшую нормализацию советско-германских отношений замедляло вмешательство Кремля в политику Веймарской республики. В частной беседе с Сектом в январе 1925 г. Крестинский заявил: «...я лично и правительство СССР решительно против вмешательства во внутренние дела Германии <...> [но] мы, конечно, не можем отвечать за чисто партийные выступления РКП и Коминтерна». Генерал «благодарил за это заявление», но четко назвал мотивы, вынуждающие Веймарскую республику сотрудничать с Советским Союзом: «Единственная страна, на которую Германия может опереться в деле своего военного возрождения, это Россия». Второй мотив, по словам Секта, это Польша, ибо «Германия не может существовать при нынешних восточных границах, особенно при наличии Польского коридора <...>. Цель Германии на востоке – это восстановление германской границы 1914 г. и <...> общей границы между Германией и Россией». При этом он отметил: «Но путь к этому один – с помощью России увеличивать военную мощь Германии». Сект обратил внимание Крестинского на важное обстоятельство: «Значительные круги нашей буржуазии боятся внешнеполитического сближения с Россией, так как думают, что в таком случае увеличится влияние России на внутреннюю политическую жизнь Германии. Эти круги не знают и не должны знать о наших действительных отношениях. Поэтому они менее ценят, чем нужно, нашу внешнеполитическую близость. И нам трудно бывает иногда убеждать их»².

Вместе с тем, как писал 19 февраля 1925 г. Литвинову заведующий Отделом Центральной Европы НКВД С.С. Александровский, «ряд скандальных историй» раздуваются «в конфликты межгосударственного характера». Так, Брокдорф-Ранцау жаловался Чичерину на «наглую» статью в газете «Красная Звезда» (орган Политуправления Ленинградского военного округа), что «германское Правительство и, в частности, министр Штреземан занимаются воровством». Посол намекнул, что «после этого никакие разговоры на большие темы, в которых крупную роль играет генерал Сект, не будут возможны. Травля германского правительства, – по его словам, – и создание враждебного ему настроения в рядах Красной Армии исключает такие возможности». Брокдорф-Ранцау просил поговорить с председа-

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 50. П. 312. Д. 54693. Л. 49.

² Военные вопросы. Крестинский – Литвинову // Там же. Оп. 13. П. 87. Д. 50123. Л. 5–10.

телем РВС СССР М.В. Фрунзе «для того, чтобы избежать подобных выступлений»¹.

Тем не менее военно-политическое сотрудничество Красной армии и рейхсвера возобновилось. Так, 18 сентября 1925 г. состоялся ужин в честь советской делегации во главе с начальником штаба РККА (в 1925–1928 гг.) Тухачевским. Полковник К. Штюльпнагель от имени Войскового управления министерства рейхсвера подчеркнул в своей речи общность интересов двух армий и необходимость совместной работы. Тухачевский в ответном слове говорил о важности знакомства представителей обеих армий, выступал за их взаимное сближение. Проблемы сотрудничества обсуждались и на последующих встречах, например в декабре 1925 г.²

Однако прозападная внешняя политика Штреземана вызывала беспокойство в Кремле, и в качестве средства нажима на Берлин Москва вновь использовала «польский фактор», начав в 1925 г. с Варшавой переговоры о заключении договора о ненападении. Советско-польские консультации, проходившие одновременно с советско-германскими переговорами, вызвали негативную реакцию Штреземана. В результате СССР прекратил диалог с Польшей и 24 апреля 1926 г. подписал Берлинский договор «О ненападении и нейтралитете» с Германией.

Берлинский договор, последовательными сторонниками которого были консервативные круги Германии, способствовал активизации военного сотрудничества. Крестинский писал 18 января 1927 г. Литвинову и замнаркому по военным и морским делам, зампредседателю РВС СССР И.С. Уншлихту: «Нам посещение германских маневров, слушание лекций в Германской академии, знакомство со всякого рода техническими достижениями в германской армии очень полезно. Это признавали все без исключения военные товарищи, приезжавшие сюда <...>. То, что мы предоставляем немцам в обмен, нам ничего не стоит, так как все они оплачивают за свой счет, а в глубинах СССР легко найти незаметное место для всякого рода школ и др. небольших немецких учреждений <...> прошу Вас бороться против разрыва всякого контакта с немецкими военными»³. Стажировавшиеся в Германии советские командиры разделяли мнение полпреда: у немцев не все идеально, но все же немецкая армия

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 87. Д. 50119. Л. 17.

² Военные вопросы. Из дневника Штанге. Берлин. 19 сентября 1925 г. // Там же. Д. 50123. Л. 19; Крестинский – Литвинову. 8 декабря 1925 г. // Там же. Л. 24–30.

³ Цит. по: Ахтамзян А.А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1933 гг. // ННИ. 1990. № 5. С. 14–15.

«хранит в своем командном составе традиции лучшей армии мировой войны <...> это заставляет нас дорожить связью с рейхсвером»¹.

В связи с приездом в Берлин Уншлихта в июле 1927 г. в его честь был дан обед. С немецкой стороны на нем присутствовали министр рейхсвера (в 1920–1928 гг.) О. Гесслер, генерал Хассе, начальник Войскового управления (в 1927–1929 гг.) полковник (с 1928 г. генерал) В. фон Бломберг, начальник штаба 4-го военного округа полковник Л. Бек, другие высшие офицеры, а также Брокдорф-Ранцау. Диалог шел по двум линиям: «Во-первых, о желательности или нежелательности дальнейшего сотрудничества, хотя и на новых началах; во-вторых, что мы не хотим иметь соглашения от военного ведомства к нашему военному ведомству, а хотим, чтобы за спиной военного ведомства стояло все германское правительство <...>, и чтобы в переговорах участвовало министерство иностранных дел»².

Более детально проблемы выявились в ходе беседы Уншлихта и Хассе, запись которой Крестинский отправил в Москву. Уншлихт обратил внимание Хассе на «ослабление интереса» к совместной работе по вооружению обеих стран и заявил, что советская сторона готова предоставить Берлину «всяческие возможности наладить и расширить те опыты, которые вы не можете поставить на собственной территории». Хассе ответил, что работа задерживается из-за «кампании разоблачений и шума» в советской прессе, а также по финансовым причинам: «В ближайшем году начинаются полные платежи по плану Дауэса, тогда единственным нашим лозунгом останется экономия <...> распределение бюджета зависит от парламента <...>. Мы играем при этом страдательную роль». Уншлихт подчеркнул: «Вы не считаете опасность войны близкой и реальной <...>. Мы оцениваем положение иначе. Неделя обороны, проведенная у нас и отчет о ней, написанный Ворошиловым в “Известиях”, показывают, что у нас все общественное мнение страны осознало эту опасность». Соглашения между двумя армиями, заметил Уншлихт, «должны быть санкционированы обоими правительствами и проведение их должно идти по линии обоих Министерств Иностранных Дел». После ухода Хассе Уншлихт изложил Брокдорф-Ранцау советское видение военно-политического сотрудничества и указал, что с генералом имеются расхождения в оценке сроков возможного военного конфликта с Польшей, за спиной которой стоит Англия. Посол обещал «воздействовать на генерала в желательном направлении»³.

¹ Рейхсвер и Красная Армия: Документы из военных архивов Германии и России, 1925–1931 гг. М., 1995. С. 15.

² Крестинский – Чичерину. 24 июля 1927 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 93. Д. 50264. Л. 157–158.

³ Там же. Л. 167–170.

В свете прошедших встреч представителей Красной армии и рейхсвера Крестинский 26 февраля 1928 г. писал наркомпо по военным и морским делам К.Е. Ворошилову, что в Москву выезжает замначальника Генерального штаба рейхсвера полковник Х. Миттельбергер: «Хочу обратить Ваше внимание на <...> любезный прием», который встретили в Германии командующий войсками Московского военного округа И.П. Уборевич и начальник Военной академии имени М.В. Фрунзе Р.П. Эйдеман. Едущие к нам немцы должны быть «радушно встречены в Москве <...>. То впечатление о нашей Красной Армии и о нашем отношении к немцам, с которым Миттельбергер вернется из Москвы, окажет несомненное влияние» на нового министра рейхсвера генерала В. Гренера «в определении их дальнейшего отношения к нам»¹.

Резюмируя, отметим: по мнению руководства Красной армии, наиболее важным аспектом военно-политического сотрудничества Советского Союза и Веймарской республики были поездки советских командиров на полевые и штабные учения, академические курсы при Генеральном штабе рейхсвера, повышавшие их военную культуру. Положительные результаты сотрудничества с рейхсвером для Красной армии проявились прежде всего в области теоретической подготовки командиров и, учитывая наличие общего противника в лице Польши, в военно-стратегическом планировании. Но в этом контексте уместно привести выдержку из написанного в мае 1933 г. письма Крестинского (замнаркома иностранных дел с 1930 г.), адресованное его преемнику на посту полпреда Л.М. Хинчуку: «Мы не возражали, когда немцы говорили об общем враге, то же делали наши военные», но мы никогда, подчеркнул он, «не давали обещания поддерживать герм[анское] пра[вительство] в его реваншистской войне против Польши»².

В подтверждение этого тезиса приведем оценку сотрудничества Красной армии и рейхсвера немецкой стороной. Советник посольства Берлина в Москве Г. Хильгер писал о существовании советско-германских «конкретных целей», но не союза³. Многие современные историки ФРГ также отрицают наличие советско-германского альянса, считая основным мотивом продолжения рапальской ли-

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 95. Д. 50334. Л. 105.

² Цит. по: Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920 – 1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1. СПб., 2000. С. 83. Сн. 48.

³ Хильгер Г., Мейер А. Россия и Германия. Союзники или враги. М., 2008. С. 243–244.

нии со стороны Германии прагматичную враждебность к Польше¹. Вероятно, возможность совместных действий с СССР была для Секта козырем, сохранявшим силу, пока он не был разыгран. По крайней мере, по словам Брокдорф-Ранцау, «дружба с Советской Республикой была реальна и практически ценна германскому правительству в значительной мере потому, что неопределенная угроза со стороны Советской Республики висела над Польшей и удерживала ее от более агрессивной политики по отношению к Германии»². Не случайно в 1925–1928 гг. посол сконцентрировал усилия на политической стороне военных отношений СССР и Германии.

Однако с конца 1920-х гг. Советский Союз и Веймарская республика стали сворачивать военно-политическое сотрудничество. Во-первых, изменились международная конъюнктура и внутренняя политика СССР и Германии, особенно после начала в 1929 г. мирового экономического кризиса.

Во-вторых, немалую роль сыграл персональный фактор. Еще в октябре 1926 г. был отправлен в отставку командующий рейхсвером Сект. В сентябре 1928 г. скончался активный сторонник дружественных отношений с СССР Брокдорф-Ранцау, а в октябре 1929 г. ушел из жизни Штреземан, стремившийся к сбалансированному курсу между линией Рапалло и линией Локарно. Пришедшие в МИД, министерство рейхсвера и другие ведомства новые деятели ужесточили политику в отношении СССР.

Одновременно резко ухудшилось здоровье Чичерина, который находился на лечении в Германии с сентября 1928 г. и лишь в январе 1930 вернулся в Москву, но к работе не приступил. Исполнял обязанности наркома в эти годы Литвинов, недооценивавший важность советско-германских отношений. Он и стал наркомом в июле 1930 г.

Автор оценивает советско-германские военно-политические отношения в 1920-е годы как позитивное явление в борьбе против «санитарного кордона», созданного версальскими миротворцами, в частности, для изоляции Германии и Советского Союза. К сожалению, по-прежнему существует ревизионистский подход к данной проблеме: начиная со сборника документов под названием «Фашистский меч ковался в СССР» (1992 г. издания)³ и заканчивая современными

¹ См., напр.: Zwischen Tradition und Revolution: Determinanten und Strukturen sowjetischer Aussenpolitik 1917–1941 / hrsg. v. L. Thomas u. V. Knoll. Stuttgart, 2000. S. 113–114.

² Чичерин – Крестинскому. 2 июля 1926 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 89. Д. 50174. Л. 27.

³ См., напр.: Никифоров Ю.А. Фальсификация Второй мировой войны: к постановке проблемы // Там же. С. 52, 53.

публикациями о советско-германском военном альянсе в 1920-х годах. Однако военно-политическое сотрудничество СССР и Германии в 1920 годы на основе отдельных секретных соглашений не являлось альянсом. В 1920 годы помимо бессрочного Рапалльского договора действовал также подписанный 26 апреля 1926 г. между Германией и СССР Берлинский договор «О ненападении и нейтралитете» (формально существовал до 22 июня 1941 г.). Сочетание рапалльской и локарнской линий в политике Веймарской республики помогало ей готовить «мирную ревизию» Версальской системы, но в 1920-е годы это было выгодно и Советскому Союзу.



Глава VII ПОЛИТИКА РОССИИ, ГЕРМАНИИ И ПОЛЬШИ В ЦВЕ (1929–1934 гг.)

7.1. Обострение германо-польских отношений в 1929–1933 гг.

Анализ Версальской системы показывает: «миротворцы» в Париже немало сделали для того, чтобы создать в Европе очаги новых конфликтов. Наглядный пример – подход к решению вопроса о выходе Польского государства к морю. Польша получила 62 % территории Западной Пруссии (Поморья) в виде сужающегося к морю Польского (Данцигского) коридора. Данциг (Гданьск) с округом получил статус «вольного города» под управлением Лиги наций с предоставлением в нём Польше определённых прав. К проблемам Данцига и Коридора СССР прямого отношения не имел, но в случае обострения германо-польских противоречий не смог бы остаться в стороне, что объясняло внимание Кремля к этим спорным территориям. О важной роли Данцига в случае возможной новой советско-польской войны в 1927–1928 гг. писал президент данцигского сената (правительства) Г. Зам¹.

По мнению германских правящих кругов, геополитическая трансформация региона превратила его в слабейшее звено Версальской системы и показатель состояния отношений между Германией, Польшей, западными державами и СССР.

В начале 1930 г. немецкие националисты развернули кампанию в связи с 10-летием «отторжения» Данцига и Западной Пруссии от Германии. Пресса освещала митинг, прошедший в Данциге, на котором бургомистр Гамбурга выступил за изменение восточной границы Германии, используя право немцев «отторгнутых территорий» на самоопределение².

¹ Письма Замы германскому дипломату Г. Дирксену. 24 декабря 1927 г., 28 марта 1928 г. // РГВА.Ф. 1353. Оп. 1. Д. 53. Л. 6, 7, 32.

² Kölnische Zeitung. 1930. 11 Januar.

В официальных германско-польских отношениях германское правительство – под нажимом западных держав – решало спорные экономические вопросы, связанные с «таможенной войной» и экспроприацией в Польше части немецкой собственности. 31 октября 1929 г. Берлин и Варшава подписали ликвидационное соглашение (взаимный отказ от финансовых претензий), 17 марта 1930 г. – торговый договор. Ратификации документов с немецкой стороны противодействовала националистическая оппозиция¹. Но, как писал в мемуарах германский министр иностранных дел Ю. Курциус, договор и соглашение были подписаны для ускорения т. н. эвакуации Рейнской области (вывода из неё иностранных войск), приведя к отсрочке в официальных требованиях ревизии германо-польской границы².

В Польше отношение к соглашениям с Германией было неоднозначным, что объяснялось политической борьбой партий в условиях кризиса. «Санационный» режим Ю. Пилсудского опирался на помещичье-буржуазные круги, имевших экономические интересы в отошедших Польше по условиям Рижского мира украинских и белорусских землях, и, по сути, не препятствовал усилению Германии, надеясь в будущем на германо-польский поход против СССР.

Вместе с тем Польша нуждалась в экономических связях с Советским Союзом. Выражавшая интересы значительной части деловых кругов Национально-демократическая партия выступала за нормализацию отношений с СССР³. Эндеки считали, что ратификация германо-польских соглашений будет «лить воду на мельницу антипольской пропаганды» в Поморье. Рупор эндеков «Gazeta Warszawska» опубликовала серию статей с предложениями улучшать польско-советские отношения. «Бесцельные авантюры на Востоке», планы «раскола России» путём создания «польско-украинской федерации» с помощью Германии подвергались критике, поскольку такое «соглашение возможно только за счет западных провинций Польши». Особую тревогу эндеков вызвал вывод французских войск из Рейнской области в июне 1930 г. В июле «Gazeta Warszawska» в статье «Оборона Поморья и мир» отмечала: «Первая линия окопов, защищающая Поморье и европейский мир, отдана без борьбы <...>. В первую очередь надо показать противникам и друзьям: Польша в вопросе Поморья никаких уступок не сделает <...>. Против по-

¹ Lokal-Anzeiger. 1930. 5 Februar.

² Curtius J. Sechs Jahre Minister der Deutschen Republik. Heidelberg, 1948. S. 98.

³ Беседа члена коллегии НКВД Б.С. Стомякова с посланником Польши в СССР С. Патеком 13 июля 1930 г. // ДВП СССР. Т. 13. М., 1967. С. 348.

пытков ревизии германо-польской границы есть только один способ: подготовка к войне на нашей западной границе»¹.

Ранее полпред СССР в Варшаве в 1924–1927 г. П.Л. Войков, описывая частную беседу с лидером эндеков Р. Дмовским, отмечал уверенность Дмовского, что «с нами можно жить в добрососедских отношениях»².

В Германии проявились признаки политического кризиса, выход из которого правящие круги видели в отказе от буржуазной демократии. Формирование в марте 1930 г. кабинета Г. Брюнинга упрочило позиции сторонников политики реванша.

Эвакуация войск союзников из Рейнской области вызвала определённые надежды в Веймарской республике и Данциге, а визит в «вольный город» крейсера «Кёльн» в июне 1930 г. стал для его жителей демонстрацией «укрепления отношений между Германией и Данцигом». Власти Данцига и Гинденбург обменялись приветственными телеграммами³. Газета «Kölnische Zeitung» написала 15 июля: «После решения рейнской проблемы центром европейской политики станет вислинская проблема».

О сложной ситуации в Поморье сообщил полпреду в Варшаве В.А. Антонову-Овсенко германский посланник У. Раушер: «...все, что делает Германия в отношении Данцига и Коридора, имеет целью оттянуть время, ослабить темп польского натиска для того, чтобы не дать полякам окончательно полонизировать Коридор. Вы не знаете, сколько нам стоит этот Данциг. Мы уже много денег всадили в поддержку Данцигских верфей»⁴.

10 августа в связи с 10-й годовщиной плебисцита в Восточной и Западной Пруссии перед зданием рейхстага состоялась националистическая манифестация. Перед её участниками выступил с речью министр «оккупированных территорий» Г. Тревиранус. Он говорил о «расчленённом районе Вислы <...> и отчаянном положении Данцига», о том, что «из горечи разлуки с нашим Востоком растут силы» для борьбы за его освобождение⁵.

Польша, желая избежать официальной дипломатической переписки, отреагировала на речь Тревирануса лишь устным протестом, но антигерманские выступления в стране достигли большого раз-

¹ Gazeta Warszawska. 1930. 14 maczecz; 20 czerwiec; 19 lipiec.

² Выписка из дневника Войкова. 31 декабря 1925 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 219. Д. 52693. Л. 1.

³ Gazeta Warszawska. 1930. 22 czerwiec; 2, 16 lipiec.

⁴ Из дневника полпреда Антонова-Овсенко. 16 октября 1930 г. // АВП РФ. Ф. 010. Оп. 1. П. 4. Д. 75. Л. 13.

⁵ Schulthess's Europäischer Geschichtskalender. Bd. 71. München, 1931. S. 188, 189.

маха. Например, на митинге в Варшаве политика Германии была названа «политикой лжи», звучали призывы к борьбе за «польский Гданьск». Польская печать писала о необходимости солидарности политических партий в противовес «единству политических партий в Германии по вопросу границ с Польшей». К началу сентября 1930 г., констатировал историк из ФРГ Х. Роос, ссылаясь на приватное мнение дипломата А. Высоцкого, Пилсудский считал, что **«гданьский вопрос может быть решен только польским армейским корпусом»**¹ (выделение мое. – В.З.). В польском генштабе формировалась концепция интервенции против Данцига для предотвращения с его стороны саботажа, который был летом 1920 г.

Антипольская кампания лета 1930 г. повлияла на итоги сентябрьских выборов в рейхстаг. Успех нацистской партии (НСДАП получила в 8 раз больше голосов, чем на выборах в рейхстаг 1928 г.) сказался на настроениях немцев, проживавших на территориях, отошедших от Германии по Версальскому миру. Немецкий национально-социалистический союз в Польше, созданный в 1921 г. в Верхней Силезии, численность которого до 1930 г. составляла не более 300 человек, был переименован в Младогерманскую партию в Польше. Она начала деятельность и за пределами Верхней Силезии².

Нацисты маскировали внешнеполитические планы заявлениями, что их внимание поглощено вопросами внутренней политики. Польские правящие круги недооценивали угрозу, которую для Польши создаст приход к власти нацистов. Отражавшая официальную позицию правящего лагеря «Gazeta Polska» опубликовала на своих страницах 9 сентября 1930 г. статью «От Штреземана к Гитлеру», в которой, в частности, говорилось: «Ревизия восточных границ является только одним из многих пунктов программы немецких национальных социалистов <...>. В победном марше Гитлера проблема восточных границ представляется сравнительно малозначимым вопросом в сравнении с обращённым против бывших союзников боевым фронтом. Гитлер – это скорее “Дранг нах Вестен, чем Дранг нах Остен”»³.

Экономический кризис и успех фашистов на выборах в рейхстаг позволили НСДАП на выборах в фолькстаг (парламент) Данцига в ноябре 1930 г. получить 16,7 % голосов избирателей (в 1927 г. – 1,7 %). Выросла численность нацистской организации Данцига, отрядов СА и СС. В феврале 1931 г. у нацистов в Данциге появился

¹ Цит. по: Roos H. Polen und Europa. Studien zur Polnischen Aussenpolitik 1931–1939. Tübingen, 1957. S. 39.

² Osiański S. V kolumna na Pomorzu Gdańskiem. W., 1965. S. 31.

³ «Gazeta Polska». 1930. 9 wrzesień.

свой печатный орган – газета «Der Vorposten», девизом которой стал лозунг: «Назад в рейх». После выборов лидер данцигских националистов Э. Цим провёл переговоры с руководителем фракции нацистов в рейхстаге Г. Герингом о формировании правительства Данцига с участием нацистов. В январе 1931 г. правоцентристское правительство (сенат) Данцига было сформировано, благодаря поддержке НСДАП. Президентом сената стал Э. Цим¹.

Таким образом, на рубеже 1930–1931 гг. оформилось реваншистское антипольское направление германской политики. А. Высоцкий, назначенный польским посланником в январе 1931 г. в Берлин, констатировал реваншистские настроения в правящих кругах Германии². На реваншистские позиции перешёл даже В. Рейнбабен, бывший помощник министра иностранных дел Г. Штреземана. В статье «Германия и Польша. 12 тезисов для политики ревизии», опубликованной журналом «Europäische Gespräche» («Европейские беседы»), он заявил, что Польше надо сказать: «Вы должны нам возратить Коридор и все остальное». Рейнбабен обвинил Варшаву в «полонизации» Коридора и Данцига, потребовал «пересмотра восточных границ <...> в рамках новой международной акции»³. Правда, официально лозунг реванша Германия не выдвигала; её министр Г. Тревиранус пропагандировал реваншистские идеи, а глава МИДа Ю. Курциус выступал за переговоры о пересмотре границ.

Германия стремилась обеспечить поддержку зарубежного общественного мнения требованиям о «мирной» ревизии своей восточной границы, выдвигая проекты компенсации польских интересов. Курциус в письме от 17 марта 1931 г. германскому послу в Лондоне К. Нейрату детализировал германские предложения о ревизии границ. Обосновывая необходимость возвращения Коридора рейху его «историческими правами», он предложил решить проблему, предоставив Польше «привилегированный транзит» к морю, порт в данцигской бухте и «вольные гавани» в германских портах⁴.

Прогерманской позиции западных держав способствовал геополитический аспект германской пропаганды. Немецкий геополитик К. Хаусхофер писал: «Данциг, Мемель (Клайпеда), Верхняя Силезия уже стали... замаскированными кондоминиумами...

¹ Ziehm E. Aus meiner politischen Arbeit in Danzig. Marburg-Lahn, 1957. S. 143–146, 156.

² Wysocki A. Tajemnice dyplomatycznego seifu. W., 1974. S. 76.

³ Rheinbaben W. Deutschland und Polen. Zwölf Thesen zur Revisionspolitik // Europäische Gespräche. 1931. № 2. S. 88–89, 97.

⁴ ADAP. Aus dem Archiv des Auswärtigen Amts. Ser. B: 1925–1933. Bd. XVII. Göttingen, 1982. S. 55–59.

Как возникают ныне границы кондоминиума, можно показать <...> на примере <...> линии Керзона между Советами и Польшей»¹. По его мнению, период геополитического переустройства не закончился с мировой войной, а лишь начался: фальсификации «со стороны Промежуточной Европы <...> польской, чешской <...> были оплачены территориальными расширениями <...>, политико-географическая неосведомлённость таких мужей, как Ллойд Джордж и Вильсон, вошла в поговорку»². Хаусхофер выступал за русско-германское геополитическое сотрудничество, напомнив, что британские геополитики в 1919 г. предлагали переселение немцев «из Восточной Пруссии на запад от Вислы <...>, чтобы Германия и Россия <...> не имели общих границ»³.

Прогерманские настроения в правящих кругах Англии, США и отчасти Франции определялись стремлением направить экспансию Германии на Восток, против СССР. Подобные планы отражены во многих статьях, брошюрах и книгах о проблеме Данцига и Коридора. Так, французский историк Р. Мартель заявлял: поскольку кашубы (потомки древних поморян, живущих на побережье Балтийского моря) не являются поляками, передача Польше Коридора без плебисцита была неправомерна⁴.

С начала 1931 г. обстановка в Данциге и вокруг него стала обостряться. В начале 1931 г. Пилсудский в «лечебных целях» совершил поездку за границу. «Правда», ссылаясь на германские газеты, сообщила о беседах диктатора с представителями английских и французских правящих кругов. В вопросе Коридора Пилсудский якобы согласился пойти на уступки Германии в обмен на её «нейтралитет» в случае войны Польши против СССР, который подразумевал пропуск военных грузов из западных стран в Польшу и участие германского капитала в вооружении Польши⁵.

Во второй половине 1931 г. наблюдался некоторый спад активности антипольской кампании в Германии, который объяснялся отвлечением внимания имперского правительства от внешнеполитических вопросов и дискуссией в правящих кругах о включении нацистов

¹ Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении // Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М., 2001. С. 40. Впервые книга издана в 1927 г. Под кондоминиумом в упомянутых случаях Хаусхофер подразумевал преобладание немецкого населения на территориях, отошедших Польше и Литве.

² Там же. С. 191.

³ Хаусхофер К. Континентальный блок. Центральная Европа. Евразия. Япония // Там же. С. 374.

⁴ Мартель Р. Східні кордони Німеччини. Харків, 1931. С. 104–107.

⁵ Правда. 1931. 10 февраля.

в правительство. Шли также советско-французские и советско-польские переговоры о заключении пактов о ненападении. Отметим, что в 1926–1927 гг. по инициативе СССР проходили советско-польские переговоры о заключении пакта о ненападении, но были прерваны Польшей и возобновились только в августе 1931 г.

7 сентября германский посланник в Варшаве Х. фон Мольтке сообщал в Берлин о возможной опасности, «что эти переговоры ухудшат наши позиции в вопросе ревизии». Дипломат предлагал нормализовать экономические германо-польские отношения и тем самым «противодействовать хозяйственной переориентации отторгнутых областей»¹. Для режима Пилсудского советско-польские переговоры о пакте были попыткой оказать давление на Германию и Францию, перестроить франко-польские отношения на началах равного партнерства. Такой подход не позволил Польше использовать некоторое ослабление антипольской кампании со стороны Германии.

К концу 1931 г. стрелка барометра германо-польских отношений, по словам Мольтке, «опустилась до нулевой точки»: во-первых, обострилась «таможенная война», во-вторых, в Польше возникло беспокойство, что после снятия оков репараций и «под возрастающим влиянием идеологии Гитлера ревизия границ как единственный нерешенный крупный внешнеполитический вопрос станет объектом, на который будет направлена вся энергия Германии»².

В этой ситуации Пилсудский и вице-министр иностранных дел Польши Ю. Бек, становившийся второй после маршала главной фигурой в руководстве польской внешней политикой, в конце декабря 1931 г. выдвинули на первый план проблему Данцига. Было решено подчеркнуть готовность Польши предпринять решительные шаги для сохранения своих позиций по этому вопросу³.

По словам историка из ФРГ Х. Хёлтге, «политическое и военное запугивание» Германии Пилсудским достигло в тот период высшей точки. По мнению Хёлтге, этому способствовало отвлечение внимания СССР на Дальний Восток в связи с оккупацией Маньчжурии Японией. У пилсудчиков возникли надежды на овладение Данцигом и Восточной Пруссией, поскольку, как они считали, СССР не сможет занять активную позицию в случае германо-польской войны⁴. Немецкий историк Х. Роос отмечает, что политика запугивания Германии Пилсудским опиралась на «внутреннюю разобщенность

¹ ADAP. Bd. XVIII. Göttingen, 1982. S. 427–429.

² Цит. по: Hóltje Ch. Die Weimarer Republik und das Ostlokarne-Problem 1919–1934: Revision oder Garantie der deutschen Ostgrenze von 1919. Würzburg, 1958. S. 257, 258.

³ Beck J. Pamietniki (Wybor). W., 1955. S. 39, 40.

⁴ Hóltje Ch. Op. cit. S. 193, 194.

рейха и тяжёлое политическое положение кабинета Брюнинга». Цель Пилсудского заключалась в том, чтобы «парализовать дипломатически-пропагандистское наступление правительства Брюнинга» в вопросе ревизии германо-польской границы. Советско-польский пакт о ненападении был парафирован в январе 1932 г. Роос утверждает, что Польша использовала это обстоятельство для давления на Германию, создав напряжённую атмосферу вокруг Данцига¹.

Германия действительно опасалась советско-польского пакта. Когда в 1927 г. в Политбюро ЦК ВКП(б) обсуждали перспективы пакта, советский полпред в Варшаве Д.В. Богомолов списал о своей беседе с посланником Раушером. Он сообщал, что, по словам немецкого дипломата, в Германии «опасаются, как бы наш пакт с Польшей не был гарантией западных границ Польши, в т. ч. юридическим признанием захвата Данцигского коридора». В свою очередь, Богомолов сказал Раушеру: «Основой нашей международной политики всегда была и будет дружба с Германией <...>. Чего мы хотели бы достичь в переговорах с Польшей, это известную гарантию наших восточных границ». Раушер в ответ заметил: отношения между Германией и Польшей определяет «вопрос о Данцигском Коридоре <...>. Пока Коридор в руках Польши, не может быть никакой речи о <...> “стабилизации” отношений между Польшей и Германией»².

На проходивших в начале 1932 г. митингах польских националистов ораторы заявляли о скором вступлении польских войск в Данциг и Восточную Пруссию³. Президент сената Цим в ходе состоявшейся 12 февраля беседе с представителем германского МИД спрашивал последнего, какие шаги предпримет имперское правительство в случае вторжения Польши в Данциг⁴.

Правящие круги Германии были уверены, что Пилсудский блефует, по их мнению, заявления польских правящих кругов в отношении Данцига не означают, что в политической повестке дня Варшавы действительно стоит вопрос о военном разрешении данцигской проблемы.

Тем временем обстановка в Данциге и вокруг него продолжала обостряться. Германские газеты сообщали о готовящемся захвате Данцига Польшей, а польская печать – о планах фашистского путча в «вольном городе»⁵. Опасения подтверждал полёт Гитлера в апре-

¹ Roos H. Op. cit. S. 37–39.

² Из дневника полпреда в Польше Богомолова. 4 ноября 1927 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 220. Д. 52717. Дневники полпредства в Польше. Л. 25–26.

³ Deutsche Allgemeine Zeitung. 1932. 14 Februar.

⁴ ADAP. Bd. XIX. Göttingen, 1983. S. 569, 570.

⁵ Kurjer Warszawski. 1932. 15 maczciec.

ле в Восточную Пруссию с остановкой в Данциге, где он выступил с реваншистской речью и принял парад штурмовиков¹. После указа президента Германии П. фон Гинденбурга от 13 апреля 1932 г. о формальном роспуске СА и СС во французской печати появились сообщения о готовящемся переносе штаб-квартиры НСДАП из Мюнхена в Данциг².

Польская пресса не приняла эти сообщения на веру, но тревожилась по поводу участвовавших визитов в Данциг нацистских руководителей, писала о разгуле фашистских организаций, требуя их запрета в «вольном городе», критиковала бездеятельность данцигских властей. С протестом к верховному комиссару Лиги наций в Данциге М. Гравине обратился генеральный комиссар Польши в Данциге К. Папе, но дело ограничилось запретом штурмовикам носить мундиры³. Германский консул в Данциге Э. Терман, комментируя в сообщении МВД от 9 мая кампанию в польской печати, отмечал, что меры против данцигских нацистов не будут приняты, поскольку правоцентристский сенат опирается в своей политике на их поддержку⁴.

Вместе с тем польская печать по-разному оценивала успехи нацистов. Пресса эндеков в комментариях «Победа Гитлера на выборах в ландтаг Пруссии» (в апреле 1932 г.) была единодушна в своих оценках. «Gazeta Warszawska» писала: «Германия находится накануне гитлеровской эры» и «с 24 апреля ни одно правительство не сможет править против Гитлера». Газета назвала Гитлера «осторожным и искусным игроком», предсказывая, что Германии «предстоит не развал, а внутренняя консолидация»; «чем лучше обстановка в Германии, тем хуже для нас». Правительственная пресса писала не столь однозначно. «Gazeta Polska» и «Dzień Polski» предсказывали усиление хаоса в Германии, но не предвидели скорого прихода Гитлера к власти. «Kurjer Polski» заявил: опасность состоит в том, что «Гитлер добился успеха, но не победил, т. к. в случае прихода к власти быстро израсходовал бы себя»⁵.

С. Цат-Мацкевич – издатель выходившей в Вильно консервативной газеты «Слово» – в передовой 15 мая 1932 г. осудил за антигерманскую пропаганду эндеков и людовцев (Стронництво людове, Крестьянская партия), якобы готовящих польско-советский воен-

¹ Völkischer Beobachter. 1932. 9 April.

² См.: Gazeta Warszawska. 1932. 15 maczecz.

³ Polska Zbrojna. 1932. 26 kwiecień.

⁴ ADAP. Bd. XX. Göttingen, 1983. S. 170.

⁵ Прессбюро полпредства в Польше. Сводка за апрель–май 1932 г. // АВП РФ. Ф. 122. Оп. 15. П. 51. Д. 8. Л. 60.

ный союз. В частности, он приводил выдержки из книги «Легенды и факты». Ее автор – людовец генерал Роя – писал: «...общность политического фронта с Востоком, соглашение с Советской Россией <...> в экономической и политической областях [необходимы] для того, чтобы удержать агрессивность прусского национализма, несущего нам 4-й раздел». Цат-Мацкевич, критикуя эндеков и людовцев, заявил: «...нет никакой России, сейчас имеется только большевистский режим, который <...> стремится к всемирному революционному потоку». По мнению сотрудников прессбюро полпредства Москвы в Варшаве, издатель «Слова» ради соглашения с Германией был готов «отказаться от антигерманской политики», взамен на отказ Германии от «коридорной пропаганды». В передовой статье виленского «Слова» от 18 мая известный публицист В. Студницкий обвинил левых депутатов французского парламента в советофильстве, выступив за польско-франко-германское соглашение. Оценивая результаты прусских выборов, Студницкий писал: «...через 2 или 3 месяца решающим фактором в Германии будет Гитлер»¹.

Страсти особенно разгорелись после опубликования в лондонских газетах «Дейли экспресс» и «Дейли геральд» телеграмм их корреспондентов из Данцига, в которых сообщалось о якобы предполагавшемся 1 мая 1932 г. захвате «вольного города» польским флотом, которому в последний момент помешала Франция². Националистические газеты Германии утверждали: если дело не дошло до ввода польских войск в Данциг, это не значит, что подобное невозможно. Они расценивали сообщения английской печати как сигнал, доказывающий подготовку Польши к военному захвату Данцига, считали, что это может произойти в ближайшем будущем, поскольку сенат отказался продлить истекшую в 1931 году конвенцию о праве «родного порта» и запретил заход польских военных кораблей в данцигский порт³.

В мае при обсуждении в рейхстаге проблемы безопасности Данцига националисты обвинили рейхсканцлера Брюнинга в неспособности защитить «вольный город» от польской угрозы и призвали создать «пограничную охрану Востока» («Grenzschutz Ost»)⁴. Впрочем, в апреле французский военный атташе в Берлине писал в Париж: «“Пограничная охрана Востока” уже создана из СА, СС и милитаристских союзов, поэтому правые партии запрет СА и СС в Германии оценили как ослабление “Grenzschutz Ost”»⁵.

¹ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 15. П. 51. Д. 8. Л. 96–99.

² См.: Kölnische Zeitung. 1932. 2 Mai.

³ Lokal-Anzeiger. 1932. 3 Mai.

⁴ Polska Zbrojna. 1932. 12 maj.

⁵ Цит. по: Roos H. Op. cit. S. 43.

Лидер фракции НСДАП в рейхстаге Г. Геринг на заседании 10 мая заявил, что Данциг не стал «добычей Польши» благодаря созданию там «сильного центра национал-социализма, ставшего эффективной моральной поддержкой нашим соотечественникам». Он предостерегал «заинтересованные державы» от того, чтобы «не доводить до крайности свои требования, иначе искра, вспыхнувшая в этом городе, охватит пожаром всю Европу»¹. На том же заседании министр рейхсвера В. Грёнер зачитал выдержку из приказа штаба СА, в котором штурмовикам Данцига было дано указание спровоцировать на польско-данцигской границе вооружённый конфликт.

В Польше сообщения английских газет и немецкие комментарии к ним подверглись резкой критике. Вместе с тем газета военного министерства «Polska Zbrojna» («Польское оружие») объявила источником английских сообщений «польскую националистическую оппозицию» и сообщила, что Польша не планировала демонстративный визит военных судов в Данциг, хотя и не согласна с запретом сената на их заход. «Polska Zbrojna» писала: «Данциг похож в данный момент на ребенка, забавляющегося спичками на бочке с бензином». Газета призвала западные державы «внимательно следить за проказами этого младенца» и «отнять у него спички»². Рупор Польского генштаба «Kurjer Poranny» 12 мая 1932 г. обвинил Германию в подготовке «преступления, превышающего преступление 1914 г.», указав, что «слухи об угрожающей якобы оккупации Данцига Польшей являются повторением такого же маневра 1914 г.»³. В ответ на антипольские выступления в Германии и Данциге в Польше прошли митинги протеста.

Польская печать обвинила в причастности к событиям вокруг Данцига и Советский Союз, который, по её утверждениям, якобы был заинтересован в разжигании германо-польского конфликта. Антисоветская истерия в Польше усилилась после убийства 7 мая 1932 г. французского президента П. Думера русским белоэмигрантом, которого премьер-министр Франции А. Тардьё объявил «агентом Коминтерна». Польские газеты публиковали сообщения французской прессы о том, что Москва будто бы предлагает нацистам Данцига «перерезать охраняющих склады на Вестерплатте польских солдат» и после спровоцированного ею германо-польского конфликта перебросить 30 дивизий на Дальний Восток⁴. 10 мая советский

¹ Schulthessy... Bd. 73. München, 1933. S. 77.

² Polska Zbrojna. 1932. 4 maj.

³ Прессбюро полпредства в Польше. Сводка за апрель–май 1932 г. // АВП РФ. Ф. 122. Оп. 15. П. 51. Д. 8. Л. 87.

⁴ Kurier Warszawski. 1932. 29, 31 maj.

полпред в Польше В.А. Антонов-Овсеенко обратил внимание польского вице-министра иностранных дел Ю. Бека на тенденциозное истолкование французских сообщений и «алармистской кампании» в польской печати по поводу советско-японских отношений¹.

Когда германская пресса обвиняла Польшу в подготовке захвата Данцига считавший реальной польскую угрозу «вольному городу» прогермански настроенный итальянец М. Гравина, который стал верховным комиссаром Лиги в Данциге в июне 1929 г., по предложению президента сената Цима обратился к правительствам Великобритании и Италии с просьбой отправить в Данциг военные эскадры с визитом вежливости².

В свою очередь, имперское правительство Германии сообщило о заходе в Данциг с 23 по 27 июня линкора «Шлезия» и двух эсминцев. Поводом для визита стало празднование 500-летия данцигской больницы для моряков. Фактически визит должен был продемонстрировать твёрдость Германии в связи с сообщениями о польских планах захвата Данцига³. Это подтвердил рейхсканцлер Брюнинг, выступая 24 мая в комиссии рейхстага по иностранным делам: «Любые агрессивные замыслы Польши в отношении Данцига приведут к возникновению чрезвычайного конфликта <...>, и Германия <...> защитит <...> свое национальное достоинство»⁴.

Польское правительство – через А. Высоцкого – предлагало германскому руководству «отсрочить посещение на осень», так как визит «сейчас приведет к исключительной напряжённости в отношениях между Германией и Польшей»⁵, отразится на польско-данцигских переговорах по вопросу захода военных судов Польши в порт Данцига. Польские власти и Франция опасались, что визит германской эскадры станет сигналом к выступлению немецких националистов в Данциге.

В этой ситуации Пилсудский решил выяснить: не согласится ли германское правительство урегулировать отношения с Польшей на двусторонней основе, без участия держав? По его приказу был предпринят провокационный шаг с целью демонстрации перед Германией военной силы Польши и её решимости к действию: 15 июня вопреки запрету сената на данцигский рейд прибыл польский эсминец

¹ ДВП СССР. Т. 15. М., 1969. С. 314.

² Ziehm E. Op. cit. S. 106.

³ Известия. 1932. 20 мая.

⁴ Brüning H. Reden und Aufsätze eines deutsche Staatsmanns. Münster, 1968. S. 170.

⁵ Записи статс-секретаря В. Бюлова от 23 и 30 мая 1932 г. Запись руководителя II отдела МИД Г. Кёпке от 20 июня. Сообщение Термана от 29 июня // ADAP. Bd. XX. Göttingen, 1983. S. 193–194, 218–219, 325, 393, 394.

«Вихрь» якобы для приветствия английских военных судов, находившихся в Данциге по приглашению верховного комиссара Лиги наций в Данциге Гравины. Пилсудский приказал в случае нападения на эсминец или «оскорбления польского флага бомбардировать ближайшие официальные здания»¹. Об этой возможности был уведомлен данцигский сенат. В то же время польская сторона дала понять, что в отношениях с Германией ориентируется не на военный конфликт, а на мирное соглашение. Но столь своеобразное польское предложение германское правительство не приняло.

Провокация «Вихря» прошла без инцидентов, дело ограничилось протестами в германской печати, недовольством германской дипломатии и осуждением со стороны Лиги наций. В свою очередь, визит германских военных кораблей в Данциг стал поводом для многочисленных националистических манифестаций, подвергся критике в польской печати, но тоже прошел без серьезных инцидентов².

Новая фаза германо-польских отношений была связана с формированием 1 июня 1932 г. кабинета Ф. фон Папена, заявившего о необходимости «мирно и по частям пересмотреть Версальский договор», после чего можно установить с Польшей «терпимый модус вивенди». Новый кабинет, представлявший известную антипольскими настроениями коалицию юнкеров и генералов, отменил 16 июня формальный запрет на деятельность СА и СС. Германию захлестнула волна реваншизма. 28 июня 1932 г., в 13-ю годовщину подписания Версальского договора, состоялась совместная демонстрация националистов и гитлеровцев, на которой выступил заместитель Гитлера по вопросам «духовной и идеологической подготовки» членов НСДАП А. Розенберг, потребовавший возвратить Германии Данциг и другие «отторгнутые территории» на Востоке. Аналогичные требования выдвигались в Данциге. Польские протесты остались без последствий³.

Ситуация, сложившаяся в польско-германских отношениях во второй половине 1932 г., обусловила близость интересов Советского Союза и Польши, заинтересованных в противодействии планам германской экспансии и диктату западных держав в международных вопросах. Член коллегии НКВД СССР Б.С. Стомоняков в письме полпреду в Польше В.А. Антонову-Овсенко от 7 мая 1932 г. отмечал, что обострение германо-польских отношений и кризис в польско-французских отношениях ускоряют заключение советско-польского пакта о ненападении⁴. Но и после его подписания (25 июля 1932 г.)

¹ Beck J. Op. cit. S. 49, 50.

² Polska Zbrojna. 1932. 27, 29 czerwiec.

³ См.: Roos H. Op. cit. S. 45.

⁴ ДВП СССР. Т. 15. М., 1969. С. 306, 307.

Пилсудский, по словам польского вице-министра иностранных дел Бека, «трактовал пакт о ненападении с СССР скорее как важную политическую декларацию, а не как юридический инструмент»¹. Смысл пакта, по мнению польских правящих кругов, состоял в тактическом укреплении позиций Польши в её отношениях с Германией и западными державами, должен был содействовать разрешению более важных, с точки зрения пилсудчиков, задач.

Вместе с тем мнения о Советском Союзе в польской печати высказывались разные. Московский корреспондент Польского телеграфного агентства Отмар в передовой статье, которую 6 ноября 1932 г. напечатала «Gazeta Polska», писал, как сообщали в своем резюме этой публикации сотрудники советского полпредства в Варшаве: 1. Идет «ортодоксализация» русского большевизма, который все менее подходит для экспорта. 2. СССР строит социализм в одной стране, и Исполком Коминтерна (ИККИ) все более затрудняет мирное сотрудничество СССР с другими странами. ИККИ перестает интересоваться даже комсомол, «т. к. молодежь сто раз более интересуется успехами доменных печей в Кузнецке или же стрелковыми состязаниями в Красной Армии»². Газета молодых пилсудчиков «Legion Młodych» 18 декабря 1932 г. оправдывала польско-советский пакт тем, что «Сталин – это <...> государственный деятель России, а не III Интернационала, и что он ставит интересы своей страны выше всего»³.

Однако правящие круги Польши надеялись, что обостряющийся внутривосточный кризис в Германии нейтрализует реваншизм в её внешней политике и будет сформировано новое правительство, которое пойдёт на сближение с Польшей. Выясняя, насколько германские правящие круги склонны к нормализации германо-польских отношений, посланник в Берлине Высоцкий весной 1932 г. после бесед с политиками Германии, несмотря на их отрицательное отношение к соглашению с Польшей, пришёл к заключению, что для германских буржуазных партий более важны вопросы внутривосточной борьбы, а не проблема возврата «потерянных земель». Он сообщил об этом Пилсудскому, который сделал вывод: стоит ожидать не уменьшения «внутренних трудностей Германии, а скорее их увеличения, что естественно ослабит агрессивную силу этого государства во внешнеполитической области»⁴.

¹ Beck J. Op. cit. S. 123.

² Польская печать. Ноябрь–декабрь 1932 г. // АВП РФ. Ф. 122. Оп. 15а. П. 75а. Д. 9. Л. 17.

³ Там же. Д. 10. Л. 74.

⁴ Wysocki A. Op. cit. S. 79.

2 ноября 1932 г. А. Залесского на посту министра иностранных дел сменил Ю. Бек. Это была не формальная перестановка, а попытка Пилсудского начать преодоление разногласий с Германией.

После формирования в Германии кабинета генерала К. Шлейхера Высоцкий спросил у бывшего рейхсканцлера Папена, «на каких условиях возможно ослабление напряжённости германо-польских отношений без вовлечения в дискуссию тех вопросов, которые связаны с так называемой ревизионистской политикой Германии в отношении Польши». Папен считал необходимым предварительное урегулирование проблемы Коридора, но добавил, что это вопрос «меньшего значения в сравнении с грозящей Европе опасностью социального переворота <...>. Большевизм грозит не только Германии, но и Польше». В Варшаве восприняли эти слова как свидетельство заинтересованности германского руководства в урегулировании на антисоветской основе германо-польских разногласий. В ходе новой беседы Папен сказал Высоцкому, что благоприятным обстоятельством для урегулирования спорных вопросов германо-польских отношений является то, что во главе Германии и Польши стоят Гинденбург и Пилсудский, которые могут договориться «как солдат с солдатом», «без парламента, а может, даже вопреки ему». Встречи с Папеном, по мнению Пилсудского и Бека, показали, что окружение Гинденбурга не против германо-польского примирения¹.

Активность пилсудчиков развивалась на фоне усилившейся в Германии антипольской кампании. В январе 1933 г. в Берлине и Данциге члены НСДАП и «Стальной шлем» (националистический союз бывших фронтовиков мировой войны) организовали массовые антипольские манифестации под лозунгом «Данциг остается немецким»². Не отрезвил правящие круги Польши и приход к власти гитлеровцев. Напротив, установление нацистской диктатуры в Германии Пилсудский и его ближайшее окружение рассматривали как важную для себя положительную перемену. Польские правящие круги еще в 1932 г. полагали, что утверждение власти нацистов будет длительным процессом, и в их интересах ослабление германо-польской напряжённости³. Газета «Exspress Poranny» писала 24 ноября 1932 г.: «Польша, лишенная до сих пор соответствующих кредитных предложений на международном рынке, нашла бы их скорее в случае прихода к власти правительства Гитлера в Германии». Польша

¹ См.: Wojcechowski M. Polska i Niemcy na przelomie lat 1932–1933 // Roczniki Hist. 1963. Roc. XXIX. S. 122, 123.

² Schulthessy... Bd. 74. München, 1933. S. 18.

³ Wysocki A. Op. cit. S. 92, 93.

может «с полным спокойствием относиться к возможности триумфа Гитлера»¹.

Выражением этих взглядов стал прочитанный 18 марта 1933 г. в Познани доклад польского сенатора Т. Кательбаха, в котором он заявил, что в Германии на смену умирающему прусскому национализму, опирающемуся на авторитет Гинденбурга, идет новый национализм. Для австрийца Гитлера главной внешнеполитической задачей является аншлюс, отметил сенатор, и, «может, в скором времени Берлин станет “пограничным городом”, а его место займёт другой город, переименованный в “Гитлербург”?» «Гитлер, – заметил Кательбах, – понимает опасность агрессии против Польши и не пойдет на неё»².

7.2. Начало германо-польского сотрудничества и крах «Восточного Локарно»

Пришедший к власти в январе 1933 г. А. Гитлер воспользовался этим просчётом польских политиков и после антипольской кампании весны 1933 г. пошёл на сближение с Польшей. Пилсудский, в свою очередь, после выхода 14 октября 1933 г. Германии из Лиги наций начал встречное движение. 15 ноября в ходе беседы Гитлера с новым посланником Варшавы в Берлине Ю. Липским было достигнуто соглашение о германо-польских переговорах, закончившихся 26 января 1934 г. подписанием «Декларации о мирном разрешении споров» между Германией и Польшей. По настоянию Германии пакт о ненападении получил менее обязывающие, чем договор, название и форму – декларация. В тексте документа не содержалось признания Германией статус-кво восточной границы, было лишь зафиксировано обязательство решать спорные вопросы путем «непосредственных переговоров» и «не прибегать к применению силы», что на практике не исключало давления на Польшу³.

26 января 1934 г. была подписана германо-польская декларация о мирном разрешении споров и неприменении силы. Была свернута таможенная война, прекратилась взаимная критика в прессе. В наибольшем выигрыше от этого договора осталась Германия.

¹ Польская печать. Ноябрь–декабрь 1932 г. // АВП РФ. Ф. 122. Оп. 15а. П. 75а. Д. 9. Л. 63.

² Katelbach T. Niemcy na przelomie // Straznica Zachodnia. 1932. № 4. S. 409–413 (номер был отпечатан в апреле 1933 г.).

³ Kalisch J. Zur Genesis der deutsch-polnischen Nichtangriffserklärung vom 26. Januar 1934 // Wiss. Ztschr. Rostock. 1976. Hf. 2. S. 171–180.

Немецким дипломатам удалось обойти вопрос о германо-польской границе, при этом внушив Польше, что этот документ является основой ее безопасности. Литвинов в разговоре с американским послом У. Буллитом говорил, что не может поверить, чтобы поляки были настолько глупы, чтобы основывать свою безопасность на словах и доброй воле Гитлера¹. Поскольку сама декларация была лаконичным документом, в прессе сразу же появились предположения, что к ней имеется некое секретное приложение. Соглашение между Германией и Польшей вызвало опасения у их соседей, но получило одобрение Англии и Италии. Соглашение исключало Польшу из любых систем коллективной безопасности, что, естественно, было на руку Германии. Германо-польское сближение было настолько очевидным, что раздражало даже Италию (в то время у Б. Муссолини с А. Гитлером были разногласия по поводу Австрии)². Стоит отметить, что разговоры о секретном протоколе возникали не на пустом месте. Так, советская разведка через завербованного сотрудника МИД Польши получила сведения, что к пакту о неприменении силы, заключенному на 10 лет, имелось секретное соглашение. В силу этого взамен на обязательство Германии ни в каком случае не выступать против Польши как самостоятельно, так и в коалиции с другими государствами, Польша взяла на себя обязательство по отношению к Германии, которое имеет следующую редакцию (текст этого секретного дополнения написан на немецком и польском языках): «В случае непосредственного или косвенного нападения на Германию, Польша соблюдает строгий нейтралитет и даже в том случае, если бы Германия вследствие провокации была вынуждена по своей инициативе начать войну для защиты своей чести и безопасности»³.

Исходя из сказанного выше, не будет преувеличением констатировать, что договор Польши с Германией позволил рейху избежать перспективы объединенного антигерманского фронта. Польский генерал В. Сикорский даже считал, что между Польшей и Германией был заключен военный договор, а военный атташе во Франции полковник И. Блешинский в узком кругу говорил, что «польско-немецкий союз преследует более серьезные цели, чем нормализация польско-немецких отношений». Эти слова И. Блешинского были поняты в том смысле, что польско-немецкие отношения скреплены военным союзом, за которым скрываются агрессивные планы обоих союзников

¹ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1989. С. 64.

² ДВП СССР. Т. 16. М., 1960. С. 721.

³ Секреты польской политики 1935–1945 гг. Рассекреченные документы службы внешней разведки Российской Федерации / сост. Л.Ф. Соцков. М., 2009. С. 28.

по отношению к восточным соседям¹. По мнению генерала Деникина, «те круги, которые питают надежду на сотрудничество Германии в “восточных делах”, могут жестоко обмануться. Данцигский коридор, Поморье, Верхняя Силезия <...> это реальность. Украина же – иллюзия». Возможно, полагал генерал, «стратигему маршала Пилсудского» Гитлер использует «в отношении Польши так, как Пилсудский применял ее некогда в отношении России»².

Чтобы не допустить ревизии версальских границ в ЦВЕ советские дипломаты стали разрабатывать проект «коллективной безопасности». План назвали «Восточный пакт» (в западной историографии – «Восточное Локарно»). Идею Восточного пакта выдвинул в декабре 1933 г. М.М. Литвинов в беседе французским министром иностранных дел Ж. Поль-Бонкур. Однако И.В. Сталин занял промежуточную позицию. В отчетном докладе на XVII съезде ВКП(б) вождь разоблачал германский фашизм и его реваншистскую политику, но отнесся скептически к созданию системы «коллективной безопасности»³.

После отставки Поля-Бонкура в феврале 1934 г. ведение переговоров продолжил его преемник Луи Барту, активный поборник системы коллективной безопасности. Барту активно поддержал «Восточное Локарно» в составе СССР, Чехословакии, Польши, Финляндии, Латвии, Литвы и Германии. В мае 1934 г. Барту предложил включить в систему Восточного пакта Германию, для того чтобы лишить ее повода заявлять, что Франция и СССР проводят «политику окружения» Германии. Литвинов эту идею принял и начал настойчиво ее продвигать. Но Восточный пакт не удалось осуществить из-за отказа участия в нем Германии (11 сентября 1934 г.) и Польши (27 сентября 1934 г.). Немалую роль сыграл трагический фактор – убийство Л. Барту 9 октября 1934 г. в Марселе при встрече югославского короля Александра I, организованное гестапо руками хорватских боевиков – усташей⁴. После кончины Барту его преемник П. Лаваль переориентировал политику Франции на сотрудничество с Германией.

Каковы оценки современных польских ученых столь резкой смены политики Польши в ЦВЕ? М. Волос считает, что главными причинами отказа Польши от «Восточного Локарно» были, во-первых, боязнь ослабления политики «равноудаленности» Польши

¹ Секреты польской политики 1935–1945 гг. С. 18–19.

² Деникин А.И. Кто спас Советскую власть от гибели... С. 12.

³ Отчетный доклад на XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б), 26 января 1934 года // Сталин И.В. Сочинения. М., 1953. Т. 13. С. 301–303.

⁴ См., подробнее: Волков В.К. Операция «Тевтонский меч». М., 1966; Малафеев К.А. Луи Барту – политик и дипломат. М., 1988.

от Германии и СССР, ярким сторонником которой являлся Ю. Бек; во-вторых, опасение допуска советских войск на польскую территорию в случае конфликта с Германией¹. Польский историк М. Корнат пишет: «Пилсудский и Бек считали соглашение с Германией величайшим достижением польской дипломатии»². По мнению другого польского историка, С. Дембского, советско-польский пакт о ненападении 1932 г. и германо-польская декларация 1934 г. «были в польской внешней политике договорным проявлением стремления сохранить политическую самостоятельность»; Польша отказывалась «от поступающих из Берлина намеков на необходимость установить польско-германское взаимодействие на российском направлении»³.

На самом деле германо-польский пакт о ненападении прорвал усилившуюся после выхода Германии из Лиги наций внешнеполитическую изоляцию «третьего рейха», ослабил систему французских союзов на востоке Европы и положил начало заключению Германией двусторонних договоров с соседними государствами, которые она использовала для подрыва усилий СССР и миролюбивых сил Запада, направленных на создание системы коллективной безопасности. Таким образом, Гитлер продолжил веймарскую политику маневрирования в отношении Польши и официально выдвинул притязания на Данциг и Польский коридор в октябре 1938 г. Именно этот субрегион стал поводом ко Второй мировой войне.

¹ Волос М. На пути к Мюнхену. Польская внешняя политика в 1932–1939 гг. // Мюнхенское соглашение 1938 года: История и современность: Материалы международной научной конференции. Москва, 15–16 октября 2008 г. / под ред. Н.С. Лебедевой, М.: Волоса, 2009. С. 29.

² Корнат М. Польша между Германией и Советским Союзом (1938–1939). Политические концепции министра Ю. Бека и международная обстановка // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М., 2009. С. 351.

³ Дембски С. Польша, Советский Союз, кризис Версальской системы и проблема причин начала Второй мировой войны // 65 лет Великой победы: В 6 т. М., 2010. Т. I. Канун трагедии. С. 218.



ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги. Автор видит концептуальную новизну научного труда не столько в освещении политики России в ЦВЕ, сколько в том, чтобы показать преемственность национальной и геополитической традиций на западных российских рубежах в разные временные периоды. Ученые лишь начали исследовать эту проблему, поэтому научный труд носит во многом историко-документальный характер.

Цель работы – анализ политики России по защите ее государственных интересов на западных рубежах, преломление политики и идеологии России в связи с конфликтами в ЦВЕ, которые воздействовали на обстановку в регионе и Европе в целом. Для достижения поставленной цели автор постарался раскрыть следующие научные задачи.

Во-первых, определить роль структур Российской империи и Временного правительства по руководству внешней политикой России. Понимая геополитическое неудобство западных российских рубежей и недостаточную готовность империи к войне, руководство России, стремилось уклониться от назревающего конфликта. Во время войны, несмотря на профессионализм русских дипломатов, по «качеству» внешнеполитического руководства Россия отставала от центральных держав, где вернее учитывались национальные и государственные интересы, а механизм принятия и осуществления решений в западных демократиях был более совершенен. Неблагоприятная для Российской империи ситуация обуславливалась не только военными успехами Германии, но и противоречивой внешней политикой царизма. С началом войны возникли разные структуры, действия которых противоречили друг другу. Серьезные разногласия существовали как среди военно-политической элиты, так и придворной камарильи. Геостратегическое «отставание» характеризовало и политику Временного правительства. Итак, «конфликтная модель» – несовпадение позиций представителей правящих кругов по внешнеполитическим приоритетам – негативно сказывалась на политике России в ЦВЕ в годы войны.

Во-вторых, после установления советской власти изучение проблемы западных рубежей бывшей Российской империи стало возможным лишь при комплексном анализе политики Советской России и Белого движения с учетом решений Парижской мирной конференции. Концепция мировой революции после начала иностранной интервенции приобрела форму революционной геополитики с элементами реальной политики, включавшей стремление большевиков к компромиссу с новыми государствами ЦВЕ. Белое движение проводило традиционную для Российской империи великодержавную политику, что предопределило его внешнеполитическое банкротство и военное поражение в гражданской войне. В то же время большевики часто шли на геополитические компромиссы. К 1920 г. вопреки государственным интересам России произошла серьезная геополитическая трансформация ее «ближнего Запада», а державы Антанты официально не завершили территориального размежевания в регионе. Это вселяло в Германию, Польшу, Советскую Россию, Чехословакию и Литву надежду, что границы в ЦВЕ имеют временный характер и геополитическую ситуацию можно изменить – в пользу того или иного государства – дипломатическими, а скорее военно-политическими методами.

В-третьих, наиболее прагматичные лидеры большевиков после поражения Красной армии под Варшавой увидели ограниченность возможностей революционной геополитики и пошли на серьезные территориальные уступки Польше. Тем не менее военно-политическая ситуация в ЦВЕ осенью 1920 – весной 1921 г. оставалась крайне нестабильной, что позволяло большевикам балансировать между революционной геополитикой и реальной политикой. Одновременно предпринимались робкие шаги по разграничению деятельности Политбюро ЦК РКП(б), НКВД, ИККИ и силовых ведомств. Но решения зачастую оставались на бумаге или осуществлялись формально, что приводило к негативным последствиям для государственных интересов России. Свою роль в этом играла вышеупомянутая «конфликтная модель».

В-четвертых, автор выявил общие механизмы реализации решений Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) на примере стран ЦВЕ и конкретные действия НКВД в регионе в связи с проблемами Виленского края, Восточной Галиции, Мемельской области, транзита по реке Неман, определил роль структур Коминтерна и силовых ведомств в осуществлении политики Советского государства в ЦВЕ. Заметим, что Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) в ряде случаев позволяло Наркомату иностранных дел демонстрировать определенную «самостоятельность». «Независимость» НКВД не вводила Запад в заблуждение, однако облегчала советским дипломатам защиту госу-

дарственных интересов России. Успехи НКИД могли бы быть более значительными, но на международной арене активно действовали Коминтерн и силовые ведомства, с которыми у НКИД сохранялись разногласия.

В-пятых, автор постарался проанализировать политику СССР в системе локарнских отношений до начала 1930-х годов. Не уменьшая антисоветскую составляющую линии Локарно, заметим, что СССР надеялся и на продолжение курса Рапалло, поэтому дрейф большевиков в направлении реальной политики усилился. Вместе с тем провал расчетов на европейскую революцию и определенные успехи реальной политики способствовали укреплению в руководстве партии позиций прагматичного Сталина и его приверженцев, оттеснению от власти руководителей Коминтерна и других большевистских лидеров, разделявших концепцию мировой революции. Основные внешнеполитические установки с середины 1920-х годов обуславливали не столько идеология, сколько геополитическое и стратегическое положение СССР, его военно-экономический потенциал, объективное соотношение сил в мире. Еще до провозглашения Сталиным курса на построение социализма в одной стране на смену «конфликтной модели» с ее колебаниями между революционными методами и элементами реальной политики уже шла авторитарно-государственная (имперская) модель, отражавшая в той или иной мере традиционные интересы Российской империи. Германо-польский пакт о ненападении прорвал усилившуюся после выхода Германии из Лиги наций внешнеполитическую изоляцию Третьего рейха, ослабил систему французских союзов на востоке Европы и положил начало заключению Германией двусторонних договоров с соседними государствами, которые она использовала для подрыва усилий СССР и миролюбивых сил Запада, направленных на создание системы коллективной безопасности («Восточное Локарно»). Исследуемые проблемы 1920-х годов не были урегулированы до конца 1930-х годов. В период Второй мировой войны ЦВЕ стала географическим понятием.

В-шестых, автор выявил последствия Первой мировой войны для общественно-политического дискурса начала XXI века в Российской Федерации, в странах ближнего и дальнего зарубежья. Сегодня бывшие социалистические страны и бывшие советские республики нередко апеллируют к договорам и реальным картам 1920-х годов, создавая ментальные карты с учетом реалий межвоенного периода и предъявляя претензии к Российской Федерации. Современная Россия пытается осуществлять стратегическое партнерство с ведущими державами, но, как это случалось и в прошлом, недоверие в отношениях между Россией и странами ЦВЕ, особенно

Польшей, может поставить Европу на грань новой «холодной войны». Проблема ментальных карт у народов государств ЦВЕ носит не академический, а идеологический и политический характер. Поэтому анализ политики России в первой трети XX века с геополитических позиций важен для прогнозирования внешней политики Российской Федерации.



ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 133. Канцелярия МИД. Ф. 135. Особый политический отдел. Ф. 138. Секретный архив министра. Ф. 151. Политический архив.

Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 04. Секретариат Чичерина. Оп. 1 (Австрия). Оп. 11 (Венгрия). Оп. 13 (Германия). Оп. 27 (Литва). Оп. 32 (Польша). Оп. 43 (Чехословакия).

Ф. 010. Секретариат Крестинского. Ф. 77 (Венгрия). Ф. 082 (Германия). Ф. 122 (Польша). Ф. 138 (Чехословакия). Ф. 0151, 151 (Литва). Ф. 165. Переписка полпреда Крестинского. Ф. 1656. ОДИ НКВД в Берлине. Ф. 188 (Польша).

Государственный Архив Российской Федерации. Ф. Р-200. МИД Российского правительства в Омске. Ф. 440. Отдел пропаганды Особого совещания Главкома ВСЮР. Ф. 5680. Представительство МИД Российского правительства в Париже. Ф. 5866. Русский политический комитет (эвакуационный). Ф. Р-5868 – А.И. Гучков. Ф. 5889. Бюллетени делегации УНР на мирной конференции в Париже. Ф. 5802 – В.Л. Бурцев. Ф. 6087. МИД УНР.

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 5. Секретариат В.И. Ленина. Ф. 17. ЦК КПСС. Оп. 163. Протоколы ПБ ЦК РКП(б). Ф. 63. Польское бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б). Ф. 76 – Ф.Э. Дзержинский. Ф. 143 – Ю.Ю. Мархлевский. Ф. 324 – Г.Е. Зиновьев. Ф. 325 – Л.Д. Троцкий. Ф. 326 – К.Б. Радек. Ф. 359 – М.М. Литвинов. Ф. 558 – И.В. Сталин.

Ф. 495. Коминтерн. Оп. 18. Секретариат ИККИ. Оп. 25. Организационный отдел ИККИ. Оп. 30. Отдел пропаганды ИККИ. Оп. 33. Информационный отдел ИККИ. Оп. 49. Польская комиссия. Оп. 61. Польско-Прибалтийский лендерсекретариат ИККИ. Оп. 71. КПЧ. Оп. 123. Представительство КПП при ИККИ. Оп. 124. КПП. Оп. 126. КПЗУ. Оп. 129. КПЗБ. Оп. 292. Представительство КПГ при ИККИ. Оп. 408. КП Литвы.

Ф. 499. Западноевропейский секретариат – ВЭБ. Ф. 504. Статистико-информационный институт ИККИ (Бюро Варги) в Берлине.

Российский государственный военный архив. Ф. 100. Управление армиями Южного фронта. Ф. 307. Ministerstwo Spraw Wojskowych Rzeczypospolitej. Ф. 1353. Переписка президента сената «Вольного города Данцига» Г. Зама с тайным советником МИД Германии Г. Дирксеном. Ф. 33987. Канцелярия Председателя РВСР.

Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 18ж. Копии документов МИД Австрии.

Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Ambasada RP w Berlinie. Kancelaria Cywilna Naczelnika Państwa. Ministerstwo Spraw Zagranicznych.

Archiv Ministerstva zahraničních věcí České Republiky. Politické zprávy. Československa misse v Moskvě. Kabinet ministra. Zastupitelské úřad. Nemecko. Berlin. Politické věci.

Österreichische Staatsarchiv. Neues politisches Archiv. Liasse Danzig. Liasse Polen. Liasse Russland.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Версальский мирный договор / под ред. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина. М.: Литиздат НКВД, 1925. 198 с.

Документы внешней политики СССР / Комиссия по изданию дип. документов при МИД СССР: А.А. Громыко (пред.) и др. Т. I–XVII. М.: Политиздат, 1957–1971.

Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920): Сб. документов / ред. колл. Г.А. Белов. и др. М.: Воениздат, 1969. 884 с.

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). Т. II / ред. колл. Н.Н. Азовцев и др. М.: Воениздат, 1972. 804 с.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений / ред. колл. И.А. Хренов, Н. Гонсёровская-Грабовская, Т. Цесляк и др. Т. I–IV. М.: Наука, 1963–1966.

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений / ред. колл. П.Н. Пospelов, В. Краль и др. Т. I. 551 с. Т. II. 635 с. М.: Наука, 1973, 1977.

Дух Рапалло: Советско-германские отношения. 1925–1933. / ред. колл. Г.Н. Севостьянов и др. Екатеринбург; М.: «Университет», 1997. 288 с.

Из истории гражданской войны в СССР: Сборник документов и материалов в трех томах / ред. колл. Г.А. Белов и др. Т. 2. Март 1919 – февраль 1920 г. 895 с. Т. 3. Февраль 1920 – октябрь 1922 г. 875 с. М.: Сов. Россия, 1961.

Локарнская конференция. 1925 г.: Документы / ред. коллегия А.Ф. Добров и др. М.: Госполитиздат, 1959. 512 с.

Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях. Ч. II: От империалистической войны до снятия блокады с Советской России / собр. и ред. Ю.В. Ключников и А.В. Сабанин. М.: Литиздат НКВД, 1926. 464 с.

Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917 гг. Серия II. 1900–1913. Т. XVIII / подг. к печати А.С. Ерусалимский. Т. XIX–XX / подг. к печати Л.А. Телешова. М.: Госполитиздат, 1938–1940.

Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917 гг. Сер. III. 1914–1917 гг. Т. VI–X / гл. ред. М.Н. Покровский. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935–1938.

Пионтковский С.А. Гражданская война в России (1918–1921 гг.): Хрестоматия. М.: Изд. Комм. ун-та им. Свердлова, 1925. 709 с.

Польско-советская война. 1919–1920. (Ранее не опубликованные документы и материалы). Ч. I–II / ред. И.И. Костюшко. М.: ИСБ РАН, 1994.

Русско-польские отношения в период мировой войны / текст подготовлен к печати Н.М. Лапинским. М.; Л.: Москов. рабочий, 1926. 165 с.

Сборник документов, касающихся административного устройства Северо-Западного края при императрице Екатерине II (1792–1796). Вильна: Изд-е Вилен. комиссии, 1903. 352 с.

Сен-Жерменский мирный договор / под ред. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина. М.: Литиздат НКВД, 1925. 176 с.

Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора: Сборник документов. Т. 1. 758 с. Т. 2. 596 с. / ред. коллегия С. Дёрнберг, Х. Зайдевиц, И.Н. Земсков и др. М.: Политиздат, 1968, 1971.

Советско-германские отношения 1922–1925 гг.: Документы и материалы. Ч. 1. 383 с. Ч. 2. 408 с. / ред. коллегия: С. Дёрнберг, Х. Зайдевиц, И.Н. Земсков и др. М.: Политиздат, 1977.

Abkommen zwischen der Freien Stadt Danzig und Polen zur Ausführung und Ergänzung der Polnisch-Danziger Konvention vom 9. November 1920. Danzig: S.n., 1922. 106 s.

Akten der Reichskanzlei Weimarer Republik. Das Kabinett Sneidermann / Bearb. v. H. Schulze. Boppard / Rhein: H. Boldt Verl., 1971. 554 s.

Akten der Reichskanzlei Weimarer Republik. Das Kabinett Bauer / Bearb. v. A. Golecki. Boppard / Rhein: H. Boldt Verl., 1980. 889 s.

Akten der Reichskanzlei Weimarer Republik. Das Kabinett Müller I / Bearb. v. M. Vogt. Boppard / Rhein: H. Boldt Verl., 1971. 375 s.

Акты der Reichskanzlei Weimarer Republik. Das Kabinett Fehrenbach / Bearb. v. P. Wulf. Boppard / Rhein: H. Boldt Verl., 1972. 720 s.

Акты zur deutschen auswärtigen Politik. Aus dem Archiv des Auswärtigen Amtes. Ser. A: 1918–1925. Bd. I–X. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1982–1993.

Акты zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Aus dem Archiv des Deutschen Auswärtigen Amtes. Serie B: 1925–1933. Band VIII: 1. Januar bis 30. April 1928. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht 1976.

Das Diktat von Versailles: Entstehung–Inhalt–Zerfall: Eine Darstellung in Dokumenten / hrsg. v. F. Berber. Essen: Essener Verl.-Anst., 1939. 948 s.

Jonca K. Wojna polsko-sowiecka 1920 roku w dokumentach niemieckiej dyplomacji. Wr.: Wydaw. Uniw. Wrocław., 2002. 616 s.

Die Regierung der Volksbeauftragten 1918/1919. Bd. 1. 399 S. Bd. 2. 408 S. / Eingel. v. E. Matthias. Düsseldorf: Droste Verl., 1969.

Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały / red. zbioru R. Bierzanek i J. Kukułka. T. I. 464 s. T. II. 481 s. T. III. 399 s. W.: PWN; 1965, 1967, 1968.

Tajne rokowania polsko-radzieckie w 1919 r. Materiały archiwalne i dokumenty / zebra. i oprac. W. Gostynska. W.: PWN, 1986. 413 s.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛАХ

Внешняя политика контрреволюционных «правительств» в начале 1919 г. (Из документов Парижского посольства) // Красный Архив. 1929. Т. 6 (37). С. 69–101.

«Диктатура Языкоchешущих над Работающими». Последняя служебная записка Г.В. Чичерина // Источник. 1995. № 6. С. 99–116.

Из переписки В.А. Маклакова с Национальным центром в 1919 г. // Красный архив. 1929. Т. 5 (36). С. 3–30.

Иностранные дипломаты о революции 1917 г. // Красный архив. 1927. Т. 5 (24). С. 108–163.

«Назначить Революцию в Германии на 9 ноября» // Источник. 1995. № 5. С. 115–139.

Первая наша забота – стоять твердо в Европе. Так считал крупный военный ученый, профессор Академии Генерального штаба Н.Н. Обручев / публ. И.С. Рыбаченок // Источник. 1994. № 6. С. 5–21.

Польша и южнорусская контрреволюция (Экономические взаимоотношения Польши с Деникиным и Врангелем) // Красный Архив. 1931. Т. 4–5 (47–48). С. 95–110.

Попова С.С. Маршал Пилсудский и Октябрьская революция // ВИЖ. 1992. № 12. С. 24–30.

«Я заявляю...» Ультиматум Карла Радека в Политбюро ЦК РКП(б) / публ. А. Ваглина // Источник. 1998. № 2. С. 42–45.

Małajczyk P. Polski atak na Niemcy w 1923 roku? // Dzieje Najnowsze. 1988. № 2. S. 158–163.

Holzer J. Rozmowa Piłsudskiego zhrabią Kesslerem // Kwartalnik Historyczny. 1961. № 2. S. 447–450.

Jagora M.K., Sikorski K. Wybór korespondencji Józefa Hallera (1918–1940) // Dzieje Najnowsze. 1982. № 1–4. S. 147–166.

ДОКУМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

2-й конгресс Коммунистического Интернационала: Стенографический отчет. Пг.: Б.и., 1921. 682 с.

Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. 602 с.

Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г.: Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. 904 с.

Девятый съезд РКП(б). Март–апрель 1920 г. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1960. 650 с.

Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г.: Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1963. 916 с.

Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1. СПб.: Европ. дом, 2000. 704 с.

Коминтерн и идея мировой революции: Документы / отв. ред. Я.С. Драбкин. М.: Наука, 1998. 949 с.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917–1922. 606 с. Т. 3. 1922–1925. 494 с. М.: Политиздат; 1983, 1984.

Материалы «особой папки» ПБ ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1944 гг. / ред. И.И. Костюшко. М.: ИСБ РАН, 1997. 142 с.

Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В док. центр. рос. арх. нач.–середины 1920-х гг. Ч. 1. 302 с. Ч. 2. 687 с. / отв. ред. Гришина Р.П.М.: Эдиториал УРСС, 2000; РОССПЭН, 2003.

Первый конгресс Коминтерна. Март 1919 г. М.: Партиздат, 1933. 275 с.

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг.: Документы / Г.М. Адиебов (отв. ред.) и др. М.: РОССПЭН, 2004. 960 с.

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б): Повестки дня заседаний, 1919–1952: Каталог: В 3 т. / отв. ред. Г.М. Адибеков и др. Т. 1: 1919–1929. М.: РОССПЭН, 2000. 831 с.

Пятый Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня – 8 июля 1924 г.: Стенографический отчет. Ч. I. М.; Л.: Госиздат, 1925. 1010 с.

Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 г. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1962. 402 с.

Третий Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала: Стенографический отчет. Пг.: Госиздат, 1922. 500 с.

Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г.: Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1963. 884 с.

IV Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. 5 ноября – 3 декабря 1922 г.: Избр. доклады, речи и резолюции. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 423 с.

XIV съезд В.К.П. (б). 18–31 декабря 1925 г.: Стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1926. 1029 с.

Deutscher Oktober 1923. Ein Revolutionsplan und sein Scheitern / hrsg. v. Bernhardt H. Bautelein, Leonid G. Babičenko, Fridrich I. Firsov und Aleksandr Ju. Vatlin. In.: Aufbau-Verlag, 2003. 479 s.

ВОСПОМИНАНИЯ, ПЕРЕПИСКА и ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ, ВОЕННЫХ, ПОЛИТИЧЕСКИХ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Бережанский Ник. Польско-советский мир в Риге (Из записок редактора) // Историк и современник. Берлин, 1922. Т. 2. С. 110–147. Т. 3. С. 109–150.

Беседовский Г.З. На путях к термидору. М.: Современник, 1997. 461 с.

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. III. М.: ОГИЗ, СОЦЭКГИЗ, 1941. 212 с.

Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927 / составители А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 1996. 424 с.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1963. 287 с.

Бухарин Н. Кризис капитализма и коммунистическое движение. М.: Красная Новь, 1923. 84 с.

Витте С.Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М.: Мысль, 1991. 718 с.

Врангель П.Н. Записки. Ч. II // Белое дело: Избр. произведения: В 16 кн. Последний главком. М.: Голос, 1995. 345 с.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.

Деникин А.И. Поход на Москву («Очерки русской смуты»). М.: Воениздат, 1989. 287 с.

Деникин А.И., Лампе А.А. Трагедия белой армии. М.: «ТРИТЭ» – «Росс. Архив», 1991. 31 с.

Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. СПб.: Б.и., 1909. 292 с.

Дурново П.Н. Записка П.Н. Дурново. Париж: Б.и., 192... 31 с.

Дусинский И.И. Геополитика России. М.: Москва, 2003. 320 с.

Егоров А. Львов – Варшава. 1920 год. Взаимодействие фронтов. М.; Л.: Госиздат, 1929. 195 с.

Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 2. М.: Политиздат, 1990. 431 с.

Каменев Л.Б. Ллойд Джордж, Врангель и Пилсудский. М.: ПУ РВСР, 1920. 16 с.

Кейнс Дж.М. Экономические последствия Версальского мирного договора. М.: Госиздат, 1922. 165 с.

Лампе А.А. Причины неудачи вооруженного выступления белых // Пути верных. Париж: Б.и., 1960.

Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М.: РОССПЭН, 1999. 607 с.

Ленин В.И. К истории вопроса о несчастном мире // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 243–258.

Ленин В.И. Доклад о ратификации мирного договора 14 марта // Там же. Т. 36. С. 92–111.

Ленин В.И. Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г. // Там же. С. 327–345.

Ленин В.И. Речь на Всероссийском съезде рабочих стекло-фарфорового производства 29 апреля 1920 г. // Там же. Т. 40. С. 330–334.

Ленин В.И. Речь на соединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов 5 мая 1920 г. // Там же. Т. 41. С. 112–118.

Ленин В.И. Речь на 2-м Всероссийском совещании ответственных организаторов по работе в деревне 12 июня 1920 г. // Там же. С. 138–150.

Ленин В.И. Речь на съезде рабочих и служащих кожевенного производства 2 октября 1920 г. // Там же. С. 319–333.

Ленин В.И. Речь на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г. // Там же. С. 344–361.

Ленин В.И. Письмо в Политбюро по поводу резолюции IX Всероссийского съезда Советов о международном положении // Там же. Т. 44. С. 287–288.

Ленин В.И. Письмо польским коммунистам 19 октября 1921 г. // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 180–181.

Ленин В.И. Телеграмма И.В. Сталину и записка Э.М. Склянскому // Там же. Т. 51. С. 247, 441 (сноска 280. Ответ Сталина).

Ленин В.И. Примечания // Там же. Т. 51. С. 441.

Маккиндер Х. Дж. «Географическая ось истории» // Полис. 1995. № 4. С. 162–169.

Мархлевский Ю.Ю. Польша и мировая революция. М.: Госиздат, 1920. 36 с.

Масарик Т.Г. Мировая революция. Воспоминания. Т. 1. 227 с. Т. 2. 367 с. Прага: Пламя–Орбис, 1926, 1927.

Миллюков П.Н. Россия на переломе. Т. I. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Париж: Б.и., 1927. 400 с.

Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг. Кн. 1. Август 1914 – октябрь 1917. 518 с. Кн. 2. Октябрь 1917 – ноябрь 1920. М.: МО, 1993. 688 с.

Науманн Ф. Срединная Европа (Mitteleuropa). Петроград: изд-во «Огни», 1918. 136 с.

Нитти Ф. Европа над бездной. Пг.: Мысль, 1923. 319 с.

Пилсудский против Тухачевского: (Два взгляда на советско-польскую войну 1920 г.) М.: Воениздат, 1991. 254 с.

Радек К. Война польских белогвардейцев против Советской России. М.: Госиздат, 1920. 24 с.

Радек К.Б. Развитие мировой революции и тактика коммунистической партии в борьбе за диктатуру пролетариата. М.: Госиздат, 1920. 88 с.

Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.

Сазонов С.Д. Воспоминания. М.: МО, 1991. 398 с.

Сергеев Е.Н. От Двины к Висле. Очерк операций 4-й армии западного фронта в июле и первой половине августа 1920 г. (второе наступление). Смоленск: Воен. Редакц. Совет ЗФ, 1923. 138 с.

«Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951: В 3 томах. Т. 1. Август 1919 – сентябрь 1921 / под ред. О.В. Будницкого. М.: РОССПЭН, 2001. 568 с.

Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 600 с.

Сталин И.В. Новый поход Антанты на Россию. О положении на польском фронте // Сочинения. Т. 4. М.: Политиздат, 1947. С. 319–328.

Сталин И.В. От автора. Предисловие к сборнику статей по национальному вопросу, изданному в 1920 г. // Там же. С. 372–373.

Сталин И.В. Средостение // Там же. С. 168–170.

Сталин И.В. X съезд РКП(б). Доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе // Сочинения. Т. 5. М.: Госполитиздат, 1953. С. 33–44.

Сталин И.В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Тезисы к X съезду РКП(б), утвержденные ЦК партии // Там же. С. 17–18.

Сталин И.В. Перспективы // Там же. С. 117–127.

Сталин И. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. 1941. № 9. С. 1–5.

Троцкий Л. Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 3. Кн. 2. М.: Высший военный редакц. совет, 1925. 343 с.

Тютюник Ю. З поляками проти Вкраїни. Харків: Державне виданн. України, 1924. 103 с. [репринт, 1990 г.].

Цеткин К. Воспоминания о Ленине. М.: Политиздат, 1976. 62 с.

Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. 426 с.

Черчилль У. Мировой кризис. 1918–1925: Воспоминания. М.; Л.: Воениздат, 1932. 327 с.

Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М.: Соцэкгиз, 1961. 516 с.

Шапошников Б. На Висле. К истории кампании 1920 года. М.: Госвоениздат, 1924. 208 с.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. М.: Госполитиздат, 1962. С. 11–52.

Ярославин С. Визвольна боротьба на Західньо-Українських Землях у 1918–1923 роках. Філадельфія: Америка, 1956. 182 с.

Archiwum polityczne Ignacego Paderewskiego. T. II (1919–1921) / zespół red. H. Janowska e. a. Wr.: Ossolineum, 1974. 703 s.

Cleinow G. Der Verlust der Ostmark: Die Deutschen Volksräte des Bromberger Systems im Kampf um die Erhaltung der Ostmark beim Reich. B.: Volk u. Reich, 1934. 394 s.

Dmowski R. Polityka polska i odbudowanie państwa. Wyd. 2. W.: S.n., 1926. 533 s.

Haushofer K. Grenzen in ihrer geographischen und politischen Bedeutung. Heidelberg-B.-Magdeburg: K. Vowinckel Verl., 1939. 278 s.

Kessler H. Aus den Tagebüchern. 1918–1937. München: Dt. Taschenbuch Verl., 1965. 406 s.

Kjellen R. Der Staat als Lebensform. B.-Grünwald: K. Vowinckel Verl., 1924. 228 s.

Machalski T. Pod prąd: Światła i cienie kampanii wrześniowej 1939 r. Londyn: B. Swiderski, 1964. 224 s.

Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction Washington: Nat. Defense Univ. Press, 1996. 213 p.

Piłsudski J. Pisma zbiorowe. T. 5. W.: Inst. J. Piłsudskiego, 1937. 297 s.

Ratzel F. Politische Geographie / Dritte Auflage. München u. B.: Verl. v. R. Oldenbourg, 1923. 627 s.

Tommasini F. Odrodzenie Polski. W.: Ks.F. Hoesicka, 1928. 364 s.

Witos W. Moje wspomnienia. T. II. Paryż: Inst. Literacki, 1964. 439 s.

ГАЗЕТЫ

Известия. 1920–1925.

Правда. 1920–1925.

Berliner Tageblatt. 1920–1925.

Dziennik Powszechny. 1918–1920.

Gazeta Gdańska. 1922–1924.

Gazeta Warszawska. 1920.

Kurier Warszawski. 1925.

Neue Preussische Zeitung. 1920.

Robotnik. 1919–1924.

Vossische Zeitung. 1919–1920.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Ахтамзян А.А. Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 годах. М.: МО, 1974. 304 с.

Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.

Васюков В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 – февраль 1917 г. М.: Наука, 1989. 312 с.

Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М.: РОССПЭН, 2002. 336 с.

Гейден Г. Критика немецкой геополитики. М.: Изд-во иностр. л-ры, 1960. 307 с.

Германская восточная политика в новое и новейшее время. Проблемы истории и историографии: Сб. статей / В.К. Волков (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1974. 279 с.

Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе: Сборник статей по истории так называемого «Дранга нах Остен» / под ред. В.Д. Королюка. М.: Прогресс, 1965. 350 с.

Готтлиб В.В. Тайная дипломатия во время Первой мировой войны. М.: Соцэкономиздат, 1960. 603 с.

Драбкин Я.С. Становление Веймарской республики. М.: Наука, 1978. 374 с.

«Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871–1918 гг. / В.К. Волков (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1977. 317 с.

Задорожнюк Э.Г. Новые региональные идентичности в Европе: становление и перспективы // Страны Восточной Европы в поисках новой идентичности: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2006.

Задорожнюк Э.Г. Штрихи к портрету Томаша Гаррига Масарика // ННИ. 2012. № 3.

Игнатъев А.В. Внешняя политика России. 1907–1914: Тенденции. Люди. События. М.: Наука, 2000. 233 с.

Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. М.: МО, 1989. 334 с.

Игнатъев А.В. Своеобразие российской внешней политики на рубеже XIX–XX веков // ВИ. 1998. № 8. С. 32–43.

Илюхина Р.М. Лига наций. 1919–1934. М.: Наука, 1982. 358 с.

История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции) / Ред. колл. В.А. Емец, А.В. Игнатъев, С.В. Тютюкин и др. 2-е изд. М.: МО, 1999. 671 с.

Хвостов В.М. История дипломатии. 2-е изд. Т. II. М.: Политиздат, 1963. 820 с.

Милиц И.И. и др. История дипломатии. 2-е изд. Т. III. М.: Политиздат, 1965. 831 с.

Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: МО, 2003. 536 с.

Носков В.В. Изобретая Центрально-Восточную Европу (к выходу в свет коллективного труда польских и французских историков «История Центрально-Восточной Европы») // Диалог со временем. Вып. 32. М., 2010. С. 323–346.

Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории / отв. ред. Ю.А. Писарев, В.Л. Мальков. М.: Наука, 1994. 303 с.

Первая мировая война: Пролог XX века / отв. ред. В.Л. Мальков. М.: Наука, 1998. 698 с.

Поздняков Э.А. Геополитика. М.: Прогресс-Культура, 1995. 93 с.

Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: Мат-лы междунар. науч. конференции 7–8 сентября 2004 г. М.: Наука, 2006. 388 с.

Россия и Центральная Европа в новых геополитических реалиях: Сб. статей участников международной научной конференции, проходившей в Москве 27–30 января 1995 г. М.: ИМЭПИ РАН, 1995. 376 с.

Россия нэповская (1921–1929 гг.) / С.А. Павлюченков, А.Ю. Ватлин и др. М.: Новый хронограф, 2002. 468 с.

Славяно-германские исследования / отв. ред. В.Д. Королюк. М.: АН СССР, 1963. 443 с.

Советская внешняя политика в ретроспективе. 1917–1991: Сб. статей / отв. ред. А.О. Чубарьян М.: Наука, 1993. 205 с.

Центральная Европа как исторический регион / отв. ред. А.И. Миллер. М.: ИСБ РАН, 1996. 265 с.

Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности / Ю.С. Новопашин (отв. ред.). М.: ИСЛ РАН, 2000. 163 с.

Шпендлер О. Закат Европы. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993.

Bobrzyński M. Wskrzenie Państwa Polskiego. T. II: 1918–1923. Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1925. 300 s.

Broszat M. 200 Jahre deutsche Polenpolitik. München: Ehrenwirth, 1963. 332 s.

Buchheim K. Die Weimarer Republik: Das Deutsche Reich ohne Kaiser. München: W. Heyne Verl., 1977. 240 s.

Buchheim K. Die Weimarer Republik. Grundlagen und politische Entwicklung. München: Kösel Verl., 1961. 143 s.

Euler H. Die Aussenpolitik der Weimarer Republik. 1918–1923 (Vom Waffenstillstand bis zum Ruhrkonflikt). Aschaffenburg: S.n., 1957. 471 s.

Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/1918. Düsseldorf: Droste Verl., 1962. 896 s.

Gottmann J. La politique des États et leur géographie. Paris: Librairie Armand Colin, 1953. 228 p.

Historia dyplomacji polskiej. T. IV. 1918–1939 / pod red. P. Łossowskiego. W.: PWN, 1995. 719 s.

Jabłonowski H. Russland, Polen und Deutschland: Gesammelte Aufsätze. Köln; Wien: Böhlau Verl., 1972. 458 s.

Konopczyński W. Historia polityczna Polski. 1914–1939. W.: «ad astra», 1995. 235 s.

Mackiewicz S. (Cat) Historia Polski od 11 listopada 1918 r. do 17 września 1939 r. Londyn: M.J. Kolin LTD, 1941. 347 s.

Morgenthau H.J. Macht und Frieden. Grundlegung einer Theorie der internationalen Politik. Gütersloh: C. Bertelsmann Verl., 1963. 480 s.

Ochmański J. Historia Litwy. Wr. etc: Ossolineum, 1967. 347 s.

Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski. 1914–1939. Londyn: B. Swiderski, 1967. 900 s.

Rauch G. Geschichte des bolschevistischen Russland. Wiesbaden: Rheinische Verl.-Anst., 1955. 607 s.

Roos H. Polen zwischen dem Weltkrieg // Osteuropa – Handbuch: Polen. Köln; Graz: Böhlau Verl., 1959. S. 18–68.

Schieder T. Die Probleme des Rapallo-Vertrags. Eine Studie über die deutsche-russischen Beziehungen 1922–1926. Köln und Opladen: Westdeutscher Verl., 1956. 100 s.

Zimmermann L. Deutsche Aussenpolitik in der Äre der Weimarer Republik. Göttingen etc.: Musterschmidt Verl., 1958. 486 s.

СПЕЦИАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Александров Б. Виленский вопрос // МЖ. 1926. № 11. С. 3–16.

Александров Б. Польско-литовский конфликт перед Лигой наций // МЖ. 1928. № 7.

Ахтамзян А.А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1933 гг. // ННИ. 1990. № 5. С. 3–24.

Бабиченко Л.Г. Политбюро ЦК РКП(б), Коминтерн и события в Германии в 1923 г. Новые архивные материалы // ННИ. 1994. № 2. С. 125–157.

Бахтурина А.Ю. Воззвание к полякам 1 августа 1914 г. и его авторы // ВИ. 1998. № 8. С. 132–136.

Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.

Борисенок Ю.А. Белорусско-российское пограничье в 1918–1944 годах // ВИ. 2004. № 12. С. 105–112.

Ватлин А.Ю. ВКП(б) и Коминтерн в 20-е годы: проблемы взаимоотношений. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1998. 54 с.

Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе: Сборник статей по истории т. н. «Дранга нах Остен»: Пер. с польск. / под ред. В.Д. Королюка. М.: Прогресс, 1965. с.

Горизонтов Л.Е. Национальные идеи и их геополитические проекции (Восточная, Центральная и Юго-Восточная Европа) // Славяноведение. 2003. № 3. С. 110–115.

Горлов С.А. Совершенно секретно: альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР – Германия). М.: ОЛМА–ПРЕСС, 2001. 350 с.

Жеткайте Р. Литовско-польские отношения в 1919–1939 гг. и их место в политической констелляции Северо-Восточной Европы. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук. Вильнюс, 1983. 34 с.

Жюгжда Р.Ю. Буржуазная Литва в планах империалистических государств (1919–1940). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук. Вильнюс, 1980. 36 с.

Жюгжда Р.Ю. Клайпедский вопрос в германо-литовских отношениях (1923–1928 гг.) // Германия и Прибалтика. V: Межведомственный сб. научных трудов. Рига: Латв. госун-т, 1978. С. 79–87.

Жюгжда Р.Ю. Клайпедский край в планах империалистических государств (1919–1924 гг.). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Вильнюс, 1968. 29 с.

Зубачевский В.А. Геополитическая страница истории Гражданской войны. 1918–1919 годы // ОИ. 2005. № 5. С. 118–130.

Зубачевский В.А. Советская политика на востоке Центральной Европы (1924–1925 гг.): геополитический аспект // ВИ. 2008. № 6. С. 94–108.

Зубачевский В.А. Конфликтная модель политики СССР в Центральной Европе (1922–1925 гг.) // Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг.: Сб. статей / отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 180–200.

Зубачевский В.А. Политика России в Центральной Европе накануне и в годы Первой мировой войны (обзор историографии) // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4; URL: <http://www.science-education.ru/104-6568/>

Зубачевский В.А. Сотрудничество Красной армии и рейхсвера в 1920-е годы // ВИЖ. 2013. № 2. С. 33–37.

Зубачевский В.А. Советско-польская война 1920 г.: геополитический аспект // ВИЖ. 2013. № 10. С. 18–23.

Зубачевский В.А. Политика России в Центрально-Восточной Европе накануне и в годы Первой мировой войны // ННИ. 2014. № 3. С. 3–12.

Зубачевский В.А. Геополитический аспект дипломатии России накануне и в годы Великой войны // Первая мировая война – пролог XX века: Материалы международной научной конференции. Москва, ИВИ РАН – МГУ им. М.В. Ломоносова – МГПУ, 8–10 сентября 2014 г. Часть I / отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 71–74.

Зубачевский В.А. Проблема Данцига и Польского коридора в германо-польских отношениях в 1929–1933 гг. // ВИЖ. 2015. № 7. С. 14–19.

Зубачевский В.А., Филипповых Д.Н. Международные отношения и дипломатия воюющих держав // Первая мировая война 1914–1918 годов: В 6 т. / под общей редакцией Героя России генерала армии С.К. Шойгу. Т. 2. Начало и развертывание войны (1914–1915 годы). М.: Кучково поле, 2015. С. 557–595.

Зубачевский В.А., Филипповых Д.Н. Дипломатия Временного правительства и белогвардейских государственных образований // Первая мировая война 1914–1918 годов: В 6 т. / под общей редакцией Героя России генерала армии С.К. Шойгу. Т. 3. Военные действия на сухопутных театрах войны (1916–1918 гг.). М.: Кучково поле, 2015. С. 684–705.

Зубачевский В.А. Становление Версальской системы на северо-востоке Центральной Европы (1920–1923 гг.) // Первая мировая война, Версальская система и современность: Сборник материалов конференции / отв. ред. А.Ю. Павлов, А.В. Бодров, А.А. Малыгина. СПб.: Издательство РХГА, 2016. С. 333–342.

Zubachevsky V.A. Relations between Poland, Russia, and Germany in 1920 // *Voprosy istorii*. 2004. № 7. С. 41–55.

Zubachevsky V.A. Soviet Russia's policy in the East of Central Europe in 1923 (According to archival documents) // *Voprosy istorii*. 2005. № 9. С. 40–55.

Зуев Ф.Г. Международный империализм – организатор нападения панской Польши на Советскую Россию (1919–1920 гг.). М.: Госполитиздат, 1954. 232 с.

Константинов С.В. Сталин в борьбе за единство России (декабрь 1917 – март 1921 г.) // Русский геополитический сборник. 1996. № 2. С. 57–63.

Костюшко И.И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б). 1920–1921 гг. М.: Исл РАН, 2005. 143 с.

Мезга Н. Польские маневры вокруг Рапалло // МЖ. 1999. № 5. С. 85–92.

Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. 260 с.

Михутина И.В. Западно-Украинская народная республика // Славяноведение. 2006. № 1. С. 29–38.

Михутина И.В. Польско-советская война. 1919–1920 гг. М.: ИСБ РАН, 1994. 323 с.

Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М.: Исл РАН, 2003. 288 с.

Навицкас К. Литва и Антанты (1918–1920 гг.). Вильнюс: Минтис, 1970. 139 с.

Нежинский Л.Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. М.: Наука, 2004. 325 с.

Никонова С.В. Очерк европейской политики Германии в 1924–1929 гг.: От плана Дауэса к плану Юнга. М.: Наука, 1977. 374 с.

Ольшанский П.Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений. 1921–1924. М.: Наука, 1974. 285 с.

Ольшанский П.Н. Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 – март 1921 г.). М.: Наука, 1969. 260 с.

Плешаков К. Геоидеологическая парадигма // МЖ. 1995. № 4–5. С. 109–116.

Полторак С. Победоносное поражение. Размышления о советско-польской войне 1920 года в канун ее 75-летия. СПб.: ТОО Терция, 1994. 268 с.

Последняя война российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: Мат-лы междунар. науч. конференции 7–8 сентября 2004 г. М.: Наука, 2006. 388 с.

Поп И.И. Историография истории русин и Подкарпатской Руси // Славяноведение. 2003. № 1. С. 57–72.

Прайс М.П. Германо-польский вопрос в Западной Пруссии и мирные условия союзников // Коммунистический Интернационал. 1919. № 5. С. 643–648.

Пятницкий В.И. Заговор против Сталина. М.: Современник, 1998. 478 с.

Россия и Балтия. Народы и страны. Вт. пол. XIX – 30-гг. XX века: Сб. статей / отв. ред. А.О. Чубарьян М.: ИВИ РАН, 2000. 170 с.

Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924): Сб. статей / А.О. Чубарьян (отв. ред.) и др. М.: ИВИ РАН, 2002. 260 с.

Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX века. Очерки / Рыбаченок И.С. (отв. ред.) и др. М.: ИРИ РАН, 2003. 363 с.

Рубцов А.Ф. Литва в политике французского империализма. 1918–1924 гг. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 230 с.

Савченко В.Н. Восточнославянско-польское пограничье. 1918–1921 гг.: Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. М.: ИСБ РАН, 1995. 195 с.

Случ С.З. Германо-советские отношения в 1918–1941 годах. Мотивы и последствия внешнеполитических решений // Славяноведение. 1995. № 6. С. 14–23; 1996. № 3. С. 101–113.

Соколов В.Г.В. Чичерин и НКВД // МЖ. 1998. № 3. С. 101–106.

Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772. 1793. 1795. М.: МО, 2002. 692 с.

Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М.: ИРИ РАН, 2000. 255 с.

Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М.: Индик, 1996. 287 с.

Фирсов Ф.И. Сталин и Коминтерн // ВИ. 1989. № 8. С. 3–23. № 9. С. 3–19.

Цвенгель Р. Германский Октябрь 1923 г. Революционный план и его крах // ВИ. 2004. № 8. С. 171–173.

Чёрноперов В.Л. Копп и германо-советские отношения 1918–1921 годов // Веймарская республика: история и источниковедение: Межвуз. сб. науч. трудов. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2001. С. 60–101.

Шварц И.Г. ...Колония польского фашизма. М.: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1932. 32 с.

Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму». Очерк истории. СПб.: «Дм. Буланин», 2002. 360 с.

Шубин И. (Самарин) Париж – Варшава – Вильно (Виленщина на перекрестке имперских путей Франции). М.: Красная новь, 1923. 107 с.

Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М.: Academia, 2005. 404 с.

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München: Oldenbourg, 1966. 462 s.

Bierzanek R. Państwo Polskie w politycznych koncepcjach mocarstw zachodnich. 1917–1919. W.: Polski Inst. Spraw Międzynarod., 1964. 131 s.

Czapiewski E. Koncepcje polityki zagranicznej konserwatystów polskich w latach 1918–1926. Wr.: Wyd. Uniw. Wrocław., 1988. 224 s.

Czubiński A. Problem obszaru i granic odrodzonego państwa polskiego w latach 1918–1922 // Problem granic i obszaru odrodzonego państwa polskiego (1918–1990). Poznań: UAM, 1992. S. 49–70.

Davies N. White eagle, red star. The Polish–Soviet War, 1919–1920. L.: Macdonald, 1972. 318 p.

Deruga A. Polityka Wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918–1919). W.: KiW, 1969. 331 s.

Faryć J. Koncepcje polskiej polityki zagranicznej. 1918–1939. W.: KiW, 1981. 416 s.

Geiss I. Tzw. polski pas graniczny 1914–1918: Przyczynek do niemieckiej polityki wojennej w czasie I wojny światowej. W.: PWN, 1964. 315 s.

Gostyńska W. Stosunki polsko-radzieckie. 1918–1919. W.: KiW, 1981. 416 s.

Hauser P. Niemcy wobec sprawy polskiej. Październik 1918 – czerwiec 1919. Poznań: UAM, 1984. 265 s.

Himmer R. Soviet Policy Toward Germany During the Russo-Polish War, 1920 // Slavic Review. 1976. № 4. P. 665–682.

Höltje Ch. Die Weimarer Republik und das Ostlokarne-Problem 1919–1934: Revision oder Garantie der deutschen Ostgrenze von 1919. Würzburg: Holzner-Verl., 1958. 306 s.

Krasuski J. Stosunki polsko-niemieckie 1919–1932. Wyd. 2. Poznań: Inst. Zach., 1975. 468 s.

Krekeler N. Revisionanspruch und geheime Ostpolitik der Weimarer Republik: die Subventionierung der deutschen Minderheit in Polen 1919–1933. Stuttgart: Deutsche Verl.-Anstalt, 1973. 158 s.

Kukulka J. Traktaty sąsiedzkie Polski odrodzonej. Wr. etc.: Ossolineum, 1998. 253 s.

Losowski P. Stosunki polsko-litewskie, 1921–1939. W.: Inst. Historii PAN, 1997. 391 s.

Lukomski G. Walka Rzeczypospolitei o kresy północno-wschodnie 1918–1920. Polityka i działania militarne. Poznań: Wyd. nauk. UAM, 1994. 182 s.

Materski W. Polska a ZSSR. 1923–1924. Stosunki wzajemne na tle sytuacji politycznej w Europie. Wr.: PAN, 1981. 380 s.

Mikulicz S. Klajpeda w polityce europejskiej. 1918–1939. W.: KiW, 1976. 352 s.

Nowak A. Polska a trzy Rosje: Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 r.). W.: Inst. Hist. PAN; Kraków: ARCANIA, 2001. 644 s.

Nowinowski S.M. Polsko-czechosłowackie stosunki dyplomatyczne podczas wojny 1920 roku // Szkice z dziejów Europy Środkowej i Wschodniej w XX wieku. Łódź: Wyd. Uniw. Łódzkiego, 1998. S. 57–74.

Parker W.H. Mackinder. Geography as an Aid to Statecraft. Oxford: Clarendon press, 1982. 295 p.

Problem polsko-niemiecki w traktacie Wersalskim. Praca zbiorowa / pod red. J. Pajewskiego. Poznań: Inst. Zach., 1963. 652 s.

Recke W. Die polnische Frage als Problem der europäischen Politik. B.: Verl. v. G. Stilke, 1927. 399 s.

Schulze H. Oststaatplan 1919 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1970. Hf. 2. S. 123–163.

Schwabe K. Deutsche Revolution und Wilson-Frieden: Die amerikanische und deutsche Friedensstrategie zwischen Ideologie und Machtpolitik 1918/1919. Düsseldorf: Droste Verl., 1971. 711 s.

Sobczak J. Propaganda zagraniczna Niemiec Weimarskich wobec Polski. Poznań: Inst. Zach., 1973. 356 s.

Sprenger H. Heinrich Sahn: Kommunalpolitiker und Staatsmann. Köln-B.: Grote, 1969. 357 s.

Szczepański J. Wojna 1920 roku na Mazowszu i Podlasiu. W.; Pułtusk: Wyższa szkoła humanistyczna, 1995. 416 s.

Vatlin A. «Die Krise unserer Partei bedroht die Weltrevolution». Karl Radek zwischen sowjetischem Politbüro und deutscher Revolution // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 1997. Hf. 2. S. 135–162.

Wagner G. Deutschland und der polnisch-sowjetische Krieg 1920. Wiesbaden: Fr. Steiner Verl., 1979. 294 s.

Wandycz Piotr S. Soviet-Polish Relations, 1917–1921. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1969. 406 s.

Wojnapolsko-sowiecka 1920 roku: Przebieg walk i tło międzynarodowe. Materiały sesji naukowej w Inst. Historii PAN 1–2 paźdz. 1990 / pod red. A. Koryna. W.: Inst. Hist. PAN, 1991. 235 s.

Zehn Jahre Versailles / hrsg. K.C. Loesch u. M.H. Boehm. Bd. III: Die Grenze- und volkspolitischen Folgen des Friedensschlusses. B.: Brückenverl., 1930. 450 s.

Zwischen Tradition und Revolution: Determinanten und Strukturen sowjetischer Aussenpolitik 1917–1941 / hrsg. von L. Thomas u. V. Knoll. Stuttgart: Steiner, 2000. 443 s.

Zubachevsky V.A. Relations between Poland, Russia, and Germany in 1920 // *Voprosy istorii*. 2004. № 7. C. 41–55.

Zubachevsky V.A. Soviet Russia's policy in the East of Central Europe in 1923 (According to archival documents) // *Voprosy istorii*. 2005. № 9. C. 40–55.

Zubachevskiy V.A. Plans of the White movement and Poland in Central East Europe (end of 1918 – beginning of 1920) // *Voprosy istorii*. 2018. № 10. C. 52–66.



СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи
АВПРФ – Архив внешней политики Российской Федерации
ВИ – Вопросы истории
ВИЖ – Военно-исторический журнал
ГА РФ – Государственный Архив Российской Федерации
ДВП – Документы внешней политики (СССР)
ДМИСПО – Документы и материалы по истории советско-польских отношений
ДМИСЧО – Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений
ИВИ – Институт всеобщей истории РАН
ИРИ – Институт российской истории РАН
ИСБ – Институт славяноведения и балканистики АН СССР
Исл – Институт славяноведения РАН
МЖ – Международная жизнь
МОЭИ – Международные отношения в эпоху империализма
НИИ – Новая и новейшая история
ОИ – Отечественная история
ПСВ – Польско-советская война
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА – Российский государственный военный архив
AAN – Archiwum Akt Nowych w Warszawie
ADAP – Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Aus dem Archiv des Auswärtigen Amts
AMZV ČR – Archiv Ministerstva zahraničních věcí České Republiky
B. – Berlin
MSZ – Ministerstwo Spraw Zagranicznych
NPA – Neues politisches Archiv
ÖSTA – Österreichische Staatsarchiv
PV – Politické věci
PWN – Państwowe Wydawnictwo Naukowe
PZ – Politické zprávy
W. – Warszawa
Wr. – Wrocław



УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аксельрод А.Е. 136, 141, 142, 170
Александра Федоровна 75
Алексеев М.В. 75, 76
Ангаретис З. 191
Антонов-Овсенко В.А. 217–219,
220, 234, 243, 244
Аралов С.И. 141, 170, 171
Аросев А.Я. 148
Астров Н.И. 51, 114, 115, 119
- Базили** Н.А. 75
Балтрушайтис Ю. 141, 187, 188
Барту Л. 249
Батоцкий-Фрибе А. 86
Бауэр Г. 88
Бахметев Б.А. 49, 116
Бек Ю. 228, 238, 243, 245, 246, 250
Бенеш Э. 51, 93, 128, 146, 148, 155,
156, 158, 160, 174, 197, 214, 215,
217
Бёрнер И. 115
Бетман-Гольвег Т. 75, 77, 78
Бибиков Н. 76, 78
Бискупский В.В. 121
Бисмарк О. 60, 167, 211
Брокдорф-Ранцау У. 87, 166, 167,
175–177, 179, 180, 188, 193, 196,
203, 204, 206, 210, 224, 225, 226,
228, 230
Брусиллов А.А. 64, 71, 72, 75
Булак-Балахович С.Н. 141,
164
- Бухарин Н.И. 135, 179, 200
Бьюкенен Дж. 70, 80
- Вальрот В. 185
Василевский Л. 90, 99, 141
Вёлепольский С. 75
Венцковский А.Я. 100, 101
Вильгельм II 60, 63, 90, 96
Вильсон В. 34, 35, 84, 85, 92, 237
Вирт Й. 165–167, 224
Витос В. 124, 178
Витте С.Ю. 64, 180, 224
Войков П.Л. 234
Войцеховский С. 168, 177
Врангель П.Н. 49, 52, 104, 120, 121,
123, 137, 138, 193
- Галлер Ст. 174
Гальванаускас Э. 169, 188–191
Ганецкий Я.С. 187, 189–191
Гейне В. 86
Геринг Г. 236, 242
Гиллерсон С.И. 128, 147, 149, 150,
156, 157
Гиманс П. 169, 171, 208
Гинденбург П. 208, 209, 225, 234,
240, 246, 247
Гирс М.Н. 58, 59
Гирса Й. 51, 160, 167, 182, 197, 217,
218
Гитлер А. 235, 238–241, 244,
246–250

- Горемыкин И.Л. 69, 71, 74
 Готтман Ж. 9, 55
 Гусев С.И. 181
 Гучков А.И. 111, 112, 120
- Д**
 Давтян Я.Х. 169, 171, 172
 Данилевский Н.Я. 56
 Данилов Ю.Н. 71
 Деникин А.И. 29, 48–50, 52, 90, 91,
 102–105, 110–119, 127, 249
 Дзержинский Ф.Э. 146, 160, 195,
 200, 219
 Дмовский Р. 37, 38, 57, 61, 74, 77, 81,
 86, 91, 162, 185, 186, 234
 Домбский Я. 135, 188
 Дурнов П.Н. 51, 59
 Дусинский И.И. 59
- Ж**
 Желиговский Л. 137, 141, 142, 155,
 161, 172, 178, 186
 Жукас К. 136
 Жуковский В.Г. 109
- З**
 Зам Г. 123, 232
 Замойский М. 106, 137
 Зеверинг К. 178
 Зиновьев Г.Е. 105, 145, 149, 158, 159,
 179, 180, 181, 183, 184, 186, 197,
 199, 200, 204, 220, 222
- И**
 Извольский А.П. 61, 74, 75, 81
 Инков В. 194
 Иоффе А.А. 35, 97, 100–102, 116,
 126–128, 135, 139–142, 145, 146,
 147, 222
- К**
 Какурин Н.Е. 51, 52, 115, 116
 Каменев Л.Б. 52, 124, 150, 166, 222
 Каменев С.С. 116
 Капп В. 105
 Карницкий А. 114
 Кейнс Дж.М. 93
- Керзон Дж. 55, 85, 104, 117, 123–126,
 136, 137, 144, 161, 237
 Кернан Дж. 85
 Кесслер Г. 52, 90
 Кёстер А. 179, 203, 204
 Клейнов Г. 52, 87
 Клемансо Ж. 84, 95, 118
 Ключников Ю.В. 110
 Колчак А.В. 50, 85, 90, 91, 104, 105,
 109–113, 116, 118, 119, 186
 Кон Ф.Я. 149
 Копп В.Л. 31, 32, 105, 128, 133–136,
 140, 141, 145, 184–186, 189–192,
 194, 196, 202, 203, 221, 225
 Копыстьянский А.В. 93, 108, 111
 Крево-Мицквичюс В. 190, 192
 Крестинский Н.Н. 44, 51, 166, 172,
 173, 175, 176, 180, 182–185, 187,
 195, 203–206, 208, 209, 213,
 225–230
 Куно В. 166, 167, 176, 180, 224
 Куропаткин А.Н. 57
- Л**
 Лампе А.А. 49, 113, 114
 Лапинский П.М. 143, 160, 177, 184,
 189, 196, 212
 Ластовский В.Ю. 170, 214, 215
 Левицкий М.В. 156, 183, 194
 Левицкий Е. 214
 Ленин В.И. 30, 35, 43, 45, 51, 95, 103,
 105, 120, 121, 124–127, 137–139,
 141–143, 145, 149, 154, 158, 164,
 166, 183, 186, 222
 Леттов-Форбек О. 135
 Лефевр А. 126
 Литвинов М.М. 51, 125, 151, 159,
 160, 162, 165, 166, 172–177, 179,
 180, 182–185, 187, 188, 194, 195,
 203, 205, 209–213, 217, 221, 222,
 224–227, 230, 248, 249
 Ллойд Джордж Д. 29, 52, 84, 85, 92,
 118, 120, 122, 123, 164, 165, 213,
 237

- Логановский М.А. 195
 Лозовский С.А. 145
 Лонгва Р.В. 149
 Лоренц И.Л. 189–192, 196
 Лукомский А.С. 51, 104, 118
 Лукомский Г. 41, 99
 Львов Г.Е. 80, 104.
 Людендорф Э. 97, 132, 196
- Маккиндер** Х.Дж. 54, 74, 85, 86, 93,
 117, 118
Маклаков Н.А. 49, 69
Мальцан А. 132–135, 141, 175, 177,
 183, 187, 188, 203, 224, 225
Мархлевский Ю.Ю. 24, 91, 102, 115,
 116, 126
Масарик Т.Г. 49, 61, 76, 77, 93, 128,
 129, 156, 182
Мейеровиц З. 186
Милуков П.Н. 79–82, 92
Михайловский Г.Н. 48, 49, 116, 118
Молотов В.М. 149, 158, 184
Мольтке Х., фон 238
Морачевский Е. 89, 90
Моргентау Х.И. 12, 18, 44
Мостовенко П.Н. 155–160, 174, 176
Мюллер Г.
- Нарутович** Г. 168
Нарушевичиус Ф. 112, 127, 136
Науманн Ф. 54
Нератов А.А. 50, 58, 75, 77, 78, 82,
 111–113
Николай II 51, 57, 59–65, 68, 70, 75,
 76
Николай Николаевич 68, 69
Нитти Ф. 84
- Обручев** Н.Н. 56, 57
- Падеревский** И. 52, 92, 99, 140
Палеолог М. 70
- Папоушек** Я. 182, 216
Патек Ст. 106, 107, 233
Петлюра С. 27, 90, 91, 107, 115, 120,
 128, 148, 161, 163, 174
Петрушевич Е. 101, 155, 157, 173,
 182, 183, 202, 213, 214
Пилсудский Ю. 25, 27, 29, 30, 38,
 40, 41, 49–52, 72, 89–91, 99, 100,
 102–104, 106, 107, 111, 113–117,
 120, 121, 124, 126–128, 132,
 137, 138, 142, 143, 151, 154, 162,
 167–169, 172, 178, 187, 208, 233,
 235, 237, 238, 239, 243–247, 249,
 250
- Пличе** А.О. 189–191
Подвойский Н.И. 102
Покровский М.Н. 16, 46, 76, 78
Прухняк Э. 149
Пурицкис Ю. 136, 141, 142, 170, 190
- Радек** К.Б. 24, 51, 95, 98, 102, 119,
 120, 126, 127, 133, 139, 158,
 160, 166, 175, 183, 186, 187, 193,
 197–200, 212
Раевский С.А. 162, 171, 177, 202, 207,
 208, 211
Раковский Х.Г. 163, 165, 183, 212,
 213
Ратенау В. 129, 165, 224
Ратцель Ф. 53, 54
Раушер У. 234, 239
Реннер К. 107
Розвадовский Я. 80
- Сабанин** А.В. 188
Савицкий П.Н. 172
Сазонов С.Д. 48, 50, 56–60, 63, 66,
 70, 71, 74, 75, 110–113, 118
Сапега Е. 104, 106, 132, 133, 137, 140
Сватковский В.П. 50, 60, 74, 76–78,
 80, 81
Сватковский Р. 155

- Сект Г. 37, 130, 132, 133, 145, 167,
175, 186, 187, 193, 205, 206, 226,
230
- Сикорский В. 167, 168, 177, 248
- Симонс В. 133–136, 144, 145
- Скирмунт К. 144
- Склянский Э.М. 124, 137, 176
- Скомпский Ф. 114
- Скшиньский А. 173, 220
- Смилга И.Т. 127
- Снесарев А.Е. 144
- Соснковский К. 103, 107, 128
- Сталин И.В. 14, 16, 29, 36, 43, 51, 95,
100, 105, 121, 124, 125, 128, 143,
150, 159, 162, 164, 166, 175, 180,
181, 184, 185, 187, 194, 198, 200,
204, 212, 213, 216, 219, 220, 222,
223, 225, 245, 249, 253
- Стиннес Г. 133
- Стомоняков Б.С. 233, 244
- Сукин И.И. 110, 113
- Тенненбаум Г.** 177
- Терещенко М.И. 82
- Томмазини Ф. 49, 132
- Трилиссер М.А. 182, 194, 213, 219
- Троцкий Л.Д. 51, 97, 102, 121, 124,
125, 127, 133, 142, 145, 149, 154,
167, 175, 176, 184–186, 197–199
- Тухачевский М.Н. 50, 100, 124, 126,
154, 179, 218, 227
- Тютюник Ю.О. 49, 115, 122, 163
- Уншлихт И.С.** 100, 101, 104, 125,
146, 149, 195, 222, 227, 228
- Фаминский К.Н.** 109
- Ференбах К. 132, 136
- Ференбах О. 36, 37
- Фош Ф. 99, 178
- Франц-Иосиф I 63, 73
- Ханиэль Э. 131, 132
- Хассе О. 176, 228
- Хаусхофер К. 54, 55, 144, 236, 237
- Хобсбаум Э. 7
- Цим Э.** 236, 239, 243
- Циммерман А. 35, 78
- Чайковский Н.В.** 103, 104
- Черчилль У. 49, 92, 112, 113, 114, 118
- Чичерин Г.В. 12, 35, 36, 44, 51, 97,
99–102, 116, 122, 124, 126, 127–
129, 133, 134, 136, 138, 140–142,
145–150, 154–160, 162, 164, 165,
169, 170, 174, 176, 177, 179–183,
185, 187–189, 193, 194, 204, 206,
207, 209–213, 217–222, 224–226,
228, 230
- Шейдеман Ф.** 87, 88
- Шёнберг Ф. 130, 141
- Шлихтер А.Г. 193, 194
- Шмераль Б. 159, 216
- Шпенглер О. 8
- Штанге А.А. 177, 179, 227
- Штюрмер Б.В. 74–76
- Шумский А.Я. 156
- Эберт Ф.** 129, 183, 184, 186
- Юренев К.К.** 129, 160, 174, 181, 182,
196
- Язвицкий В.И.** 110
- Янушкевич Н.Н. 67, 71

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА



“Политическая энциклопедия”

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН РОССПЭН

Москва, ул. 3-й проезд Марьиной Рощи,
д. 40, стр. 1
тел. +7 (495) 111-32-75
ст. м. «Марьиная Роща»

КИОСК 1

Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
тел. +7 (499) 126-94-18
ст. м. «Академическая»

КНИЖНАЯ ЛАВКА ИСТОРИКА

Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 15
тел. +7 (495) 694-50-07
ст. м. «Пушкинская», «Охотный ряд»,
«Театральная»

интернет-магазин издательства
<http://www.rosspen.su>

КНИГИ ПО ЦЕНАМ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Научное издание

Зубачевский Виктор Александрович

**Политика России в Центрально-Восточной Европе
(первая треть XX века):
геополитический аспект**

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*

Редактор *В. Т. Веденеева*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

Корректор *Е. Л. Бородина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 25.03.2019.

Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,5.

Тираж 700 экз. Заказ 2611.

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс),

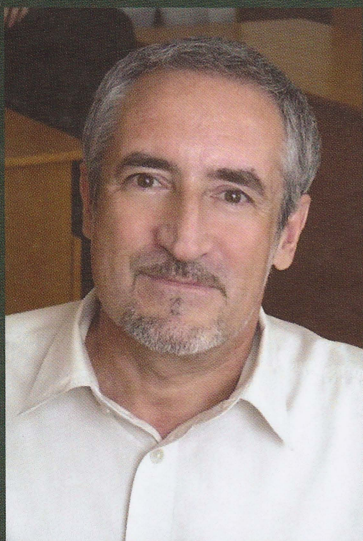
8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59



Зубачевский Виктор Александрович – профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, социологии и политологии; член диссертационного совета Д 999.161.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальности 07.00.02. при ОмГПУ, председатель ГЭК по защите магистерских диссертаций по всеобщей истории в ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. Член Российской ассоциации историков Первой мировой войны (РАИПМВ), член ассоциации историков-германистов. 70 научных публикаций, 20 учебных и учебно-методических пособий.

